НЁМАН

6/2014
ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звязда»

Главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Таргонская*
Стильредактор *С. В. Казак*
Набор *Е. Г. Кахновская*

Подписано к печати 09.06.2014 г. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,10. Тираж 2962. Заказ 1594.
Цена номера в розницу 21 400 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/106 г.

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

НИКОЛАЙ СЕРДЮКОВ

Дела наши малые

Повесть

Даже странно как-то: автор, всегда мечтавший о свободном творчестве, сам начал искать постоянную работу с гарантированным окладом. Как будто вольная птица метит в клетку... Не хватило сил, чтобы жить на свободе? Типа того, возможности человеческие, как и птичьи, не безграничны, хотя до поры до времени движение было: стал человеком с профессией, столичным жителем, купил однокомнатную квартиру. А дальше...

«Мало ли куда летит... Судьбу птицы ветер в небе носит», — поучительно проговорил внутренний голос, нередко мешавший мне расслабляться. Отчасти он был прав, не все от желаний зависит. Не получается даже оттянуть момент, когда надо выбираться из-под одеяла. Но поняв, что сон уходит, признал очевидное: пора пошевеливаться. Внутренний голос, диктующий человеку стиль жизни, призывал проявить обычное житейское благоразумие.

Ладно. Когда твой возраст еще не добрался до сорока, жить хорошо. Даже если нет пока ни семьи, ни постоянной работы. Вперед! Ведь в кошельке моль завелась, а в холодильнике, как говорят в подобных случаях, мышь с голодухи повесилась. Выбирать, как выстроить нынешний день, оказалось не из чего. Либо совсем пропадать, либо вставать и, что называется, шевелить копытами. Я проявил благоразумие и сбросил с себя одеяло. Надо признать, лень не забрала меня полностью и, несмотря на все глубокое недовольство жизнью, мне отчасти даже везет: стараясь в последний год с небольшим как-то устоять на ногах, не превратиться в обыкновенного безработного, я не перебивался случайными заработками, а все же занимался своим делом, журналистикой — тем самым, что увлекало, хотя и слабовато кормило.

Утро было серым, неярким. После щелчка выключателя засветилось над головой золотистое бра, и я убедился, что электричество в квартире пока не отключили.

— Все прекрасно в нашем лучшем из миров, — изрек внутренний голос.

Мне представилось, как при этих словах голос, иногда казавшийся неким отдельно живущим существом, посыпает утренние сомнения искристыми крупинками оптимизма. Лучше бы посыпать яичницу укропом или чуток солью! Соль в продуктовом шкафу точно была, а вот в холодильнике, если вынуть из петли мышь и поискать что-нибудь съестное, то оно наверняка оказалось бы принадлежащим не мне, а моим квартирантам. И — что? А ничего, ни обирать их, ни одалживаться у них я не собирался.

— Тем более нечего колебаться! Просыпаемся, встаем, стремимся только вперед и вперед на поиски хлеба насущного! — скомандовал внутренний голос. — Для кого-то важны великие свершения, а тебе, Платон Чагин, не помешает просто добыть немного денег.

Не слишком нравились мне бодрящие призывы к активной деятельности. На сей счет есть разные точки зрения... Ученые считают, что мозг человеческий состоит из трех частей или, если иначе выразиться, что у каждого в черепной коробке находится три мозга. Во-первых, рептильный, самый древний, именно от рептилий доставшийся, во-вторых, лимбический — от млекопитающих, в-третьих, собственно человеческий. И некоторые ученые пытаются доказать, что в XXI веке роль собственно человеческого мозга стала приуменьшаться, а рептильный и лимбический значительно активизировались. Такое выдалось время: быстрее, активнее, спортивнее и с песнями.

Квартира у меня теперь отдельная, то есть формально — на одного, а фактически в прихожей и на кухне постоянно кто-нибудь да живет. Вот в прихожей на проваленном диване с утра храпит старик, Семен Семенович Кушаков. Когда я прошел мимо дивана, старик перевернулся с боку на бок, простонал во сне. Кухонная дверь была приоткрыта, — там, на раскладушке, спала Лариса. Если она раскрывалась, то подсматривать за ней было классно. Двадцать пять лет девушке, удивительная фигура... Нет, умышленно я не подсматривал, да ведь мужские инстинкты вблизи соблазна срабатывают сами собой. Елки-палки, сердце забилось учащенно, хотя мы с Ларисой не пытались совращать друг друга; я ее, вступившую на тропу исправления, точно с этой тропы не сбивал. Во всяком случае, пока не сбивал.

Отвернувшись, я притворил дверь на кухню и, открыв другую, стал сначала умываться, потом чистить зубы, потом снова умываться, думая исключительно о предстоящем дне и своих собственных проблемах. Итак, работа у меня появлялась эпизодически, от случая к случаю. Ощущал-то я себя человеком с диктофоном и камерой, ощущал документалистом, репортером, пока полностью не отринутым профессиональной средой.

При желании я мог считать себя правдивым репортером и документалистом, а мог и никем, нулем без палочки, поскольку ни должностей, ни денег не наработал. Сейчас я жил тем, что участвовал в нескольких минских телепрограммах внештатно, то есть от случая к случаю, на подхвате. Иногда в качестве серьезного поощрения внештатника подряжали сделать какой-нибудь коротенький фрагмент для телефильма, и если идея оказывалась приемлемой для телекомпании и меня самого, то в титрах красовалось мое гордое имя. Но вообще это редкость, в последнее время реальнее было подзарабатывать разве что в качестве репортера, причем практически всегда получая задания мелкие и маловыгодные.

Раздумав принимать душ, ограничился сегодня умыванием, споласкиванием рук и плеч, но и это освежило, помогло окончательно проснуться. Хорошо... Еще бы поесть! Наверняка, у кухонной квартирантки Ларисы была хоть какая-нибудь еда, Лариса, проснись она сейчас, точно бы угостила кофе с конфетой. Но как будить квартирантку? Повысив голос, разбудишь и старика в прихожей, а просто потормошив девушку за плечико, обязательно в себе что-нибудь да растормошишь... Пришлось пока довольствоваться ощущением пустоты под ложечкой, малоприятным, разумеется, не для одного меня. Питание — такая важная составляющая человеческого существования, что надолго забыть о ней невозможно, в особенности для тех, кто постепенно наживает себе гастрит или что похуже. Даже если ты ну очень принципиальный человек, не желающий ради заработка поступаться принципами, все равно голод есть голод, а гастрит есть гастрит. Если мне через два-три часа после пробуждения не удавалось позавтракать, под ложечкой начинало ныть все сильнее, изредка доходило даже до нестерпимой рези, после чего каменело и болело в правом боку.

Чашка кофе с молоком и бутерброд пришлись бы кстати сейчас... Однако я больше не косил глазом в кухню и не прислушивался к храпу в прихожей. Вернувшись к себе в комнату, включил телевизор, отрегулировав звук на минимальную громкость. Выступал ведущий игрок-хоккеист, рассказывал, как тяжело тренироваться и противостоять знаменитым европейским командам. «А на заводе легко, — невольно буркнул я, так сказать, по привычке. — На заводе все по распорядку, обед в одно и то же время и даже котлеты дают».

Потом началась другая программа, зазвучали прекрасные песни, типа «Эх, Дуня, моя дорогая!» Дальше: «После этой чудной ночи больше тебя не люблю...» Торопливо выключил «ящик», подумав с раздражением: «Ведь в мире по-прежнему существует разумное и высокое: наука, литература, классическая музыка... Плюс, понимаешь, живопись, театр и кино... Люди творят, ищут, города строят, у нас же от спортсменов и попсы спрятаться негде. Сошлись интересы: им реклама, а радийным шнырям и телевизионщикам лишь бы ничего самим не делать, транслировать концерты да матчи».

Между делом погладил, словно живое существо, стоявшую на столе камеру. Хорошо еще, когда есть чем работать. Удивительно, как много денег надо даже для самого скромного существования. Ни в кошельке, ни в карманах они не задерживаются, однако я еще ни разу не продавал и не закладывал камеру, мало-помалу, несомненно, по скромному варианту обставлял квартиру. В девятиэтажном доме, построенном в тихом месте и близко к центру города, мне было комфортно.

Из плюсов в моей неупорядоченной жизни можно было назвать также новый аккумулятор для камеры и новое зарядное устройство, кассеты, купленные в последний раз, когда удалось заработать больше. Из тех же денег я сполна погасил задолженности за услуги жилищно-коммунального хозяйства, за электричество и телефон. По всем прикидкам, в течение ближайшего полугода ни одна служба не должна бы сильно трясти безработного Чагина. А то ведь были угрозы: и телефон отключим, и электричество отсоединим, и вообще жилплощадь через суд за долги отберем. Это в прошлом году как накануне Рождества звучало, так и в марте-апреле. Только с мая зажил легче, дышать стало вольнее. Оно и понятно: многие журналисты летом пошли в отпуска, телеканалы активнее использовали внештатников.

Потом отпуска почти у всех закончились — это минус, однако вовремя произведенные выплаты, относящиеся к жилью, и покупки, связанные с работой тележурналиста, сняли самые тяжкие проблемы — огромный плюс. Теперь же снова пришла весна, многие штатные телевизионщики уже думали об очередном отдыхе.

Пожужжав электробритвой и освежив щеки одеколоном, вернул предметы туалета на место, вытащил из розетки зарядное устройство, вынул из него аккумулятор для камеры. Камера по-прежнему стояла на столе, а потертая спортивная сумка валялась просто на полу. Надо было собрать в нее все необходимое...

— Звони, не оттягивай, — нетерпеливо потребовал внутренний голос.

Откашлявшись, я тут же взялся за телефон, набрал знакомый номер.

— Привет, Эд! — сказал в трубку. — Сегодня — как?

— Это ты, Чагин? Кое-что есть для тебя, — ответил Эдуард, работавший пятой спицей в колесе новостных программ и подбрасывавший страждущему внештатнику мелкие задания. — Сегодня имею пару адресов, так что могу предложить тебе на выбор. Ты с кем предпочитаешь проехаться, с Костей Первухиным либо с Ланой Романчук? — тонко, как ему думалось, пошутил Эдуард.

— А может, я самостоятельно репортаж сляпаю? У меня нехилые наброски по нескольким темам.

— Самостоятельно — потом. Говорю же, пока выбирай между Костей и Ланой! — в голосе Эдуарда послышалось нетерпение.

Я заупрямился:

— Нет, ты назови мне темы!

— Какое тебе еще «назови»? Больница у Ланы... В больнице и одного не хватает, и другого... Ремонт нужен, хорошо бы зарубежного оборудования прикупить. А второй адрес джинсовый, блин: молодой руководитель только что защитил диссертацию — кандидат экономических наук. Что-то у него на грани открытия, связанное с торговлей, логистикой.

— Я съезжу в больницу. Какой номер?

— Чудак... Джинса есть джинса. У кандидата в подчинении супермаркет. Он встретил бы вас с коньяком и балычком.

— Так назовешь мне номер больницы?

Он назвал и перестал спорить.

— Принято, уже записал на тебя медицинскую тему, — сказал Эдуард. — Там никакой джинсы, совсем без проплаты. И темочка хуже, конечно, зато прокатишься с Ланой — она сегодня на своих колесах. Насчет больницы все с ней уточнишь. Годится?

— Ну.

— Платон, извини, у меня время горит. Подгребай через полчаса к главпочтамту, где-то там тебя Лана подхватит. Лады, будь здоров, не подводи своих лучших друзей!

Действительно, раз не нарисовалось на сегодня самостоятельного задания, то Лана Романчук была терпимым вариантом. Замужняя, увы, однако, если ей кто-то пришелся по душе, по-моему, даже приставучая... Я сблизился с Ланой раньше, чем она замуж вышла, еще когда была студенткой. Конечно, с той поры немало воды утекло, и мне иногда по-мужски бывало жалко ее мужа, но он, будучи молодым человеком в здравом уме, сам выбрал, на ком жениться.

Ладно, теперь у меня имелось вполне реалистичное представление, как может сложиться предстоящий день, я ничего не имел против свидания со своей любовницей, хоть тяга друг к другу у нас уже стала ослабевать.

Надо было торопиться. Спустившись в лифте и пройдя по двору, я свернул к скверу и тамошней знакомой забегаловке. Многим известно, как выглядят подобные заведения: бетонный цоколь, металлические стойки, сетка по периметру, крыша из пластика. Внутри — столики, чаще высокие, чтобы обходиться без стульев, за прилавком — разбитная толстуха.

Практически в каждом городском районе есть такие заведения. В отличие от мест, предназначенных для культурного отдыха, эти, неухоженные, притягивают любителей вольного пития и трепа.

Забегаловка вот-вот должна была открыться, около дверей уже отиралось несколько ранних клиентов: в джинсах, естественно, линялых. А еще с беловатыми или синими губами и с нутром, где вчера вечером сильно штормило, а нынче утром пересохло, как в пустыне.

Быстро проскочив мимо забегаловки, я через полчаса уже прохаживался около главпочтамта. Совсем другой вид. Красивое кубовидное здание с классическим бело-зеленым фасадом, зябко вздрагивающие еще безлистые ветви деревьев. На плече у меня висела спортивная сумка, в коей умещались камера и прочие вещи.

* * *

— Эй, дружище Платон, не грусти! — крикнула Лана Романчук, прикалываясь. — Я тебя на произвол судьбы не брошу.

Она остановила свой синий «гольфик» и начала быстро-быстро озираться, опасаясь гаишника.

— Здесь парковка запрещена.

— Ну, да... — бодро нырнул я в машину.

Лана небольшого роста, носит чаще всего брюки и какой-нибудь широкий бесформенный свитер или блузон из тех, которые предпочитают девочки-подростки, скрывающие от мальчишек перемены в фигуре.

— Привет, дорогая. У тебя в термосе капля кофе найдется? Сегодня вскочил, как ошпаренный, и сразу — ходу, ходу!

— Ты бы для порядка поинтересовался сначала, куда едем, или спросил, где сейчас Сережка.

Меня всегда раздражало, что мужа она звала не Сергеем, а Сережкой.

— И где же сейчас Сергей? — спросил я после паузы.

— В командировке, причем залетел надолго. Удачно для нас, правда?

— Не знаю. Я пережил свои желанья, я разлюбил свои мечты, — вдруг зачерпнулось из русской классики. — Слушай, дай чего-нибудь глотнуть или пожевать, Лана! В желудке одно пустое нытье, пропадаю!

— Ты в своем репертуаре, Плат. Обернись и посмотри на заднем сиденье. Там термос и пакет. Тебе один бутерброд, ясно? Иначе мне ничего не останется, Эдик, как назло, тоже один выпросил...

— Ты настоящий друг, хоть из другой половины... — Похоже, жевать я начал в то же мгновение, когда увидел бутерброд, то есть еще не откусив от него.

Я попытался взглянуть на себя со стороны. Сначала, конечно, с положительной, хвалебной... Когда по-настоящему почувствовал себя документалистом? Честно сказать, становление шло долго. Но чаще вспоминался тот день, когда бежал вместе с другими людьми от чернобыльского огнедышащего дракона. Именно вместе бежал, хотя как журналист мог ускориться, нашлись бы оправдания. Не надо, решил. Держался в самой гуще и снимал, слушал, записывал чужие и собственные комментарии.

Проводилось спешное отселение ближайших к атомной станции деревень. Многие жители не понимали, что им угрожает. Павел Чагин снял эпизод, как подросток поторопился забраться в машину, а «правильные» граждане стали его выгонять и стыдить: «Куда? Совесть у тебя есть? Сиганул без команды... Еще даже имущество колхозное не вывезли». Лица граждан пылали гневом, люди эти выгнали подростка и продолжали грузить канцелярские столы, папки с отчетами.

Снял я поклон старухи родной хате. Старуху торопили, объясняя, что ничего с собой брать не надо. Дескать, деревню будут охранять и хозяйка по возвращении найдет здесь все в том же порядке, в каком оставляет. Старуха взяла с собой только фотографии близких и никогда больше не видела своей хаты.

А старик, который не хотел бросать малую родину? «И в хате, и на огороде у меня мерили радиацию — по нулям!» — утверждал он.

А семья, приехавшая на новое место, так сказать, в эвакуацию... Мужчина, женщина, двое детей... Те люди, к которым семью временно поселили, старались помочь... Глаза детей, глаза родителей...

Фильм «Чернобыльские прощания» был не только моим становлением, фильм люди одобрили, некоторые услышали и запомнили фамилию документалиста. Не налетом работал — всем миром признали как своего.

В бардачке Ланиного «гольфика» запиликал мобильник. Лана потянулась к бардачку, и я обратил внимание, как висит на ней серый блузон.

— Алло... Да-да, я. И он здесь. — Лана протянула мобильник мне.

— Кто соскучился, не представляю! — я скорее прожевывал бутерброд.

— Действующие лица все те же: соскучился твой ненаглядный работодатель, — сообщила спутница.

— А-а... Алло, Эд!

— Ты случайно не купил сегодня счастливый лотерейный билетик? — донеслось из мобильника.

— Эд, ты чего? Откуда у меня деньги на такие глупости, как лотерея?

— А все-таки тебе везет. Только что позвонил Михаил Гревник. Интересуется, разыскивает, торопит. С чего бы это, а, уважаемый?

— Без понятия. Хотя я просил, конечно, людей слово замолвить...

— Радуйся, тебя ждет настоящий фарт, счастливчик!

— Погоди, Гревник мой однокашник. Мы не дружили, но... Теперь у него популярнейшая программа «Музыка и стиль». Почему бы мне не обращаться к нему в поисках работы? Вдруг надо что-нибудь снять...

— По-твоему, Гревник, если ему надо что-нибудь снять, сам ищет исполнителя? Да еще среди внештатников? Ты сильно ошибаешься.

— Эд, кончай крутить! Я есть хочу, аж скулы выворачивает.

— Понятия не имею, зачем ты ему понадобился. Сказал разыскать тебя и передать, чтобы связался. Запиши номер, мужичок фартовый!

Я записал.

— Мобильник положи на место! — напомнила Лана.

— Погоди... Один короткий звонок, да, Л-ланочка? Будешь гордиться, что я по твоей мобиле с самим Михаилом Гревником трепался.

— Ну, звони, конечно... — Лана заинтересованно стрельнула глазами. — Вдруг со временем выбьешься в люди, а? Тогда не забывай о любимой женщине, ведь это она просила за тебя. Не напрямую Гревника, но все-таки. Через жену я действовала.

Самый скудный перекус был для меня сейчас важнее, чем телефонный разговор с человеком, который в принципе мог дать постоянную денежную работу. Я и добивался ее, и избегал, почти как Лану иногда... В любом случае, и постоянная работа, и совершенно непостоянная Лана могли подождать пока я прихлебывал чай, не забывая откусывать от бутерброда.

— Даже не догадываешься, что Гревник может предложить? — не сдержала любопытства любовница. — Интрига?

— Я с ним после университета не общался. И в университете слабо.

— Да уж... Если предложит сделать какой-нибудь репортаж, берись без размышлений. По слухам, гонорары в «Музыке и стиле» бешеные. Эй, Платон, проснись и пой! Не надо пихать за обе щеки и долго мямлить, когда можно получить выгодное задание!

— Если требуха всерьез заболит, то мне будет наплевать и на Гревника, и на его задание.

Но не только в этом было дело, трудно перебороть свои прежние взгляды. Уже не один год старался я сохранить свободу, избежать принуждения, под которое попадает журналист в штате телеканала. Сколько моих сверстников приходило с утра на работу, чтобы узнать, какое нынче мероприятие предстоит «освещать». Бедные бобики под галстуками бежали, куда им укажут. Вот собирается очередной семинар тех, кому делать нечего: обмениваются опытом тренеры по прыжкам в сторону. И нужен репортаж с семинара, правильный, сугубо положительный. Штатник поджимает хвост, несется выполнять заказ и выполняет с готовностью...

Любимый жанр — новая ведомственная инструкция. Особенно вдохновенно разъясняют инструкции гаишники, да и всегда можно подснять дорогу, по которой — вот неожиданность! — катят автомобили. Но и в других ведомствах поток документов не остановить. Разбираемся с новыми правилами хранения картофеля, с эксплуатацией зарубежных автомобилей. Тут тебе и гонорар, и реклама, и дружба с ведомством или фирмой — это отличные лоббисты, когда обсуждаются те же премии, призы «телевершины». Служивые охочи до лакомств.

— Ладно, твои проблемы, звони, а я пока тормозну и куплю газеты, — сказала Лана.

Стоило ей отойти за газетами, я взял мобильник и набрал номер — всегда предпочитал вести переговоры без лишних свидетелей. Но никаких переговоров не вышло, в трубке раздались короткие гудки. «Было бы круто, — подумалось мне, — получить у Гревника постоянную работу, — а то годы идут, в линялых джинсах делать бодрый вид все труднее».

Лана с газетами вернулась быстро.

— Ну, как, дозвонился?

— Занято у него.

— Хочешь сегодня пообедать со мной? — спросила Лана со смешком, чтобы можно было свести предложение к шутке, если неблагодарному мужчине взбредет отказаться.

— Пообедать в квартире твоей подруги?

Мы обменялись заговорщицкими взглядами.

— Да, у подруги свободно, — подтвердила она. — Сейчас отснимешь кое-что по мелочам... Я эту байду про больницу в полчаса накатаю. Выступление главврача мы записали в студии, а твои съемки пойдут как добавка к основному блюду.

— Байда-то срочная?

— Среднесрочная. Я черновик уже набросала... А подруга дежурит сутки, продукты в квартире есть. Надеюсь, Сережку в командировке какая-нибудь провинциалка тоже приласкает.

— И тебе хоть бы хны?

— Портить друг другу жизнь не в моих правилах. И ты не парься!

Лана однажды заявила даже, что вообще не изменяет мужу, а просто выравнивает разные потенциалы сексуальной энергии.

Замолчав, я переставил сумку с камерой себе на колени.

— А что нас колышет в больнице?

— Типичная картина: корпуса пора ремонтировать, оборудования не хватает. Зато персонал — чистейшее золото.

— Понял. Еще позвоню...

И снова из трубки послышались короткие гудки.

* * *

Дни и ночи в разных отделениях больницы проходят по-разному. В ожоговом слышны истошные крики, в травматологии, где лежат с подвязанными ногами, с гипсовыми хомутами на шеях, некуда деться от стонов, зубного скрежета. Крутит кости ревматикам, гнилые язвы когтями впиваются в кишки и желудки. Боль, сторожевой пес, сигналит о несчастьях.

Тяжела дорога для ухода в иные миры, и печальнее этого ухода ничего не бывает, век бы не знать подробностей. Я предпочитал думать о работе, о звонке в компанию «Музыка и стиль». Готовясь к общению с Гревником, лепил

в своем воображении образ телевизионщика, в отличие от меня, очень и очень успешного. Однако мне не хватало фактов. Чем я располагал? В университете Гревник не блистал, обычный средний студент. Потом из года в год долетали какие-то обрывки слухов, причем самых разных, похоже, и справедливых, и вздорных. Тем не менее, он создал программу, в которой кроме музыки и стиля хватало открытой броской рекламы, а еще — хитрого коммерческого расчета по проведению рекламы скрытой, по ненавязчивому пиару нужных людей. Он создал как бы в зацепе с программой «Музыка и стиль» еще и нехилую коммерческую компанию: организация концертов, обслуживание корпоративов, запись и реализация дисков. По мере накопления богатства его жизнь постепенно менялась. Телевизионщики судачили, что из-за крайней занятости Гревник больше не выезжает на натурные съемки и за пределами эфирной студии старается ни с кем не общаться по поводу телевидения, даже предварительную подготовку интервью с vip-персонами босс перепоручает своим подчиненным. Тем более его не хватало на то, чтобы вникать в процесс монтажа, режиссуры, озвучки... Зато Михаил Гревник, расширив свою некогда маленькую звукозаписывающую студию, занимался продюсированием нескольких рок-групп, раскруткой так называемых звезд шоу-бизнеса. Продюсирование приносило немалые прибыли, однако известность ему по-прежнему давала работа телеведущего — в эфирную студию он входил дважды в неделю, отчего поклонники у экранов чувствовали счастливое замирание сердца.

По слухам, работа высасывала все силы Гревника, и этот популярный состоятельный человек время от времени срывался с катушек и, как он сам выражался, посылал все к чертям собачьим. То есть вообще все посылал, день-другой пил шумно или тихо, а чудил как правило шумно.

Во время разгрузочных загулов команда полностью подменяла Гревника. Большинство людей здесь отлично ориентировалось, что и когда им делать, поэтому менеджеры, продюсеры, режиссеры, инженеры монтажа, звукоинженеры, видеотехники, выпускающие редакторы, штатные актеры и музыканты, бухгалтеры, осветители и водители ежедневно работали так, словно никаких загулов у босса не бывало.

Так вот, о том дне, когда мне предстояло связаться с Гревником, телевизионный босс как раз в очередной раз завелся. Поскольку пить и куролесить в одиночку скучно, обычно к этому веселому делу привлекался кто-нибудь еще. Нынче с утра Михаил Гревник поехал на встречу с бизнесменом, готовым вложить деньги в шоу-проекты, и, зная, что начинается пьянка, прихватил с собой для веселья завхоза компании Альбрехта Дятлова. На нем, на завхозе, числилась большая часть имущества, начиная от стульев, столов и заканчивая камерами. В компании шутили, дескать, Альбрехту Дятлову в случае банкротства первому сидеть, как знаменитому Функу из «Золотого теленка». Но от Функа Альбрехт Дятлов отличался тем, что был клоуном, увлеченным наукой, редко пьянел, сносно водил машину и при необходимости мог покрутить баранку вместо гревниковского водителя.

В связи со всем этим Альбрехт Дятлов сделался при боссе незаменимым человеком. Он же по мобильнику отвечал всем, кто сегодня до босса дозванивался. Высокий, худой, весь какой-то несуразный, говорил Альбрехт Дятлов с неизменной важностью. Так, по его представлениям, должен бы важничать крупный ученый, занятый сложнейшими проблемами мироздания.

В офисе гревниковской компании многие считали завхоза шутовской достопримечательностью и не раз предлагали боссу ввести Альбрехта Дятлова в свою программу. Дескать, «а сейчас в нашей студии шут Альбрехт Дятлов!» вполне бы прозвучало.

Но не все, что смехотворно в жизни, сохраняется таким и на экране, некоторые всерьез начинают выступать. Есть немало великих современных телевещунов, которых в «ящике» начинали показывать как бы для смеха, да попробуй потом отловить шута, выскочившего в эфир! Гревник вытаскивать Альбрехта Дятлова на экран не рискнул, зато немало насмехался над ним в жизни.

Некоторым сотрудникам компании шутовские заморочки быстро надоели, и эти «некоторые» предлагали шута уволить. И стоило бы. Альбрехт Дятлов одно время заучивал целые абзацы из статей об элементарных частицах, навязчиво огорошивал всех и каждого. Фотоны, гравитоны, кварки и тому подобные «нейтрино» потоком летели у него изо рта. Музыканты, сотрудничавшие с компанией, смеялись ему в лицо:

— Ну, как, Альбрехт, элементарные частицы через твою мозгу еще пробиваются? А квазары по ночам не храпят?

— Вы что, не верите мне, не понимаете современных научных истин? — пренебрежительно фыркал на них Альбрехт. — Надо вникать в бытийнологические начала! Элементарные частицы не только летают! Электроны в пирамидах адаптируются к условиям разумной жизни на Земле, позитроны тоже округляются до необходимых пределов.

— Твой адаптированный электрон — это что за фрукт?

— Этот фрукт в виде адаптированного электрона идет на строительство мыслящей материи.

— Разгадка того, как наша цивилизация управляется, сокрыта в грандиозных египетских сооружениях. И мой проницательный ум, и вершина Великой пирамиды Хуфу-Хеопса — все лежит на меридиане египетском. Меридиан египетский до сих пор работает главным меридианом, деля земной шар на Восток и Запад, а пирамида работает главной мировой управительницей. Весь наш мир — это большой, разросшийся Египет!

Многие с раздражением гнали Альбрехта Дятлова от себя подальше, некоторые вместо поддержки феномена вертели пальцем у виска. Никто не знал, где именно Гревник подобрал этого оригинала, почему оценил его заморочки. Не исключено, привлекала разговорчивость, поскольку и сам руководитель программы «Музыка и стиль» сделал карьеру благодаря своей диджейской способности беззастенчиво трепаться в эфире на любую тему и даже без оной. Родство душ обозначилось? Или действовал чисто практический расчет, ведь Гревник возил с собой завхоза в тех случаях, когда хотел кого-нибудь насмешить, кому-нибудь задурить голову...

Случалось, даже в загульные дни Михаил Гревник умудрялся сделать что-нибудь, так сказать, не связанное непосредственно с выпивкой. Вот и меня, бывшего однокашника, он в тот день искал из-за какого-то сюжета про зарю телевидения. Телебосс якобы решил продюсировать фильм, чтобы напомнить всем, как начинался «ящик».

Я дозванивался до Гревника все с того же мобильного телефона, позаимствованного на время у Ланы, параллельно обеспечивая ее общим планом больницы, видами чистеньких операционных с образцово-показательными рядами хромированных инструментов на столах.

Однако снял и кое-что другое. Нескольких человек в предынфарктном состоянии положили в коридоре... Снял койки с панцирными сетками, растянутыми настолько, что больные лежали не на них, а в них, провисших, скрутившихся воронкой, как самые дрянные гамаки. Еще заметил тараканью тропу в пищеблоке, двух старух-санитарок, везших в морг на пищеблоковской тележке едва прикрытый труп, тоже старухи. Крупным планом — лица всех трех...

— Не надо излишней детализации, — стала мало-помалу наступать на меня Лана. — Порежут материал.

Известное ныне противоречие... Многие упорно твердят, что телевидение надо делать легким, в хорошем смысле слова, поверхностным.

* * *

Руководитель программы «Музыка и стиль» наконец ответил на звонок, правда, сначала голосом Альбрехта Дятлова. Потом шут быстро передал трубку своему господину.

— Хочу встретиться, — сказал Гревник сразу же. — Надо посоветоваться и как с репортером, и вообще... — подсластил он разговор. — Кроме того, меня просили насчет работы. И старика Кушакова хочу через тебя найти.

— С работой и вправду беда... А про какого Кушакова имеете в виду?

— Того самого. Только ты, однокашник, будь добр, со мной не выкай, — проговорил Гревник весело — Годится? Теперь: Кушаков Семен Семенович, довольно старый несчастный человек. Знаешь его?

— Да знаю вроде бы... А зачем он понадобился?

— Долго объяснять. Давай все-таки встретимся ближе к вечеру, чтобы глаза в глаза. Если часов в семь в «Утюгах»...

Кафе находилось в относительной близости от офиса Гревника и называлось иначе, но люди с телевидения, часто туда заходившие, дали заведению свое название. Оно отражало некоторые детали интерьера: в нескольких местах красовались пузатые самовары и старые утюги, в которые когда-то для разогрева насыпали из печи горящие угли.

В портмоне у меня, к сожалению, не осталось денег даже на посещение пирожковой, однако теперь я не стеснялся занять у Ланы.

Мы еще работали на квартире ее подруги. Больничные сюжеты по определению невеселые, хотя, конечно, не снимешь, как крутит кости ревматикам, как воняет из желудка или от гнойных ран. Никого из пациентов не восхищают конструктивные достоинства медицинского оборудования, никто из больных не радуется стерильной чистоте операционных; повсюду — скорбь, слезы, кровь и нагноения. Но это правда, извините.

— В счет будущего гонорара... — начал я о деньгах.

— Конечно. Гревник тебе хорошо будет платить, вернешь. Ну, Плат, не спугни свой счастливый случай! Я просила за тебя — это ерунда для богатеньких, зачем-то ты ему самому понадобился.

— Набиваться Гревнику в друзья я не стану.

— Хороший ты парень, Плат, только чудаковатый. Материалов про нужных людей не делаешь, в друзья к начальству и «кто покруче» не лезешь... Совесть да щепетильность в себе лелеешь? А того не понимаешь, что для бедняка это всего лишь глупая гордыня, неоправданная роскошь. Да-да! — упредила она мои возражения. — Оставаясь в самом низу, все равно чистеньким не будешь, вываляют...

— Внизу жизнь грязью мажет, а вверху сияет необыкновенной чистотой? — Меня переполнял сарказм.

— Взяли бы наверх пожить! — воскликнула Лана. — Пальцем бы поманили — я бы побежала без стеснения и жеманства. А почему нет, если тебя зовут? По-моему, только наверху и бывает настоящий кайф. Ладно, Плат, замнем для ясности. А кто такой Кушаков? — еще спросила она.

— Старый дед, почти восемьдесят ему. Зачем он Гревнику...

— Прежде кем был?

— Я мало интересовался. Но вот что знаю: из семьи репрессированных.

— Может быть, насчет репрессий как раз и пойдет у вас речь, — предположила Лана. — Но если откровенно, я удивлюсь, что это может быть Гревнику интересно. Зачем ему? Где правда жизни, а где он со своим шоу-бизнесом? Он уже вырвался из шкуры телеведущего, уже бизнесмен. И вообще серьезные проблемы ни из прошлого, ни из будущего, не говоря уже о настоящем, больше никому не нужны. Сердечный привет советской журналистике!..

— Да типа печального анекдота с этим Кушаковым: обитает дед Семен у меня в прихожей на диване.

— Опять? То бомжи у тебя, то девки... Или он тоже бомж, а?

— Можно так сказать. Прежде соседом моим был, только из другого подъезда. Квартиру у него мошенники выманили, теперь негде голову приклонить. Усек я однажды ночью, что почивает дед на скамейке...

— Не представляю, как это у него выманили квартиру?

— Подпаивали каждый день. С месяц или больше. Ну, он ошалел и подписал какие-то документы, без понятия. Получается, продал жилье.

— Так они не заплатили деду?

— Вот именно. На ящик водки дали. Или на два.

— А ты, сосед, почему не помог, пока старика не обмишурили?

— Откуда я знал? Никто ко мне за советом не обращался. Да это уже дело прошлое, скоро у него с новым жильем решится. В городской администрации пообещали ветерану, что к осени выделят комнатенку в малосемейке. Отдельную квартиру вряд ли он будет иметь...

— Эти, которые выманили у него квартиру, живут теперь там?

— Зачем... Они его жилплощадь быстро продали через риэлтерское агентство, там живут теперь совсем другие люди. Семья с тремя детьми, документы в порядке.

* * *

Я украдкой взглянул на часы. Скоро... Ни с одним из очень богатых людей безработному журналисту прежде тет-а-тет оставаться не приходилось, я вообще, что называется, не был принят в элитных кругах.

— Оставим Гревника в покое, — сказала Лана, имея на все свое мнение.

— Лана, а если твоя подруга выйдет замуж? Тогда, без конспиративной квартиры, ты превратишься в верную супругу?

— Во-первых, она не выйдет, во-вторых, мои отношения с Сережкой от апартаментов подруг не зависят. Не будет этих, найдутся другие.

До телевидения Лана несколько лет работала в газете и отлично сдружилась там с мужской частью редакции, зато рассорилась с большинством женщин, из-за чего ей в итоге пришлось уйти. Подруга, охотно доверявшая Лане ключи от своей квартиры, работала диспетчером в таксопарке и пропадала то на дежурствах, то у мамы в пригороде. Любовь любовью, а писать тексты в квартире подруги было очень удобно, и Лана, как она выражалась, эксплуатировала тишину.

— В мире существуют мужская неприкаянность и мужская жадность к незнакомому женскому телу. Мне нравится и то, и другое, — откровенничала Лана. — И то, и другое легко использовать с выгодой.

— А у меня что, неприкаянность или жадность?

— Неприкаянность и жадность. Но жадность больше к бутербродам.

— К рыбе в маринаде, — уточнил я, демонстративно облизываясь. — Сегодня мне особенно рыба в маринаде понравилась.

— Да-да. Хотя, признаю, другая жадность тоже есть, — закивала Лана.

Иногда она льстила мне.

— С тобой хорошо, правда. Откуда у тебя сила и почему именно у тебя? Сережка меня разочаровывает. Но исправить положение невозможно, никогда нам с ним сексуальные потенциалы не выровнять. Что делать? Ведь я же энергичная женщина, мне надо с кем-нибудь жить не только ради сохранения семьи, но и ради удовольствия.

— Ты это уже объясняла. Зато никогда не рассказывала, почему вышла за него замуж.

— А как было поступить? Кто-то же должен был на мне жениться.

В общем, мы болтали. Сегодняшний день отлично сложился.. Только часа за полтора до встречи в «Утюгах» нам удалось разомкнуть объятия.

— Обязательно позвони мне, когда переговоришь, — настаивала заинтригованная Лана. — Я здесь еще попишу кое-что. Сегодня дочку из садика свекровь забирает, а мне позволено вкалывать допоздна.

* * *

Не предложи Гревник для встречи кафе «Утюги», я туда в обозримом будущем точно бы не попал. После Ланиных гастрономических и сексуальных изысков голод, конечно, мог проснуться снова, но тогда безработному журналисту достаточно было бы заскочить в забегаловку, расположенную недалеко от дома. Заведение не самое шикарное, зато дешевое. К концу дня посетителей набивалось, как селедок в бочку, однако меня устраивало: привык жить преимущественно по-простецки.

В «Утюгах» посетители сидели как в основном помещении с выставленными в стенных нишах старыми вещами, так и на открытой веранде, оформленной без всяких раритетов, примитивно для пития и еды. Вот и хорошо, что была веранда, ведь в основном помещении поставили диск с электронным вокалом очередной блондинки, а мне такие вещи никогда не нравились. Короче, шли бы вы, ребята, лесом с вашим «творчеством». Зато на веранде обошлось без завываний. Там стояло пять или шесть столиков, покрытых белыми бумажными скатертями, а вместо солидных тяжелых кресел, предусмотренных для основного помещения, к столикам были приставлены легкие плетеные креслица. Заняв свободный столик, я сделал скромный заказ для себя и стал ждать прихода Гревника.

Он мог заявиться один или с кем-нибудь, поскольку обычно за знаменитостями тянется то свита, то охрана. Мне со страхом подумалось, что сейчас нагрянет в кафе шут-болиголов, Альбрехт Дятлов.

К счастью, руководитель программы «Музыка и стиль» появился без сопровождения, сразу меня заметил, направился на веранду. Михаил Гревник был среднего роста, тоже поджарый, только не с короткой стрижкой, как у меня, а с густой шевелюрой, где прорезалась седина.

Приветствия-рукопожатия длились недолго, через минуту мы сидели друг против друга. Несмотря на короткую неловкость, мне, наконец, реально захотелось выпить.

— Мы раньше непосредственно пересекались или нет? — спросил Гревник. — То есть после университета.

— Похоже, у нас не было общих дел, хотя в университете сталкивались. — Мне пришлось даже плечами пожать.

— Будем на ты... Я прошу убедительно, для меня всегда предпочтительнее не выкать.

—Тем более, что я тебя очень хорошо помню, Михаил, — послушно проговорил я.

— Отлично. А я иногда вижу твои репортажи, Платон. По-моему, есть торопливый «проходняк», но есть и основательные куски. Так что мы все-таки с большего по работе знакомы. Да мне и рекомендовали тебя.

— Слушай, я только для себя пиво и салат заказал. Не был уверен в правильности выбора, — пришлось мне срочно выкручиваться.

— Нормально, я тоже что-нибудь закажу.

Подошел официант. Салат из помидоров, чуть политых сметаной, и кружка пива заняли на столике совсем немного места.

— Коньяк, но только лучший из того, что есть, — сказал Гревник официанту. — Или ты предпочитаешь водку? — Он бросил вопрошающий взгляд на меня.

— Я бы ограничился пивом.

— Ну, как душе угодно... А по мне, так лучше прополаскивать кишки коньяком. Давай быстрее бутылку и бокалы, — бросил он официанту. — Откупоришь здесь, при мне — не люблю, когда выпивка выдыхается.

— Простите, а закусить?

— Ну... Суточных щей и каши с расстегаями нам определенно не надо. Принеси, пожалуй, пару бутербродов... Сок апельсиновый или что-нибудь с горчинкой — грейпфрутовый разбавь минералкой, например.

Официант ушел, Михаил Гревник обвел взглядом веранду.

— Хорошо хоть, что здесь без утюгов и самоваров обошлось, — ворчливо заметил он.— Не люблю я в декоре примитивной игры под старину. Пусть музей будет музеем, а питейное заведение питейным заведением. Хотя новый ресторан возле городской ратуши мне понравился... Ты заглядывал в новый?

— Не заглядывал и даже снаружи пока не видел.

— Заскочи при случае, полюбопытствуй. С названием, конечно, намудрили: «0,5» называется. Зато в других отношениях... Там в интерьере оставили кусок старого фундамента и сохранившиеся аж с шестнадцатого века гончарные горны.

Меня подмывало спросить у Гревника, зачем я ему понадобился. Если для работы, то для какой? Однако Гревник говорил о другом, и мне приходилось сдерживать любопытство.

Кафе «Утюги», с точки зрения человека небогатого, было шикарным заведением, однако, как я вскоре убедился, не с точки зрения моего нынешнего собеседника. Подобные ему успешные бизнесмены питаются в других местах и выпивают не с безработными журналистами, а в компании партнеров по бизнесу или в обществе ухоженных женщин.

— Ты хочешь в штате числиться или так шустрить? — спросил Гревник.

— В штате. Свободы уже наелся... То у одних, то у других на подхвате.

— Не сложилось что-то? Ладно, не говори. Если честно, то я теперь даже завидую чужой неприкаянности.

— Вот так прямо и гложет зависть? — Мое удивление было искренним. — Чуток странно это слышать.

— А что? Свою безденежную молодость вспоминаю с удовольствием. Тогда, конечно, иначе думал, но теперь голодноватое время видится исключительно счастливым. Нынешняя сытная житуха в сравнении с ним — пакость, нынешние друзья почти всегда дружат с расчетом. И я такой же. Ну, а сегодняшняя журналистика в «ящике» — дрянь непереносимая.

— Зато у тебя успешный бизнес, а меня, как волка, только ноги кормят.

— Зато у меня, говоришь, бизнес? По-твоему, раз бизнес, то садись и деньги считай? Нет, Платон, бизнесмена тоже ноги кормят... Да и мозги нам

с тобой, я уверен, не мешают. Как и речевой аппарат... Каждый божий день идет трепотня несусветная. Через тары-бары человек обычно приоткрывается, вот и ориентируешься, как его ловчее приспособить к делу. Ай, нет-нет да размечтаешься: бросить бы бизнес, пожить вольно!

— Практически каждый человек, стоит только его спросить, своим положением недоволен. Иногда кажется, что все, кто принадлежит к виду Homo sapiens, давным-давно перетрудились.

— А что ты думаешь...

— Твоя «Музыка и стиль» как раз больше отдыхом занимается.

— Это точно. Когда программа только создавалась, я хотел назвать ее «Музыка и приколы». Не разрешило начальство, якобы фривольно.

— У тебя штат большой... — начал я делать важную для меня самого подводку. — Нашел бы мне место, а? Не отдыхать, разумеется, а работать, в поте лица зарабатывать хлеб насущный.

— Платон Чагин, не гони лошадей! — воскликнул Гревник, недовольно морщась и стараясь скрыть свое недовольство. — Посмотрим, что будет и как будет. Может, я тебя на отличное место оформлю.

— Хоть генеральным директором. Лишь бы фуфлового ничего не снимать и без галстука на работу являться.

— И что ты у меня в штате будешь делать без фуфловых съемок, как ты изволишь выражаться? Да шоу-бизнес одно большое фуфло. У меня попса, немного рокеров, ва-аще прикольщики типа из ка-вэ-эна да камеди-клаб... Тебе кто больше по душе? Хорошо, не отвечай, догадываюсь: рокеры как меньшее из зол.

Официант принес на подносе бутылку пятизвездочного «Белого аиста», рюмки, стаканы с соком и несколько тарелок с едой. Аккуратно откупорил коньяк.

— Сам налью, — перехватил бутылку Михаил Гревник и тут же спросил у меня: — Ты наверняка не слышал нашу последнюю попсовую программу? Там песня была: «Мне щекотно, щекотно, щекотно...» Вроде как пчела над цветком жужжит, потому что ей предстоит задницей на него садиться. Такая прочувствованная вещь! И я, когда новую бутылку открываю, готов запеть про то же: «Мне щекотно, щекотно, щекотно...»

— Лучше выпей, Михаил. Я не стану надоедать с должностями...

— Может, и ты хлебнешь «аиста»? Брось свое пиво! Рок выдохся, попса и приколы, если говорить всерьез, — полная дешевка. Согласно моей же собственной оценки, в программе «Музыка и стиль» ничего стоящего нет.

— В программе или в мире? — решил я легонько поддеть его.

— Ну, не в мире, так на телевидении. Хотя... Шучу, ей-богу. Вряд ли стоит так уж цинично ко всему относиться. Надо что-то одно принять за аксиому: либо наша жизнь имеет какое-то значение, либо не имеет никакого. Может, мы те же собачки-кошки?.. Все ищем пития да жрачки, все боимся боли, у всех инстинкт продолжения рода. Это ясно. А дальше — рассуждения о добре и зле, о смысле нашего пребывания на земле. Ну, и что толку в наших рассуждениях? Великое достижение... Птичку приучишь с руки клевать — клюет, собаке загривок чешешь — руку лижет. Чем тебе не выражение добра — дать поклевать, погладить и почесать.

Мы выпили по рюмке коньяка и на некоторое время умолкли. Молодые люди за соседним столиком, не прислушиваясь к нашему разговору, потягивали через трубочки коктейли, одновременно курили и ощупывали взглядами девушек, проходивших мимо кафе по улице.

— Конечно, лучше чувствовать себя оптимистом, — признал Михаил Гревник. — Но ведь это временное чувство, годное до того момента, пока

крепко стоишь на земле. Так сказать, пока обеими ногами. А вот, допустим, обанкротится моя компания, останусь я оптимистом? Не уверен. И ты, Платон, отзовешься ли тогда на мой звонок, поспешишь на встречу?

— Я и теперь без понятия, зачем пришел, — последовала еще одна моя попытка перевести разговор в конструктивное русло.

— А может, мне самому все бросить? — задал риторический вопрос Михаил Гревник. — Программу, жену, нескольких вроде бы друзей и нескольких не вроде бы потаскух... И себя нынешнего.

— Гм... Вопрос точно не ко мне. А деньги, что наварил, тоже бросишь?

— Деньги — нет. Зачем же так неразумно... Оставлю на своих счетах хотя бы на выпивку да к морю съездить.

— Тогда это не называется «все бросить»... Просто момент слабости или рисовки. С каждым случается. Накопилась усталость.

— А если бы я предложил программу и компанию, скажем, тебе?

— Ага, заверни их в блестящие бумажки! — Я отреагировал быстро, как надлежит репортеру. — В штат никто не хочет взять, чтобы на хлеб с маслом заработать, а в остальном — все легко, целый мир на блюдечке..

— Нет, я не про то... Просто ты сказал, что ищешь работу без фу-фу. А если бы такое вот масштабное фуфло... Ну, не как весь шоу-бизнес, а как моя компания хотя бы. Неужели откажешься?

— Я повторю: в штат никто не хочет взять, а так — хоть мир на блюдечке.

— Ну, ты заладил... Да поговорим мы еще насчет вакансий, помогу. Моя компания теперь будет документалистикой заниматься активнее, чем прежде. Почему бы тебе не потащить этот нелегкий воз?

— Хорошо бы.

И Михаил Гревник наконец обронил что-то, похожее на конкретику:

— Не хочешь начать с документального фильма про саму компанию?

— Ну, я ведь пока не очень-то представляю, какова твоя компания...

— Погоди, давай покрутим второй вариант. Для разгона — про зарю телевидения. То есть как оно зарождалось... С переходом на дела сегодняшние, дескать, что в итоге из телевидения вышло. А?

— Не уверен, смогу ли про зарождение фильм снять, а хотеть хочу, заманчиво. Сам думал: вот возникло, сто лет куда-то двигалось и к чему-то уже пришло... А как насчет сценария, Михаил?

— У меня в активе только один кусок, который я сам набросал. Да и то больше мысленно... Я тебе расскажу про свой кусок, а продолжение будет уже за тобой.

— В твоем фрагменте — что?

— Скорее уж кто. Например, Семен Семенович Кушаков.

Гревник смотрел на меня с легкой издевкой.

— Кстати, я так и не понял, зачем тебе Кушаков? — Мне действительно было непонятно. — Я с ним не раз о его жизни разговаривал — судьба обыкновенная. Ну, были родители в свое время высланы, для нас не редкость.

— А-а, репортер, тут промашка... Главного ты у старика не выспросил. Был у Кушакова один учитель знаменитый.

— Вот как? То есть Кушаков о ком-то что-то интересное знает?

— В самое яблочко. Открываю, если ты заинтригован: знает он о родоначальнике «ящика». Как раз для твоего первого фильма у нас подойдет рассказ Кушакова. О профессоре Розинге надо спрашивать.

— У-у, мне и вправду стыдно... Значит, я старика не сумел разговорить.

— Нет, Платон, ты и не мог из него это вытрясти. Не с той стороны надо заходить. Кушаков тогда был ребенком. Да он поныне не представляет, с кем свела судьба. Ты сам, Платон, о Розинге много знаешь?

— Только фамилию из курса истории журналистики помню.

Отчасти я лукавил: отчетливо помнил еще, что Розинг был ученым, осуществившим в лабораторных условиях первую телепередачу, до крайности примитивную, но с великой перспективой.

— Кушаков всю жизнь в цеху проработал, ему о таких людях как бы и незачем было знать, — объяснил Гревник. — Я случайно встретил его фамилию в протоколе, который составляли по факту смерти профессора Розинга. Мальчишка был свидетелем смерти... Ну, я потянул за ниточку и в конце концов размотал клубок, нашел адрес. Вчера мои люди заезжали в ваш дом, а Кушакова, как ты понимаешь, в его квартире не оказалось. Точнее, квартира уже чужая, адрес устарел. Хорошо хоть соседи подсказали, что он у одного чудака-журналиста на диване обитает.

— Так вот кому я обязан нашей встречей — Кушакову! А то почти загордился уже, подумал: в «Музыке и стиле» заинтересовались моими блестящими фильмами и репортажами.

— Будем считать, ими тоже. Ведь мне ничего не стоило выдернуть старика из твоих апартаментов, минуя тебя. Короче, поехали, дружище, а пить можно и на твоей кухне, например. Давай так: сначала заглянем ко мне, потом продолжим мероприятие у тебя. Прокрутим мысленно начальный кусок сценария, подумаем о подготовительных материалах.

— Вообще-то я опасаюсь в гости набиваться. Часто так выходит: хозяин приглашает, а хозяйка злобится на случайного визитера.

— У нас в особняке достаточно места, не опасайся мою жену стеснить — от нее не убудет. А потом, у нее в особняке своя половина для существования, отдельный вход. И попробуй еще застать мою жену дома.

— Э-э, нет... — Тут у меня проявилась нешуточная настороженность. — Если у вас семейные разборки, то я не участвую даже в роли свидетеля.

— Разборки бывают в семьях, когда есть надежда, а тут полная безнадега, Платон. Язвительность на дистанции и никаких разборок.

— Я не гарантирую успеха встречи с Кушаковым, потому что старость не щадит, понимаешь... Иногда Семену Семеновичу нездоровится, иногда он от стариковского отчаяния водки хлебнет — тогда в момент сон смаривает, не растолкать. Мы не станем предлагать ему выпивку?

— Злоупотреблять не будем, Платон! — отмахнулся Михаил Гревник. — Я человек по жизни везучий, так что уверен: мне и с Кушаковым повезет. Знаешь, вообще боюсь откладывать со стариками. Отложишь вроде бы ненадолго, а тут человек и свалился... Если берешься помогать мне с фильмом, то Кушакова сразу надо снимать.

— Что ж, камера даже сейчас со мной. — В подтверждение этих слов я похлопал по своей объемистой сумке, лежавшей на соседнем кресле. Слушай, давай я выпивку в сумку поставлю — жаль бросать, — вдруг вырвалось у меня, как только мы наладились уходить.

Вроде бы и не собирался ничего подобного говорить, а таки проявилось рабоче-крестьянское происхождение.

Гревник отрешенно кивнул.

— Сегодня мне можно даже лишнего хлебнуть: эфир только послезавтра. Хотя по большому счету, как заметил один наблюдательный человек, мир от выпивки к лучшему надолго не меняется, протрезвел — опять тот же самый, с проблемами.

Официант торопливо подбежал за деньгами.

* * *

— Ты свободен, — бросил Гревник Альбрехту Дятлову, сидевшему в «мерсе» вместе с водителем.

— Но я вот господина Чагина давно не видел, я бы ему кое-что изложил, — зыркнул завхоз мутным глазом в мою сторону. — Полезно пропагандировать современные теории знакомому лицу.

Он был навеселе — явно сам же Гревник его побаловал, так что Альбрехт Дятлов имел право рассчитывать и рассчитывал на продолжение. Ему срочно надо было стать полезным или занятным для босса, и он начал строить гримасы, по привычке изображая шута.

— Ты меня, не понял? — разозлился босс. — Будешь излагать свои теории, когда я прикажу, а сейчас катись!

— Уже, уже...

Альбрехт Дятлов выскочил из машины, но дверцу не захлопнул и сказал еще, обращаясь ко мне:

— Почему человеческая рука имеет пять пальцев? Не три, не шесть, а пять... Да потому что именно число пять для живой эволюции важно: это соответствует пяти внешним валентным электронам атома азота. Каково? Впечатляет?

— И на ноге соответствует? — поддел его водитель.

— Какая тебе еще нога? — не сразу сообразил завхоз.

— На ноге, говорю, тоже пять пальцев! От азота, что ли?

— Конечно. И обратите внимание на пальцедвижения... Только у человекообразных обезьян и у человека все пять пальцев могут двигаться раздельно. Если надо, каждый совершает движение самостоятельно.

Водитель включил двигатель, Альбрехт Дятлов отскочил от машины.

— Слава тебе Господи! — воскликнул водитель. — И голову мыслитель замусорил, и все нижние чакры. Он ведь что мне заявил, когда вы ушли? Говорит, решил проблему разума! Дескать, электрон в нашем мозгу разворачивается и превращается во что-то — в разум, короче.

— Поехали к Платону, — скомандовал Михаил Гревник водителю. — Помнишь адрес? Ты вчера туда с замом мотался. Хотя... Мы еще должны в магазине кое-что прикупить. Сообрази, Матвей, где по дороге тормознуть. Нет, погоди! И до магазина, и до Кушакова заедем домой, надо кое-какие материалы взять. Для сценария они важны.

«Мерседес» наконец тронулся.

Матвей нашел возможность развернуться и погнал к городской окраине. Несложно догадаться, что Михаил Гревник, как многие богатые люди, жил в пригороде. Современные люди отдают свои города автомобилям, но самые успешные, кто чувствует себя свободным, ищут свежий воздух в коттеджных поселках за городской чертой.

— Анекдот!.. — вспомнил Гревник. — Хотите? Прибывает муж домой, а там жена ему изменяет с другим. Муж завис около двери, смотрел, смотрел, потом говорит незнакомцу: — Слушай, мужик, ты чего? Ну, я на ней женился сдуру, мне приходится иногда это делать, а тебе зачем?

Гревник был женат, водитель, наверное, тоже, поэтому по-холостяцки хихикнул только я.

* * *

Подъехали. Особняк даже снаружи впечатлял... Вернее, впечатлял внушительный ряд коттеджей, заселенных богатыми людьми. Некоторые хоромины

напоминали средневековые замки: башенки, декоративные колонны, стрельчатые окна, балкончики. Можно было увидеть также причудливые витражи, помещения для зимнего сада, отдельно пристроенные кубики роскошных саун.

Особняк Михаила Гревника выглядел скромнее, телебизнес-журналист обошелся проектом без башенок и балкончиков, здесь не устроили ни зимнего сада, ни сауны. Но все-таки это был большой двухэтажный дом, в котором, по крайней мере, две из многочисленных комнат не возбранялось назвать залами. Михаил Гревник почти силком вытащил меня из машины, и я как гость увидел оба эти зала.

Первый, побольше, обставили как гостиную: добротная дубовая мебель, большая люстра, позванивавшая хрустальными подвесками, бронза, гобелены с благородными оленями и полуодетыми пастушками. Была и живопись, в основном пейзажная, — не то малоизвестные произведения эпохи классицизма, не то приличный новодел «под классицизм». Второй зал, поменьше, оставили для спортивных занятий, оборудовав его шведской стенкой и уставив разнообразными тренажерами.

Обзорная экскурсия по особняку вышла неполной и закончилась быстро. Гревник усадил меня в каминной комнате, предусмотрительно, как ему казалось, открыв бар, полный разнокалиберных бутылок. Мне пить не хотелось, я лишь осмотрелся. Огонь в камине, столь желанный зимой, в весенний вечер, конечно, не полыхал, зато оттуда пахло углями, не сказать, что отвратно. Взгляд мой скользнул по каминной решетке, по большим часам с фигурками из золоченой бронзы: красавицы и амуры... По стенам висело несколько гравюр, на ближайших легко было узнать Грибоедовский канал, мост, разведеный над Невой белой петербургской ночью.

«Если Гревник любит Питер, то у нас с ним уже есть что-то общее», — подумалось мне. — Прокатиться бы в Питер за счет фирмы! А вдруг получится? Первые телеопыты профессор Розинг проводил там».

— Буквально минут на пятнадцать оставлю тебя, — сказал Гревник. — Мне и переодеться надо, и... Кстати, материалы по сценарию захвачу.

Мне оставалось в качестве гостя откинуться в удобном кресле, закрыть глаза и расслабиться. Я именно так поступил, однако легкий шум, донесшийся от двери, прервал мою релаксацию. Когда открыл глаза, в каминную комнату вошла женщина нордического типа: светловолосая, довольно худая. Она казалась моложе Гревника, хотя была не совсем молода. Я видел: ей очень хочется выглядеть девушкой лет на двадцать пять. И в общем-то это почти удавалось благодаря худобе.

— Меня зовут Людмила, — представилась женщина. — Я здесь живу. Ну, в смысле, это мой, то есть наш с Мишей дом.

Похоже, супруга Гревника тоже откуда-то вернулась, поскольку на ней было шикарное платье, отнюдь не для домашнего времяпрепровождения. Ярко-гранатовое, сшитое с подчеркиванием сложных деталей и украшенное переливчатыми стразами, оно скорее подходило для ужина в ресторане.

— Платон Чагин, — назвался я, поднявшись с кресла.

— Ради бога, сидите... Вот еще... Вы с Мишей или с кузиной?

— С Михаилом.

Ее лазоревые глаза и льняные с легкой золотинкой волосы более чем привлекали. Она направилась к бару, интересуясь собранными там разнокалиберными бутылками, явно зная в них толк. Лицо Людмилы имело следы легкого изнурения, но изнурения стильного, изысканного, что ли. «Красивое изнурение появилось вовсе не из-за трудных условий существования, —

сразу подумалось мне. — Проблема наверняка в том, что она один день пьет, а второй усердно занимается в бассейне, в каком-нибудь фитнес-клубе или на собственных тренажерах. Сильное сердце, мятущаяся душа».

— Я употребляю только дорогие качественные напитки, — сказала женщина, переставляя в баре бутылки и словно прочитывая мысли гостя. — Их действие совершенно не то, что у сивухи. Поверьте моему опыту, ничто не причиняет большего вреда, чем дешевая выпивка. Пить надо дорогое!.. Вы не согласны со мной? — Она полыхнула лазоревыми глазами.

— Не полностью. — Как человеку вежливому мне претило, явившись в дом к людям, наговорить им обидных слов.

— Зря вы меня осуждаете, — тем не менее уловила Людмила штрихи неодобрения на лице гостя. — Со мной это бывает не каждый день и даже не через день... Вы вольны сомневаться, но можете спросить у моего мужа, и он подтвердит. Только не спрашивайте у кузины Алины, хорошо?

— С кузиной Алиной я, кажется, не знаком.

— О, вы еще будете иметь это счастье! — воскликнула жена Гревника иронически. — Ладно, не станем предварять. А для чего вы у мужа?

— Возможно, буду вместе с ним снимать фильм. А вообще-то я репортер, документалист.

— Платон Чагин? Ах да, Светлана Романчук говорила мне. Удивительно только, что Миша собирается снимать фильм. Надеюсь, у вас получится шикарная картина. Покажите богатые апартаменты, этакий новоявленный ампир. Интерьеры, интерьеры, плюс модные дамские наряды... И очень занимательный сюжет: герой — на вершине успеха, жена его не понимает и вообще опостылела, отработанный материал. Тут подвернулась девица с роскошным бюстом и двумя извилинами в красивой головке. Кузина Алина, например.

Высокомерие и обида явно боролись в женщине. Людмила уставилась на гостя как надменная посетительница зоопарка на кого-нибудь из братьев наших меньших. И в то же время я опасался, что из лазоревых глаз вот-вот брызнут слезы. И не напрасно опасался — обида пересилила, слезы действительно брызнули. Только это не означало долгого плача, через секунду худое чуть изможденное лицо исказилось в приступе истеричного смеха.

— Так вы представили меня в роли обойденной вниманием женщины? — Вошел и остановился около двери Михаил Гревник. Словно не собирался вмешиваться в разговор.

— Ты слышал? — крикнула Людмила, повернувшись в сторону мужа. — Твой сотрудник Платон просто замечательный человек! Он предполагает, что я несчастна, потому что ты меня не любишь. Уморительный случай! Да мне давно наплевать, что чувствует мой муж! Его отношение ко мне ни при чем, я несчастна сама по себе, поскольку не могу придумать, что есть счастье, в каких вообще местах и в каком облике его искать.

И тут я решился произнести нечто, заставившее Людмилу взглянуть на меня с большим интересом, чем в самом начале.

— Мне ситуация знакома. — Слова прозвучали вполне убедительно. — Совершенно верно, дело не в том, что какие-то планы не реализовал, мечты не сбылись. Я тоже не знаю, чего хочу... Привыкли формулами сыпать направо и налево: в любви счастье, в семье счастье, в успешном бизнесе, в карьере... Да кто доказал? Когда сам не знаешь, чего хочешь, никакие отношения, никакие проекты и прожекты не спасают. Мое состояние называется кризисом желаний. Да, точно так: я не в силах придумать, что есть счастье, в каких местах и в каком облике его искать.

Михаил Гревник махнул рукой.

— Оставь этот разговор, Людмила! Его нечем завершить, кроме очередного запоя, но и запой не меняет жизнь к лучшему. А фильм у нас с Платоном документальный, вовсе не о том, кто с кем спит. Вообще это фильм о прошлом, об истории телевидения.

— Неужели, мой дорогой? Тебя правда интересует что-то помимо денег и секса? — съязвила она. — Ох, никак не могу представить...

— Если бы речь шла о художественном фильме, я бы взял совсем другого героя. Вот такого, например... — Гревник явно импровизировал. — Жизнь удалась, он богат, известен — в сущности, можно бы успокоиться. Но именно успокоенность ему претит, поэтому герой решает, что жизнь, наоборот, не удалась. Былой насмешник, романтик, любивший бродить по городу под теплым дождем и счастливо знакомиться с девушками, теперь начинает вешать нос. Как тебе мой герой, Людмила? Скажешь, дюже банальный? Пусть! Столичный лоск коснулся его, да не пристал... Хотя и коснулся мало. Мой герой продолжает думать о том, кто кому служит — кумир толпе или толпа кумиру? Кумир при всей его удачливости тоже раб... А с женщинами уже тем более все было: безумная любовь, сосуществование, грусть, ярость, измена...

— Особенно с кузиной Алиной, — подпустила шпильку Людмила.

Гревник предпочел на шпильку не реагировать:

— Надо не столько изобретать новые отношения, думается герою, сколько разобраться в самом себе, не убояться той меры одиночества, которая отпущена каждому человеку судьбой. Короче, герою понятно, что именно отринуть, но не вполне ясно, что оставить или взять взамен.

— Но все-таки не любовь, не семейное счастье? — употребил я слова, которые здесь сами собой напрашивались.

— О, тут особый разговор, и в нем не обойтись без жены героя... Она выросла в благополучной, очень культурной семье, но с этой девочкой отнюдь не все было так благостно, как хотелось бы. Еще в школьные годы начались сумеречные поиски, а то и психопатические страсти. Да-да... — настойчиво закивал он, уставившись на супругу. — Представьте себе, она была в числе тех школьниц из приличных семей, которые встречались с подонками только потому, что мама с папой такие встречи не одобряли.

— Хорошего же ты мнения о моем девичестве! — Людмила презрительно усмехнулась. — Даже если... это история, а вот сейчас... В особняке ведь живет не только жена героя, отвоевавшая себе отдельный вход, в нем живет и любовница, вернее, одна из многочисленных любовниц. Она моложе жены, жаждет раскрутки в телевизоре и вообще в шоу-бизнесе, поэтому в любой момент готова для нашего баловня на все.

— Это ее готовность, не моя.

— Правильное замечание! — с сарказмом воскликнула Людмила. — Надо сделать поправку и говорить именно о нашем герое. Не захотел бы он, не подкатилась бы под бочок никакая кузина. Позволил ей подкатиться. И не только ей... Какой же это замечательный мужчина, которого хватает на всех! Но не всегда так было, не всегда. Некогда он приехал в столицу из провинции, закончил учиться и абсолютно ничего из себя не представлял. Кто тогда позволил бы ему захапать на телевидении такую большую вкусную ватрушку, как «Музыка и стиль»? Его бросали рядовым пахарем в те программы, которыми все брезговали. Он безропотно шел туда, куда никто не рвался, — вот что он собой представлял. Девушки из тех самых приличных семей его в упор не замечали, ведь связываться с провинциальным лохом было неловко, репутация дороже.

— Наконец нашлась одна по имени Людмила... — вставил Михаил Гревник.

— Как ни банально звучит, но именно так и было. Я отнесла в химчистку его одежду, прикупила кое-что модное, отмыла героя от провинциальной пыли и студенческого пьянства, доходчиво объяснила ему, что такое аккуратная стрижка, хорошо сшитый костюм, лосьон и дезодорант. А дальше: начала знакомить с политиками, людьми из шоу-бизнеса, вообще с элитой. Я выбила для него мало-мальски пристойную программу, научила, как себя вести, и постепенно он обрел вес. Да и как было не обрести — любой человек, работающий при камере, может подарить кому-то толику славы. А потом уже мы вышли на «Музыку и стиль», развернули парад знаменитостей.

— Ты столичная штучка, ты тут родилась и выросла, ты меня со всеми свела, — согласился Михаил Гревник. — Хотя, не представляй я из себя ничего, не то бы у тебя получилось. О’кей, не хочу спорить, допустим, что ты права, все примерно так и было, как излагаешь. Я это не раз признавал, а ты постоянно возвращаешься к упрекам. Зачем? Ну, права, тысячу раз права... Финиш: или закрыли тему, или развивай свою мысль дальше, а то до меня не доходит, что из всего этого следует.

— Ничего не следует. Я просто констатирую факты. С моей помощью ты сляпал более или менее достойную программу. И сам начал проявлять бойцовские качества, не отрицаю, отчасти даже культура появилась. А следом потянулись кузины Алины, Аннеты, Жаннетты...

— Уймись. Действительно, ты мне в какой-то период помогла, есть за что благодарить. Но я пошел дальше, сделал больше, чем тебе тогда думалось. И в бизнесе не растерялся. Да-да, ускользнул из-под опеки столичной штучки, застолбил свое дело. Поэтому ты на меня злишься?

— Наоборот, я радуюсь и прославляю тебя. Вы его еще плохо знаете! — воскликнула она, обращаясь, конечно, больше не к мужу, а к гостю. — Когда ему надо было, он походил на бультерьера в студии — набрасывался на противника и вспарывал ему брюхо своими вопросами-клыками. Ага, что это там внутри? Без бойцовских качеств, действительно, к деньгам, к своей программе да и в бизнес не пробиться. Мало того, что провинциал, так еще из самой простецкой семьи. Кто бы его принял в столице? Здесь vip-персоны хоть на телевидении, хоть в шоу-бизнесе всегда жили замкнутым кругом. Все друг друга ненавидели, однако в одном дружно сходились: нельзя подпускать к кормушке чужаков. Но он напугал даже многих vip-персон, повлиял на их поведение.

— И ты мне подсказывала, кого и как пугать.

— Я подсказывала, с кого начать. Понимаете, он сперва усаживал перед камерой тех известных людей, которые не боялись острых вопросов. Эти люди позволяли ему быть смелым, и он прослыл смелым, на него появилась мода. Быть прищученным у него в программе и кое-как выпутаться — это стало популярным. Нечто вроде знака качества, вроде лейбла от Дома моды, подтверждавшего высокий класс. Но когда это было? Теперь публика в передаче иная — попса, самые блудливые коты и кошки... Типа как он сам.

— Ах, вон оно что! — хлопнул себя ладонью по лбу и громко расхохотался Михаил Гревник. — Так ты, оказывается, недовольна моей работой?

— Теперь она мне до лампочки. Повторяю для особо сообразительных: я всего-навсего говорю о том, что есть.

— Зачем?

— Для интереса... Я тебя сделала бойцом, бультерьером, а кузины Алины превратили в котика-плейбоя. Ты стал неудобоваримые слова заменять эвфе-

мизмами. А твои нынешние интервью в программе? Тьфу... Всегда весело, всегда остроумно, всегда так комплиментарно к своему визави!

— В чем-то ты опять права, Людмила, но бесконечно пережевываешь тот несомненный факт, что мы на телевидении с каждым днем все больше развлекаем зрителей.

— Смеются не над вашими остротами, а над вами!

— А кто это отрицает? Да, развлекаем, гоним эффекты-аффекты... Такое время. Политика надоела, критический пафос оскомину набил. Сколько можно убеждать людей в том, что нет правды на земле? Ну, нет и нет. Ни правды, ни элементарной честности. Точка.

Людмила неожиданно поставила в бар на полку высокий стакан, из которого она до сих пор прихлебывала, и вперилась в меня своим лазоревым взором.

— Вы слышали, что он сказал?

— Разумеется, я слышал.

— Тогда хочу спросить у мужа при вас: зачем тебе, Миша, понадобился толковый документалист? Да, был у меня разговор со Светланой Романчук, но раньше ты на просьбы моих подруг слабо реагировал. Твоя программа посвящена развлекаловке, клоунам от шоу-бизнеса, твоя компания тем более на них замкнута. Ну? Ты думаешь, я не знаю Платона Чагина? А вот нравятся мне его работы! Лично до сегодняшнего дня не была знакома, так что из того? Зато фильмы его видела. «Чернобыльские прощания», кстати, смотрела и плакала. — Я вздрогнул — вот так признание! — Ведь я нормальная женщина, у меня есть сердце, мне жаль, что погибли многие деревни. Да, очень-очень жаль, хоть я столичная штучка, как ты, Миша, выражаешься. Но не только Чернобыль... Ты скажешь, Чернобыль — это особая боль и все такое. Согласна, а мне и другие вещи Чагина нравятся. Например, фильм «Бродяги». По-моему, тоже прилично снято, тоже прошибает. Какие судьбы!

Слушать похвалы мне было крайне непривычно и неудобно. Однако... Я же действительно не бездельничал всю свою жизнь. Некоторые фильмы остались на полке. «Горькие профессии», снятый на тракторном заводе, «Обеспечит ли хоккей здоровье нации?», «Зачем стране игорный бизнес?» Но кое-что и прорвалось, в особенности по чернобыльской тематике. Следил, например, за судьбами первых переселенцев, снимал родственников и друзей тех пожарных, которые сразу после катастрофы пошли на крышу реактора, тех инженеров и рабочих, которые открыли заслонки под ним, чтобы спустить воду — в бассейн мог рухнуть этот рукотворный монстр, это страшно разогретое атомное месиво: был бы взрыв еще чудовищней.

А кроме чернобыльской тематики... Любил и люблю снимать трудовую жизнь. Иногда незатейливую, иногда очень даже сложную. Ученых снимал, заводских инженеров, музыкантов из филармонии, энтузиастов из самодеятельных театров. Снял фильм «Теплица» — о женщинах, которые зимой обеспечивают горожан свежими огурцами-помидорами, салатом, лучком, а то и клубникой. Это же вправду труд и забота, которым поклониться можно. А хлеборобам, животноводам? Кстати, снял хорошую вещь о сыроварах — есть у нас люди, желающие производить сыры не хуже французских и швейцарских.

Снял еще любопытный фильм о бывшем милиционере Владимире Дежкине, который был осужден за неправильное применение оружия, отбыл в колонии четыре года, вышел и резко влез в торговый бизнес. Дежкин поставил себе целью разбогатеть и начал крутиться как бешеный. Такое вот жела-

ние реабилитировать себя перед родителями и женой, показать следователям и судьям, что зря они так с ним поступили, зря за «колючку» отправили...

— Вы не смущайтесь, — решила Людмила доканать гостя. — Чего вы перед ними тушуетесь, с какой стати? Только потому, что здесь особняки богатые? В них поселились циники, сумевшие денег загрести... Да плюйте вы на этих коммерческих проныр! Сначала нагребут, а потом обожрутся, кочуя из ресторана в ресторан. Или их жены и любовницы все растранжирят. Или дети за кокаин отдадут... Как пришло, так и уйдет. Все наши успехи — ерунда на постном масле! Вы лучше. Денег нет и не будет, зато фильмы есть. А деньгами поделятся — вот я, например.

— Оставьте, прошу вас!..

— Я абсолютно согласен с тобой, дорогая, — Михаил Гревник сдержанно хохотнул. — Особенно насчет жен, которые бездумно транжирят... И твою оценку фильмов Платона Чагина поддерживаю.

— Тогда ответь прямо: зачем тебе документалист?

Она готова была наступать на него весь вечер, но Гревник лишил ее этого удовольствия, сразу ретировавшись.

— Извини, дорогая, ты задала слишком сложный вопрос. Признаю: может быть, сегодня ответа на него у меня нет. Но не печалься, ты еще будешь иметь возможность прищучить своего мужа. Потом, со временем. А сейчас, не обессудь, расстрою компанию: нам с Платоном пора ехать.

* * *

Когда мы вышли из особняка и снова сели в «Мерседес», Михаил Гревник не прибавил о жене ни слова. И ни полслова не сказал о том, зачем ему нужен документалист. После похвал Людмилы мне самому спрашивать об этом стало сложнее, получилось бы, что я к ней присоединяюсь: «А вправду, при стольких моих заслугах зачем я тебе»? Ну, и так далее.

На самом деле я с Людмилой не был согласен. Кое-какие фильмы сняты, верно, да ведь нормальный человек обычно считает свой фильм наиболее важным и значимым до тех пор, пока работа не завершена. Закончил — точка, самооценка, если человек вменяемый, никогда не бывает слишком высокой. На каком-то кадре автор вынужден затормозить, а нереализованных возможностей в любой теме остается еще море. Если после окончания очередной работы что-то и мешало мне по ночам спокойно спать, то вовсе не ликование от успеха. Скорее уж мысли о нереализованных возможностях.

Не слишком убедили безработного журналиста и слова Людмилы о том, будто бы богатство совсем ничего не значит, дескать, сами коммерсанты обожрутся, а их жены, любовницы и дети состояния растранжирят. Для меня такой подход был слишком легким. Далеко не все и совершенно не обязательно обожрутся, не обязательно их жены, любовницы и дети состояния растранжирят. Да и не только в будущем дело, настоящее имеет не меньшее значение, а в настоящем самому хотелось бы жить богаче. Плюс, то же самое и в будущем...

Не за что мне было любить однозначно успешных людей, но Михаилу Гревнику я о своей нелюбви прямо не говорил, большей частью мы молчали или обменивались не слишком развернутыми замечаниями о вечерней жизни Минска, какой виделась она из окна «Мерседеса». Мы доехали до того квартала, где безработному журналисту посчастливилось обитать. Действительно, большой плюс: безработный, да не бездомный.

В грязном сквере и в забегаловке на краю сквера было многолюдно, пиво там лилось рекой, русло которой пролегало через бочку, металлический кран, множество бокалов, желудков, ну, и мочевыводящих каналов, естественно... Вокруг забегаловки и чуть дальше в сквере еще были видны грязевые лужи — тут недавно таял снег. Мужчины вблизи забегаловки активно общались. Драки пока ни одной не наблюдалось, а вот энергичного размахивания руками, часто предшествовавшего дракам, хватало на каждом метре. Однако в некоторых группках любителей пива и пития покрепче шли задушевные разговоры. Тут можно было увидеть пьяные слезы, услышать пространные, заранее не продуманные исповеди, слова признаний и раскаяний, родившиеся экспромтом. Но больше летело дурного бесшабашного трепа. В общем, шло состязание умов и того, что умы заменяет, разворачивались бесконечные диспуты пивных плебеев, ненадолго вообразивших себя патрициями.

Хоть раз я добирался домой не на троллейбусе и не пешком. Проехал на приличной машине Михаила Гревника мимо сквера, мимо забегаловки прямо к своей девятиэтажке. Припарковались и, оставив водителя скучать-дремать в «мерсе», поднялись на лифте ко мне... «Лучше бы Ларисы сейчас не было дома, — вспомнил я о кухонной квартирантке. — Иначе придется либо отправлять ее куда-нибудь, либо звать в компанию. Зачем? Только внимание на себя оттянет, а нового ничего не скажет. И вообще, красивую путану с исковерканной душой лучше всего не трогать».

Мне хотелось, чтобы ее не было дома, и ее там не оказалось. Зато Семен Семенович Кушаков в прихожей на проваленном диване ютился. Не спал он, лежал с открытыми глазами, уныло смотрел в потолок.

Пришлось мне сказать Кушакову несколько вводных слов о Гревнике и Гревнику о Кушакове. А впрочем, руководитель программы «Музыка и стиль» вскоре заговорил сам, он-то умел говорить сколько надо, безостановочно.

Старик встал. Был Кушаков небольшого роста, спереди лысый, на затылке и за ушами седенький и, несмотря на жизнь в прихожей, в целом не опустившийся, аккуратный. Морщинистое лицо его и в старости оставалось чистым, без родинок, пигментных пятен, бородавок; светлые, как бы совсем выцветшие глаза смотрели сосредоточенно. Внимание старика рассеивалось сверх меры лишь тогда, когда он выпивал либо его клонило ко сну.

— Добрый вечер вам, Семен Семенович, добрый вечер! — Михаил Гревник чуть форсировал голос. — Рад с вами познакомиться! Принимаете гостя? Уж не откажите... Бутылку водки, хвост селедки, ветчину и даже фрукты мы захватили, как положено. Извините, что без предупреждения, я свалился, будто снег на голову. Хотя, конечно, какой уже снег, весна...

— Да развлекайтесь, не обращайте на меня внимания! — Старик немного смешался. — Я же всегда держусь со скромностью и в стороне, стараюсь не встревать. А если надо, то удалюсь свежим воздухом подышать. Короче, схожу вниз на скамейку, с отставными кралями лясы поточу.

— Что вы, что вы... Я в гости потому и напросился, что с вами познакомиться хотел. Повезло: мои люди разыскали вас. Да вот и Платон поспособствовал...

Ну, и так далее. Через какое-то время они выяснили, что Михаил Гревник большой человек на телевидении, а Семен Семенович Кушаков, проработав всю жизнь в механическом цеху слесарем, помощником мастера и контролером качества, никакого отношения к «ящику» не имел (кроме зрительского интереса, разумеется), зато в детстве действительно видел зачинателя телевидения.

— Может, на кухне расположимся? — предложил Гревник. — Чай проще заваривать.

— Нет, садимся в комнате, — пришлось мне возразить. — На кухне у меня тоже есть постояльцы, а на комнату пока никто не претендует. Хотя я прямо просил, не единожды предлагал Семену Семеновичу, чтобы он заходил телевизор смотреть.

— Еще не хватало! — фыркнул старик. — Таким макаром мы тебя самого из квартиры выдавим. И так навязались на твою голову... Добрый он, Платон, вот и страдает из-за нас, — похвалил меня. — В комнату я еще перебирайся... Нет, спасибо, что на диван пустил, яичницу разрешаешь поджарить, пельмени иной раз сварить.

— Что за день сегодня! — на всякий случай воскликнул я, глядя на гостя. — С детских лет вроде никто по головке не гладил, а тут...

В конце концов, мы устроились за столом в комнате.

— Вам бы, хлопцы, пригласить молодух для веселья! — лукаво подмигнул Кушаков. — Вот жалко, Лариска куда-то запропастилась.

— Не нужно нам дурного веселья! — Я поспешно отмахнулся от этой темы.

— Для меня мужская компания, Семен Семенович, именно то, что надо, — солидно изрек Михаил Гревник. — Когда есть возможность серьезно посидеть, этих, с напудренными носиками, лучше побоку. Не хочу обижать женщин, но как нагромоздят торосы вокруг собственной персоны... Да если бы еще персоны, а то больше вокруг красоты, мяска своего, фигуры! Хорош. Не все в жизни к их прелестям да сексу сводится, особенно во втором столбце биографии.

— Про второй столбец — это точно. Мне уже по возрасту давным-давно без всяких сексов жить положено... Что и делаю. Слава богу, сердце еще стучит, глаза мир видят. Молодость и сексы ушли безвозвратно, на нет и суда нет, — развел руками старик. — Жил с женой и дочкой — обе померли. Двоюродная сестра ко мне переехала, пожили сколько-то — тоже на кладбище переселилась на постоянное жительство. А меня, дурака безмозглого, смерть пока не берет, хоть и стоило бы за проделки глупые шугануть куда подальше.

— Наслышаны о вашем горе и, может, поспособствуем насчет жилья — я тоже подключусь, — пообещал руководитель программы «Музыка и стиль». — Одолеем сообща проблему. Пока же предлагаю по рюмочке принять, чтобы разговор веселее пошел!

— С удовольствием примем, — согласился Кушаков. — По рюмочке, так по рюмочке. Только вторую мне с полчаса не наливайте, а то возьму и засну за столом, — честно предупредил он. — Случались уже такие происшествия неприличные. Потом стыдно старику.

В общем, мы славно сидели, и минут через десять начался тот самый разговор, ради которого Михаил Гревник затеял встречу. Он достал из портмоне и показал Кушакову старое фото. Наверное, именно это фото громко называлось материалами к сценарию, за которыми пришлось заезжать в особняк. Я краем глаза заметил, какое пухлое у гостя портмоне, сколько в нем крупных купюр и щеголеватых кредитных карточек. American Express, VISA International, Master Card... После портмоне, естественно, взглянул и на фото.

Но в первый момент удалось завладеть реликвией не мне как хозяину квартиры, а квартиранту Кушакову.

— Узнаю, тот самый человек, — заявил старик, вертя снимок и так и этак. — Точно он, как сейчас помню. Скажите, вот под старость что вчера было, забывается, а что почти семьдесят лет назад — пожалуйста, будто заново передо мной проплывает. И Бориса Львовича вижу как живого,

во всей четкости. Взгляд его, бородку, как руки мелко-мелко подрагивали и как... — Он не закончил фразы, считая, что и без ее завершения собеседникам все понятно.

Копия с давнего любительского снимка, конечно, давала смутное представление о внешности профессора. Ученый в ссылке выглядел почти таким же старым, как теперь Кушаков... Розинг сидел на табурете у крошечного столика, на котором можно было различить котелок, стеклянную банку и ложку, а также два неровно вырванных из тетради листа бумаги, карандаш. Лицо ссыльного казалось болезненно-усталым, сидел он сильно ссутулившись.

В самом углу снимка блестела дужка-спинка металлической койки, был виден фанерный шкафчик, еще, рядом с койкой, — этажерка с десятком потрепанных книг. Внизу на фото имелась надпись: «Архангельск, 1933».

— Это он незадолго до смерти, — пояснил Кушаков. — Может, за месяц какой-нибудь, не больше. Я видел, как потом все случилось, потому что ездил с ним отмечаться в отдел по ссыльным. Ну, как пацаненок, за компанию. Надо было дважды в месяц отмечаться. Если я правильно помню, у Розинга уже заканчивался срок ссылки, вскоре ему разрешили бы вернуться. Вот только куда? Он говорил со мной об этом, мечтал поехать в Ленинград. Правда, всегда называл не Ленинград, а Петербург, не признавал перемен. Наверное, ему бы запретили сразу после ссылки туда вернуться, но в итоге никаких запретов не понадобилось, раз человек умер. Вы растолкуете мне, чем он знаменит?

Разговаривал с Кушаковым в основном гость, а я больше слушал и заодно, установив камеру, снимал их.

— Борис Львович работал в Петербургском технологическом институте, — рассказывал Гревник. — У него еще до революции, до Ленина-Сталина, была там лаборатория, и он стал автором системы телевидения с электронно-лучевой трубкой. Короче, телевизора... В 1911 году провел первую в мире передачу по этой системе, сумел транслировать изображение в виде решетки.

— Вот ему потом решетка и вышла — напророчил сам себе. — Кушаков покачал головой, удивленно осмотрелся по сторонам, словно не веря, что разговор идет о давнем, далеком. — Как и моим отцу с матерью, всем родичам. Кому решетка, кому лагерь или ссылка.

— Розинг выпустил несколько работ по технике телевидения, а в 1931 году был арестован якобы за злоумыслие, каковое выразилось в поддержке контрреволюции, — продолжал излагать биографию ученого Михаил Гревник. И пояснил: поддержка была любопытная, так как он дал взаймы немного денег своему знакомому, а того обвинили в каких-то крамольных высказываниях. Понимаете? Трешку перекинул не тому... Короче, босяки, подонки занимались творчеством в спецслужбах. Сляпали дело: финансовая поддержка контрреволюции. По мнению тогдашних следователей, преступление тягчайшее.

— Может, он и рассказывал старшим про арест, а я ж был пацан пацаном, мало что в арестах петрил, — пожал плечами Кушаков. — Мои заботы — поесть, погулять, матери помочь да учиться хоть сколько. Он меня подучивал арифметике: примерчики всякие решали, задачки... Еще объяснил, как радио действует. Теперь его бы репетитором назвали, а тогда никак не называли, разве только я — дяденькой. И денег никаких ему родители не платили — откуда было взять деньги? Только через питание мать рассчитывалась: иногда драниками, оладьями угощала, капустой тушеной. Один раз сальца шматок отрезала, головок несколько чеснока отжалела.

— Два года он в архангельской ссылке прожил, — вставил Михаил Гревник. — Скончался в шестьдесят четыре, не очень еще старым.

— Может, и два года прожил там, хотя мне кажется, что меньше. А умер на моих же глазах, быстро, в секунды... От смерти он долго не мучился, только от жизни. Мы в тот день поехали в увэдэ отмечаться, увязался я за дяденькой. Розинг просунул в окошко свой «конский» паспорт, получил отметку, что «явлен», потом неподалеку получил и на паек кое-что: суп, брюквину, хлеба куски. Ну, хлеб с брюквиной — ладно, а суп в котелке надо было еще довезти. Возвращались мы домой на трамвае. Конечно, здоровье у Бориса Львовича было подорвано, руки ослабли, дрожали, а суп тогдашние повара варили совсем жидкий, вроде баланды. Вот тот жидкий суп, как только трамвай качнуло, и плюхнул женщине на пальто. Женщина оказалась, как уже позже мои родители прослышали, женой одного хмыря из органов. Такая мадама пудов на семь с гаком, ядреная да горластая. Ох, она подняла крик!

Мне подумалось, что если дело и вправду дойдет до фильма, то эту сцену можно будет сделать постановочной, с актерами. Суровая зима, разболтанно громыхающий на рельсах трамвай (в Минске есть старые для съемки), на задней площадке — съежившийся старик с котелком, рядом с ним — щуплый мальчонка...

— Кричала, как раненая сорока, — продолжал Кушаков. — Борис Львович ей по-хорошему: «Не беспокойтесь, сударыня, мы с вами все уладим миром». Дескать, я же никуда не убегаю. А она ему: «Как это уладим? Каким миром? Да что у тебя есть, оборванец, морда вражья?» И пошла, пошла честить несчастного еще обидней и громче. А мне по лицу его так видно было, что больно ему от крика... Он ей: «Я действительно беден, но могу отработать... У вас есть дети? Я буду учить ваших детей. Можно организовать дополнительные уроки математики, физики...» Ну, как со мной, репетиторство то бишь. Обещал он, умолял, а она ему грубо в ответ: «Твою учебу на хлеб не намажешь и уроками *пальта* к чистоте не вернешь!» По-своему женщина была права, поди с ней поспорь... Он тогда по-другому хотел уговорить: «Я попытаюсь вывести пятно химией». Услышав это, она совсем рассвирепела: «Да пошел ты! Мало, что материю изгадил, так еще и дырку мне на *драпу* пропалить собрался, интеллигент вонючий, гниль старорежимная! Может, и рейтузы мне выстираешь, а?» Из-за ее крика разволновался он, дальше некуда. И я подозреваю, что у него заломило в голове, потому аж щека левая задергалась — хватался Борис Львович за голову, за щеку, висок зачем-то рукой тер. Может, ударило его изнутри в висок... Я теперь знаю, что так бывает, мне один знакомец рассказывал, который выжил после инсульта. А Борис Львович получил инсульт смертельный. Упал на заплеванный пол — вот и вся человеческая жизнь.

— Причем профессорская, — подчеркнул Михаил Гревник.

— Жизнь пораженного в правах человека, ссыльного, — не согласился с ним Кушаков, хмурясь и стараясь еще что-то вспомнить. — Я кричал, плакал... Как в горячке был — суп пригоршнями хотел назад в котелок собрать. Сначала на меня внимания не обращали, а потом все-таки остановили трамвай. Да без толку, Борис Львович уже с нашим миром простился.

Лицо Кушакова исказила страдальческая гримаса. Я снимал все, сознавая, что этот стариковский рассказ, эта гримаса, не исключено, озарят мрачным светом половину фильма. У меня уже было представление, что и как снимать про Розинга: первая телепрограмма в виде решетки на экране — это станет лейтмотивом, с которым можно будет соотноситься, показывая решетки разного узора на питерских улицах, в застенках. И трамвай, качающийся на

рельсах, портрет Розинга, лицо старика Кушакова, бывшего в 1933 году наивным мальчиком.

До сих пор я опасался сближаться с начальством или с теми, кого считал богатыми. Что же теперь изменилось? Вразумительного ответа на этот вопрос у меня не было. И не стоило так уж много внимания уделять Михаилу Гревнику. В чем проблема? Лебезить перед ним не требовалось, услуживать ему — тоже. Особенно в ущерб своим друзьям. Вот, например, обещал я позвонить Лане Романчук и еще не позвонил... Пройдя к телефону, снял трубку, набрал номер Ланиной подруги, таким образом быстро исправляя допущенную оплошность. Ответила Лана. Нет, я вовсе не собирался перед ней отчитываться,но все же, коль пообещал позвонить, коротенько обрисовал ситуацию.

— Дама сердца? — спросил догадливый Михаил Гревник, когда Лана стала перечислять, что она успела сделать по больничному репортажу.

— Дама. Если не сердца, то вроде того, очень близко, — ответил я Гревнику, прикрыв рукой микрофон.

— Проблемная?

— Как сказать...

Старик Кушаков шумно пил воду — у него першило в горле. Может, въелось в ткани само время...

— Лучше всего заниматься дамами между делом, — объяснял Михаил Гревник, несмотря на то, что я по-прежнему, не закончив телефонного разговора, прижимал трубку к уху. — Дамы — это статистки, заполняющие паузы... И тебе советую так же к ним подходить. Если решишь пахать в связке со мной, то иногда и по ночам будем крутиться. Почти все в моей компании лепят интимные отношения без больших перерывов в основных, рабочих делах, лепят как вклейки между главными сюжетными кусками. Удобно. Ты как считаешь, Платон? Я тебя убедил или нет?

— Ну, это не ноу-хау.

Лана весьма кстати замолчала.

— Сегодня я не приеду, дорогая, — пришлось ее огорошить. Она даже охнула от неожиданности, хотя мы точно не договаривались о новой встрече. — Тут дело образовалось ровно на миллиард, — сообщил еще, не очень задумываясь, понравится ли такая формулировка Гревнику.

— Понимаю, очень даже понимаю, — медленно проговорила Лана, должно быть, сообразив, что мне неудобно отчитываться. — Он рядом с тобой, да?

— Вот именно.

— Предложил тебе постоянную работу?

— Что-то вроде нее, дорогая. Я еще перезвоню.

— Только набери меня сразу же, как сможешь! Наверное, звони уже домой или на мобильник... Мне так хочется знать, что Гревник для тебя придумал! Конкретно, детали всякие.

— До свидания. — Наконец, я положил трубку.

— Правильно, с ними быстро надо расправляться, — одобрил Михаил Гревник. — Видел мою, Людмилу? Мы с тобой вовремя сбежали, а то она иной раз за целый вечер не может выговориться. Знаешь, что сказал о браке хороший французский актер Жерар Филипп? Он назвал брак продолжительной беседой. Метко? Жерар любил свою жену и с удовольствием растягивал беседу, правда, умер в тридцать семь.

У Кушакова в горле перестало першить. Но от выпитого он почувствовал слабость и попросил прилечь.

— Многовато вы мне плеснули, — сказал извиняющимся тоном. — Не обижайтесь — возраст. Был ездок, да съездился.

Вскоре из прихожей донеслось его громкое сопение, по временам переходившее в надсадный храп.

— Вот ты ревниво как-то относишься к дамам, — сказал я Гревнику. — Дескать, статистки, дескать, интимные отношения надо сокращать. Я вроде правильно тебя понял, но у меня по-прежнему никакой ясности насчет работы. Про какую пахоту речь, чем я у тебя займусь? Фильмом о Розинге?

— И о Розинге. Мы с тобой уже сейчас им занимаемся. И о компании фильм — для начала. Так сказать, торим подходы к нашенской фирменной документалистике.

— Начало мне ясно. Но много ли мы о Розинге накопаем?

— Вот и бери параллельно историю компании.

— Что именно брать? И почему все-таки предлагаешь работу мне? Я не напрашиваюсь на комплимент, хочу только вникнуть в ситуацию.

— Подбираю человека со стороны.

— Человека, который сделает что?

— Вообще-то компании нужно документальное кино. Новое, чтобы продавалось, шло на популярных каналах в прайм-тайм и приносило прибыль. Оно у нас будет. Фактически, решение уже принято, но ответов на все вопросы пока нет. Живем в режиме обдумывания. Имеем на это право? Имеем. Построить свою компанию не так просто, как некоторым кажется. И ты тоже не гони лошадей, побудь чуток в стадии обдумывания. Так или иначе, мы тебе работу предложим, а пока занимайся фильмом... По-моему, это тебя должно устраивать. Во всяком случае, завтра ты сможешь получить аванс.

— Опять мы возвращаемся к началу разговора... О каком фильме речь? Про Розинга снимать?

— Скорее так: про зарю телевидения и параллельно про сегодняшнее его состояние. С чего начинали, ради чего начинали, к чему пришли. Задумайся. Ну, хотя бы на материале нашей компании...

— А если это будет критический взгляд?

— Хорошо бы не поверхностный.

— И как же я буду собирать материал о компании? Или нужно сделать фильм в виде рекламного ролика? Фильм для раскрутки? Но я созданием паблисити никогда не занимался, не мое это.

— Известности мне хватает, речь идет о серьезном исследовании. Конечно, не хотелось бы так называемой голой, лобовой критики. Не о погроме речь. Пусть фильм будет проблемным, но в целом все-таки интеллигентским, с философским взглядом на наше время.

— Я еще раз спрошу: как собирать материал?

— Как угодно, Платон. Обещаю делать все, чтобы тебе были доступны любые данные обо мне и моей компании, ничего не скрою. И все структуры, все сотрудники получат команду оказывать содействие. Ты сможешь обратиться к любому из наших, хотя, я уверен, не все с легкостью откликнутся. Ну, на то и журналист, чтобы достучаться. Дерзай! А еще я хочу, чтобы ты был в компании моим человеком. Хочу и говорю тебе об этом прямо: моим, не Кирюхина и не Бодякова.

— Как это понимать? А другие люди в компании? Они что, не все твои?

— Жизнь странная штука... Берешь человека сначала вроде бы на роль хвоста, а потом он выказывает желание вилять всей собакой. Прогнать затруднительно, работник компании нужен, однако удовлетворять его чрезмерные претензии тоже невозможно. Вот и получается: свой, который чужой.

— Извини, Михаил, я усомнюсь в том, что ты дашь мне во всем копаться и будешь со мной до конца откровенен. Даже ты, тот человек, который, собственно, и заказывает фильм. Разве у нас существует полностью прозрачный бизнес?

— Ах, вот ты про что! Но я не имел в виду финансовые вопросы. Давай сразу договоримся: финансы — это в основном табу. Ты берешь только телевидение как творчество. Что оно черпает, что и кому несет... Развлекает, увлекает, воспитывает, развращает, успокаивает, запугивает, дарит наслаждение, образовывает, служит средством коммуникации и тому подобное. Можешь пройтись по всем функциям. Художественно-информационная сторона, традиции и новаторство, будущее «ящика» — пожалуйста, все твоя тема!

* * *

Когда Михаил Гревник откланялся, я, выключив в комнате свет и распахнув окно, долго сидел, опершись локтями на подоконник.

Вторично звонить Лане не торопился. Вообще, думалось, пора бы заканчивать, хоть она оставалась для меня желанной женщиной... Годы жизни были связаны с ней, воспоминания о недавнем прошлом без нее блекли, обесцвечивались. Я не хотел их обесцвечивать, поэтому не торопился с разрывом. Хотя рано или поздно... Мне всегда было неприятно, что я способствую обману, стал даже причиной ее неверности. Малознакомый Сергей Романчук казался мне неприятным типом, да я-то сам исполнял в нашем спектакле не лучшую роль.

Сидел и смотрел в окно. Есть старинный астрологический календарь, делящий людей в зависимости от времени их рождения на приверженцев четырех стихий: земли, воды, огня и воздуха. Моей стихией стал воздух, я принадлежу именно воздуху и никогда в этом не сомневаюсь. «Воздух одиночества и свободы — это для меня», — думал не раз. Потому-то так славно чувствовал себя у окна, на лугу и в поле, мне всегда нравилось видеть землю аж до горизонта, любоваться закатами и рассветами, заречными далями, просторами над морем. В лесу я смотрел на вершины деревьев и везде, где только получалось, поднимал глаза к небу. Мне хорошо в поэтическом настроении считать звезды, а предаваясь отчаянной лени — ворон, мне труднее всего упираться взглядом в стену, землю, а вот на воду и огонь я тоже смотрю с охотой. Но созерцание воды, несущейся куда-то реки или беспокойного однообразия морских волн по большей части навевает печаль. И огонь, завораживая, тоже не прибавляет оптимизма: все исчезает в огне. Лишь воздух, лишь рассеянный взгляд в дальние дали дарит надежду, чувство полета, пусть даже иллюзорного. И лишь воздух будоражит-жалует мыслями не столько о конечности бытия, сколько о беспредельности мироздания.

Ларисы все не было... Я вовсе не обязан ждать ее прихода, а явись она, у меня сегодня не нашлось бы к ней никакого дела. Просто думал об этом как об очевидном факте: «Лариса еще не пришла». И мои мысли, оттолкнувшись от очевидного факта, перекинулись на саму Ларису.

Нередко человек замечает людей, которые на него похожи, и не только в прямом смысле слова. Подобное к подобному... Я не сумел бы ясно и четко растолковать, по каким признакам мне удавалось находить эту похожесть с Ларисой, скорее так почувствовал — и точка. Если похожие люди терпят жизненное поражение, мне хочется им помочь. Я угадываю преимущественно лирическую окраску их натуры (хотя бы в прошлом) и некое особое, как

у меня самого, отношение к воздуху. Часто удается сориентироваться по лицам, по глазам. Однако строгого правила на все случаи, разумеется, не существует. Конечно, что-то заставляет обратить внимание на человека, если он возвращается с похорон... Немного сложнее догадаться, что у незнакомца три дня тому назад была свадьба, тем не менее, догадаться можно. И, наверное, ничего особо удивительного нет в том, что я улавливаю накал душевных переживаний, связанных с воздушной стихией, даже если этот накал с течением времени у человека ослабевает. Естественно, догадки не всегда озаряли сразу же, встречались до чрезвычайности запутанные линии судеб, такие, например, как в случае с Ларисой. Она пошла в путаны и, более того, под прикрытием постыдного занятия, фактически, — в бандитки. Научившись клофелинить, Лариса стала изымать у клиентов небольшие суммы денег, а я вздумал толковать с ней о былом накале ее душевных переживаний, о ее связи с воздушной стихией... Понятно, что подобные рассуждения для обобранных клиентов прозвучали бы чудовищно, а все-таки с первого дня знакомства я угадал в девушке сломленную неблагоприятными обстоятельствами лирическую натуру — ну, не сохранилась в нетронутом виде, но ведь была, была! И я почувствовал присущую Ларисе некогда совершенно необузданную мечтательность. Жаль, конечно, что в последнее время ее мечтательность оказалась загаженной, заваленной разным бытовым мусором.

Мы познакомились случайно, почти столкнувшись около одной из лучших минских гостиниц, где охотно фланировали сговорчивые девицы. На всех мужчин поглядывали, не пропуская ни молодых, ни старых, лишь бы клиент, судя по виду, не относился к лузерам, то есть имел тугое портмоне. Я никогда не помышлял покупать прекрасный пол, однако засмотреться на путану при случае мог. Наметанный мужской глаз сразу выделял среди встречных женщин и девиц ту, что пофигуристее, а она в ответ могла обратить внимание на меня. Некоторые мужчины считают менее зазорным платить за ласки, чем знакомиться с доверчивыми простушками и обманно завлекать их иллюзией любви. Тоже ведь оправдание: плачу, а не ловчу, не замешиваю свой пирог на чужих слезах. Дескать, путаны хотя бы отчетливо представляют, за что отдают себя и чем их услуги могут потом обернуться.

В тот раз клиентов у гостиничных путан не было даже на горизонте. А так, наверное, хотелось каждой завалиться в ресторан, всласть попить-поесть, а затем отправиться с мужчиной в номер. Среди наиболее соблазнительных девиц, которых я выделил, одна, Лариса, еще очень молодая и привлекательная телесно, смутила меня трагическим выражением лица. Словно маску однажды надела, а она пристала. Скорбно опущенные углы губ, устремленный в никуда взгляд... Едва заметив ее, я поторопился отвести глаза и подумал: «Нет-нет, хватит с меня собственных проблем».

В гостинице и в гостиничном ресторане Ларису жаловали. Пару месяцев она пыталась иметь здесь, с позволения сказать, поприще... Профессионалок в гостинице контролировали не только коты-сутенеры, но также дежурные, горничные на этажах, ждавшие подачек. Одна горничная, Эмма, предупредила Ларису:

— Не будешь платить, наябедничаю котам. Они быстро научат, как себя вести. Отстегивай мне, подруга, так дешевле выйдет, чем им платить.

— Не говори никому ни слова, обойдемся без котов. Какие мои заработки?.. Но тебе я буду понемногу приносить.

Женщины мало-помалу поладили.

— Эй, мужчина, не желаете познакомиться? — спросила меня Лариса, когда мы почти столкнулись перед входом в гостиницу.

— Я пустой, — пришлось признаться в неплатежеспособности.

— Очень жаль... Я тоже... А если мне у вас немножко переночевать?

— Разве что у двери на коврике...

— Серьезно можно? Я бы согласилась и на коврике. Главное: с какой стороны двери он лежит.

Короче, слово за слово, разговорились.

Не разучись она улыбаться, ее можно было бы назвать красивой. Если судить по типу, то такие складные да ладные мадемуазели более чем нравятся мужчинам. Но, но... У некоторых путан есть своего рода романтический период, когда они принимают клиентов с охотой, плоть еще играет, не огрубев... А потом чрезмерные порции секса начинают утомлять. Так вот, Лариса скорбную маску на лице заимела не случайно: романтического периода у девицы совсем не было, хотя пару месяцев она пыталась походить на путану.

Кто-то считал ее жесткой, недобросовестной особой. Хотела денег, но не хотела отдаваться, поэтому прибегала, как многие взаправду недобросовестные особы, к медицинским препаратам. Прием известный: быстро сбить давление подвыпившему клиенту и не пожалеть снотворного, чтобы мужчину сморил сон. Можно в ресторане начать, где обычно суета и дым коромыслом, или сходу в номере, пока ресторанное возбуждение еще не улеглось. Так или иначе, а бросить таблетку-другую в бокал с выпивкой не трудно... Лариса имела наглость с первого же вечера рассчитывать не на секс, а исключительно на таблетки.

Зато она в принципе не воровала. Попадались клиенты с крупными суммами в портмоне, у многих в номерах хранились ценные вещи. Лариса брала лишь то, что ей якобы причиталось: договорились на две-три сотни — все, две-три сотни наши, а не ваши. Скорее это напоминало не воровство, а отлынивание путаны. Когда клиент приходил в чувства, то вспоминал, как пили, обнимались... Все вроде бы шло путем, просто завершение в памяти смазалось.

Пару месяцев благодаря своей хитрости да ловкости Лариса продержалась, но в конце концов попался ей слишком злопамятный сукин сын, и обманщица влипла.

Вот как вышло... Заезжий торговец мандаринами не просто положил на нее глаз, а присох так, будто с собой на Кавказ увезти собрался. Дрожал, заглядываясь на Ларису... Ну, естественно, после вечера в ресторане она пошла к нему в номер. На этаже дежурила горничная Эмма, уже опекавшая Ларису как подруга; они даже заговорщицки перемигнулись. И в номере сначала все шло обычно, однако когда Лариса доставала таблетки, клиент увидел ее изображение в зеркале. Промолчать промолчал, а пить шампанское с клофелином, конечно, не стал. Внезапно набросившись, попробовал применить к путане силу — Лариса не далась. Тогда он разозлился и вытряс все таблетки снотворного, которые у нее были, в ее же бокал, стервенея от возмущения, влил шампанское ей в рот...

Торговец мандаринами уезжал рано утром, едва рассвело. Горничная Эмма осмотрела номер, убедилась, что гостиничные вещи в наличии и в удовлетворительном состоянии.

— Пускай поспит, — махнул рукой торговец в сторону путаны.

Грудь Ларисы мерно вздымалась и опускалась — нормальное дыхание. О чем горничной беспокоиться? На номер пока никто не претендовал, будить Ларису было необязательно. Однако часа через два Эмма стала готовиться к сдаче дежурства, и в ее душе шевельнулась тревога... Горничная пришла

разбудить заспавшуюся гостью — не тут-то было! Лариса не просыпалась, хоть тормошили ее энергично.

В общем, неприятная вышла история.

Дышала Лариса по-прежнему ровно, на теле ее не обнаружилось ни крови, ни следов побоев, однако было ясно: что-то недоброе с девицей все-таки сотворили. Горничная Эмма вызвала «скорую помощь» и милицию. Прибывший врач всерьез всполошился, предпринять что-нибудь существенное на месте ему не представлялось возможным, доставили пострадавшую в больницу.

Реаниматоры кое-как привели девицу в чувство. Лариса с трудом вспомнила, что произошло в номере в ту ночь. Да, она бросила в бокал две таблетки клофелина, но торговец не выпил и попытался путану изнасиловать. Отбилась... Торговец занялся сумкой, вытряхнув все ее содержимое. Хорошо, что нашел только снотворное... Потом, подкравшись сзади, скрутил Ларису, поднес бокал с шампанским к ее рту. Надавливая на болевые точки под скулами, стал вливать шампанское порциями, чтобы не захлебнулась. Ларисе пришлось глотать.

Освободившись, она не знала, что делать.

— Не надейся, стервоза, теперь я тебя и пальцем не трону! — сообразил мучитель. — А «колеса» не мои, из твоей сумки взяты, так что ментовка тебе не поможет. Хочешь — рассказывай ментам, позорься...

У Ларисы голова пошла кругом, все перед глазами расплылось, и свет померк надолго.

Отравление могло испортить ей желудок, цвет лица, но ничего не испортило. Из больницы Ларису выписали относительно быстро и, как говорится, краше прежнего, отдохнувшей, без осложнений. Кожа на щеках после лечения сделалась даже нежнее, фигура осталась классной. Вот только выражение лица подвело, появилась проклятущая скорбная мина... Как с такой-то миной в путанах? От женщины легкого поведения уж точно ждут легкости, опереточного, комедийного настроения, а не хмурости, не трагичности в облике.

...Руки мои по-прежнему лежали на подоконнике, голова — на руках. Ночная тьма словно завораживала, навевала дремоту, и я едва не уснул у окна. Лариса не появлялась, Кушаков, найдя на продавленном диване удачную позу, почти не храпел, ночная бабочка, влетевшая в темную комнату, едва слышно билась в углу у самого потолка. Действительно, сложно было не уснуть. Теплый весенний воздух обдувал вихры на голове, за окном, возле забегаловки и в сквере, где в другие ночи нередко шумели, сейчас не раздавалось ни звука. Тихая выдалась ночь, и я точно бы забылся прямо у окна, не зазвони в квартире телефон. «Молодец, Лариса, — подумалось мне в первый момент. — Она вовсе не обязана сообщать, где заночевала, но если сообщит, хоть и с опозданием, то это будет жест вежливости, хороший знак на будущее».

Дотянувшись до аппарата, снял трубку. Не Лариса звонила, это Лане Романчук не спалось.

— Послушай, я вся измучилась... Любопытство окаянное... Тем более, ты же обещал!

— Ну, Лана, ты меня удивляешь... Как я могу трезвонить тебе среди ночи? А если твой Сергей уже вернулся из командировки?

— Он не мог сегодня вернуться. Надолго, на неделю примерно уехал. Рассказывай, Плат! Не ври, что Гревник до сих пор у тебя.

— В целом ты правильно мыслишь, только мне трудно сообщить что-нибудь конкретное. Ходили-бродили вокруг да около. Хочет, чтобы я снял фильм или два, типа для пробы. О чем? — тот еще вопрос. Об истории теле-

видения, о самом Гревнике и его компании... Для чего сие надо, не совсем понимаю, больше смутные предположения. Сценария нет, некоего конкретного плана работы — тоже. То есть Гревник почти не высказывает конкретных пожеланий... Дескать, ты снимай, делай, как сам мыслишь, а мы тебе будем помогать всячески. Вот такие вкусные пироги с гвоздями. Боюсь, не пришлось бы мне ими подавиться!

— Случайно не в политику наш бизнесмен от шоу-бизнеса собрался? Может, ему ненавязчивый пиар потребовался? Легкий, скрытый, неприцельный.

— А что ты думаешь...

— Думать можно что угодно. А что ты чувствуешь, что подсказывает тебе твоя хваленая интуиция?

— Ни фига не подсказывает. Что-то Гревник пытается нащупать, дергается, ищет, а с какой целью — ему одному ведомо. Если ведомо... Вдруг вообще блажит человек? От Дятлова заразился.

— Нет, эти деловые особи, по-моему, бесцельно блажить не склонны. Даже когда... Ладно, поживем — увидим. Ты согласился на него работать?

— Типа того.

— А как с оплатой?

— Да пока и здесь сплошные непонятки. Хотя аванс дадут.

— Но сегодня-то вы целый вечер чем-то занимались, о чем-то говорили?

— О ком-то. О Розинге.

— Это еще кто такой? Тоже бизнесмен или гениальный топ-менеджер из его компании?

— Притормози, Лана, давным-давно нет Розинга на белом свете. Это ученый, изобретатель телевидения, то есть «ящика» нашего любимого — от него кормимся.

— А-а... Я почему-то не слышала о Розинге. Вот о Владимире Зворыкине, который в гражданскую войну контачил с белыми, а потом уехал в Америку и там изобрел передающую трубку, точно знаю.

— Владимир Зворыкин ученик Розинга. Прежде, чем уехать в Америку, он окончил в Петербурге Технологический институт, где профессор кафедрой заведовал.

— Ну, хорош давить эрудицией, Плат! Лучше объясни, какая связь между ними и твоим будущим фильмом.

— Михаил Гревник, оседлавший прежде всего «ящик», а с его помощью и шоу-бизнес, задумался над тем, с чего эта телевизионная катавасия начиналась когда-то. С чего и с кого. С Розинга, со Зворыкина... В чем-то сомневается, над чем-то размышляет Гревник и заодно как бы возвращается к истокам. По-моему, для него логично.

— Если шоу-бизнес стал смыслом жизни.

— А куда он денется?

— Шоу-бизнес?

— Нет, Гревник. Он от шоу-бизнеса уже никуда не денется. Нельзя же напасть на золотую жилу и вдруг бросить ее. Ты бы бросила?

— Я и не бросаю. По-моему, вся наша журналистика в этом мире уже не ищет ни истины, ни справедливости, просто учится обслуживать шоу-бизнес и отдельные личности пиарить.

— Отдельные личности с толстыми портмоне, моя дорогая.

— Вот-вот, теперь я улавливаю, что ты на него уже начал работать, Плат. Рада за тебя, это шанс, конечно. Хотя, если вдуматься, то все, что происходит с журналистикой, грустнее грустного. Точно, больше никто не ищет ни

истины, ни справедливости, журналисты всего-навсего зарабатывают деньги, обслуживая сильных да успешных-богатых. Однако... Я сама не борец и никого на борьбу не зову. Тем более тебе после твоей гомельской передряги не следует в дебри лезть. Я первая скажу: успокойся, живи в свое удовольствие, как другие. Если правильно сориентируешься у Гревника, вовремя уловишь тенденции, то будешь в шоколаде. Что-то Гревник задумал и тебя во что-то втягивает. Напрягай извилины — тут хитрые игры теленуворишей, Плат. Выложить все прямо сей великий деятель не желает, но ведь это не означает, что он не преследует никаких целей. Все мы к чему-то стремимся.

Поговорив еще минут десять о том о сем, мы пожелали друг другу спокойной ночи. И снова окутала меня тишина, нарушаемая за дверью лишь негромким сопением Кушакова. Лариса так и не появилась. Я разобрал постель, разделся и с удовольствием вытянул под одеялом ноги. Окно не закрыл, разрешив свободно гулять в комнате ночной темени, проскальзывавшему в ней лунному свету, теплому весеннему воздуху.

Засыпая, я, кажется, успел еще раз удивиться тому, как неистово вдруг засияла в оконном проеме полная луна. Прекрасное мгновение!

* * *

Из дому я выбрался рано. Лариса не вернулась, было неизвестно, где ее разыскивать и надо ли. Позвонить тоже не получалось. На прошлой неделе у кухонной квартирантки еще был мобильник, а в выходные она его кому-то загнала по дешевке. Свитер, добротную кожаную сумку и мобильник. Среди разных жизненных трудностей у нее, как, впрочем, периодами и у меня, одной из самых серьезных оказалось безденежье.

Это уже стало своеобразным утренним ритуалом: я прошел мимо забегаловки и сквера, внимательно поглядывая, что там делается. В сквере дворники еще не мели. Дул сильный ветер, вздымавший серо-бурые клубы пыли. Там, где вчера вечером любители пива сдували с кружек белые шапки пены и развертывали завернутую в газету воблу, где втихаря откупоривали бутылки с вином и водкой, ветер тем более находил что вздымать. Окурки, пачки из-под сигарет, обрывки бумаги он прибивал к кустам — попробуй выбери их потом руками, выцарапай мусор из зарослей метлой. А на грунтовых дорожках ноги прохожих надежно втаптывали в землю металлические пробки-накрывашки от бутылок, рыбьи хребты, чешую.

...В кабинет к Гревнику я постучал вовремя, как договаривались, но Михаил был занят.

— Устраивайся, — жестом показал босс на свободное кресло. — Сейчас придет одна куколка, я поговорю с ней буквально пять минут, а потом мы прокатимся по мероприятиям.

Как только я устроился ближе к окну, явилась певичка. Новый работник, я то есть, мало что о ней знал. Кто-то раньше говорил по «ящику», будто бы все зовут ее не Варей, как должно, а ласково Варенькой или, если за глаза, то вообще куколкой. Это была маленькая энергичная шатенка с хорошей фигурой и очень чистым, как бы светящимся лицом. Мне певичка нравилась.

— Если бы не ваш заместитель Кирюхин... — начала было она.

Михаил Гревник жестом остановил ее и тут же воскликнул:

— Не надо мне ничего рассказывать о Кирюхине!

— Пусть бы он элементарно не приставал! Я что ему, должна? Или у нас тут бордель какой-то? Девушка работает...

— Меня ничьи интимные отношения не интересуют, — грубо перебил ее Гревник. — Про характер и замашки Кирюхина всем известно, однако Максим не только изрядная сволочь, он еще крутейший продюсер. И потом, у нас в компании никого не воспитывают. Он мой зам, он курирует и будет курировать все группы. Или ты находишь с ним взаимопонимание без всякой постели, или я тебя, извини, не удерживаю. Только заруби себе на своем изящном носике: в любом случае, как бы вы ни грызлись, как бы ни цапались, его уволить мне не представляется возможным.

— Тогда мне просто приходится попрощаться с группой.

— На здоровье, Жилкина, — назвал он ее по фамилии. — Но я тебя и сейчас еще не гоню, я добрый парень. Хочешь — оставайся.

— И вы совсем не боитесь меня потерять? Я все-таки неплохая певица. Неужели совсем ни во что не ставите, ничуть не дорожите мной?

Варенька Жилкина уставилась на Гревника пытливо. Я отвернулся от них обоих, сделал вид, что посматриваю в окно. Не стоило влезать в чужой разговор, хотя тон Гревника любого справедливого человека раздражал бы. Меня тоже раздражал, однако новичок ничего изменить в разговоре не мог, я только следил украдкой за выражением лиц Вареньки и главы компании.

— Кто спорит, ты неплохая певица, — согласился Гревник. — Важно лишь понять, что мы вкладываем в это слово. Современной девушке не следует жить в плену каких-то застарелых стереотипов. Привыкли к тому, что певица должна быть оригинальной, что в творчестве непременно просматривается индивидуальность, что вообще на сцене, в эфире играют какую-то роль твои личные качества. Привыкли к стереотипам... А не хочешь другой вариант, милая? Ты певица и одновременно ты лишь часть группы «Ромашки». Именно... Нет оригинальности, не просматривается индивидуальность, всякие разные личные качества — по нулям. Нет тебя, нет твоих подружек, это продюсер задумал, раскрутил и сделал популярной всю группу целиком, в которую тебя взяли. У «Ромашек» есть свой голос, свое лицо, но в них реализация моих продюсерских идей. Доходит? Я вас вообразил, я вылепил... Ну, еще Максим Кирюхин свою организаторскую энергию на вас потратил. То бишь на «Ромашек». А ты как бы ни при чем, дорогая, никакие твои личные качества слушателям и зрителям неизвестны, как неизвестна и сама певица по фамилии Жилкина. Ни Жилкиной, ни Вилкиной-Милкиной самих по себе для публики не существует, на сцену должны выходить не отдельные части, а только вся группа «Ромашки». Твоя мордашка — одна из ромашек, цветок в букете, только и всего.

— Вот я этого как раз не хочу! Ладно, может, все к лучшему... Смогла бы ужиться с вашим Максимом, так потеряла бы себя окончательно. А так уйду, чтобы пробиться самой. И тогда буду знать, что я сама стала певицей или еще кем-то.

— Хорошо, Варенька, попробуй без нас. Но я как честный человек должен тебя предупредить: это будет твой финал в шоу-бизнесе. Ты без нас не попадешь даже в число тех девочек, которых берут на подпевки и в подтанцовку.

— Не верю, не верю! — Зажмурив глаза, она энергично замотала головой. — У меня талант, правда на моей стороне. Я отдохну, найму музыкантов и буду петь сольно.

— Наймешь? Ха-ха... За какие шиши?

— А вот спонсор найдется!

— Дерзай, — покривился, глядя на нее, Гревник. — Надеюсь, ты вскоре въедешь своим умом, какие колеса эту жизнь крутят. Знаешь, что такое осен-

няя меланхолия? Жена моя любит про нее рассуждать... Ветер, низкие тучи, вот-вот начнет моросить, а тебе страшно хочется домой, в тепло, к столу с горячим чаем... Дольку лимона в чай хочется... Варенька! Тебе точно так же захочется назад в группу, под крыло продюсера, большого и добродушного. Что-то типа осенней меланхолии ты испытаешь уже через пару-тройку недель, но, извини, я назад тебя не возьму. Не по злобе, Варенька, а по той причине, что завтра мне самому или по моему поручению Кирюхину придется пригласить в «Ромашки» другую девочку, и мы начнем ее опекать, как до этой минуты опекали тебя. В компьютере у нас длиннющий список претенденток... Так что решай сейчас, у тебя еще есть десять секунд.

Она все-таки заплакала и, пока шла до двери, даже пошатнулась. Как раз недалеко от окна я удачно подхватил Вареньку под локоть.

— Не надо! — шарахнулась она.

— Простите.

Ее тут же повело в другую сторону, и я все-таки держался рядом с ней, из кабинета мы вышли вместе.

— Спасибо, со мной все нормально, — заверила Варенька. — Я если злюсь, то начинаю терять равновесие. Врач объяснил: у меня при стрессе сосуды головы сильно сужаются, такая особенность.

— Особенность и дополнительная причина не злиться.

— Как же, умудришься тут! Они оба знают, что мне некуда деться, поэтому прессуют, давят, как хотят.

— Эй-эй, не наговаривай! — крикнул Михаил Гревник, нагоняя нас в коридоре. — Я все делаю, чтобы удержать тебя. Поехали с нами после обеда на мероприятие, как было запланировано. «Ромашкам» лучше быть в полном составе. Потом — покутим чуток. Поедешь?

— Хорошо, — кивнула она.

Я продолжал ее поддерживать.

— Если совсем некуда устроиться, то не надо спешить увольняться.

— Ох, не знаю, что будет, где голову приклонить...

— Пожалуйста, я вам сейчас запишу мой адрес. Визитки у меня, к сожалению, нет.

Замедлив шаг и вырвав из блокнота листок, я записал имя, фамилию, адрес, номер телефона и протянул листок Вареньке. Приняв его, она взглянула на неожиданного благожелателя недоуменно.

— Платон Чагин?.. А-а, я слышала, что вы вроде нового оператора у Гревника, да? Ведь вы же не продюсер, к сожалению.

— Нет, не продюсер. Действительно, вроде оператора... Но вдруг вам понадобится помощь оператора? Или, скажем, журналиста с камерой. Бывают ведь неожиданные варианты. Сами говорите: некуда идти. Если и вправду окажется, что некуда, придете ко мне.

— Как бездомная собачонка?

— Я вас чем-то обидел?

Она дважды пожала худыми плечами, но в общем-то выглядела при этом даже растроганной. Она мне реально нравилась, хотя, ей-богу, я не представлял, чем могу помочь девушке. Скорее всего, никаких вариантов не существовало.

* * *

В делах образовалась пауза. Я должен был найти Альбрехта Дятлова, взять у него ключи от выделенного для новичка кабинета, получить кое-что из

мебели и аппаратуры. Но, увы, проникнуть за дверь с табличкой «Завхоз» не удалось, кабинет был закрыт на замок. Дожидаться появления гревниковского шута, торча в коридоре, мне не хотелось, я предпочел покинуть офис и стал неподалеку от него прохаживаться по улице.

Нагулялся я возле гревниковского офиса, над жизнью своей раздумывая. Предобеденное время тянулось медленно, а во второй половине дня, как обещал Михаил Гревник, пошли мероприятия другого типа. Вторая половина дня оказалась насыщенной.

Сильный ветер, дувший с утра, стал ослабевать. Деятели шоу-бизнеса затеяли акцию в крупном торговом доме. Как раз «Ромашкам» подарили там энное количество облицовочной плитки, наборы сантехники для ванных комнат и светильники. Подарки неожиданные, но — так надо было, именно такую интригу придумали рекламные агенты. Мероприятие выглядело как чествование поп-группы, а одновременно шла реклама стройматериалов. В фойе, украшенном витражами и как-то незаметно переходившем в торговый зал, развесили множество разноцветных ленточек и воздушных шариков, в музыкальный центр сунули диск с песнями «Ромашек», и — главное: приготовили небольшой фуршет с шампанским, кока-колой, фруктами и сладостями. Варенька Жилкина как ни в чем не бывало вертелась среди других девчат из «Ромашек», угощалась вместе со всеми. Естественно, операторы из компании Гревника снимали происходящее. Организаторы мероприятия пригласили также фоторепортеров и пишущих журналистов из газет. Короче, подсуетились, журналистика у нас не простаивает — ежедневно в заботах... Тут же, на фуршете, у группы «Ромашки» якобы появилась неожиданная идея отвезти подарки в местный Дом ребенка. Ломанулись на улицу, погрузились, поехали и завернули весь караван именно к Дому ребенка. Там фойе тоже оказалось украшенным шариками и ленточками. Еще одна «неожиданность»: дети и персонал во главе с директором поджидали гостей. Правда, чтобы не выявилось в организации мероприятий полного совпадения, фуршета здесь не устраивали, попробовали организовать вместо него подвижные игры с детьми. Вышло много суеты и неразберихи. Дети пугались камер, ахали при вспышках блицев, а одна девочка даже заплакала. Но в целом и второе мероприятие прошло успешно.

После Дома ребенка поехали в загородный ресторан «Хуторок». Туда — уже более тесной компанией, без продавцов стройматериалов и, естественно, без детей. После скромного фуршета захотелось добавить.

Загородный ресторан был построен в виде комплекса из нескольких деревенских хат, вернее, из нескольких модерновых строений, напоминавших деревенские хаты.

В загородном ресторане Гревник наконец представил меня одному из своих заместителей, тому самому Максиму Кирюхину, обидчику Вареньки, который занимался не только телевидением, но и попсовыми «звездами». Кирюхин оказался человеком толстым, повышенной, если можно так выразиться, щекастости и губастости, с обширной лысиной.

— Максим. Рад познакомиться, — сказал Кирюхин мне, перебрасывая с руки в руку свой портфель из стильно мятой кожи. — Я с удовольствием помогу вам делать фильм. Вы ведь фильм о нас намерены снять? — спросил он таким тоном, словно хотел предупредить: «Не вздумай возражать!» — Короче, все в компании насчет вашего проекта уже в курсе, обращайтесь по любым вопросам.

— Обязательно обращусь, — пообещал я.

Но скорость, с которой Кирюхин запрягал на «проект», воспринималась как нечто неприятное.

— Обращайтесь. Особенно в тех случаях, когда надо будет с кем-то встретиться, — сказал еще Кирюхин. — Я в компании типа кадровик.

«Без крайней нужды не стану я к тебе обращаться, — подумалось мне. — Физиономия мне твоя не нравится — это одно, но еще хуже другое — то, что ты пытаешься все связи контролировать. Да и от Вареньки кое-что нехорошее о тебе слышал.

— А знаете что, — вдруг сказал заместитель как бы простецким, дружеским тоном, — заходите ко мне и без особого повода, элементарно посоветоваться по творческим или бытовым вопросам. С вашими работами я знаком, они для меня приемлемы. Хотя не всегда вы выглядите современным, много крестьянского и пролетарщины. Уходящая натура.

— Уходит плохое, приходит хорошее? — Я сразу напрягся.

— Ну-ну, что за приемчики хитрющие применяете? — осклабился зам, держа руки на своем далеко выпиравшем животе. — Я за всех, кто трудится, но для меня современно то, что креативно, вызывает жгучий интерес.

— Вот у меня и вызывает...

А впрочем, я по характеру своему не отношусь к большим любителям споров. Если кому-то не понравилось мною сделанное, то, думается, ничего тут не изменишь, незачем зря языком трепать. Но когда у меня в руках оказываются микрофон, видеокамера или какое-нибудь другое средство для создания видеоряда либо журналистского текста, мне неизменно хочется следовать правде жизни. И не обязательно на завидных высотах. Не выпадает случая снимать нобелевских лауреатов, снимаю деревенских женщин в телогрейках и резиновых сапогах, небритых стариков, норовящих по случаю съемки надеть малоношеный костюм, сберегаемый в шифоньере «на смерть». На лацкане пиджака нередко обнаруживаются давным-давно полученная медаль «За город Бухарест» или «За взятие Берлина». В городе для документалиста тем более находятся увлекательные темы. Не все были доступны мне, но... На одном из самых крупных заводов удачно высмотрел автокарщиц, огрубевших работниц транспортного цеха, который они сами называли «кобылий цех». Их снимал, снимал литейку и формовочный участок: как женщины таскали ящики, набитые формовочной землей, уплотняли земляные формы на мощно дергавшихся прессах... Снимал мускулистых, обливавшихся потом мужиков возле вагранок... Снимал зачистку литейных деталей с помощью ручных наждаков... На вредных работах задействовано много бывших зеков, которым трудно найти занятие почище. В литейках, на формовочных и обрубочных участках здоровье гробится быстро, зато платят там больше, чем в чистых цехах.

— Если человек работает в литейке, это не значит, что ему про литейку по телевизору интересно смотреть, — изрек Кирюхин.

— А на певичку-дуру всегда интересно?

— Занятнее. У нее хоть фигура, ножки стройные.

И опять я не промолчал.

— Согласен на сто процентов! — В голосе у меня прозвучал почти неподдельный энтузиазм. — Любой сюжет о тусовщиках из шоу-бизнеса или с вечеринки «золотой молодежи» смотрится намного занятнее. Ведь может где-то даже обнаженная грудка мелькнуть. Выигрышно еще снимать в казино, на приемах и кинофестивалях, красивую тоску ухоженных бизнесвумен... Да любой гламур годится!

— Мы в компании именно шоу-бизнесом занимаемся.

— А я доселе работал с другими целями...

— То-то и оно.

— Искать людей поумнее и покультурнее можно в любой среде. Книги есть, живопись, симфоническая музыка.

— А спрос на все это?

— Тогда уж лучше порно гнать — спрос обеспечен.

Максим Кирюхин вроде бы раздосадовано пожал плечами, промокнул носовым платком потную лысину. На время мы оставили друг друга в покое, а вскоре необъятный заместитель Гревника вообще уехал в город.

Мне известно, что у Михаила Гревника несколько неформальных замов. Один из них преимущественное внимание уделяет телевидению, другой — альбомам и клипам, третий контролирует финансы. Еще один, знакомый мне журналист Вадим Бодяков, прежде занимавшийся в компании наравне с Гревником абсолютно всем, теперь, по слухам, временно от текучки отстранился, поскольку хотел создать новое шоу. Предполагался синтез различных телевизионных жанров: элементов реал-шоу, интеллектуального конкурса, экстремальных испытаний, репортажа.

Я с Вадимом Бодяковым в прежние годы не раз встречался, и мне стало намного веселее, когда давний знакомец появился в загородном ресторане. Вадим рослый, подвижный атлет, прошел к одному из столиков, устроился там среди подвыпивших оркестрантов и певичек. Заметив меня, он не только приветливо помахал рукой, но и встал, чтобы перебраться поближе. Естественно, я поднялся ему навстречу.

— Рад тебя видеть, — сказал Вадим, с силой пожимая протянутую ему руку. — Ну, как наши дела? Миша уже предложил тебе место?

— Здравствуй... Ты Гревника имеешь в виду? Какие-то разговоры мы разговариваем, а вот на твой вопрос, увы, не знаю, как ответить. А что можно считать предложением места? И — какого места?

— Слушай, забыл... Ты куришь? — спросил Вадим.

— За компанию могу испортить сигарету.

— Тогда пойдем на воздух, траванемся в спокойной обстановке... Пойдем-пойдем, а то здесь певички замусорили мне все мозги. Каждая из них супер-стар, у каждой и силикона в достатке, и амбиции размером как до луны.

Мы направились к выходу.

Когда я только поступил на факультет журналистики, Вадим Бодяков уже заканчивал университет. Он и студентом что-то делал на телевидении, а еще играл за университет в гандбол, то есть был занятой человек и имел все шансы сделать карьеру. У нас самые лучшие и полезные связи дает спорт. Можешь учиться кое-как, но если бегаешь-прыгаешь, бьешь в ворота — все, ты элита.

Несколько раз в компаниях мы с Вадимом встречались и за рюмкой чая разговаривали. После окончания университета он послал спорт и госкарьеру подальше и ушел к Гревнику, с головой погрузившись в телевизионное дело. Предпринимательская жилка оказалась востребованной, что через два или три года вывела его на должность заместителя главы компании. С того момента мы с ним уже ни на каких посиделках не встречались, а вот по телефону разговаривали, причем звонил не я, а Вадим — по поводу нескольких моих репортажей. Конечно, не всех, только тех из них, которые Бодякову понравились. Как-то по весне, например, его зацепил репортаж из деревни, по окна затопленной паводком. Жители не эвакуировались, просто устраивались на

чердаках, а скот дневал и ночевал на пастбищах, расположенных выше уровня затопления. Я тогда удачно снял самое простое действо: как женщины на лодках плавали доить коров...

Выйдя из ресторана, Вадим Бодяков вытащил пачку сигарет, ловко выбил из нее парочку, предложил... Тут же щелкнул зажигалкой. Прикурив, он без подводок и экивоков начал прямой разговор:

— Я теперь от компании чуток в стороне, совсем выпустил из поля зрения текущие дела. Хочу сделать новое шоу, причем без копирования западных развлекаловок. Понимаешь, надо свое производить. С опорой на менталитет наших людей, на традиции славянской культуры.

— Да-да, я краем уха слышал о твоем проекте.

— Но насчет тебя Миша со мной советовался, так что приглашение тебе это отчасти и мой выбор. И Лана меня просила.

— Как, обращалась к тебе?

— А почему нет? У тебя много друзей, все будет хорошо...

— Погоди, Вадим. Надоели уже намеки, загадки, догадки и тому подобные вещи. Лана просила дать работу — ясно. А о чем советовался с тобой Гревник? О каком выборе ты говоришь?

— Насчет тебя советовался. Не только о том, как снимаешь, но и в какой мере ты можешь быть нашим человеком. Чтобы не интриговать за спиной босса, ну, и меня... Я за тебя поручился.

— И все-таки я для вас кто, в какой роли прохожу?

— Так вы пока не договорились? Ну, жди решения Гревника... Одно очевидно: мы собираемся компанию расширять, работу углублять и так далее. Хорошо бы вплотную заняться документальным кино. Скорее всего, к этому славному делу Гревник тебя и привлекает. Я думал, что у вас уже состоялось какое-то соглашение, раз вы вместе в ресторан завалились. Ведь что-то же вы здесь отмечаете?

— Мы говорили-договаривались насчет фильма о зачинателях телевидения. Пару фраз было сказано про историю компании. По-твоему, это соглашение?

— Вероятно, первый этап. Если не полное соглашение, то весьма близкая подводка к нему. А что будешь снимать... Время покажет, жизнь подскажет. Не надейся, что Миша тебе полную программу составит. Это бизнес, а не госканцелярия... Он занятой и по временам весьма сумбурный человек.

— Но он и мне не поручал составлять программу!

— Вы с ним о работе беседовали? Предложил он тебе работу? Да или нет?

— Скорее да, чем нет.

— Вот и все. Ты документалист, и это у нас будет востребовано. Работай, Платон. И учти, пожалуйста, повторю для тебя: мы не канцелярия какого-нибудь департамента, где издаются указы «во исполнение» и «в соответствии»... У нас надо все схватывать на лету, самому проявлять инициативу, крутиться-вертеться сноровисто, бежать свою дистанцию. Каждый, кто не клерк, не просто исполнитель, а крутится самостоятельно — наш человек. Короче, надо фильмы делать. Засучи рукава и приступай! Аппаратура есть, помещение... Ну, это с Мишей — задавай ему конкретные вопросы. Помощников себе ты, скорее всего, сам будешь искать по мере надобности. И очень хорошо, что сам. Не бери у Кирюхина — сбросит балласт... Особенно Кирюхина не слушай. Вообще, не поддавайся ему, лучше меня держись. И разведенок опасайся — облепили уже телеканалы, как мухи, с утра до вечера всех жизни учат.

— Ну, вы и мастаки запутывать...

— Не знаю, почему Миша не спешит расставить акценты, но ты начинай активно работать. С оригинальными идеями — милости прошу ко мне, люблю новое поддержать. Все ведь очень серьезно, Платон. Вот задумайся... Ты часто видишь рядом с собой бандитов, убийц, маньяков?

— Странный вопрос.

— Прости, я тебя не собираюсь поучать, но, получается, надо проговорить какие-то элементарные положения. Раз уж Миша этого не удосужился сделать. Смотри... Бандитов, убийц, маньяков рядом с собой ты не видишь. Террористические акты, землетрясения, авиационные, железнодорожные и автомобильные катастрофы, взрывы газа, пожары на твоих глазах ежедневно не происходят. Так? Так. Между тем я, ты вместе с массой телезрителей все это ежедневно получаем по «ящику» из Москвы, других столиц. Причем мы перевариваем «нужный набор» в значительных дозах. Телевизионный мир стал для современного человека более захватывающим, чем реальный. В реальном обувь в мастерскую надо нести, теща простудилась, у соседа водопроводный кран воет — всего-то, а по «ящику» столько событий! Отраженная, а то и сконструированная реальность задавила первичную, настоящую. Нам ее предлагают телепроизводители: живите тем, что мы сляпали!

— Я об этом давно думаю.

— Тем лучше! Значит, ты понимаешь, что впрямую бороться с «ящиком» бесполезно. Согласен? Не выйдет разбить его и тем человечество осчастливить. Все потуги разрушить «ящик» смешны, бестолковы, малоэффективны, в конце концов. Влияния отраженной реальности или даже сконструированной они в итоге не уменьшат.

— Не уменьшат. Но мы можем ее саму, эту вторую реальность, в большей мере насытить реальностью первой, то есть жизнью. Отсюда — серьезная задача, которую можно решать с помощью реалистичного документального кино.

— Вот ты и объяснил все лучше меня, Платон.

— Да объяснить-то я объяснил, однако следом ты бы мне разжевал... Зачем компании, которая заряжена на шоу-бизнес, то есть на получение максимальной прибыли, тратить деньги на реалистичную документалистику? В конце концов, кино о реальной жизни просто разрушает иллюзии шоу-бизнеса. Тут явное противоречие. В чем выгода компании?

— Нет выгоды. Как раз компания в целом не заинтересована, большинство занятых в ней людей противодействует реалистическим тенденциям. Ты правильно оценил и, думаю, очень скоро ощутишь противодействие со стороны Кирюхина и ему подобных. У Кирюхина теснейшие связи с Москвой — сестра у него там в шоу-бизнесе, хваткий продюсер. Москва по телевизионному мифотворчеству впереди планеты всей. Но управляет нашей компанией пока что Миша Гревник. Здесь Мишино волевое решение, он сознательно идет на рискованные затраты. А ты для него не просто удачливый журналист, а человек, уже поднакопивший опыт подобной работы.

— Стой, Вадим, скажи мне еще пару слов о Гревнике!.. Ему документальное кино, приближенное к жизни, зачем, собственно? Воспринимать это как хобби богатого сумасброда? Как благотворительность, направленную на поддержание малоимущих? Так малоимущим тоже ничего сложного на экране не надо. Я в растерянности. Телезритель не очень ждет фильмов про доярок и скотников, тракторостроителей и сталеваров, телезритель за развлекаловку двумя руками.

— Нет, ну мы же с тобой договорились, что развлекаловка развлекаловке рознь. То, что я сейчас делаю, тоже, по большому счету, развлекаловка, хотя

с долей нашего народного искусства. Об этом надо думать... Если только обезьянничать, слизывать все у Запада, то очень скоро станет неясно, кто мы. Надо сохранить идентичность нации. Я опираюсь на достижения славянской культуры, вот и ты, делая документалистику, должен бы позаботиться о сохранении идентичности.

— А у Гревника какая идея?

— Тоска об исчезающей интеллигенции. Воротилы песенного и спортивного шоу-бизнеса вытолкали все и всех. Разве нет? Как считаешь, Платон? Тебя увлекает оглядываться на времена просветительства, ностальгировать по высокому искусству, думать об уходящих писателях, композиторах, живописцах? Тогда дерзай... Я тебе повторяю: Миша Гревник идет на затраты, так пользуйся этим. Потому что он Миша Гревник, который знает: больше бутылки за раз не выпьешь, точнее, не стоит больше пить. И обжираться совсем не полезно. Золотой унитаз иметь тоже незачем. Из простых понятных истин надо исходить. Ну, богатый он сегодня — так получилось, что богатый, однако не обязательно сволочь.

Когда мы вернулись за столик, к нам немедленно подсел Гревник.

— Как посовещались? — поинтересовался он.

— Я, кажется, окончательно запутался... — пришлось мне признавать очевидное. — Решаю глобальные проблемы, оставаясь за порогом компании. Мне элементарной ясности хочется.

— Всем бы ее хотелось! — весело воскликнул Вадим Бодяков, подмигнув Гревнику. — И тебе, Миша, да?

К Бодякову подошло сразу несколько человек, у них были неотложные вопросы. Короче, его вскоре увлекли в другой конец ресторана.

— Хочется ясности, определенности, четкости, всяческих гарантий... — проворчал Михаил Гревник. — И стабильных доходов, и предсказуемости будущего, и верности жен... Всем хочется всего. Все получим если не в этой жизни, то после нее. Или в следующей — в зависимости от веры. Ты, Платон, завтра захвати с собой трудовую книжку. Это — раз, выделим тебе помещение — два, начнешь смотреть и принимать аппаратуру — три. Внимательно смотри, очень внимательно, потому что она будет на тебе висеть как на материально ответственном лице. Не серчай, но хоть продюсерская должность, хоть должность режиссера — обе предполагают материальную ответственность. Зато офис охраняемый, сейфы надежные.

— Лучше была бы хорошая аппаратура! — невольно вырвалось у меня.

— У нас не плохая, хотя сразу «Хай Дефинишен» тебе не обещаю. Не пробовал на ней работать?

— Нет.

— Современная электронная система, позволяет снимать профессиональное кино. Вообще-то имеется у нас, но пока не для тебя. Денежки надо учиться зарабатывать, а «Хай Дефинишен» стоит почти миллион долларов.

— Обойдусь. Честное кино можно снимать и при помощи самой простой камеры. Навороты нужны там, где жируют навороченно.

— Нормальный афоризм, хотя и не совсем правильный. А теперь давай отдохнем чуток! — Гревник махнул рукой, как бы отсекая от себя все дела.

Какое-то время мы отдыхали.

* * *

Дома я застал странную ситуацию: старик Кушаков, сидя на диване, сосал баночное пиво, Лариса на кухне (появилась, наконец, пропажа!) занималась

тем же самым. Изумлял больше не факт распития, как пишут в милицейских протоколах, изумляло количество напитка: целый блок банок на диване, пару блоков на кухне. Квартиранты запаслись импортным пивом «Хайнекен».

— У нас праздник? — Я постарался спросить без раздражения, обращаясь сразу к ним обоим. — И какой, если не секрет? Салют, пропажа! — тут же помахал рукой Ларисе.

Кушаков, буркнув что-то невразумительное, начал валиться на бок, целясь головой в подушку.

— Эге, один готов! — пришлось мне зафиксировать сей славный факт.

Потом я вежливо отнял у старика практически порожнюю банку, поставил ее рядом с диваном, помог Кушакову улечься. Лариса, поспешив в прихожую, сняла со стариковских ног туфли.

— Его уже привезли такого, — тут же шепнула она.

— Кто привез? Откуда?

— Да он толком не объяснил. Откуда-то с телевидения. Сказал, что ты, Плат, фильм снимаешь, и он тоже в нем задействован.

«Что же это значит? — стал я прикидывать. — Похоже, Михаил Гревник (или Максим Кирюхин?) не захотел полностью положиться на меня и распорядился зафиксировать рассказ старика о профессоре Розинге в студийных условиях. Это, конечно, не совсем по правилам, но они тоже имеют право, ведь Кушаков не моя собственность...»

— Ну, а ты куда надолго исчезла?

— Неужели беспокоился за меня? — счастливо усмехнулась Лариса. — Спасибо огромное и заодно — извини. Что поделать, если я совсем не привыкла, чтобы за меня кто-то переживал-беспокоился.

— Как тебе сказать, переживал я или нет... Вроде бы понимаю, что нельзя вмешиваться в твою жизнь, а мысли сами собой наплывают и тревожат. Где человек находится, не стряслось ли чего?

— Ничего особенного не стряслось. Я тоже была на телевидении.

— Оба-на! Тут что у нас, филиал открылся?

— Я хотела тебя предупредить, но мы разминулись. Максим Кирюхин мне предложил прокатиться в одно место... Надо было быстро решаться.

— Ничего не понимаю. Ты знакома с Кирюхиным?

— Благодаря тебе и познакомилась. Вот как раз тогда, когда он Кушакова разыскивал.

— Кирюхин был здесь?

— Разумеется, Плат. Я думала, ты в курсе.

— Сегодня он был?

— Раньше. Сегодня от него приезжали за Кушаковым. А сам... Позавчера заглянул, еще до твоего прихода. Начал меня спрашивать, где ты да где ты? А мне откуда известно? Нет тебя и нет. Да и Кушаков тогда, считай, не совсем присутствовал, поскольку дрыхнул...

Теперь до меня стало что-то доходить. Значит, сначала разыскивал меня с Кушаковым Максим Кирюхин, который, однако, ни с одним, ни с другим не увиделся и почему-то удовлетворился знакомством с Ларисой. А далее инициативу перехватил Михаил Гревник.

— Но зачем ты понадобилась телевизионщикам? — Недоумение не оставляло меня. — Как-то мутно все...

Мы уже сидели на кухне. Лариса пододвинула по столу поближе ко мне банку пива, я же отрицательно повертел головой. В загородном ресторане можно было неслабо хлебнуть, но раз уж там удалось сдержаться, то тем более не стоило впадать в крайности дома. Во всяком случае, с пивом. Пива

мне редко хотелось, а вот вкус виски, которое попробовал в ресторане, очень даже нравился. И домой вернулся не с пустыми руками, а с пакетом, где лежали непочатая бутылка «бурбона», кока-кола, хорошо прожаренный цыпленок и другая закуска. При гастрите пиво не лучший вариант, да и вообще в нынешнее мое меню алкоголь плохо вписывался.

Лариса стала рассказывать, для какой работы ее наняли. И вот что выяснилось... По-видимому, компания Михаила Гревника организована по принципу слоистости. Главные составляющие — это телевидение и шоу-бизнес, включающий в себя музыкальное продюсирование, организацию гастролей, выпуск дисков и клипов. Но фокус еще и в работе компании на две страны: на Беларусь, где ее официально зарегистрировали, и на Россию, где компания подрабатывает, практически, нелегально, по серым схемам. В разных странах сложились разные условия для развертывания бизнеса, а значит, в них существуют и разные возможности для мошенничества. Если в Беларуси на телеканалах все оставалось более-менее подконтрольным администрации, то Россию захлестнула волюшка-воля: хорошо сбываются видеоматериалы с изрядной долей криминальных приправ, с примесью «клубнички». Некоторые тамошние телевизионщики балансируют, что называется, на грани фола, телебароны в Москве не просто берут, но и заказывают этого рода продукцию.

На одном канале запустили ток-шоу про семейные сложности, в котором, ходили слухи, под масками выступали не самые известные актеры и актрисы, рассказывали невероятные истории. Актеры не признавались в лицедействе, наоборот, выдавали себя за людей, далеких от кино и театра, которым просто не хотелось открывать лица. Это был ядовитый поток: под прикрытием темы о сложностях в семейных отношениях говорили об извращениях, в дело шло все, на что хватало выдумки, пережевывалась масса сексуальных сюжетов. Это могло нравиться или не нравиться, но сляпанные на скорую руку материалы легко попадали на экран, хорошо продавалась почти любая ненормальность, хоть местная, хоть завозная. Кое-кто проехался по экзотическим азиатским странам, перенял сексуальные вывихи аборигенов и тут же начал предлагать их неудовлетворенным россиянам.

Возникали у телевизионщиков и проблемы. Если откровенных ненормальностей хватало, то якобы семейных откровений «про это» от передачи к передаче набиралось все меньше. К тому же, душещипательные признания, звучавшие из-под масок, воспринимались зрителями как не вполне достоверные. Многие зрители звонили и заявляли, что их дурачат. Тогда было решено хоть изредка обходиться без масок... Подготовили новое ток-шоу «Откровения», участники которого якобы решались рассказать всей стране о таких ситуациях из своей жизни, которые серьезные люди обычно замалчивают, а еще точнее, в которые никто и не попадает — эти ситуации способны придумать лишь журналисты с самой разнузданной фантазией. Сначала и в «Откровениях» по инерции снимали провинциальных актеров, стараясь получше их загримировать, но после нескольких разоблачительных статей в газетах, призадумались, где брать нужные типажи. И люди из минской компании быстренько предложили свои услуги. Возглавил дело, как можно думать, Максим Кирюхин. Московские телевизионщики организовали недалеко от Смоленска мобильную студию, куда зачастили бобики из соседней страны с умело сконструированными историями и нанятыми для озвучки исполнителями.

В этой системе заработала кое-какие деньги и Лариса. На экране она смотрелась безупречной молодой леди. Нарядно и с изыском одетая, она

изображала из себя жену бизнесмена, которая занималась бизнесом наравне с мужем, но потом разлюбила его и решила развестись... А как разделить общий бизнес? Муж пригрозил закапризничавшей половине: «Затеешь развод — найму киллера». Вот и пришла бизнес-леди якобы в Останкино, чтобы обсудить свою судьбу перед телекамерами... На минуту остекленевшие во время передачи красивые глаза Ларисы удачно подтвердили безвыходность придуманной ситуации с разводом.

— Ты умеешь стекло глазами изобразить, — похвалили Ларису после записи.

Перед отъездом назад в Минск подручный Кирюхина полез к ней обниматься, но клофелинщица, насмешливо фыркнув, двинула соблазнителя коленкой в пах.

Потягивая из банки пиво, она подробно рассказала мне о поездке под Смоленск и еще похвасталась:

— В принципе, телевизионщики предложили работать на них. Ну, искать таких же, как я. В принципе, они бы и мою настоящую историю с удовольствием записали, да я, честно говоря, побаиваюсь насчет себя самой распространяться. Ну, как клофелинила... Не стоит, правда?

— То, чем ты занималась, уголовно наказуемо.

— Именно. Если кто-то из пострадавших запишет передачу и решит меня засудить, то мне трудно будет отвертеться. Зато я прикинула, что можно мою подругу, горничную Эмму, на некоторые сюжеты поднатаскать... То есть поменять местами: она будет как бы я. Пусть расскажет хоть бы и мою историю.

Я ее идею не одобрил, но и отговаривать не стал. Меня сейчас занимало другое.

— Лариса, я все-таки спрошу тебя... Почему ты клофелинила? Жестоко ведь.

— Жизнь, Платон, вообще жестокая штука. Как оказалось. Да... Бабушка у меня была старая, а мама больная. Вернее, она заболела, когда вся эта катавасия в стране началась... Ну, с ликвидацией Советского Союза и переходом к капитализму. Я хоть детским умом, а поняла трагедию конца двадцатого века. По-моему, тогдашние «правители» должны были честно признаться, что им ни ума, ни талантов не хватало страной управлять. Честнее было бы отойти в сторону, а они страну без войны погубили, людей предали. Какая честность?! Почти все, кто сидел наверху, бросились набивать карманы. Плевать на остальных, лишь бы им хорошо было... Разве нет?

— А самое черное знаешь что? Вытолкнули из жизни старшее поколение, оставив его без медицинской помощи. Не простит Бог реформаторам горести больных людей и стариков. Никакими молитвами этой вины замолить нельзя... Сначала бабушка моя истаяла, потом мама... А потом брат сел, потому что со зла «Мерседесы», где мог, начал поджигать.

* * *

Пакет, привезенный из загородного ресторана, я сунул в холодильник на нижнюю полку, так и не разобрав съестное, не вытащив бутылки. Ни пить, ни есть не хотелось — решил все оставить на завтра.

Пожелав Ларисе спокойной ночи, наконец ушел к себе и улегся. К счастью, в загородном ресторане я прихлебывал виски с оглядкой, хмель теперь

не казался чрезмерным. И все равно меня понемногу стало охватывать беспокойство. Не нравилось мне, что подручные Максима Кирюхина начали работать с Ларисой, что даже Кушакова уже свозили куда-то и вернули, практически, пьяным. Чего наговорил старик перед камерами? И только ли о профессоре Розинге вспоминал? И что журналистам рассказала о себе Лариса? Если она захотела представить в образе клофелинщицы свою подругу, то, не исключено, предварительно все о себе уже выложила?

Что-то вырисовывалось конкретное и это что-то как раз рождало беспокойство. Вроде бы пока нечего мне терять. Но это сегодня я безработный, а завтра?

Включив бра, я потянулся к телефону, захотелось немедленно позвонить Лане. К счастью, она еще не улеглась и ответила сразу же.

— Какие-то странные дела вершатся на белом свете, а посоветоваться не с кем. Может, я бы тебе рассказал, что у меня получается?

— По телефону?

— Ты что-нибудь о Максиме Кирюхине слышала?

— Что-нибудь слышала. У нас некоторые называют его мерзавцем с большими связями. Ну, знаменитую московскую продюсершу Аллу Кирюхину ты, надеюсь, по «ящику» видел?

— Видел и знаю, что это родственница, вроде сестра его. Но неужели наши местные начальники так зависят от Аллы Кирюхиной?

— В целом не зависят, — признала Лана. — Но есть отдельные люди... С помощью кирюхинской сестрички можно вбросить в Москве какую-нибудь информацию, какой-нибудь удачный слоган насчет минских дел в эфир запустить.

— И в этом вся влиятельность Максима?

— Не только в этом. Местную верхушку он устраивает и сам по себе. Брюхо большое, но и голова есть... Он на всех компромат собирает. На всех, кроме самых сильных мира сего, которых боится. На остальных ему начхать, в угоду заказчику да за деньги любого нагло или исподволь замажет. Имеет долю много где, а основное, конечно, типа на службе.

— Где, например? — не удержался я от глупого вопроса.

— А то ты не догадываешься, Плат? От Гревника ворует и пашет на Москву. Я не удивлюсь, если он даже дурных девок туда на продажу возит. Или, если осторожнее, на предварительные показы.

Мне сразу вспомнилась Варенька Жилкина. А что... Может, и ее, соблазнительную куколку, Кирюхин собирался где-то использовать, а не только для себя присматривал? Но это было из области фантазий и домыслов, чем заниматься сейчас решительно не хотелось.

— Послушай, Лана... Вот ты сказала, что он при желании любого замажет. Каким способом?

— Да каждого по-своему. Говорят, будто собирает компромат на многих. Я тебе фамилии по телефону не стану называть. Разве что пример приведу... Как-то наши операторы случайно сняли одного городского начальника, когда он вечером шел домой вусмерть пьяный. Ну, и шутили между собой, дескать, что делать с материалом. Один очень знающий сценарист говорит: «Продайте Кирюхину. Он за такие вещи хорошо платит»...

— Ты лучше приезжай, Плат! Одиноко и тоскливо без тебя.

— Не дури. Я к тебе не поеду ни под каким предлогом.

— Да не бойся ты! Дочка осталась у свекрови, Сережка сегодня не вернется, я точно знаю. Только что ему звонила... Именно в тот город, в ту гостиницу, где он и должен жить.

— Запомни, Лана: даже если твой муж улетит на луну, я в его квартире и в его постели ночевать не стану.

— А-а, ты об этом... Ну, поехали к подруге. На сто процентов уверена, что она еще в отлучке.

— Вообще-то хлопотно... А как ты себе это представляешь?

— Не надо ничего представлять. Бери такси и подъезжай ко мне, к дому моему. Я буду ждать во дворе. Дальше — вдвоем.

Я потихоньку вошел в кухню, достал из холодильника пакет. Лана столько раз выручала меня со съестным и выпивкой, что было бы бессовестно пожадничать и ничем не угостить ее нынче. Тем более, что впереди нас ждала ночь любви.

Лариса спала или делала вид, что спит. Меня одолевали мысли о Кирюхине, поэтому я решил потревожить и еще немного расспросить ее. Потряс Ларису за плечо.

— А? Это кто? Ты, Платон... — Спросонья она испугалась, но тут же и успокоилась. — Я все ждала, когда ты придешь. Конечно, я не против, если ты решил... Но ведь не на раскладушке же?

— Успокойся, Лариса, я только спросить хочу... Ты рассказала телевизионщикам свою историю? Насчет клофелина.

— А-а, рассказала, конечно. Они предложили мне подумать, с чем еще можно выступить. Ну, я и... Да нечего мне скрывать! Они в ментовку не пойдут стучать, смешно их бояться. Все, что на мне висит — дребедень, а сами они законы на каждом шагу нарушают. Я их не боюсь. Один уже получил от меня по яйцам и другие получат, если пожелают ближе законтачить.

— А где это было, в студии?

— Где я его ударила или где про себя рассказала? Рассказала точно, в студии. А-а, ты, наверное, про камеры... Мне сказали, что камеры выключены. Я и сама видела: выключены. Думаешь, я такая дура? Ни в одной камере глазок не горел.

— А заклеенных не было? Долго ли глазок изолентой залепить?

— Ты серьезно? По-твоему, они хотели это записать? — В глазах Ларисы промелькнул страх. Как человек воздушной стихии, неисправимая мечтательница, она до последнего полагала, что телевизионщики не могут поступить с ней дурно. — А зачем им записывать? Я очень сбивчиво рассказывала, выложила не все, а кое-что с пятое на десятое. И вертелась на стуле, и материлась даже... Не-ет, для передачи такая запись не годится, я уверена.

— Ты права. — Следовало успокоить ее. — Но вообще-то зачем тебе было распространяться? Ладно, спи, а я к утру появлюсь.

— Видишь... Не обижайся, Плат, я понимаю: если бы мы не по отдельности спали, тебе бы ночами мотаться не пришлось.

— Успокойся, Лариса!

— Даже помечтать нельзя? — Она рассмеялась.

Ох, уж эти люди воздушной стихии! Они и сглупить могут, но с ними легко, хорошо. А вот такие, как Максим Кирюхин, ни о чем несбыточно-светлом не мечтают. Похоже, Лана насчет Кирюхина попала в точку: он собирает компромат.

На улице сильно похолодало, снова задул резкий порывистый ветер, на город наплыли рыхлые тучи. Не стало в небе видно ни луны, ни звезд, только расползалась бесконечная серая муть. Освещение все время менялось — наверное, многие любители импрессий нынче порадовались бы капризам погоды. Меня ее непостоянство не радовало. Начал моросить дождь.

Пока я ловил такси, вымок, замерз. Зато в машине таксист включил обогреватель, можно было расслабиться и спокойно взирать, как убегают

от дождя поздние прохожие. Так я доехал до Ланиного дома, и вскоре мы с Ланой уже сидели рядышком и ехали, минуя квартал за кварталом, на квартиру ее подруги.

В квартире нас ждал сюрприз: хозяйка, уходя на дежурство, оставила все окна открытыми. Ну и сквозняки же гуляли в апартаментах! Квартира так выстыла, словно уже наступила поздняя осень, даже предзимье. Пока закрыли окна, пока Лана разобрала тахту... Понадобилось некоторое время, чтобы согреться.

Мы долго не включали электричества. В темной комнате Ланины глаза прямо-таки светились, как у хищницы. Меня всегда удивляло, каким острым бывает у этой небольшой и с виду довольно скромной женщины сексуальный голод.

— Ты с такой горячностью рано или поздно попадешь в чемпионки, — прошептал ей на ухо.

— А ты? — шустро отпрянула она. — Неужели не поднимешься, не примешь предложение Гревника?

— Не знаю. — Процедил медленно, понимая, что вру и предложение Гревника уже принято. Вот только в элите ли я, даже если у Гревника? Назначили самих себя...

* * *

Рано утром я вернулся домой опять-таки на такси. Как обычно, хотелось поваляться в постели подольше, да не вышло: Лане надо было до работы попасть к свекрови. К тому же, рано утром явилась с дежурства Ланина подруга, хозяйка апартаментов. Мы одевались без паники, но торопливо. В городе было пасмурно, неярко блестели лужи, однако дождь не шел. Между рядами многоэтажек потерянно метался ослабевший за ночь ветер.

Дома я застал все то же.

— Забери ты его совсем, — сказала мне Лариса, указывая на баночное пиво. — Старику лучше перерыв сделать, а то спит и спит, как сурок. Проснется, сходит в туалет, потом высосет новую банку и снова засыпает. Уморит его этот подарок. Да и мне достаточно, на всю оставшуюся жизнь пива напилась.

Я согласился и, уходя из дому, захватил с собой один блок. «Хорошенькое начало для работы в компании Гревника! — мелькнуло в мыслях. И тут же я сам себя поправил: — Да пока нет никакого начала, не спеши!»

Так или иначе, а махнуть рукой на переговоры с Гревником и Кирюхиным я уже не мог.

Около забегаловки вместе с другими мужиками стоял еще нестарый безногий инвалид Лешка Полива. Он был на протезах и с костылями, а кроме того, опирался спиной на сетку.

Лешка Полива стал для меня кем-то вроде учителя жизни. Именно он когда-то надоумил, что можно на толику уменьшить количество зла в этом мире, если позволить кому-нибудь бездомному спать в прихожей на продавленном диване, а в кухне для кого-то поставить раскладушку.

Дело прошлое... Одно время часто появлялась около забегаловки молоденькая бродяжка Вика. Как-то Лешка Полива заметил ее в компании троих парней. Типа дембеля, с неделю или две как из армии вернулись... Они уже начали пресыщаться дембельским загулом, но и остановиться еще не могли.

Лешка Полива отбил у них бродяжку, применив для нападения, конечно, не кулаки — куда уж безногому доходяге драться? — а свой зычный голос.

— А ну стой, а ну быстрей чеши сюда! — крикнул инвалид бродяжке, в первый момент вообще игнорируя дембелей.

— С какой радости? — опешила та.

— Кончай выпендриваться, гнида... — буркнул самый угрюмый из дембельской «троицы».

Троица гоготнула.

— Будете зубоскалить, я вас в два счета в ментуру сдам! — пригрозил Лешка Полива.

— Не гони пургу, обмылок! — вяло огрызнулся широкоплечий добряк, употребивший, тем не менее, страшно обидное слово.

— Сам ты чмо болотное... Там тебя и близко не стояло, где я ноги потерял. Небось, у макаронного прапорщика на складе служил? Помогал ему пузо через ремень переваливать да спину чесать?

— А тебе забота? — промямлил добряк.

— По-хорошему говорю: оставьте «промокашку» в покое! — не унимался инвалид. — Или не трогайте ее, или хуже будет!

— Развякался, гнида... — Начал выходить из себя угрюмый. — Ты из какой норы вылез, а? Загнать тебя обратно?

— Давай, загоняй! Ну, вперед... Хочешь полы в ментуре поскоблить, так поскоблишь до завтрашнего утра за милую душу. А то и срок схлопочешь, если потянешь «промокашку» с собой. Понял — нет? По-твоему, исполнилось ей восемнадцать? Что молчишь, сволочь? Ты своей единственной извилиной про это не подумал? Ну, так гражданин судья тебе объяснит подробненько, будешь обходить малолеток за километр с гаком. Ей самое время за партой сидеть и учиться, а не гадюшники с вами обнюхивать!

— Учиться? — рассмеялся добряк. — Да она тебя сама чему хочешь научит!

— Ладно, заваливай в забегаловку — нальем глоток, — подал голос третий дембель. — Хорош трепаться. Мы к тебе, старина, ничего не имеем, так и ты попридержи жало...

Ну, и так далее. Благо, у парней руки были заняты бутылками, парни шли пить и всерьез им заводиться с инвалидом не хотелось. Вернее, угрюмый не прочь был закатить в лобешник даже инвалиду, зато добряк и третий дембель предпочли ограничиться перебранкой.

— Вы с кем спорите? — сделав страшные глаза, закричал добряк приятелям. — Это ж почти генерал — лампасы на костылях пришпандорены...

— А я не поняла, чего ему вообще надо? — Вика уставилась на инвалида. — Ты уже мой адвокат теперь или только наняться хотел?

— Вот-вот, наняться. Постой здесь и поговори со мной.

— Точно, побазарь с ним! — разрешил добряк, подмигнув Вике.

— Но ждать не будем — все без тебя выжрем, — предупредил ее угрюмый, сплюнув Лешке Поливе под костыли.

Когда парни скрылись в забегаловке, инвалид объяснил скороговоркой:

— Сейчас ты еще можешь уйти от них, а потом будет поздно. Глотнешь с ними — все, не отвяжутся. Или сейчас мотай, или... Угрюмого я знаю, он здесь недалеко живет. В школу с финяком ходил, чуть не сел за грабеж.

— А ты уверен, генерал, что мне с тобой будет лучше? — Она скорчила паршивенькую гримасу.

— Не повторяй за дураками! Какой я тебе генерал?

— Не-ет? — спросила протяжно, с притворным разочарованием.

— Не соображаешь, что начнется, когда они тебя водкой накачают?

— Очень трудно догадаться. Только мне, генерал, как-то пофигу...

— Короче, я живу в этом доме.— Он кивнул в сторону ближайшей девятиэтажки. — Кончай кочевряжиться и решай быстро. Или иди за мной, или вали к ним. Я тебя на аркане не тяну, предлагаю по-человечески.

Лешке Поливе было элементарно жалко Вику, маленькую симпатичную дуру. И хоть его дома жена ждала, он все же пригласил к себе бродяжку, не побоялся скандала ради ее спасения, хотя бы временного.

* * *

Я случайно стал свидетелем умыкания бродяжки от дембелей, заговорил тогда с Лешкой Поливой, поддержал его. А через пару дней, когда Лешкина жена была готова выгнать их обоих, инвалид явился ко мне просить, чтобы я образумил его жену. То есть чтобы выступил в качестве свидетеля и даже адвоката, разъяснил, как все вышло около забегаловки. Я тогда не отказался, и моих свидетельств, к счастью, Лешкиной жене вполне хватило для примирения со своим инвалидом.

Подойдя к Лешке Поливе, я вручил ему блок из банок с пивом. Мужики, стоявшие рядом с Лешкой, даже ахнули. Безногий инвалид имел все шансы стать здесь героем дня, точнее, утра.

— За что? — спросил он, задыхаясь от предвкушения празднества.

— Да так. За правду, например. Скажи по правде, трахнул ты тогда бродяжку или нет?

— Будешь скотиной — пива от тебя не возьму... — ответил он.

На том мы расстались.

* * *

— Мне приказано вам и кабинет предоставить, и еще пару комнат для ваших работников, и технику. Компьютеры выдам, когда появится группа — они будут числиться на тех людях, которых вы наберете. Если нет возражений. И камеры также, и...

— Кто приказал?

— Да Гревник сначала. А потом и Максим Кирюхин подтвердил.

— А это обязательно требуется? Если приказал Гревник, то его приказ потом должен еще подтвердить заместитель?

— Не обязательно, наверное, но... — Альбрехт Дятлов развел руками. — Гревник где-то в отъезде, только после выходных будет, а Максим Кирюхин на месте, он сейчас командует. Кстати, сказал, чтобы я вас направил к нему. Прежде, чем вы займете помещение и вообще... Трудовые книжки у него хранятся, ему книжку надо отдавать.

— Значит, иду к нему...

Меня иногда подмывает сделать что-то не как лучше, а по обратному принципу. Хотя бы в мелочах. Я прекрасно знал, что зайти в кабинет Максима Кирюхина без стука будет элементарной неучтивостью, но именно ее в данном случае и хотелось проявить. Я просто толкнул дверь плечом... Конечно, вся «верхушка» компании имела секретарш, в том числе и Кирюхин, однако сидевшая в предбаннике перед кабинетом девушка зазевалась, не успела среагировать на резвого новичка.

Хозяин кабинета стоял спиной к окну, опираясь крупом на подоконник. Максим Кирюхин был в дорогом коричневом костюме, на широком лоснящемся лице заместителя лежала тень задумчивости, в толстых пальцах дымилась сигарета... Можно было предположить, что этот человек только

что вышагивал по кабинету, мучительно решая важную государственную или предпринимательскую задачу, и захотел покурить, стоя ближе к форточке.

— Привет! Я нужен?

Появление новичка выглядело стремительным. Прежде, чем хозяин кабинета успел произнести в ответ хоть слово, я хлопнулся на стул, поставленный около рабочего стола для посетителей. Мне отлично было видно, как недовольно напряглись мышцы широкой кирюхинской физиономии, однако заместитель свой начальственный гнев сдержал.

— Привет... — ответил он мне как будто даже рассеянно и, чтобы выиграть секунду-другую, смачно затянулся сигаретой. — Я должен взять у вас трудовую книжку, а кроме того хотелось бы получить от вас информацию, чем вы займетесь в ближайшие дни. Честно говоря, план вашей работы в компании мне пока что не ясен, — сказал он после паузы. — Нужен хотя бы первый набросок плана. Руководство компании должно с большего представлять перспективу...

— Гревник ни о каком перспективном плане со мной не заговаривал.

— Да, он не имеет привычки вникать в детали.

Теперь Максим Кирюхин стал энергично вышагивать по кабинету.

Я поднялся со стула. Теперь мы стояли друг против друга и смотрели друг на друга почти с угрозой, словно собирались тут же доспорить на кулаках.

— Работать ведь придется не с одним Гревником, — резонно заметил Максим Кирюхин,— а в его отсутствие компанией поручено руководить мне!

— Это я уразумел. — Теперь тон у меня был ровнее ровного. — Уразумел, да только мы же с вами выяснили, что сюжеты о тусовщиках из шоу-бизнеса, о вечеринках «золотой молодежи» и «творческие пути» певичек я снимать не стремлюсь. Просто не мое. И в казино с камерой если пойду, то сделаю сатиру. Устроит вас? Вижу, что вряд ли, а ничем не могу помочь, несправедлив я ко многим. Развлекаловка меня не греет.

— Тогда я не знаю, для чего существует шоу-бизнес и мы в нем... — Кирюхин развел своими огромными руками. — Или вы чего-то не понимаете, или я не врубаюсь. Но я здесь не первый день усердствую, далеко не первый! А вы у нас еще даже не числитесь. Поэтому уясните себе: раз поставлена цель развлекать телезрителей, значит, их надо развлекать. И по большому счету телезрителям наплевать, кто и как это организует. Гревник, Максим Кирюхин или вы... Лишь бы был достигнут желанный эффект.

— Вы правы, я у вас пока не числюсь, культуру к подвываниям красоток и прыжкам в сторону сводить не собираюсь. Мне вообще система нашего телевидения не нравится... Герои зрелищ, спортивных, попсовых, парадных, почему-то поднимаются вами или нами выше, чем реальные герои жизни... Плевал я на зрелища!

— Да-да, все зависит от того, идете вы к нам или нет. Оставаясь без работы, оставайтесь при своем мнении... А если работать, то засуньте свои взгляды на жизнь в одно место и подчиняйтесь! — Он преднамеренно повысил голос, провоцируя новичка.

И спровоцировал.

— Перебьешься... — вырвалось у меня сквозь зубы.

— Что ж, не задерживаю, простимся до лучших времен. Но поясню вам от щедрости душевной: со студией документального кино в компании окончательное решение еще не принято. Есть альтернатива: игровые телесериалы, те самые многосерийные боевики и мелодрамы, которые пока что представляются куда более выгодным предприятием. Боевики, плюс «мыло» и наши, и московские каналы покупают охотно, никаких проблем с реализацией не

возникнет. Я до сих пор колебался и поэтому в принципе мог поддержать вас, если бы вы по-другому себя повели...

— А как по-другому? — перебил я его.

— Ну... Это ведь увесистый, жирный кусок, вот что! Если бы вам доверили документалистику нашей компании — это, повторяю, было бы для вас сытно на всю жизнь. Но такие куски не глотают в одиночку.

— А если держаться вас, то они хорошо и легко проглатываются?

— Напрасно иронизируете, Платон! Вы можете прилично снять, — признаю, в этом вы, наверное, сильны. Но вы не коммерсант. Картинки останутся бесприбыльными картинками, если их не продать. Мне кажется, вы и стакан воды в пустыне никому не пристроите. Будете носиться со своими творениями как те подростки у загородного ресторана с портретиками актрис. Только вы уже взрослый, у вас из сочувствия не купят... Прекословьте мне, заноситесь сколько угодно, но без меня в нашей компании такие куски действительно не проглатывают. Я не хочу сказать, что вы подавитесь — избави меня бог от таких предсказаний! Вам жирного куска просто не достанется, разве что сметете со стола крошки. Другое дело, что я человек незлобный, отходчивый и прагматичный. Договоримся — ладно, глотайте свое, а мою долю отдайте мне. Это еще, что называется, по-божески! В других местах, поверьте, гораздо хуже, чем у нас, и договариваться со мной не так противно, как вам вначале может показаться. Условия не драконовские. Однако договориться надо в ближайшие дни, пока Миша Гревник отсутствует. Если надумаете, то звоните или снова приходите в этот кабинет. И можете на всякий случай, чтобы ситуация выглядела для вас реалистичнее, зарубить себе на носу: преимущественно управляет компанией не Гревник, а Максим Кирюхин. Во всяком случае, я в большей мерее ее контролирую, чем он. Гревник здесь до поры до времени выгоден нам как брэнд... Такие вот дела и делишки. А за сим прощайте, господин Чагин! Хотя нет... Еще пару слов. У меня масса недостатков, но я никого не обворовал. А вот Бодяков, к которому вы метнетесь, если решите меня избегать, обирает новичков. Да, он был спортсменом, а в остальном бездарь, ему не хватает идей, вот и ворует. У меня своих идей навалом, и заработать новичку дам, не должно быть бедных рядом... Так что не спешите с выводами!

Он вежливо указал мне на дверь. Я и сам уже шел к выходу. В финале нашего пространного диалога хеппи-энд, в принципе, не предполагался.

* * *

Теперь я оценил осмотрительность Михаила Гревника. В том, что он не пригласил меня сразу на какую-то должность, не заговорил о значении для его компании документального кино, не предложил новичку немедленно составить программу работы, были свои резоны. Босс предвидел: и мне, и всем, кто окажется причастным к составлению и обсуждению этой программы, определиться будет трудно, все это займет порядочно времени. Документальное кино — понятие широчайшее... По-видимому, Михаил Гревник затеял канитель со мной, рассчитывая пока что только ввязаться в бой. Принцип известный: давай начнем, а уж потом посмотрим, как фишка ляжет, каков будет расклад.

В качестве пробного шара для новичка Михаил Гревник избрал зарождение телевидения, раздумье о таких давно ушедших людях, как профессор Розинг и его последователи. Дескать, интересно вернуться к истокам, осмыс-

лить, с чего начиналось и к чему пришло, а заодно и о нашей компании кое-что рассказать. Действительно, интересно.

Сверив вчера свои позиции с Вадимом Бодяковым, изрядно поспорив с Максимом Кирюхиным, я пока решил, что набрасывать полномасштабную программу работы рано, а вот писать сценарий для фильма, заказанного Гревником, самое время. Устроился в выделенном мне кабинете, включил компьютер, зарегистрировал почтовый ящик и, что называется, попробовал разогнаться.

Сразу же зашел Кирюхин, царственным жестом бросил на стол папку.

— Это тебе от меня, чтобы без обид было. Хороший материал.

Повернулся и, не дожидаясь ни слова в ответ, вышел.

Итак, истоки... Годы с 1907 по 1911, Петербургский технологический институт. Профессор Розинг создал систему тэвэ с электроннолучевой трубкой, передал изображение решетки... Потом, представил я, решетка камеры, решетка на окне скотного вагона, везущего петербургского профессора и ему подобных в края не столь отдаленные. Рассказ Семена Семеновича Кушакова о смерти ссыльного.

Основные штрихи биографии — момент открытия тэвэ и момент смерти ссыльного Розинга для меня прояснились. Не хватало того, что было между ними, так сказать, самой жизни, ее связующих эпизодов, связующих фигур...

Набросав начало сценария, я открыл папку, принесенную Кирюхиным, и начал знакомиться с биографией самого знаменитого ученика петербургского профессора — Владимира Зворыкина. Одна из главок сценария называлась «От Розинга — к Зворыкину». Я написал название и стал мало-помалу заполнять лист словами:

Сначала энциклопедические сведения... «Владимир Зворыкин — инженер, изобретатель в области радио и телевидения, ученик, последователь, продолжатель дела... Родился на Оке, в древнем городе Муроме, тогда застроенном преимущественно одноэтажными деревянными домами, но по-своему уютном, летом — зеленом, осенью — пронзительно-золотом. *(Необходимо снять старую застройку).* Детство прошло у Оки, как казалось пацанам, реки доброй и приветливой, совсем не похожей на холодную, свинцово-угрюмую Неву. Ее, Неву, совершенно другую реку, восемнадцатилетний Владимир Зворыкин увидел в столице Российской империи, куда он приехал, чтобы стать студентом.

(Виды Питера).

Неизвестно, как сложилась бы его судьба, не живи тогда на земле такие революционеры, как Ленин и Сталин. *(Двумя-тремя картинками охарактеризовать эпоху).* Они действовали активно, а в Российской империи образование и наука всегда колоссально зависели от политики, от всяких бунтов-потрясений. Будучи студентом, Владимир Зворыкин тоже чуть было не увлекся политикой, но вскоре осознал, что полезнее заниматься реальным сегодняшним делом, чем бузить ради призрачного всеобщего счастья в будущем. И пошел в лабораторию профессора Розинга».

Я тут же потянулся к телефону, позвонил Лане Романчук. Привыкшая почти ежедневно искать для своего канала что-нибудь интересное в интернете, она сразу пообещала скачать воспоминания Владимира Зворыкина. И не обманула, довольно быстро выцарапала самые интересные фрагменты, сбросила их мне. Естественно, я решил материал использовать. Воспоминания предстояло читать актеру, который в сценарии пока был обозначен как «Голос Зворыкина». Первый фрагмент касался профессора Розинга: «Во время нашей совместной работы он не старался использовать меня только как

помощника, но всячески расширял мои знания в области физики. Розинг, по существу, обогнал свое время....Розинг получил действующую систему, которая воспроизводила смутную картинку на экране».

* * *

Защитив в Петербургском технологическом институте диплом, Владимир Зворыкин расстался с учителем. Талантливого выпускника ждала практика в лабораториях Европы, где тогда больше занимались передачей радиосигналов. Что и он делал, в частности, в Париже на площадках знаменитой Эйфелевой башни: испытывал разные типы радиоприемников. Съездил также в Испанию и Германию — еще успел, а потом грянула первая мировая война, патриотические чувства позвали молодого инженера на родину. Конечно, его мобилизовали, в армии он служил рядовым, но с инженерным значком, поэтому по прошествии некоторого времени получил назначение командиром радиостанции. Нет, не действовавшей, а хранившейся в разобранном виде в железнодорожном пакгаузе под Гродно. Засучив рукава, молодой инженер вместе с помощниками, собрал и наладил аппаратуру, быстро наловчился прослушивать немецкие служебные сообщения. Тем и занимался, будучи весьма полезным командованию, пока не грянула революция. В 1917 году инженер в военной форме налаживал радиосвязь уже в столице — для Временного правительства.

При советской власти Владимир Зворыкин работал на радиозаводе Маркони, который вслед за Советским правительством был перебазирован в Москву. Время оказалось не благостным, проводилось много кровавых акций. В Москве инженера спас от смертельной опасности его бывший шофер по фамилии Лушин. Теперь Лушин рулил в милиции и случайно узнал, что инженер как «белая кость» из бывших внесен в расстрельные списки... Дождавшись Зворыкина около его дома, бесстрашный шофер отвез человека из расстрельного списка на вокзал.

Дальнейший путь инженера лежал в Нижний Новгород. Там до революции его отцу принадлежала целая пароходная компания, там Зворыкиных знали. Служащие пароходной компании из уважения к своему недавнему эксплуататору, укрыли от репрессий его сына.

Однако количество испытаний, выпадавших на долю этого человека, не уменьшилось по мере удаления от Петербурга. Переждав какое-то время, он на пароходе добрался до Перми, затем оказался в Екатеринбурге, где был арестован. Между тем к городу приближались с боями белочехи. Именно тогда оказавшийся поблизости от мест боевых действий царь Николай II был расстрелян вместе с семьей. Да и многие другие опасные, с точки зрения тогдашней власти, узники получили по пуле. Такая же печальная участь ждала бы и Владимира Зворыкина, тем более, что в Екатеринбурге ни водителя Лушина, ни служащих отцовской пароходной компании, не обнаружилось. Спасся инженер случайно: арестанты, охваченные недобрым предчувствием, сломали, вышибли дверь, а охрана тюрьмы, как выяснилось, к тому моменту уже разбежалась.

Поняв, что при революционной власти ему не выжить, Владимир Зворыкин присоединился к беженцам, которые передвигались по стране вместе с белочехами, и вскоре оказался в Омске. Он стал служить Сибирскому правительству Колчака. Наверное, ему, как и многим другим, Колчак какое-то время казался спасителем России... У Зворыкина к этому человеку было

уважительное отношение, ведь Колчак прославился как даровитый военный: в Русско-японскую войну командовал эсминцем и батареей в Порт-Артуре, во время первой мировой войны (с июля 1916 года) — Черноморским флотом. Кроме того, адмирал стал известен и как писатель, ученый-гидрограф, участвовавший в полярных экспедициях.

В ходе гражданской войны Колчак сумел выдвинуться на роль одного из лидеров Белого движения, установил в Сибири военную диктатуру и принял титул Верховного правителя.

Сибирское правительство, нуждаясь в радиосвязи, командировало Владимира Зворыкина за радиоаппаратурой в США. Месяц он плыл на пароходе вниз по Оби, потом отдыхал в районе Новой Земли на радиостанции, сообщавшей о ледовой обстановке, далее плыл на ледоколе до Архангельска, тогда оккупированного войсками Антанты. На каждом километре этого пути можно было погибнуть, но судьба хранила молодого инженера.

Наконец, респектабельные и уютные европейские города: Копенгаген, Лондон... Там Владимир Зворыкин застал и вполне рассмотрел благополучную, в общем-то празднично-веселую жизнь местной элиты. Конечно, веселье манило молодого человека... Но представления его о долге и чести были таковы, что Владимир Зворыкин должен был выполнить порученную ему миссию.

Добравшись до Нью-Йорка, русский инженер сделал все, чтобы добыть необходимую аппаратуру. Правда, радости от завершения миссии не испытал: обстановка в России становилась все более ожесточенной. Зворыкина сделали полномочным представителем колчаковского правительства в США. Однако наступление колчаковских войск с зимы 1918 года по лето 1919 не привело к захвату Москвы, наоборот, Сибирское правительство пало, Колчак бежал из Омска в Иркутск и был расстрелян там по приговору Иркутского ревкома. Владимир Зворыкин больше никого не представлял, с 1919 года он просто жил в США, изобретал-конструировал.

* * *

Можно было считать, что свой первый рабочий день в компании я отработал благополучно: написал немалый кусок сценария. Выходил из офиса в потоке других служащих, и тут начался дождь. Ну, пробежался вместе с другими, нырнул под козырек над входом в какое-то заведение, которое оказалось салоном красоты. Под козырьком собралось десятка два человек, и, похоже, это было не окончательно. Из салона вышла какая-то женщина с одуряющее приятными запахами, приткнулась рядом со мной. Скосив глаза, я с удивлением узнал Людмилу Гревник.

— Здравствуйте, — сказала она. — Вот это мне нравится. Хлещет дождь, рядом хмурый мужчина... Щетина немного затемняет впалые щеки, в глазах — тоска зеленая.

— И что, простите?

— Просто хорошо, красиво. Я могла бы переждать дождь в салоне, но увидела вас... Правда, хорошо. А в прошлый раз я, кажется, сказала вам что-то неприятное? Или не вам... — она усмехнулась. — Я вообще подвержена частым сменам настроения — такой тип личности. Разве моя в этом вина? И самое плохое, что просыпаюсь по утрам почти всегда мрачная. Вот почему так? Что-то со мной происходит во сне, а я ведь ничего там осознанно не могу предпринять... Что делать, если поднимаешься мрачной и потом весь твой

день разворачивается скучно? Идиотское состояние. Но я, честно говоря, стараюсь в такие дни ухватиться за оптимистическую мечту, любую, или зацепить какого-нибудь мужчину. Не обязательно сходиться очень близко, хотя...

— Оптимистическая мечта, зацепленный мужчина... — Я с энергичной бестолковостью помотал головой. — Ничего в ваших словах не понимаю.

— Разве? Я бы могла сделать вас крупным человеком, ввести в тусовку. Без столичной штучки, как Миша выражается, у вас не получится.

— Еще одна попытка?

— Почему нет? Миша оказался неблагодарным учеником, а с вами мы можем подружиться по-настоящему.

Я уже чувствовал дискомфорт: надо было что-то отвечать, но мне совершенно не хотелось за ней ухаживать. Ни в коем случае. Я вообще предпочел бы в отсутствие Михаила Гревника с ней не встречаться и не разговаривать. Она тревожила меня — нарочно и вполне умело. Ага... Мало мне Ланы, еще с Ланой не распрощался, хотя пора бы уже.

— Ни в тусовку, ни к богатству не стремлюсь, — сказал я твердо.

Она молча достала из сумки зонтик и шагнула из-под навеса.

* * *

Прошлое изменить невозможно, что уж случилось, то случилось. Людям понравилось жить расцвеченной жизнью со спортивными и попсовыми шоу, которые предлагает «ящик», и стало привычным меньше внимания обращать на реальность. Это быстро приподняло телевизионщиков, они уверовали в собственную звездность, раскрепостились. В общем, большую поддержку раскрепостившимся дикторам и многочисленным трепачам-диджеям оказал шоу-бизнес, как бы выставивший их продуктом жизни свободной. Можно, наконец, бесцензурно корчить рожи, махать руками, нести околесицу и тем зарабатывать внушительные суммы. Пошло-поехало... «Звездам» захотелось имений, шляхетства, парламентских кресел, премий и орденов.

Я никогда не мечтал работать на таком телевидении, а где взять другое?

Грубо говоря, студентом готовился к романтической журналистике — о, воздух, воздух! — а после окончания университета раз за разом стал получать по физиономии.

Когда-то мне думалось, что все мои отношения с воздухом — нечто сугубо сокровенное. Так оно и было в том смысле, что все, как особо дорогое сердцу, я в сердце и хранил, скрывал от чужих. Но со временем понял: такие отношения с воздухом не только у меня, некоторые коллеги могли бы поделиться и своими подобными тайнами. Только в жизни это стало абсолютно ненужным, человечество жаждет шума и зрелищ.

...По дороге домой завернул я в знакомую уже забегаловку, Лешку Поливу думал увидеть. Ну... Бетонный цоколь, металлические стойки и металлическую сетку вместо стен внутри дополняли ничем не прикрытые водопроводные трубы, а также конструкции водяного отопления — этакий непреднамеренный хайтек. Иногда на коленцах труб сидели посетители с бокалами пива в руках, отчего коленца, как бы надраенные натянутыми штанами, блестели, привлекая к себе внимание.

Но большинство посетителей все-таки умещалось за столиками. За одним из них, густо обставленном стульями, расположилась компания, в центре которой держался безногий инвалид Лешка Полива. Пили из кружек местное разливное, а следов баночного пива «Хайнекен» не наблюдалось. Но память

об утреннем подарке, похоже, еще не выветрилась из голов, поэтому и сам Лешка Полива, и пару человек из его окружения приветливо замахали мне. Дескать, подгребай, дружище. Однако я предпочел не спешить и приветственных жестов не замечать. «Пошли» мысли о новом фильме, надо было их для начала уловить, запомнить поосновательнее.

Пока стоял в небольшой очереди за кружкой пива, осматривался, надеясь найти в забегаловке не самое оживленное местечко. Увы, ни в центре, ни за угловыми столиками даже приткнуться было негде. Только один вариант и нашел глазами — длинное, до блеска надраенное задницами коленце в системе водяного отопления, еще свободное. Взяв пиво, я на это коленце и присел. Всего разок отхлебнул из кружки и заметил, что встает со своего места безногий инвалид. Лешка Полива чуток погремел костылями о столик, потом, низенько их переставляя, направился в мою сторону. Костыли и протезы при ходьбе скрипели, отчего мужики за столиками, мимо которых прошагивал Лешка, на время обрывали разговоры.

Через пару минут он шлепнулся рядом со мной, тут же приткнул костыли. Система отопления не работала, от трубы тянуло жестким металлическим холодом, отчего мне приходилось раз за разом приподниматься. Зимой, когда трубы отопления горячие, тут, наверное, пришлось бы привставать даже чаще.

— Вот тебе и пример, когда протезы иметь сподручнее, — сказал и ехидно хмыкнул Лешка Полива. — Я ж сейчас больше на протезы упал — ни холодно, ни жарко.

— Понял, — кивнул я, даже не улыбнувшись Лешкиной шутке, походившей на непреложную истину. — Слушай, еще раз хочу у тебя спросить: ты ту бродяжку малолетнюю оприходовал тогда или как?

— Зря ты так... — У безногого инвалида даже щеки порозовели. — Я разве козел шкодливый? У меня, между прочим, жена есть.

— Хорошо ты ответил, — сказал я, действительно довольный Лешкиным тоном. — А почему спросил? Перестраховался. Задумка у меня появилась: фильм о тебе снять.

— На предмет чего? — насторожился безногий.

— Да просто: живет такой человек...

— Нет во мне ничего замечательного.

— Да и не надо. Замечательным-примечательным у нас все наелись. Как пирожными. Ели, нахваливали, а наелись — отвернуло. Зато черный хлеб каждый день в пищу идет, никто нос не воротит.

— Ну, если вроде черного хлеба, то, может, твоя правда. Только разве про меня одного надо снимать? Ты почему за наш столик не сел, мужики ж тебя звали?

— Да наглотался я уже в последнее время разговоров, отвернуло меня, как от пирожных. Пускай мужики не выдумывают себе лишних обид. Я сначала про тебя хочу снять, а потом посмотрим, может, и второй фильм высмотрим: про компанию вашу. Название-то чудное: «Забегаловка».

— Ладно. А «промокашку» зачем вспомнил?

— Да я бы так и начал про тебя: «Однажды повстречала бродяжка-«промокашка» Лешку Поливу...»

— Надо тебе сказать, не такая уж она и бродяжка! — хлопнул меня рукой по колену Лешка Полива. — Заводная и немного беспутная девчонка. То с родителями поругается, удерет из дома, то еще чего хлеще отколет... Сейчас в деревне под Минском за историю взялась. Там какая-то экспедиция землю будет лопатить, и Вика к ним прибилась. Позвонила мне: «Приезжай, дядя Леша, я для тебя самогон припасла». В деревне хозяйке, у которой на кварти-

ре живет, стирать помогала, лекарство ей какое-то из города привезла. Короче, заработала банку самогона.

— Так если я тебя сагитировал на фильм, давай как-нибудь съездим к Вике на раскопки.

— Думаешь, она согласится про нашу с ней историю рассказывать?

— Буду уговаривать.

— А стоит? Вроде позорить девчонку придется.

— Зачем? Нет. Сценарий продумаю, чтобы аккуратно все.

«Начну с девчонки, потом быстро перекинусь на забегаловку, — решил я, осматриваясь по сторонам так внимательно, как будто уже принялся снимать здешнюю публику. — Самое главное — портреты. Мужик доказывающий, мужик во время пьяной исповеди, мужик несогласный, мужик обиженный, печальный... Еще агрессор, неудачник... Снять, как из кружек прихлебывают. И как солнечные лучи прорываются в забегаловку через металлические сетки-кольчужки, сочатся через разноцветный пластик крыши. Как кружка с пивом горит золотым огнем, как пролитое пиво противно растекается по столу, как мужик сдувает с пива белопенную шапку... Сниму. И про Вареньку Жилкину, про Ларису тоже можно снять. Это жизнь. И это как раз в тематике компании «Музыка и стиль». Но все-таки не про подонков обожравшихся, все-таки не гламур.

— К Вике я только на той неделе смогу поехать, — прикинул тем временем инвалид. — В эти субботу и воскресенье должен быть на боевом посту. А в понедельник у меня отгул за прогул.

— Где сейчас пашешь? — поинтересовался я.

— Какая там пахота! В пэтэушной общаге пацанам ключи выдаю... Да горло деру, если пацаны хулиганят.

Договорились на понедельник, хотя я понимал: в гревниковской компании мне в начале недели могут подкинуть массу работы. «Выкручусь, — подумалось тогда. — Работать, так работать. Если не удастся в компании взять машину, вызвоню Лану с ее «гольфиком». Будем все возможности использовать по максимуму, раскручусь на полную катушку»

* * *

Дома меня ждал очередной мелкий сюрприз: еще одна папка с бумагами, которую, как выяснилось, через Ларису передал Кирюхин.

— Ты снова виделась с телевизионщиками?— спросил я, и в тоне, похоже, был упрек в адрес кухонной квартирантки. — Выдаешь им компромат на себя и на меня?

— Я встречаюсь с теми людьми, с которыми мне хочется и выгодно встречаться, — отчеканила Лариса. — Но понимаю: рискую тебя подставить. Дескать, Чагин пригрел у себя под боком путану. Поэтому, Платон, я благодарю за все и убираюсь восвояси. Мои сумки собраны!

— Вижу... Честно говоря, очень жаль.

— А мне нормально. Если бы в другое время встретились, наверное, иначе бы сложилось, а так — спасибо судьбе и за то, что подарила! Не грусти, — сказала теперь уже бывшая кухонная квартирантка, направляясь к выходу. — Ну, не все сложилось, однако какие-то чувства мы испытали — что-то ведь было, значит!

— Ладно, удачи тебе! Учти на будущее: воздушная стихия и вдохновляет, и вдохновенно обманывает. Не рискуй зря или часто.

Я переоделся, сел в комнате у окна. Хотелось поглядывать на оранжевую закатную полосу. Закат догорал, оранжевое пламя блекло. Поколебавшись с минуту и оторвав взгляд от закатной полосы, раскрыл переданную Ларисой папку. Первым, что в ней увидел, была записка от Кирюхина: «Посылаю тебе, Платон, еще несколько материалов об ученике Розинга Владимире Зворыкине. Учитель умер как раз тогда, когда Зворыкина в качестве гостя из США принимали в Москве и Ленинграде. Безопаснее быть гостем, чем гражданином в нашем отечестве. Владимир Зворыкин интересовался судьбой учителя, но те ученые и инженеры, с которыми встречался американец, о профессоре Розинге практически ничего не слышали. Представитель администрации строгим тоном сообщил интуристу, что профессора во время революции арестовали, сослали в Архангельск, где он и скончался. Даже это не было правдой. Арестовали Розинга в 1931 году, то есть незадолго до приезда ученика, встреча с которым могла бы его спасти».

Записка Кирюхина вышла длинной и больше походила на кусок сценария, что сначала показалось мне подозрительным. Не пытается ли он, посылая целую подборку, увести от какой-то другой важной темы? А впрочем... Ну, приезжал неоднократно Владимир Зворыкин в Советский Союз, ну, помогал бывшему отечеству с оборудованием для радиоцентров, испытывал ностальгию... Под конец жизни ему даже посчастливилось увидеть свою малую родину — Муром. Город был закрыт для иностранцев, однако старик, путешествовавший с интуристской путевкой, отстал от группы, которая направлялась во Владимир, взял такси и приехал в Муром. Зашел в родительский дом, побывал на кладбище, поклонился праху предков. Долго стоял на берегу Оки, смотрел на утекавшую внизу воду, вспоминая и размышляя...

Об этой авантюрной поездке ученый потом рассказал гостям в своем принстонском доме... Люди жизнью рисковали, а сегодня из «ящика» несется: «Ночью я тебя люблю, утром — провожаю».

* * *

Новая встреча с Кирюхиным вышла своеобразной. Оба были настроены друг к другу враждебно, это чувствовалось в словах, которыми мы обменивались, однако оба разговаривали с той откровенностью, которая подошла бы для партнеров.

— Я помню нашу прошлую беседу, — сказал Кирюхин. — Ни в коем случае не возражаю против доярок и телятниц с их проблемами, только мне кажется, что на экране это уже не ново. В чем открытие?

— В жизни существуют скучные прозаические проблемы. И сколько бы человек ни маскировался, ни прятался в ледовых дворцах и гламуре, прозаических проблем бытия не избежать.

— Доярок и телятниц во всех видах уже показывали наши предшественники. Согласен с вами, что проблемы остались, но с точки зрения искусства в этом нет новизны. Ваши сюжеты представляют как бы обессилевшее прошлое. Пусть даже достойно представляют... А жизнь и зритель диктуют: ради бога, вторгайтесь еще куда-нибудь!

— Развлекать, конечно, тоже надо, — признал я без большой охоты.

— Вот. Опираясь на этот тезис, вы, господин документалист, учтите наши интересы, — произнес Кирюхин торжественно. — Чего я, собственно, и добиваюсь. Даже войны не отменяли на сто процентов спорта, песен, юмора...

— В особенности, в тылу.

* * *

Большой и серьезной программы у меня пока не было, но можно было реализовывать некоторые задумки. Группу я пока не набирал, оформил только одну девушку в качестве секретаря, чтобы управлялась с телефоном и начавшими понемногу собираться бумагами.

Тем временем я снимал все, что можно было, о Розинге и Зворыкине. Нашел старый трамвай, а Варя Жилкина вызвонила нескольких актеров, причем справилась она с подбором очень удачно.

Но фильмом о телевидении и компании Гревника мы не ограничились. Я усилил нажим на Лешку Поливу, и он, нервно подвигав около забегаловки костылями, согласился ехать за город, искать, где работает с археологами бродяжка Вика. Мы поехали на машине компании, и я прихватил с собой две камеры, поскольку каждый день учил Жилкину снимать. Секретарша, на мой взгляд, слабая профессия, я вознамерился сделать из Вари журналистку. Так сказать, в ожидании спонсора, пока не началась ее сольная карьера как певицы.

Поплутали по сельским дорогам изрядно, а все-таки нашли деревню с нужным названием и неподалеку от нее травянистый курган, на склоне которого был сделан археологический раскоп. Мы оставили машину на попечение водителя, а сами отправились исследовать местность. Лешка Полива на своих костылях пошел прямо к раскопу, мы с Варей сначала поднялись на вершину кургана и начали оттуда снимать фрагменты старинных бревенчатых построек, бородатых парней-архелогов и девушек в легких трико и с косынками на головах.

Поскольку мы с Варей снимали, несколько бородатых парней пожелали выяснить, кто мы такие. Объяснились накоротке и одновременно сошлись около раскопа с сильно запыхавшимся Лешкой Поливой. Одна из девушек в трико и косынке, увидев Лешку, прибежала объяснять бородачам, что это мы к ней приехали. Ну, и так далее.

Я услышал первую фразу, которую произнес Лешка Полива.

— Ты вытянулась, Вика, вообще повзрослела — девушка на выданье!

— Не надо меня никуда и никому выдавать, — ответила она со смехом.

У археологов начинался перерыв на обед, точнее, на перекус, как они выражались. Вика сказала, что мы ее гости и будем перекусывать в ее доме.

Хозяйка, у которой жила Вика, была одета по-крестьянски неброско: черная длинная юбка, бурого вида блузка, если присмотреться, в мелкие желтые цветочки. Эта женщина средних лет в пространные разговоры с нами вступать не стала. Помогла Вике вытащить из печи чугунок с картошкой, принесла из кладовой крынку сметаны, достала из кухонного сундучка хлеб и быстро ушла из хаты. Варя все ее хлопоты снимала, так что хозяйка осталась на кассете.

Мы вытащили из саквояжа бутерброды и колу. Банку самогона принесла, естественно, Вика. Самогон смотрелся не очень — мутноватая жидкость. Еще Вика поставила на стол бутылку с молоком. Бутылка была, хочется сказать, старорежимная, вместимостью не меньше литра, из толстого желтого стекла.

— Самое лучшее дело! — сказала Вика.

Налили в разномастную посуду. Лешке достался граненый стакан, мне — эмалированная кружка, Варе — фарфоровая, самой Вике — мелкая рюмашка, в такую только валерьянку накапывать.

Выпивка, на удивление, оказалась вполне себе. А еще понравилось мне по совету Лешки запивать сначала холодной водой, а потом колой. Вика,

макнув губу в свою мелкую рюмку и съев одну картофелину, встала, разложила типа костерок в комине — это как бы на уступе, сбоку русской печи, но дымоход общий. Поставила треногу, сковородку, плеснула на сковороду подсолнечного масла, вбросила мелко нарезанный лук, чуть поджарила и стала заливать его яйцами. Короче, получилось блюдо, которое с картошкой пошло за милую душу.

Рюмка подействовала на Вику, девушка стала рассказывать о себе, своей встрече и дружбе с Лешкой Поливой, а Варя, действуя ненавязчиво, фиксировала все на камеру. Я любовался обеими.

В какой-то момент мне пригрезилось, что сидит с нами за столом мой незабвенный дед Федор Харитонович, что бабушка Елена Леонтьевна в сенях стучит посудой. Я встал, оставив Варю работать, вышел из хаты.

Видна была вдали зубчатая медно-бурая стена соснового бора, виден был курган с раскопом, начинало сиять свежей зеленью поле озимых. Деду с бабушкой в такую пору тоже могло быть хорошо. Природа, застолье...

Я подошел к раскопу в том месте, где хорошо просматривался бревенчатый квадрат древней постройки. В квадрате продолжал работать один бородач, то ли сверхэнтузиаст, то ли тут надо было кого-то оставить в обед присматривать за раскопом. Парень обернулся на шум моих шагов.

— Нашли что-то ценное? — поинтересовался я.

— Для науки — да, — ответил археолог.

И показал мне крынку, точно такую, в какой Викина хозяйка принесла сметану, только глазурь на старой глине отличалась.

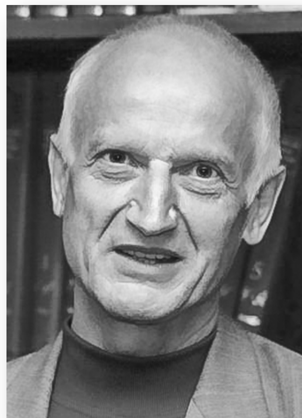
— Здесь жили люди, обычные, как мы с вами. Из бездны пришли и на какие-то годы задержались. Им то время досталось, нам — это.

Я не спросил, какие годы достались тем людям, я примерно знал, поскольку услышал вдруг в бревенчатом квадрате легкие детские шаги. Сощурился, напряг зрение... Топал маленький мальчик по имени Харитон, от которого позже родится мой дед Федор.

Как близко все, как похоже! И у них были страсти, взросление и старение, были, наверное, свои катастрофы. А вывод один: живи, пока жив, снимай, например, свой маленький фильм. О девчонке-бродяжке, безногом инвалиде, археологических раскопках около Минска и, в конце концов, о самом себе, авторе отнюдь не гениальном.

Я дождался, пока смолкли почудившиеся мне голоса и пошел назад к друзьям, в деревню, чтобы вместе допить молоко.

АЛЕСЬ РЯЗАНОВ

Пейзаж вспоминает слова

* * *

Записная книжка промокла:
набралась
впечатлений от дождя.

* * *

Помылся уже?!.
Сияет над баней
молодой месяц.

* * *

В море приключений —
в город дождь
входит.

* * *

Что-то должен вспомнить?!.
В толпе зеленого чернобыльника
сухой.

* * *

Серебрянее звуки:
колокольню
озаряет молодой месяц.

* * *

Весна на улице:
обхожу
отверстия в подземлю.

* * *

Никого,
а в кирхе
играет орган:
я *кто-то*?!.

* * *

Что обещано — будет!..
В грудь
бьет себя гром,
крестится молния.

* * *

А швы золотые!..
Весна
шьет роскошный убор
дубу.

* * *

Май на дворе:
цветут
песнями деревья.

* * *

Мечта улыбается —
лицо
подставила солнцу весеннему
молодица.

* * *

В лужах:
дождь
выравнивает дорогу.

* * *

Краюха ничейного счастья —
из-за туч
вынырнул месяц:
нате!..

* * *

Рождается стихотворенье —
пейзаж
вспоминает слова.

* * *

Вывороченные деревья:
вихрь
разместился в бору.

* * *

Смеркается:
переходит
дорогу лес.

* * *

Стучит дятел —
толкует,
кто она, что,
сосне.

* * *

Везде побывал:
дождь
ведут ручьи —
домой?!.

* * *

Набрал и несет охапку
пыли вихрь:
в укор —
кому-то?!.
никому?!.

* * *

«Любишь меня?!.» —
репейник
скубет коза
и кивает.

* * *

Эхо — босяк:
собака
латает лаем забор.

* * *

Зашевелились деревья:
гроза
ведет даль.

* * *

Лето.
С рубашки
сдуваю муравья —
в лето.

* * *

И тут побывает,
и там —
девушка:
взгляды-мотыльки.

* * *

Жара:
у солнца
появилась лупа.

* * *

Покинутая —
из окна
дивятся потемки,
из потемок кто-то:
хата.

* * *

По самую шею:
вошли в реку
кувшинки и человеки.

* * *

С сумкой в левой,
с пакетом в правой —
ведет госпожа
с рынка равновесие.

* * *

Улицу, площадь проворно
ветер метет:
идет
гроза-государыня.

* * *

Оттуда и дотуда —
молния

спрашивает тучи:
«Вы со мной?!.»

* * *

Тропа, что не возвращается, —
с горы
стелется ручеек.

* * *

Падаю —
подаю
руку то сосне,
то дубу.

* * *

Обрушилась ель:
Лапами —
в печаль,
корнями — в ужас.

* * *

Юрта для всех
и каждого:
солнце
расположилось на земле.

* * *

Качаются ветви
за окнами и оттуда
объясняют,
что здесь уютно.

* * *

Рукоплесканья ладонью
одной:
парит
кленовый лист над землей.

* * *

Лето забрали
и улетели:
грустят без ласточек
провода.

* * *

«Не надо мне такого
вниманья!..» —
убегает
от ветра лист.

* * *

Осень:
глубоким становится
озера взгляд.

* * *

Хочет утешить?!.
Осторожные
прикосновенья дождя.

* * *

Падают листья.
Жалость
светится обликами
живыми.

* * *

Бродит по стерне
опечаленный дождь —
опоздал?!.

* * *

Падают листья:
отнимает
ясень имя свое
от себя.

* * *

В инее:
нарядился
по-княжески куст.

* * *

Темная река:
остановился
с коврами золотыми

на двух берегах
ноябрь.

* * *

Огнистая
по стволу
листва побежала:
ах, белка!..

* * *

Бродит и хватает,
где ни попадя,
запахи
ветер в городе:
изголодался?!.

* * *

Крепитесь!..
В деревья
щемится мороз.

* * *

В новых сапожках
топает
на крыльце хозяйка:
спасибо снегу!..

* * *

Цвети!..
Обняла
яблоню вьюга.

* * *

«И как я здесь оказалась?!.» —
льдина
осваивается в пруду.

* * *

Везде побывал:
старый месяц
путешествует внаоборот.

* * *

Прощается
и снова
здоровается ветер с сосной —
любит?!.

* * *

Зашевелилась извилина —
пополз в трясину уж:
снова,
тропинка, можешь идти!..

* * *

Светает:
выходят
березы из леса,
входят
ели в лес.

* * *

С гулянья домой:
река
возвращается в русло
виновато.

* * *

Лишние?!.
Очки
снимает пан:
туман.

* * *

Падает —
холодея
спрашивает: «Где я?»
лист.

* * *

Красивая —
ветер обнимает березу:
«Летим со мной!»

* * *

Глубокие окна:
очам
хочется увидеть
Бога.

* * *

Солнце сыплется,
светится дождь —
перемешала
названия осень.

* * *

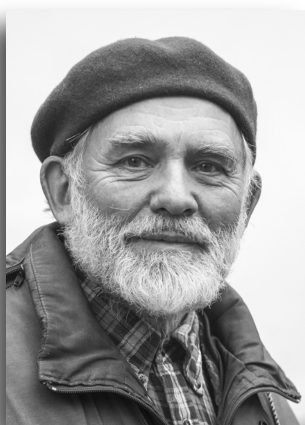
Сковалось озерко —
спряталось:
раздвигает
ветер камыши.

* * *

Кругом обрывы:
в душе
ищу крылья.

Перевод с белорусского Натальи КАЗАПОЛЯНСКОЙ.

ЛЕОНИД ЛЕВАНОВИЧ

Пассажир из Копенгагена

Рассказ

1

Мы стояли в очереди на регистрацию в аэропорту Бостона на рейс до Парижа. В Америке и очереди не такие, как у нас, и время у них свое: дальше двенадцати они считать не любят. Но в международных сообщениях вынуждены это делать: на большой черной доске мелом был написан номер нашего рейса и время вылета — 17.35, ниже в скобках — 5.35. Мы — это я и мои провожатые, дочь и зять, — миновали доску в общей очереди, дальше свободная нейтральная зона, за ней стойки регистрации, их было четыре: три обычные — для эконом-рейсов, четвертая — для бизнесменов. К этой стойке изредка подходили мужчины с шикарными кейсами, женщины с легкими сумочками. Мадам за стойкой очаровательно улыбалась, быстро исполняла необходимые формальности.

Все остальные пассажиры-экономисты терпеливо ждали, какая стойка освободится и перли к ней с чемоданами и саквояжами. Я прикидывал, какая стойка будет моей, и тут услышал знакомое пиликанье: такие звуки издавал сотовый телефон зятя. «Это вас», — Алесь протянул мне мобильник, я услышал далекий, встревоженный голос жены.

— Только что позвонили из Литовских авиалиний. Сказали, что завтра в Вильнюсе тебе придется ждать семь или восемь часов. Автобус должен забрать всех пассажиров. А когда ж тебя встречать?

— Позвоню из Вильнюса. Там будет видно.

Когда брал билеты, вежливо заверили: будете возвращаться, поедете сразу в Минск. Как говорят белорусы: абяцанкі-цацанкі, то есть обещания, заверения, а ожидать придется семь-восемь часов — за это время «Боинг» перелетает Атлантический океан.

И вот мы уже возле стойки. Молодая мулатка в белой форменке не могла понять: почему я в Минск лечу через Вильнюс, куда адресовать багаж? На каком самолете он будет лететь от Вильнюса? Наконец, недоразумение разрешилось, и я оказался в громадном, как гумно, самолете. В семь десять утра я был в Париже. Там шел дождь, хотя на дворе стоял декабрь.

2

Дождливый, туманный день будто серым покрывалом накрыл столицу Литвы — исторический и культурный центр белорусской земли. Прилетел я туда без опоздания — в 14.30. Прибавил восемь часов, получалось, что в половине одиннадцатого выедем из Вильнюса, в два ночи буду в Минске. Но где искать белый «Форд», который вез меня сюда?

Пассажиров в аэропорту было мало, в первом проходном зале вообще никого. Подкатил тележку с чемоданами поближе к окошку дежурного, объяснил ситуацию, он согласился присмотреть за вещами. Напротив аэропорта стояло много машин, однако знакомого «Форда» не нашел. Переехал в небольшой зал ожидания, где не было никого. Читал, дремал, время шло медленно, как по смоле. Люди заходили, но это были пассажиры местных линий, недолго сидели и уходили. За окном стемнело. Около семи вечера ко мне подошел худощавый темноволосый мужчина с тонкими усиками.

— Вам до Минска? Кажется, я вез вас сюда? — и назвал мою фамилию.

— Слава богу. Я вас полдня ищу.

— Автобус давно стоит здесь. Разве вам не сказали? Сегодня красный, а не белый. Тот в ремонте. Давайте ваши вещи.

Погрузили чемоданы в багажник, я вздохнул вольней, мог походить по улице. Правда, литов не имел, да и баксов кот наплакал. Теперь была проблема: уговорить водителя довезти в Минске до дома, конечно, за плату. Водитель согласился, дежурный милиционер помог позвонить жене: встречать не надо.

Теперь я с легким сердцем ходил по залу, утешая себя: пять часов прошло, осталось всего три, ну, пусть четыре, все равно меньше. Ждать нужно самолет из Копенгагена, который прилетает в 22.35. Теперь все было ясно, но небо не имело такой ясности, рейс могли отложить, задержать.

Пожалел, что не имею телефонов знакомых литовских литераторов. Когда-то знал многих коллег-писателей, но за последний десяток лет ни с кем из них не встречался. Перед отъездом в Америку пробовал дозвониться до Пятраса Браженаса, с которым по-дружески беседовали в Доме творчества «Ислочь», и чарку брали, в баньке парились, но телефон поменялся, нового не нашел, да и не думал, что такой будет запас времени.

Подошел высокий кудрявый парень.

— Мне сказали, что вы до Минска. Я тоже.

Разговорились. Парень окончил аспирантуру одного минского вуза, теперь стажируется в университете Марселя. Родом из Минска, родители тоже минчане, но в его поведении, манере говорить был уже какой-то своеобразный шарм. Признался, что по-французски говорит свободно.

— Значит, вы теперь — Серж?

— Новые друзья зовут так.

— Ну, а французские женщины нравятся?

— Как вам сказать? Современные француженки слишком худые и плоские. Никакой сексуальности. Минчанки красивее.

Возражать я не стал, потому как Париж видел только с высоты птичьего полета, да насмотрелся на обслугу аэропорта имени Шарля де Голля — в основном это молоденькие темнокожие девчата. Были среди них и симпатичные, но что минчанки красивее, я охотно согласился, действительно, в нашей столице много красивых девчат — просто аж глаза разбегаются.

По залу туда-сюда прохаживалась стройная русоволосая женщина, изредка она посматривала в нашу сторону.

— Это тоже минчанка. Прилетела из Франкфурта-на-Майне. К мужу ездила.

Как только Серж отошел от меня, я направился знакомиться с пассажиркой из Германии. Она читала небольшой томик — это были стихи Марины Цветаевой. Естественно разговор начался с поэзии. Мария окончила филфак Белорусского университета, сначала преподавала белорусский язык и литера-

туру, потом уроки родного языка начали сокращать, пришлось преподавать русский язык. Томик Цветаевой она брала с собой в дорогу.

— Раньше не воспринимала ее. А теперь люблю. Очень тонкая и глубокая, говоря по-белорусски — поэтка.

— А из белорусских кого вы любите?

— В студенческие годы нравились многие. А теперь люблю только Женю Янищиц. Остальные — охи да вздохи.

— Ну, не скажите. Есть интересные, — не согласился я. Назвал несколько фамилий, Мария ничего о них сказать не могла. Вывод напрашивался сам собой: она давно не читала этих авторов.

— Кстати, в Германии книги поэзии не пользуются спросом. Давай романы про любовь. Видимо, это во всем мире... Вы говорите, что ваш зять программист. В Германии очень ценят людей этой профессии. Если у вашего зятя в Штатах будут проблемы... Или его потянет ближе к Родине, могу дать адрес фирмы, где работает мой муж. Им нужны программисты, — охотно рассказывала Мария. — Правда, с языком могут быть проблемы. Немцы понимают английский, но не любят его. Своего придерживаются.

— Не то, что мы, белорусы.

— Это камешек в мой огород? — улыбнулась Мария.

— Если б только в ваш. У нас весь огород такой...

Мария гостила у мужа два месяца, брала отпуск за свой счет. На Новый год муж обещает прилететь на пару недель: соскучился по сыну. Малыш учится в третьем классе, каждый день вспоминает папу. За разговором, потом за разгадыванием кроссворда время покатилось быстрее. Теперь уже и водитель крутился возле нас, мы уже были как один коллектив.

— Ну чего мы тут торчим? Этот человек может не прилететь из Копенгагена. Может, он передумал? Или фирма не отпустила, — начал Сергей.

— Может — надвое ворожит. Мне приказано всех забрать. Вчера его жена звонила, чтобы не забыли его взять. Пассажир — Гончарук из Копенгагена. Меня же выгонят с работы, если он прилетит, а его никто не ждет. Что вы, братцы? — убеждал водитель.

3

Между тем часы показывали начало одиннадцатого. И тут как гром с ясного неба голос из репродуктора: рейс из Копенгагена задерживается на сорок минут.

— Что я говорил?! — подхватился Сергей. — Мы будем торчать до утра, а он не прилетит. Поехали. Переночует в гостинице. Думаю, что не бедный. Пойду разведаю, есть ли места.

— Можете не ходить. Пока самолет из Копенгагена не прилетит, никуда я не поеду. Предлагаю посидеть в автобусе, — водитель направился к выходу.

За ним пошагал и Сергей. Марина снова достала томик Цветаевой, а я опять принялся мерить шагами зал ожидания. Затем вышел на улицу, а там начался дождь, подумалось: принес его ветер из Парижа. Вскоре мы все собрались в автобусе. Водитель включил мотор, тихо играло радио. Однако время в автобусе ползло еще медленнее, мы все нетерпеливо посматривали на часы, но чаще нас это делал шофер. Марина и Сергей приземлились позже меня часа на три. Мое ожидание уже перевалило на девятый час. Наконец,

водитель выключил мотор и зашагал по лужам в аэровокзал. Его не было с полчаса, а может, и больше.

— Ну, что я говорил? Козел! Если б не Мария, загнул бы трехэтажного мата. Гончарук остался в Копенгагене. А он ведет какую-то шалаву. Баксы сшибает. Никогда не летал Литовскими авиалиниями и больше не полечу! — горячился Сергей.

— Добрый вечер! Или уже доброй ночи! — весело поздоровалась незнакомка.

— Для кого добрый, для кого не очень, — проворчал Сергей. — Говорил же вам. Никакой Гончарук не прилетит. Давно б уже были в Минске. А вы: жена звонила, просила...

— Молодой человек, Гончарук — это я. Спасибо, что дождались. Так что, жена моего мужа звонила? Интересно! Хотя, чему удивляться? Я полгода не была дома. За это время можно найти не одну новую жену. Недавно говорила с ним по телефону. Сказал, встретит на вокзале. Про жену ни слова. Цирк на дроте! — весело говорила копенгагенская пассажирка.

— Так он сразу и расколется. Скажет в свое время. Шеф, прошу прощения, — повернулся Сергей к водителю. — Пожалуйста, не обижайтесь.

— Оказывается, вы можете быть вежливым! А что же вы меня пугаете? Не пугайте страуса, пол металлический... Песка нет...

Все засмеялись, громче всех — Сергей.

— Ну, мадам Гончарук, с вами не соскучишься.

— Если по миру шастать без юмора, можно свихнуться. Извиняйте, людцы добрые, но мне нужно за кустики. Остановите, пожалуйста. Я быстренько...

— Ну вот, в Вильне ждали. Теперь на дороге будем ждать. Терпите до Минска, — ерничал Сергей.

— Вы что? Мочевой пузырь лопнет. Будет то, что с обезьянкой, которой вздумалось заняться любовью со слоном, — заливалась смехом пассажирка. — Я летела бизнес-рейсом. Мужики, веселые, сидели рядом. И каждому хотелось со мной выпить. За мое здоровье. Разве ж я виновата?

Автобус остановился, Гончарук исчезла в туманной мгле.

Между тем, в автобусе начался оживленный разговор.

— Веселая наша попутчица, — с нескрываемой завистью подала голос Мария.

— А вы меня упрекали, — повеселел и водитель. — Если б я не дождался, она бы такой тарарам подняла! Всю Вильню на уши поставила б. Я вылетел бы с работы, как пробка из шампанского.

Вскоре пассажирка явилась, поехали дальше. Села она возле меня. В полумраке трудно было рассмотреть ее лицо, но по всему было видно, что она совсем молодая. Короткие густые волосы обрамляли немного вытянутое вперед лицо, роста она была среднего, крепкого телосложения. Веселый характер, физическое здоровье, молодость, позволяли ей колесить по свету. Дремать и молчать пассажирка не собиралась.

— Ну что, будем знакомиться? Меня зовут Вика. Фамилию знаете. Откуда прилетела — тоже. Даже знаете, что у моего мужа новая жена. А я ничего не знаю. Вы откуда и куда? — повернулась она ко мне. — Прежде всего, если не секрет, как вас зовут?

— Дядька Лявон. Возвращаюсь из Америки. Был там в Бостоне.

— Окей! Была в Бостоне. Это единственный город в Штатах, который мне понравился. Культурный, зеленый, красивый. Остальные — каменные джунгли. Большие деревни из каменных коробок. А вы, молодой человек? Кстати, очень приятно, иметь дело с вежливым человеком.

— Мерси, мадам, за комплимент. Только из Парижа. А если совсем точно — из Марселя. Занимаюсь там в аспирантуре.

— Отлично! Простите, моя коллега по принадлежности к женскому племени не спит?

— Где ж тут уснешь? Что с вами, что с чужим мужем. Какой может быть сон?

— Ну, Мария! И у вас юмор прорезался! — громче всех смеялся Сергей. — А в Вильне была такая задумчивая, грустная.

— С кем поведешься... — тихо смеялась Мария, коротко рассказала о себе.

— О'кей! Познакомились. Можно переходить к анекдотам. Юмор разных стран и народов, — будто дирижер, управляла беседой Вика. — С кого начнем? Как там французы насчет юмора?

— Французы? Силь ву пле, — охотно отозвался Сергей. — Значит, он и она в спальне. Зазвонил телефон, она вышла, поговорила. — Сюзанна, кто звонил? — Да это мой муж. Сказал, что придет поздно. С тобой в шахматы играет...

Все дружно засмеялись, а громче всех — сам рассказчик.

— Ну, а Штаты любят юмор? — большие темные глаза копенгагенской пассажирки смотрели на меня.

— Американца без юмора трудно представить. Сидят два гангстера, здоровенные бомбизы, один вздохнул и говорит: — Знаешь, Билл, есть у меня голубая мечта: ограбить банк и оставить там отпечатки пальцев моей тещи.

Наверное, этот американский «Форд-экспресс» никогда не слышал такого дружного, громкого смеха. Смеялся и водитель, внимательно всматриваясь в темную, мокрую ленту шоссе, которую снопами света вырывали из темноты фары.

— А как там немцы? Небось, после кружки пива травят анекдоты? — не унималась Вика.

— Пива с немцами не пила. Анекдот такой. Английский, но услышала его в Германии. Отель в Лондоне. Ночь. Погода мерзкая: мокрый снег, холодрыга жуткая. Стук в дверь: — Мистер, я ваша соседка. Замерзаю. Никак не могу согреться. Помогите... — Ну, возьмите мое одеяло. Через какое-то время опять стук: — Мистер, мне стало еще холоднее. Помогите согреться. — Ну, как я помогу? Вот мое пальто. Вскоре опять стук: — Мистер, я вся заледенела. Моя мама в такие ночи согревала меня своим телом. — Милая моя, не пойду же я такой холодрыгой искать вашу мать...

И снова громовой хохот всколыхнул красный «Форд-экспресс».

— Ну что, моя очередь? — подал голос водитель. — Значит, новый, ну, крутой, белорус купил шестисотый мерс. Пригласил двух друзей покататься. И по газам! Летит на красный свет. Один друг не выдержал: останови, я выйду. Высадил, опять разгоняется, прет на красный. Стоп! Высади и меня, — не выдержал и другой приятель. Высадил, снова разгоняется. И тут слабый голосок: — Меня тоже высади! — Так никого же нет. Кто ты? — Я твой ангел-хранитель... — и перекрывая хохот, добавил: — А теперь передайте мне паспорта. Граница, таможня скоро.

Сергей собрал паспорта, а Вика завершила вечер юмора:

— На закуску — самый короткий анекдот. Английский лорд говорит своему лакею: — Джон, у меня сегодня рабочее настроение. Я сам облуплю себе вареное яйцо. — Всем спасибо! До границы мы доехали быстро. Настроение отличное. Дай боже, благополучно добраться до Минска.

4

Таможню, где стояла длиннющая очередь громоздких фур, разномастных легковушек, наш автобус прошел, как разогретый нож сквозь масло. Потом водитель с паспортами направился в ярко освещенное здание. Вскоре вернулся, сказал, что всем надо выйти — показаться пограничнику. Усатый прапорщик усталыми, заспанными глазами смотрел на фото в паспорте, затем через окошко — на физиономию каждого из нас.

Едем дальше. Мария больше не отзывалась, видимо, сморил сон. Да и Сергей молчал, все ниже склонялась его курчавая голова. Беседовали мы вдвоем. Виктории хотелось говорить, а мне было интересно слушать, как мог, поддерживал разговор, задавал вопросы. Пришлось самому признаться, что немного пишу, выходят книги.

— Сайт есть в интернете? — Вика смотрела на меня, казалось, что ее глаза светятся каким-то синеватым блеском.

— Какой там сайт? У меня и компьютера пока нет. На старенькой машинке печатаю. Привык. Она — как продолжение моих рук. Бывает, сначала пишу карандашом или ручкой.

— Компьютер — куда лучшее продолжение... Какой писатель без сайта в интернете? Это как профессиональный водитель без авто. И не поздно заняться компьютером. Освоите легко.

Вика начала горячо доказывать, какие возможности открывает интернет, она готова научить меня работать на компьютере за три дня. Я не возражал, признаться, меня больше интересовали ее впечатления, наблюдения, мысли о тех же голландцах, датчанах, американцах. За семь лет работы в фирме «Дайнова» Вика облетела весь мир. Эта фирма некогда гремела на всю Беларусь, и я доверил ей свои чеки. Теперь дела фирмы на родине шли туго, а за границей успешно. Однако дивидендов я так и не получил.

— Что вам сказать о голландцах? Сытые, довольные. Кроме своего корыта их ничто не интересует. Спроси, где город Минск — редко кто ответит. А у нас каждый школьник знает, где находится Амстердам, Гаага или Брюссель.

— Ну, а как вам Америка?

— Америка окончательно зажралась. И она покатится вниз. Работать им самим не хочется. Пусть кто-то другой горбатится за компьютером. Чтобы кто-то все за них делал. Вкалывал за станком, улыбался в супермаркете, упаковывал жратву... А они бы отдыхали, путешествовали, грели пузо на океанских пляжах.

Я понимал, что Вика слишком категорична, субъективна, но слушать ее было интересно.

— А где вы еще были?

— На Тайване, в Китае, в Японии...

Милая девушка, как же тебя помотала коммерция в твои молодые годы!

— Ну, и что вам бросилось в глаза, запало в душу?

— Мне кажется, тайванский тигр уже устал. И японцы начинают буксовать. Китайцы пока что на подъеме. И они скоро обгонят всех, и Штаты — тоже. Немцы умеют работать: методично, планомерно, обдуманно. Недостаток ресурсов, территории не дают им развернуться. А вот в Индии не была. Слышала, что спецы-индусы возвращаются домой из Европы, Америки. Дома можно заработать больше, чем за кордоном. И чувствовать себя патриотом родной земли. Это не громкие слова, а реалии жизни.

Вика помолчала, потом заговорила снова:

— Скажу вам честно, устала я от заграницы. Мне уже двадцать пять, а семьи фактически не имею. С мужем видимся раз или два в год. Надоели самолеты, отели, фуршеты. Бывает, так захочется самой сварить нашей бульбы, бросить укропчику... Да с кефиром или с грибками, которые сама собрала. Обрыдли казенные улыбки. Иногда думаешь: они и скальп с тебя сдерут с улыбкой. Надоела гонка за баксами. Сколько из-за них вокруг беды! Хочу ребенка, уюта, нежности. Пусть муж кормит. Да и у меня малость есть. На жизнь хватит. Не в баксах счастье. Остряки добавляют: а в их количестве. Это неправда. Человеку не много надо для счастья. Помотаешься по миру, так начинаешь понимать простые истины. Вот вам пример: с милым рай и в шалаше. Просто и гениально. В громадных, шикарных особняках, виллах живут частенько муж и жена и люто ненавидят один одного...

Собеседница моя умолкла, и я больше вопросов не задавал.

5

На этот раз дорога от Вильни показалась мне очень короткой. И вот уже мелькнул минский указатель. Поднял курчавую голову Сергей.

— Шеф, это что? Уже Кунцевщина? Мне скоро выходить.

Марсельский аспирант любезно простился со всеми, поблагодарил за компанию, у водителя еще раз попросил прощения. Все-таки Франция всех и каждого может научить вежливости.

— Так где вас ждет муж, Вика? — спросил водитель.

— На автовокзале. На Центральном. Синяя «Мазда».

— Ночью все кошки серые. Как и машины. А тут еще туман. Вот вам и декабрь. Хорошо, что гололеда нет, — водитель тормознул у вокзала. — Вроде стоит машина.

Это действительно была синяя «Мазда». Из кабины вышел человек, открыл багажник, взял из рук водителя чемодан, Вика поставила сумку. Стукнули дверки кабины, машина резко тронулась с места. Ни объятий, ни поцелуев. Видимо, долго ждал, ночь без сна. Да и вообще устал ждать, но ведь встретил. Дождался.

Я держал в ладони холодную гладкую визитку, которую Вика дала на прощание. Дня через три позвонил в ее фирму. Ничего не успел сказать, а в трубке уже звенел девичий голосок: «Добрый день. Слушаю вас». На мой вопрос последовал короткий ответ: «Пока что нет. Она в отпуске». Позвонил через месяц: «Еще не вернулась из отпуска. Скоро будет». Через неделю позвонил опять.

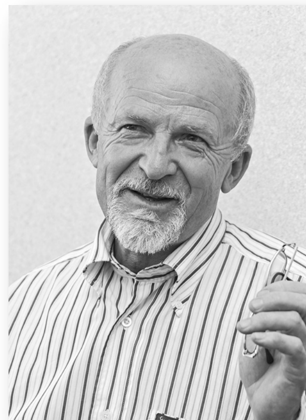
— Гончарук у нас больше не работает. Уволилась.

Значит, Вика твердо решила строить свой теплый, уютный дом.

Пусть повезет ей в этом!

Перевод с белорусского автора.

ФЕДОР ГУРИНОВИЧ

Соловей

Римме

Палатки купол был покат,
Как крыша дома,
И догорающий закат
Дышал, что домна.

Он вспыхивал и снова гас,
И взгляд мой застил.
И падал с облака бекас
В порыве страсти.

Он так азартно токовал,
Так увлеченно!
Светился озера овал,
Как жемчуг черный.

Жилища моего левей
Плыл свиязь-щеголь.
А в краснотале соловей
Тихонько щелкнул.

В кусте ветвистом у воды
При свете лунном
Он стал настраивать лады
И дергать струны.

Вначале голос был несмел
И робок очень,
Но вдруг в дуделку засвистел
Он что есть мочи.

Такой пленительный восторг
Он вдруг исторгнул,
Что содрогнулся весь простор,
Застыв в восторге.

Как вдохновенно пел солист,
Как чисто, звонко!..
Уже наклюнул почки лист
На ветке тонкой.

Уже подснежники цвели,
Гнездо грел ворон,
Теплом проснувшейся земли
Простор был полон.

Был вешним духом напоен
Вечерний воздух,
И полнолунью в унисон
Всходили звезды.

На сердце было хорошо,
Как от улыбок.
Внезапно снег густой пошел —
Тяжел и липок.

Камыш, рогоз, малинник вдруг
Запорошило.
И дуб, коряв и многорук.
Мрачнел, как Шива.

И берег снегом занесло,
И мостик шаткий.
Я, как цыпленок под крыло,
Нырнул в палатку.

И на нежданный сей пейзаж
Дивился в щелку.
А пресловутый мастер наш
Все так же щелкал.

И, невзирая на метель,
Он бредил летом
И нервно вдруг виолончель
Менял на флейту.

То отбивал чечетку птах,
То в темпе вальса
Кружил с мелодией впотьмах,
Пе-ре-ли-вал-ся.

Ни от земли, ни от небес
Он не зависел,
Он в неуютный сыпал лес
Изящный бисер.

Палатку легкую пронзал
Ненастный вечер.
А соловей кого-то звал,
Молил о встрече.

Он соловьиху завлекал:
Из серой грудки
Такие трели извлекал,
Такие звуки!

От ласки собственной он млел
И стлался пухом,
Не меньше десяти колен
Являя слуху.

Был слышен волн тяжелый вздох
Под берегами.
Служили дупла древних ольх
Певцу органом.

Сквозняк шатался в камыше,
Стонал и ойкал.
Сменялась радость на душе
Тоскою стойкой.

По дому, городу, теплу,
Дочушке, сыну.
А ветер дерзко гнул ветлу,
Трепал осину.

Но птах все так же рокотал
Назло пороше,
Как будто в горлышке катал
Тугой горошек.

Попасть в «десяточку» стремясь,
Густою трелью
Он так настойчиво стрелял,
Дробил капель он.

«Фью-иить!» — и нить из серебра
Свивал, картавил:
«Тьюрр-тьюрр!» — и низ, и верх он брал
Любой октавы.

То он на раны лил елей,
То сыпал соль он —
Бунтарь, разбойник-соловей,
Маэстро-соло!

Он бил в набат, он в душу лез,
Звонарь весенний,
Он чаровал, веселый бес,
Крылатый гений!

Журчал раскованно ручьем
Всю ночь без сбоя,
Соперничая с соловьем —
С самим собою.

Был лес в туманной дымке сед.
Зевая сладко,
Уже заглядывал рассвет
В мою палатку.

Катились тучи тяжело,
Как дирижабли.
Но снег растаял, и светло
Горели капли.

Свисали тучами с ветвей,
Был блеск их весел,
Как будто ноты соловей
В кустах развесил.

От них светился берег весь —
Как в перламутре.
Лучом неярким через лес
Алело утро.

К палатке жался краснотал
И пахнул булкой.
А соловей все стрекотал,
Все пленькал, булькал.

Он увлекал куда-то вдаль —
За автостраду,
И были нежность и печаль
В его руладах.

Он грезил, буйствовал, робел —
Колдун, охальник!
Я тоже думал о тебе,
Покинув спальник.

И, пташке трепетной внемля́,
При свете зыбком
Я видел, милая моя,
Твою улыбку.

В тот миг, любимая моя,
Под тонкой крышей
Жалел о том, что соловья
Ты не услышишь.

Ты где-то в городе спала
В своей кровати...
А тяга славною была
Тем утром, кстати.

И вальдшнеп хоркал впереди,
Беря правее...
Но я ружье не зарядил.
И не жалею.

МИХАИЛ ЛУЧИЦКИЙ

Воины ночи

Рассказ

В середине девяностых объявились в наших краях ниндзя...

Не так чтоб много, всего-то кланов пять-шесть. В черных балахонах и с обязательными сюрикенами — плоскими заточенными по краям металлическими бляхами замысловатых конфигураций. Сюрикены, иногда смазанные ядовитой гадостью, ниндзя должен швырять со снайперской точностью. И ниндзя старались. Много вытерпели деревья в городском парке имени юбилейной годовщины срединного осеннего месяца. Не последнюю роль в расцвете древнего японского шпионажа — искусства крадущихся, или при другом прочтении иероглифа «ниндзюцу» искусства терпеливых — сыграл третьеразрядный корейский боевик, где много прыгали, били друг друга ногами, а главный герой, корейский Робин Гуд — Хон Гиль Дон, в рукопашной схватке шутя справлялся то с десятком, то с полусотней врагов.

Самое смешное, что благородных Хон Гиль Донов у нас больше не стало, а ниндзей — в фильме их-то и бил целыми отрядами храбрый корейский борец за независимость — хоть отбавляй. Бить-то бил, и даже за дело, но наш народ почему-то влюбился в них, в битых. По сюжету главный герой между подвигами все время дудел в свирель и вообще вел себя занудой. Коварные ниндзя располагали к себе нормальными, здоровыми человеческими страстями: отобрать у бедных корейских крестьян последний мешочек золота, выпить наперсточек вина, подергать за рукава одежды корейских девчонок (большего ниндзя не успевали, откуда-нибудь все время выскакивал Хон Гиль Дон и ну давай за независимость Кореи воевать). А все-таки хоть и не умели ниндзя побить патриота, а в душу запали многим славянам. Что Гиль Дон? Ну, ловок драться, еще в дудку дуть — и все. Крадущиеся и по воде бегали, и через небольшие хижины перепрыгивали, и как кроты под землей могли проползти, и главное, станет трудно, они об землю взрывпакет шарах — на мгновение пыхнет искрами и густым дымом, а ниндзи и след простыл.

В общем, даже странно, что у нас ниндзей набралось всего-то кланов пять-шесть. Обо всех рассказывать не стану — ну поиграли люди, в основном подростки, и хорошо, — но о двоих крадущихся поведать стоит. Первый, бывший борец, из-за сложного перелома руки завязал с бросками и перекочевал в каратэ, через пару лет сам стал сэнсэйствовать, а потом и ударился в ниндзя. То, что он побывал в Японии, знали многие. Но что его там приобщили к тайнам крадущихся, он поведал публике, только когда пришло время, удачно совпавшее с возникшим спросом на квалифицированных преподавателей тайн ниндзюцу. Учеников к нему пришла тьма, потому как любого из конкурентов он запросто мог швырнуть через бедро, а то и придушить, как цыпленка.

— Ниндзя должен быть еще большим самураем, чем обычный самурай, — говаривал этот учитель, и напоминал: основоположниками искусства крадущихся стали самураи, сохранившие верность погибшему князю.

Он умел производить впечатление. Статный, суровый, с квадратной челюстью, Георгий Дьяк был из той породы суперменов, что даже за кефиром ходят, сохраняя воинственное выражение лица. С людьми малознакомыми он говорил твердым металлическим голосом, короткими фразами, но иногда одаривал кого-нибудь признанием:

— Вы человек, тонко понимающий суть кристальной чести. Это оценили бы на Востоке.

Кроме преподавания средневековых тайн боевого искусства Дьяк пробовал себя в коммерции — тогда многим грезилось выйти в Рокфеллеры. Партнерам по бизнесу он, случалось, приоткрывал душу:

— Есть свет и есть тьма. Их разделяет блеск самурайского меча. Немногие всерьез задумываются, по какую сторону от клинка стоять. Я долго решал, где мое место, но я нашел его, и буду стоять, как подобает воину.

В том, что директор местного филиала мощной японской корпорации настоящий воин, ни у кого сомнений не возникало. Во-первых, в офисе бизнесмен-ниндзя Георгий Дьяк-сан принимал посетителей, облачившись в самурайское одеяние. Во-вторых, секретарша у него была не легкомысленная блондинка-длинноножка, а маленькая брюнетка в деловом костюме, пришедших встречавшая, мурлыкая что-то то ли по-японски, то ли по-китайски. Красотка офис-менеджер, по отцу татарка, на дальневосточный манер умела с поклоном сказать только «Георгий Федорович-сан ждет вас», но нужное впечатление она производила.

В третьих, в кабинете Федорович-сана на рабочем столе стоял комплект самурайских мечей на подставке, а по стенам были развешаны многочисленные фотографии Георгия Дьяка на улицах Токио. Вот он в борцовском зале в кимоно и в обнимку с каким-то узкоглазым дедушкой. Вот Георгий-сан в строгом костюме в компании целой толпы японцев на фоне красивой па́годы. Все это были снимки еще догорбачевских времен, когда молодой, одаренный и трудолюбивый, но неудачливый дзюдоист Дьяк оказался в составе команды, отправившейся на турнир в Японию. На одной из фоток возносился в небо небоскреб с гигантскими иероглифами в несколько этажей. На эти же значки взгляд посетителя натыкался повсюду в офисе Дьяка. Кстати, свою фамилию он любил произносить так, как она якобы звучала по-японски: Дзин-кай. По словам Дьяка, это означало «человек-общество».

— Токийский офис нашей корпорации, — указывал на фотографию в рамке Дьяк и кланялся небоскребу.

Никто не смеялся. Однажды один дурень хохотнул, так Дзин-кай взял со стола самурайскую катану и шутнику сделал внушение:

— Вы оскорбили корпорацию, я должен разрубить вас пополам. В Токио мы специально учились на глиняных чучелах. Но по предписанию фирмы, для первого неучтивого северного варвара я делаю снисхождение. Корпорация дарит вам жизнь. Хотя... самурайский меч, вынутый из ножен, нельзя возвращать обратно, не напоив кровью.

Тут Дьяк помолчал, поразмыслил, а потом нашел решение:

— Мне придется пролить собственную кровь, — и очень основательно рубанул себя по руке. Хлынувшую кровь остановил шелковым платком, а после едва не заставил посетителя унести окровавленную тряпку с собой.

Посетитель рассказывал по всему Минску о Дзин-кае как о сумасшедшем, но от бизнеса с японской корпорацией не отказался, и денег вложил

немало — больше всех других партнеров Георгия Дьяка. Бизнес предполагался благороден, как душа самурая: закупить японских водорослей, спасших Страну Восходящего Солнца после Хиросимы и выручить народ, потерпевший от Чернобыля.

— Взрослые будут получать лекарство по коммерческой цене, но тяжело пострадавшие дети — по себестоимости.

Не все были согласны, но Дьяк говорил:

— Решение корпорации по этому вопросу останется неизменным, но вам незачем волноваться об утраченной прибыли. Финансовые потери компенсирует Токио.

Деньги в филиал корпорации потекли нешуточные, и к Дзин-каю пожаловали рэкетиры с ласковыми лицами боксеров-любителей. Они не учли, что бизнесмен Дьяк еще и тренер целой толпы молодых ниндзя. В условленном месте встречи на команду из пятерых рэкетиров накинулось человек тридцать Дьяковых учеников с нун-чаками, бейсбольными битами, а кое-кто — и с подобием японских мечей. Бандиты долго отлеживались в реанимации, и с той поры всякая рэкетирская шушера офис Дзин-кая обходила стороной. Тем более, что Георгий-сан полюбовно договорился с кем-то из главных рэкетиров города. Слух о победе Дьяка над бандитами облетел город, и уставшие от поборов бизнесмены потянулись к нему за помощью. Он никому не отказывал, брал недорого, вместо наглой «крыши» предоставлял реальную защиту: двух, а то и трех дюжих парней с набитыми кулаками, дисциплинированными движениями и иероглифами на бэйджах. Рэкетиры не беспокоили конторы, охраняемые молодцами из филиала японской корпорации: бандиты и так получали свою долю от Дьяк-сана. Все были довольны. Из Японии, или откуда-то еще, начали прибывать ящики с водорослями в пилюлях. Дьяк ими не торговал. Безо всякой корысти рассылал по детским домам. Партнеры не протестовали: деньги Дьяк-сан возвращал с солидными дивидендами. И к нему повалил денежный вал. Конечно, не в масштабах МММ, но куш Георгий Дьяк-сан сорвал и эмигрировал куда-то в гостеприимную страну с мягким климатом.

Обманутые компаньоны несуществующей японской корпорации спохватились поздно, и милиция похватала только ни в чем не повинных рядовых ниндзя. Часть из них взяли прямо в спортзале, где они в черных балахонах дрались на палках и крутили нун-чаки. Этим на всякий случай пришили криминал и посадили кого на три, кого на пять лет. В этом Дьяк виноват не был. Не он же устроил, что с бандитами в начале девяностых боролись или никак, или сажали всех без разбору.

Второй крадущийся, известный всему Минску, никогда не врал, что секретам ниндзюцу его научили японцы. Честно признавался: умения почерпнул из книг, каких — не разглашал. Звали его Сергей Анатольевич Шурупов, а дразнили Болт. Этот вышел из тех фанатичных энтузиастов боевых искусств, которые вечно ищут сокровенные тайны и лучшую технику. Болт и каратэ занимался, и в китайском у-шу считал себя докой, и в таэквондо разбирался, и вьет-во-дао изучил. Везде он искал самые смертоносные приемы и методы тренировки. Это было типично для тех лет, почти все поклонники восточных единоборств пытались объять необъятное, но большинство рано или поздно находило для себя что-нибудь одно. Болт успокоиться не мог. Людей он пугал нездоровым блеском в глазах и лютой худобой. Так и казалось: сейчас бросится. Когда до наших краев долетели слухи о таинственном искусстве грозных ниндзя, Сергей Анатольевич понял, что наконец-то нашел то, что искал. Сшил черное одеяние, наточил

сюрикенов и начал обучать всех желающих. По смешной нелепости Болт придумал присваивать пояса и даны ученикам-ниндзя, но народу понравилось — это было привычно по каратэ и дзюдо, и получить черный пояс ниндзюцу нашлось много желающих. Они охотно платили деньги, от которых Сергей Шурупов давно отвык. Кое-какое материальное благополучие в его жизни было недолгим: пока он, молодой инженер, еще не окончательно сбрендивший на тайнах Востока, отдавал аванс и получку жене. Жена, промыкавшись несколько лет, от него ушла, а он, бросив работу, обрел просветление и вдоволь времени на духовный рост и боевые практики. Когда пришла мода на ниндзя, Сергей Анатольевич Шурупов зажил окруженный почтением и материальной заботой учеников. Ел он теперь каждый день, и про него даже написали в уважаемой газете. Сергей Анатольевич потребовал имени в статье не указывать, а сфотографироваться согласился только после долгих уговоров, да и то пол лица как бы невзначай прикрыл ладонью: незачем ниндзе афишироваться. Впрочем, интервью вышло очень благопристойным, в том духе, что вот он, среди нас, наследник древних тайн, и вообще молодец и мудрец. А от средневековых своих прототипов выгодно отличается тем, что современный ниндзя сам вправе решать, за какое дело браться, а за какое нет. Ну и, понятно, современный возьмется только за дело доброе и справедливое — как же иначе?

Почувствовав вкус печатного слова, Болт и сам написал книжулю (и ее охотно издали): пособие и руководство к действию для начинающих крадущихся. На обложке на фоне то ли заходящего, то ли восходящего солнца черный силуэт заносил над головой меч. На страницах автор щедро угощал читателей восточными секретами. Оказывается, ниндзя действительно могли перепрыгивать через дома, а лучшие из них умели сигануть и через замковую стену — для этого у крадущихся имелись средневековые спецприбамбасы: компактные, но дюже мощные батутики и прародители современных дельтапланов. И под водой проплыть от острова Кюсю до Хонсю ниндзя мог — а как же! И в рыхлом песке нору прорыть метров так десять или сяку эдак пятьдесят — тьфу! Всем чудесным навыкам крадущихся Сергей Анатольевич находил простое и убедительное объяснение. Проще репы. Вся штука в том, что ниндзя опередили свое время. Удивляться нечему — эти профи шпионажа и диверсий трудились не на собственное благо, а во имя Великой Идеи. Какой?.. Ха! Так вот любому и расскажи.

Как желающему опередить свой двадцатый век, Сергей Шурупов подсказывал. На одной и той же странице изображались средневековая конусообразная соломенная шляпа, с виду шляпа-шляпой, но с заточенными краями, предназначенная для метания и срезания на лету вражьей головы, и тут же рядом — дипломат наших дней, а в нем компактный автомат. Конструкцией предполагалось, что боевой чемодан косит живую силу противника прямо в нераскрытом виде, ручка дипломата выполняет функцию спускового крючка.

Впрочем, поборник старины Шурупов по возможности советовал использовать древние проверенные методы: ликвидация врага иглой, пущенной из духовой трубки, или спрыгивание ему на голову с высокого дерева. Иллюстрировали этот способ аж три рисунка. Одинокое дерево в поле, на нем кукует кто-то в черном, а вдалеке некто спешит зачем-то к зеленому насаждению. На другой картинке некто, видимо, достиг цели, потому как стоял под деревом с видом важного свершения, а на его несчастную голову указывала пунктирная линия со стрелочкой — выверенный прыжок того, кто сверху. И на последнем рисунке ниндзя приземлялся на макушку жертвы. Шурупов

настоятельно советовал исполнить кувырок — для безопасности собственных костей. Зная требовательность и принципиальность Болта во всем, что касалось боевого искусства, которым он загорался на очередном этапе своего Пути, можно предположить, что он и его ученики отрабатывали десантирование с дерева раз по сто.

Примерно треть опуса занимали приемы рукопашного боя крадущихся и использование подручных средств. Рисунки со схемами объясняли, куда пулять подвернувшийся под руку булыжник, если ниндзю преследуют разъяренные непросветленные личности, как ловко спрятаться от погони под канализационный люк и как использовать выдранный из забора кол не по принципу: «Эх, держитесь, гады!», а по науке. Преследователь пытается ударить ногой в ухо: низко присесть и палкой ему в пах. Пробует ударить рукой в лицо: опередить его и тыкнуть колом в горло, а после подпрыгнуть и со всего маху шандарах ему по кумполу.

Заканчивалась брошюра стихами собственного шуруповского производства про то, что мир несовершенен, но есть кому напрячься и сделать его лучше. Все наши ниндзя любили напыщенно, цветисто выражаться: Восток не терпит грубой примитивности. Первый тираж издания разошелся в считанные дни. Болт засел за вторую часть, но что-то не заладилось — фантазия иссякла.

Да и дела пошли поплоше. Ученики — кто ушел, кто и того хуже, к Дьяку переметнулся. Пяток преданных остался и с голоду Болт уже не пропадал. Случилось другое.

Где и как он нарвался на нож, так и осталось загадкой. Следователю наплел какую-то чушь, всем остальным с гордостью говорил, что не станет впутывать милицию. Еще бы! Впервые за много лет мифологизированный враг, которого на тренировках годами планировалось ловко уничтожить за его подлость и агрессию, обрел плоть и оружие, и тем подтвердил: не зря Болт носил кожаный ремень с заточенными краями тяжелой пряжки. Не без толку прятал под штаниной, на голени, нун-чаки в специальном чехле. Не болваном был, когда частенько предусмотрительно совал лезвие бритвы за щеку, на случай, если враги схватят, свяжут руки-ноги веревкой на морские узлы, и начнут глумиться. Тогда можно оставить их дураками, уйдя в следующее дарованное Буддой рождение, перерезав лезвием язык и умерев с улыбкой от потери крови. Нате, выкусите! Думали, взяли ниндзю?

Все не зря. Тренировки по умению уклониться от брошенного топора. Окунание в прорубь со связанными руками. Сидение под водой в камышах, скупо дыша через тростинку. Долгие часы бормотания мантр. Тысячи повторов наскакивания на условного самурая-часового, охраняющего покои сегуна или императора, крадущегося могли бы подрядить придушить во сне и того, и другого. Игры в прятки в городской канализации. Все имело смысл. Мир действительно населен неожиданностями и опасностями, к встрече с которыми упрямо и изнурительно готовил себя Болт, Постигший Тишину, как он назывался собратьям-ученикам.

Четырнадцать проникающих ножевых ранений брюшной полости, полученные на юбилейном, сороковом году жизни, дали Сергею Анатольевичу право гордиться прожитыми годами. Лежа на больничной койке, он был спокоен и полон достоинства. Шутил с медсестрами-практикантками, улыбался на мучительных перевязках, удивляя медиков: должен бы орать благим матом. И — лечащий врач поразился — похоже, одолел перитонит, шел на поправку.

— Крепкий у вас организм, — сказал хирург.

— Тренированный! — ответил ниндзя.

Даже его худоба стала не отталкивающей, а романтичной. Его навестила бывшая жена, и он напомнил ей восторженного мальчишку, за которого она когда-то пошла замуж.

— Ну что, допрыгался, ду... (хотела сказать дурень, но смягчила) дурачок? — Она едва не заплакала. — Доктор говорит, мог и не выжить!

Он засмеялся, несмотря на острую боль, и ответил:

— Допрыгался. И не жалею.

— Ну что у тебя за жизнь? — спросила она, уже злясь.

— Хорошая жизнь, — он широко улыбнулся, откинул одеяло и, посмотрев на бинты, с гордостью сказал: — Красное проступает сквозь белое. Это и есть моя жизнь.

Она ушла, а он повторил непонятно кому:

— Красное проступает сквозь белое. Это моя жизнь.

Той же ночью он умер.

Лично мне кажется, что со смертью Постигшего Тишину мир стал чуточку плоше и примитивнее.

Сам Болт так не считает. Устроив себе помпезные похороны, с дымящимися палочками ароматических свечей, чтением мантр и прочей эзотерикой, он возродился на следующей ступени духовного просветления. Для жизни в новом качестве требовалось имя, взамен отжившего, и перебрав десятка два вариантов, Болт остановился на скромном, но емком — Постигший Смерть.

Через шестнадцать дней после духовной реинкарнации его выписали из больницы. Достигнув высшего понимания воинского искусства — состояния единения разума и воли с небытием — тренироваться и мучить себя изнурительными кроссами по лесу Сергей Анатольевич перестал. На предельном уровне мастерства можно обойтись и без этого. Учить других с той поры он принялся не изломам суставов или ударам в пах, а сокровенному знанию. Качать пресс, прыгать к потолку, и стучать кулаками по дереву Постигший Смерть никого теперь не заставлял. Тренировал в основном созерцанию внутреннего мира. Учеников у него вскоре набралось батальон, если не больше. Подростки с хулиганскими замашками у него теперь не учились. Их место заняли преподаватели гуманитарных вузов, бизнесмены средней руки, разведенные дамы в расцвете обаяния, два живописца и три альтиста. Деньги Постигший Смерть собирал без рвения и не слишком следил за таксой, но тусовка учеников, собираясь ежевечерне, брала на себя аренду зала и выезды на шашлыки. Помимо денежных пожертвований, Болт ненавязчиво пользовался услугами своих воспитанников, многие из которых занимали кое-какие посты в разных инстанциях.

Клуб созерцателей рос и ширился. Сыграли несколько свадеб. На роль крестного отца Постигший Смерть не соглашался, выказывая сожаление, что христианство не вяжется с его мировоззрением. Постепенно отросло у Болта небольшое брюшко, придавшее, впрочем, большей солидности его облику, тем более что романтическая худоба с его скул не пропала.

Возможно и дальше, возможно еще много лет мирное сообщество искателей истины жило бы уютно и созерцательно, но вторгся и разрушил идиллию грубый и неотесанный человек — майор автоинспекции, «гаишник» по старинке. Жена его (дома Люся, а на собраниях для медитаций откликавшаяся на какое-то поэтическое имя) закрутила роман с гуру. С Болтом. Немного смущала и даже шокировала духовного наставника приступами страсти в кинозале, сложными позами на заднем сидении ее

«Опеля» и номерами Камасутры в сверкающем зеркалами туалете модного ресторана. К столь насыщенной сексуальной жизни Болт оказался не совсем готов, но когда она переключила интерес на кого-то из ближайших учеников Постигшего Смерть, он всполошился. Начал звонить ей, не думая о времени суток, говорить в трубку слова любви и упреков. Закончилось тем, что муж-автоинспектор пришел на собрание созерцателей и поставил Постигшему Смерть синяк под глаз.

Популярность мастера пошла на убыль. Не следовало ему поддерживать в учениках мысль, что они все-таки занимаются искусством боя, и раз в неделю проводить факультативы по умению выхватывать самурайский меч из рук противника и подавлять волю врага взглядом.

Полного краха не случилось. Многие из учеников пришли к приятному и удобному для сэнсея выводу, что мастер просто пощадил неразумного и не просветленного хама-майора. Да и приемчики единоборств давно уже не были главной темой времяпровождения в клубе «Истинное Сатори». Намного полезней здесь считалось мысленно повращать по животу воображаемый светящийся куб. Или, прикрыв глаза, вдыхать носом золотой луч, а выпускать из себя серый, мутноватый. Очень очищает.

ЛЮДМИЛА ШЕВЧЕНКО

Солирует жизни струна

Родина малая

Ах ты, родина малая,
Край единственный тот,
Где под зорькою алою
Липа детства цветет.

Где, скрываясь за лесом,
За зеленым холмом,
Спит в постели небесной
Молодой майский гром.

Где пылают рябины
За селом у ручья.
И косяк журавлиный
Грустен так же, как я.

Моя родина малая,
Край единственный тот,
Где за дымкою талою
Память сердца живет.

* * *

Все сказано уже, все перепето.
Опять цветет черемуха в саду,
Зимой холодной хочется мне лета,
А жарким летом зимушку я жду.

Что жизнь изменчива — в том нет секрета,
Но только нам никак не угодить,
То кто-то любит нас, но без ответа,
То сами мы не в силах разлюбить.

Ностальгия

А мне запомнился тот день,
Хоть я была совсем девчонкой,
Цвела под окнами сирень,
И слышался смех мамы звонкий.

Отец в рубашке голубой,
С улыбкой галстук поправляя,
Шутил. Веселый, молодой,
В далеком том счастливом мае.

Как время катится, Бог мой!
Давно уж нет отца и мамы,
Немало лет и мне самой,
Но память вновь и вновь упрямо

Мне возвращает майский день,
Где я еще совсем девчонка,
Цветет под окнами сирень,
И мать с отцом смеются звонко.

* * *

Не хочется думать, что кончится лето,
И листья в саду облетят,
Ведь лучшая песня еще не допета,
И тянется к солнышку взгляд.

А сколько задумок, а сколько желаний,
И есть голубая мечта...
Еще не настала пора расставаний,
Сияет надежды звезда.

Не хочется думать, что силы уходят
И зимами скрыта весна,
А в сердце, как прежде, стихи колобродят,
Солирует жизни струна.

НИНА МАЦЕВИЛО

Крещенская неделя в Аксаковщине

Лирические миниатюры

Прогулки по окрестностям

В ту зиму медицинский реабилитационный центр в Аксаковщине напоминал корабль, затерявшийся во льдах. Ослепительно-белое шестиэтажное здание с голубыми балконами, казалось, тонуло в глубоком снегу. Толстые снеговые шапки укрывали деревья, скамейки, фонарные столбы, крыши подсобных помещений, а снег все шел и шел.

Внутри дом жил своей особенной жизнью и напоминал сложный хорошо отлаженный механизм. А где много людей, там и животные: во дворе корпуса образовался своего рода живой уголок. Наверное, даже животные чувствуют, что это место, где всех жалеют. Повсюду были развешаны птичьи домики и кормушки, куда каждый мог положить корм. Из окошка подвала к крыльцу совершали рейды упитанные кошки всех возрастов. Прописались тут и два симпатичных дружелюбных пса. Предположительно, они жили в поселке за лесом, потому что вечером уходили, а утром снова приходили — за общением и угощением. Один пес был долговязый, белый, гладкошерстный. Местные обитатели его так и прозвали — Белый. Другой — коричневый, с густой длинной шерстью. При взгляде на него невольно приходило на ум сравнение: «пес в медвежьей шубе». Ему дали кличку Полкан. Полкан сопровождал по очереди людей, которые шли по своим делам: кого до автомобиля, кого на автобусную остановку, кого просто на прогулку к заледеневшему озеру или водопаду. Среди людей у него были старые знакомые, новые знакомые и совсем чужие. Старые знакомые окликали его, гладили по голове, трепали за уши, здоровались за руку, то есть за лапу и давали что-нибудь вкусное — специально припасали или покупали в ближайшем магазине. Один раз видела, как Полкан носился с большим куском копченых ребер. Таким старым друзьям он всегда рад был составить компанию. Незнакомцы же недоумевали и с опаской оглядывались: что нужно этому псу, который идет за ними неотступно? И если у них в сумке отыскивалось что-нибудь съестное, на всякий случай старались откупиться. А Полкан, натрудив таким образом по снегу свои лапы, ложился отдохнуть тут же, прямо в снегу. Выбирал местечко в пушистом сугробе и слегка утаптывал. Делал он это забавно: кружился волчком на одном месте, будто пытался схватить зубами хвост. Затем устраивался в приготовленной ямке и дремал пару часов, подстелив под бок свою медвежью шубу. Некоторые специально приходили посмотреть, как он спит, зарывшись в снег. А в крещенскую неделю, когда температура днем доходила до минус двадцати, Полкан нашел себе для послеполуденного отдыха более подходящее место. На краю двора располагались четыре железных

люка теплоцентрали, свободные ото льда и снега. Он ложился неподалеку, но все равно в снегу. Сверху едва ощутимо пригревало солнышко. А сердобольные люди оставляли ему на люках еду.

Белый никогда не спал на снегу, но точно также сопровождал прохожих по дорогам и тропинкам, а если его ничем не угощали, то сам тыкал носом в руку или под локоть. Когда кто-нибудь возмущался, он в ответ «улыбался» и вилял хвостом. Отправляясь на прогулку, я за небольшую «плату» иногда нанимала его в качестве компаньона и телохранителя.

Есть в Аксаковщине живописная речка, которая, благодаря запруде, образует озеро и водопад. Стоя на мосту, я любила глядеть, как буквально под моими ногами многотонная масса воды с высоты четырех метров обрушивалась в реку — сперва уходила под лед, а чуть дальше вырывалась из-под ледяного плена и плавно устремлялась по извилистому руслу. От кипящих брызг по краям намерзли зеленоватые ледяные ворота причудливой формы. А в середине пенилась вода. В сильный мороз над водопадом поднимался пар, и туманное облако зависало над деревьями у реки. Склоненная над водой ива покрывалась ледяной коркой и серебристой изморосью. Казалось, стоило только дотронуться до этого дерева, и оно бы зазвенело. Все это напоминало сказочное хрустальное царство. И совсем странно тут смотрелась сколоченная из досок летняя раздевалка, разрисованная крупными ромашками и стрекозами. По другую сторону с такой же раздевалки хитро подмигивал гигантский мультяшный заяц в трусах.

Поодаль на замерзшем озере колдовали над своими лунками немногочисленные рыбаки. А на берегу школьники облепили снеговую горку. Съезжая, они с криками и хохотом подпрыгивали на обледенелых корнях деревьев — кто на санках, кто на куске рогожи или картона, а кто и на школьном портфеле. Внизу караваном прогуливались мамы с младшими детьми и младенцами в колясках. Там же находился островок густых кустиков — место, где люди постоянно подкармливали синиц. Стоило только подойти поближе, как из этих кустиков выпархивали серые, зеленые, иногда даже ярко-синие птички и выпрашивали корм. Люди протягивали пригоршни, полные семечек, и синички слетались прямо к рукам. Малыши тоже так хотели — обижались и даже плакали, упрашивая синичек поесть из их рук, но те почему-то не садились на детские ладошки.

Как-то утром у озера я наблюдала такую картину: сидит Полкан неподвижно под высокой сосной, задрав голову. Я догадалась, что там, должно быть, белка. Но сколько ни заходила с разных сторон, разглядеть ее не могла. Полкану надоело сидеть, и он ушел. И тут вдруг на меня посыпался сухой снег. Это белочка снова запрыгала с ветки на ветку. Она была уже на самом верху и казалась совсем маленькой, как мышка. Ветер раскачивал макушку дерева, и белочка словно плавала в голубом небе.

Раз, когда мы с Белым возвращались с прогулки, его внимание привлекла одна машина, уазик. Дверца была открыта, и из того места, где положено сидеть водителю, торчали ноги в больших ботинках. Водитель что-то чинил. Белый остановился и стал заглядывать в кабинку. Пару раз мы прошли туда и обратно. Белый всякий раз останавливался и подолгу смотрел внутрь. Вдруг ноги исчезли, появились голова и руки, и к носу Белого выпрыгнула большая сарделька. Пес такого не ожидал, и даже не сразу решился ее взять. А когда съел, то никак не хотел идти провожать меня до двери, как делал обычно. Он поверил в чудо — из уазика вполне могла выпрыгнуть еще одна сарделька.

Говорящий кот

Около пяти пополудни, когда уже смеркалось, я пришла на автобусную остановку узнать расписание автобусов. Табличка с расписанием упала и была приставлена к скамье для пассажиров. Только я наклонилась, чтобы рассмотреть ее, как неожиданно ко мне со скамейки метнулся черный кот, которого я сначала не заметила. И начал «говорить». Не мяукал, а именно говорил — горячо и пронзительно, будто боялся, что я уйду, и он не успеет высказать мне все свои жалобы. От неожиданности я растерялась, но попыталась успокоить его ласковым голосом, погладила. Кто-то оставил на скамейке газету, разложив на ней мелко нарезанные кусочки ржаного хлеба. Мне и вовсе покормить кота было нечем. Я решила отнести его к подвалу нашего здания — к собратьям. Брала его на руки, но всякий раз он выпрыгивал на землю. Звала его, но он со мной не шел. При этом не переставал «жаловаться». Тогда я осмотрелась, нет ли кого поблизости, чтобы попросить съестного для одинокого пассажира. Как раз неподалеку проходила женщина. Услыхав про странного кота, она обронила: «А-а, черный? Он всегда здесь находится». Я не стала ее задерживать расспросами, но слова ее тогда восприняла буквально: что черный кот все 24 часа в сутки проводит на этой остановке.

Утром я запаслась едой и снова пришла. Газета с кусочками хлеба валялась на снегу. Какая-то добрая душа постелила на скамейке для кота большой носовой платок, но самого его нигде не было видно. Я приходила снова и снова — никаких следов. А был ли он на самом деле? Ведь это невероятно: в крещенские морозы вдали от жилья, среди леса, сидит в темноте на скамейке черный кот, один-одинешенек. Как он туда попал и куда девался?

И все-таки я его отыскала — в воскресенье, когда пошла в местную церковь. Черный кот сидел у входа. Я сразу узнала, что это тот самый. Нагнулась к нему, погладила, и он снова громко запричитал. И не мог остановиться — говорил едва ли не человеческим голосом и глядел мне в глаза своими большими желтыми глазами. И снова у меня не было угощения для него! После церковной службы я сходила к себе, принесла ему всякой еды и устроила пир. Еще трижды я посещала ту церковь и каждый раз находила говорящего кота на церковном дворе. Раз он обитал именно там, значит, был под защитой.

Последняя гроза

Август близился к концу. Огромное холмистое поле было устлано ровными рядами пшеничной соломы. В междурядьях проглядывала свежая зеленая трава. И это чередование золотых и зеленых полос, освещенных солнцем, являло собой праздничную торжественную картину.

Постепенно на западе собралась синяя туча. Она долго стояла на месте и, казалось, не предвещала большого дождя. Но когда она придвинулась вплотную, поднялся шквалистый ветер, и на землю обрушился ливень, временами переходивший в град. В саду ветер безжалостно трепал деревья, кусты и цветы. Флоксы и гортензии метались по самой земле, и я была уверена, что они никогда уже не встанут. Град мелкой дробью барабанил в окна веранды, гремел гром, сверкали молнии, а на пригорке стояла лошадь, привязанная к забору, забытая хозяином.

Вылив лавину воды, синяя туча стала медленно уходить на восток. Еще какое-то время моросил мелкий дождь, тихо шурша по листьям. Все как будто замерло. Небо стало проясняться, выглянуло солнце, и засияла радуга, одним концом упираясь прямо в лес. Из-за горизонта выкатилось большое легкое, как дым, облако и завесило половину радуги прозрачной кисеей, от чего вторая ее половина казалась еще ярче. На огромной высоте медленно и беззвучно проплыл крохотный самолетик, серебром отливая на солнце. Он оставлял за собой белую полосу, которая постепенно превращалась в кружевную ленту. Время от времени, низко пролетали какие-то крупные птицы. Лошадь мирно щипала траву. Все сверкало и переливалось. Покой словно воцарился на земле. Но только не в небе. Там каждую минуту все менялось. Выросла огромная гряда белоснежных облаков причудливых форм. Они казались плотными, твердыми — будто ослепительный снег лежал на вершинах высоких гор.

Не прошло и часа, как на западе, на том же самом месте, появилась новая туча такого же синего цвета. В отличие от первой, она двигалась гораздо быстрее. Невообразимое смятение началось в небе. Откуда ни возьмись, появилось множество птиц, которые хаотично кружили в небе, будто не знали, где им укрыться. Стайками пролетали маленькие птички, часто-часто трепеща крылышками. Этих стаек появлялось все больше и больше. Казалось, им не будет конца. Улетая от синей тучи, они направлялись на восток. А небо разделилось на две части. С одной стороны оно было голубое, с нагромождением белых облаков, подцвеченных солнцем. Другая сторона была сплошь затянута темно-синим. Огромная туча неумолимо надвигалась. Темным клубящимся козырьком накрыла она землю, и все пошло по предыдущему сценарию. Поистине, туча смешала землю с небом.

Я думала, что повторная гроза окажется слабее. Но не тут-то было. Дождь лил и лил. Часа полтора гремел гром, и полыхали молнии. Но в конце молнии уже не чиркали спичкой — видны были только отдаленные сполохи. И гром не стрелял, а ухал раскатисто и отдаленно. И было что-то успокаивающее в этом глухом уханье. Было предчувствие, что это последняя в этом году гроза. Долго шел ровный тихий дождь. А когда закончился, снова наступила тишина. Листья на деревьях не шевелились, отяжелевшие от капель. В воздухе стоял густой запах мокрой листвы, трав и цветов. Сильнее всего был запах флоксов, которые наклонились до земли, но не сломались. Мокрые кусты шиповника, увешанные обильными гроздьями ярко-красных плодов, празднично сияли под окном. Солнце клонилось к закату. Но закат был не золотым, как вчера, а ярко-рябиновым. На противоположной стороне еще долго маячила медленно уплывающая за горизонт синяя туча. И на ее синем фоне появилась целая россыпь перистых облаков, окрашенных закатом в малиново-рябиновые тона. Рябиновый закат не сулил хорошей погоды. Осень стояла у порога.

Грустная история

Конец ноября. Земля припорошена снегом. Морозный ветер треплет гибкие ветви березы, что растет под моим окном. Еще только три часа дня, но, кажется, что уже наступили сумерки. Время от времени темно-серая гряда туч сеет густую снежную крупу. Именно эта снежная крупа и навеяла на меня грустные воспоминания о том, что произошло в прошлом году в эту же пору.

Ранней осенью появились в нашем поселке две бесхозных собаки. Откуда они взялись — никто не знал. Наверное, просто привезли и подбросили. Собаки были молодые, породистые и очень красивые — они напоминали крупных голубых песцов. И настолько похожие — не иначе, как брат и сестра. Они неприкаянно бегали по поселку, но никуда из него не уходили. К людям были настроены дружелюбно, и те их подкармливали. Через некоторое время брата не стало видно. Поговаривали, его присмотрел кто-то из соседней деревни и забрал домой. Красавица Альфа, как я ее назвала, осталась одна.

Мы обыкновенно подкармливаем собак старых или больных. И было странно, как такая красивая, явно благородных кровей собака оказалась бомжом. А красоты она была необычайной: с длинной пушистой шерстью глубокого серого цвета и белым подшерстком. Но больше всего поражал рисунок — как распределялся он по ее крупному телу. На спинке шерстка слегка распадалась по обе стороны, открывая белоснежный пух, а по бокам симметрично располагались полосы и пятна разных оттенков. Несмотря на свои габариты, она напоминала легкое дымчатое облако. Но так как это была особа женского пола, ей трудно было найти здесь хозяев — постоянные жители поселка — в основном люди пожилые — кому нужна головная боль с потомством, к тому же, прокормить большую собаку непросто. Закончились летние отпуска, каникулы, и молодежь уехала в город. Опустел поселок. Не слышно звонкоголосых детей, весело бегавших наперегонки с собакой. Все реже подавали ей кусок хлеба. Наступили холода. Успеть бы пристроить Альфу, пока мы тоже не уехали. К тому времени она окончательно прибилась к нашему дому. Я постелила ей охапку соломы на крыльце у входной двери. Уезжая, добрые соседи оставили для собаки остатки своих съестных запасов. Когда я стала готовить еду для Альфы, к моему великому удивлению оказалось, что не было ни одного продукта, от которого бы она отказалась. Вегетарианская пища была для нее так же естественна, как и всякая другая. Я варила ей свеклу, морковь, кабачки, тыкву, капустные кочерыжки и все остальное. Она не отказывалась даже от вареных картофельных очисток, заправленных, чем бог послал. Я диву давалась, наблюдая эту собачью аристократку, поедающую картофельные очистки.

Альфа ночевала в своем гнезде из соломы, но днем по старой памяти надолго уходила в поселок пообщаться с деревенскими собаками. Однажды, оставив побольше еды, я уехала по делам в город. Вернулась спустя несколько дней и обнаружила, что Альфы не было дома. Появилась она после обеда, но не одна. За забором стоял черный-пречерный долговязый пес весь в густых кудряшках, шерсть его была похожа на каракулевую овечью шкуру. Альфа радостно бросилась ко мне, положила лапы на плечи, пытаясь лизнуть лицо. Черный пес остался за забором и спокойно, с достоинством, смотрел на меня. Я позвала его во двор, но он не пошел. Пока Альфа обедала, пес терпеливо ждал ее. На этот раз Альфа не осталась дома — ушла вместе с ним.

Я затопила печку и стала хлопотать по хозяйству. Стемнело. Выглянув в окно, я обнаружила, что под окном на соломе лежит, свернувшись калачиком, светлая пушистая Альфа, а рядом с ней, тоже свернувшись калачиком — черный каракулевый незнакомец. Я долго смотрела на них, не решаясь выйти. Но на утро нужно было запастись дровами и водой, и я осторожно открыла дверь. Пес тут же вскочил и отошел в сторону. Дверь закрылась — снова лег. Трижды я выходила, и трижды он удалялся на почтительное расстояние, а потом снова ложился. Когда я встала утром, собак уже не было.

Днем повторилось то же самое — Альфа явилась поесть, а кудрявый красавец ждал ее за забором — мягкие длинные уши были опущены книзу, черные глаза почти не выделялись на фоне шерсти. Меня поражали его уверенность и спокойное достоинство, и как высоко он держал голову.

К вечеру похолодало. Поднялся ветер, началась метель. Эти двое пришли ночевать, они снова улеглись на соломе, согревая друг друга. Посыпалась снежная крупа. Ветер кружил ее, и она залетала под крышу, попадая на собак. На этот раз, когда я открывала дверь, пес не вставал. К ночи собаки были полностью запорошены снегом, но спали крепко. А наутро опять ушли. Мне же в очередной раз надо было уехать. И когда я вернулась, собак нигде не было. Так больше я их и не видела.

А через некоторое время мне приснился чудной сон: будто бы я приехала из города и вижу, как две человеческие фигуры медленно удаляются в сторону поселка. Одна из этих неясных фигур напоминает девушку в воздушном платье, другая — юношу с черными кудрями, во фраке. Вдруг фигуры отделились от земли и поплыли в воздухе. Они как будто увеличивались в размере, и я отчетливо увидела, что это были две собаки — светлая и черная. Они поднимались все выше и выше — над заборами, над домами и деревьями, пока совсем не исчезли во мгле.

ТАТЬЯНА МУШИНСКАЯ

Монолог о поэзии и любви

* * *

Стихи — как море.
Когда в него вошел
И ощутил, что дна
Нет под ногами, —
Плыви к другому берегу,
Неясному в тумане.
Или — возвращайся.
Или — тони...

* * *

Сначала я заберу себе твой образ.
Потом заберу себе твою тень.
Потом — интонации голоса и смех.
Потом — выражение глаз.

Раньше или позже твоя сущность
Придет к своему образу.
Твой силуэт — к твоей тени.
Твой голос — к твоей интонации.
Твое лицо — к твоему выражению глаз.

А поскольку и образ, и тень,
И смех навсегда хранятся...
Ну, известно, где хранятся...
Тебе ничего не останется,
Как прийти за ними... ко мне.

* * *

Поэзия начинается с местоимения «Я»,
С осознания обособленности этого «Я»
Ото всего окружающего мира.
Потом появляется местоимение «ОН»,
Или «ОНА». Потом местоимение «МЫ».

Проходит время, и «МЫ»
Снова превращается в «Я» и «ОН».
Или в «Я» и «ОНА».
А потом... А потом остается одно только местоимение «Я».

* * *

Я ныряю в стихию звуков —
Только там я тебя забываю.
И в прохладе, и в сини текучей
Свой душевный покой добываю.

Я ныряю в бурливое море,
Ведь мне нужно хоть как-нибудь
выжить,
Одолеть беспредельность печали,
Тихо море соленое выпить.

* * *

Как сказать — когда надо молчать?
Как любить — и кому-то отдать?
Прислониться — и не целовать?
Ожидать — и уже не встречать?

* * *

Найду любовь
В своих прошедших жизнях,
Где я была Рогнедою печальной,
Франтишкою Уршулей,
Павлиною Меделкой
Или прекрасною
Барбарой Радзивилл.

ДЖО АЛЕКС

Тихая, как последний вздох

Роман

Памяти Мацея Сломчинского (1920—1998)

Мацей Сломчински — англист, профессор Краковского университета, человек, который перевел на польский язык всего Шекспира. А кроме того, произведения Мильтона, Марлоу, Киплинга, Свифта, Стивенсона. И еще — Джойса. Джойс писал «Улисса» семь лет. Сломчински переводил «Улисса» четырнадцать. Профессиональные литературные переводчики знают, насколько сложно переводить Джойса. Существует всемирный клуб переводчиков Джойса. Там только асы. Мацей Сломчински был одним из них.

Впрочем, он был асом во всем. В том числе и в буквальном, первоначальном смысле этого слова. Во время Второй мировой войны он был пилотом-асом RAF и сбивал над Ла-Маншем фашистские самолеты, пока сам не был сбит.

— Я болел лишь один раз в жизни, — говорил мне в 1996 году этот стройный 75-летний мужчина, попивая коньяк и покуривая трубку, с которой был неразлучен, — это произошло после того, как, выпрыгнув на парашюте из сбитого самолета поздней осенью, я целые сутки проболтался в Ла-Манше, прежде чем меня выловили. Но не подумайте, что я простудился, — Боже упаси! Просто, этот чертов фашист прострелил мне легкое.

Когда в начале 60-х годов в тогдашней ПНР появились первые романы, автором которых значился некий английский писатель Джо Алекс, литератор и эксперт Скотленд-Ярда, изначально помогающий своему другу инспектору Бену Паркеру раскрывать загадочные и таинственные убийства, а затем подробно описывающий в своих произведениях ход и метод их раскрытия, невозможно было поверить, что их автор не коренной англичанин.

Великолепный, тонкий знаток английской культуры и литературы, профессор Мацей Сломчински, кавалер Ордена Возрождения Польши с командорским крестом, даже отдыхая в промежутках между переводами классиков, снова продемонстрировал себя асом.

Под псевдонимом Джо Алекс он написал серию замечательных, чисто английских криминальных романов, которых не постыдились бы ни Конан Дойл, ни Агата Кристи. В подтверждение этого достаточно привести лишь один факт: Скотленд-Ярд наградил Мацея Сломчинского двумя медалями за выдающуюся литературную деятельность в области криминального жанра.

Роберт СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

— Кто среди нас, живущих, сказать посмеет:
«Я видел смерть, когда она входила.
И знаю, куда ушла она,
Оставив позади молчанье»?
Известны смерти тысячи ходов разнообразных,
Которыми в наш дом она проникнет без препятствий,
Не станут ей преградами замок замысловатый,
Засовы крепкие и верная охрана.
Ибо сквозь стены и решетки проникая,
Она следов своих не оставляет,
Холодная, таинственная, неизбежная,
Мрачная и тихая, как последний вздох.

Джордж КРОСБИ (XVII в.)
«Мое размышление о рождении и смерти»

I

«Убийство? Это было бы слишком хорошо!»

Миссис Сара Кварендон остановилась и огляделась.

— Не вижу собак, — сказала она. — Они не должны отбегать от нас так далеко. Еще кого-нибудь напугают.

Идущий позади Мелвин Кварендон догнал ее и тоже остановился.

— Что ты сказала?

Он глубоко вздохнул и сунул руку в карман за платком. Вьющаяся сквозь поля тропинка, по которой они шли, теперь поднималась к вершине пологого холма, а мистер Кварендон был мужчиной тучным.

— Я не вижу собак, — повторила его жена. — Можешь их позвать?

— Конечно.

Он набрал полные легкие воздуха и пронзительно свистнул.

Затем окинул взглядом далекую, пересекающую поля живую изгородь, и разглядел, как от нее отделились две маленькие серые тени, резко рванувшиеся к нему, и стремительно вырастающие на глазах. Через минуту они были рядом и застыли, вглядываясь в лицо хозяина, — две огромные серые немецкие овчарки.

— Тристан! — ласково сказал мистер Кварендон и протянул руку.

Пес подошел и прикоснулся темным влажным носом к его пальцам, а затем уселся на задние лапы, выжидающе глядя вверх.

— Изольда!

Подошла вторая овчарка, и все повторилось настолько точно, будто эта сцена относилась к какому-то таинственному ритуалу, связывающему этих трех живых существ. Ни одна из собак даже не взглянула на женщину, стоящую рядом.

— А теперь идите за нами! — скомандовал мистер Кварендон и двинулся по тропинке вверх. Собаки выждали секунду и пошли следом.

— Мелвин... — произнесла миссис Кварендон вполголоса, будто не хотела, чтобы псы услышали то, что она собиралась сказать.

— Что, дорогая?

— Иногда это приводит меня в ужас. Они ведут себя так, словно знают английский, но лишь тогда, когда к ним обращаешься ты.

— Полагаю, ты не хочешь, чтобы они реагировали на приказы чужих? Я их не для того держу. Или ты предпочитаешь, чтобы на прогулке нас сопровождал молодой человек с челюстью боксера, одетый, несмотря на страшную жару, в просторный пиджак, скрывающий под мышками два огромных пистолета?

— А есть ли в этом вообще необходимость? Ты же не политик.

— Но я очень богат.

Мистер Кварендон быстро вытер вспотевший лоб и глянул на вершину холма, которая показалась ему такой же далекой, как и пятнадцать минут назад.

— Я очень богат и становлюсь все старше. Мы обязательно должны дойти туда?

— Обязательно! — отчеканила жена. — Ты еще не стар, но толстеешь. Если бы не я, не сделал бы по своей воле и двухсот шагов в день. Тебя всюду возят. Эти проклятые автомобили сокращают твою жизнь. Спроси доктора Харкрофта. Он подтвердит каждое мое слово. Он говорит, что у тебя еще нет серьезных проблем с сердцем, но они могут появиться, если ты не пожелаешь изменить образ жизни. Впрочем, я не уверена, можно ли вообще назвать образом жизни то, чем ты занимаешься.

Мистер Кварендон рассмеялся и остановился. Идущие следом овчарки присели и подняли головы, глядя на хозяина.

— А помнишь ли ты, — спросил он, — как мы собирали деньги на наш первый подержанный Мини-Моррис?

— Ты тогда весил на шестьдесят фунтов меньше. — Миссис Кварендон меланхолично покивала головой. Легкий порыв ветра шевельнул ее коротко подстриженные седые волосы. — А теперь у тебя два роллс-ройса, не говоря уже о целом парке более мелких автомобилей. Прошло целых сорок лет... — она умолкла.

Чета снова двинулась вверх и несколько минут шла молча.

— Я был мальчиком на побегушках в книжной лавке, — сказал вдруг мистер Кварендон. — И всегда любил книги. Правда, сначала я их не читал, просто это была приятная и чистая работа. Я переносил стопки книг из автомобиля в магазин, потом упаковывал товар, мыл окна, подметал, а каждую субботу мы ходили в кино. А потом мы поженились, и я был так счастлив, как сейчас. Может даже больше, потому что день и ночь мечтал добиться того, что у нас есть сегодня.

Миссис Кварендон улыбнулась, но он не заметил этого, потому что шел позади.

— Мелвин, не обманывай меня!

Она внезапно рассмеялась. Это не был смех седой стареющей женщины — он звучал звонко и молодо.

— Я никогда тебя не обманывал! — проговорил мистер Кварендон, с убежденностью тем большей, что тут же в его памяти промелькнули более или менее отчетливые лица девушек и женщин, звенья цепи больших и маленьких грехов, о которых она, к счастью, не знала и никогда не узнает, если это будет в его силах. Внезапно он стал серьезным, но жена не заметила этого.

— Я не имею в виду какой-то большой обман, — Сара Кварендон махнула рукой, не оборачиваясь и не замедляя шага. — Минуту назад ты рассказывал, как когда-то мечтал о том, что имеешь сегодня. Это неправда или, если хочешь, не вся правда, ибо ты мечтаешь непрерывно! Ты не перестаешь мечтать ни на минуту, хотя другой на твоем месте признал бы, что добился достаточного успеха для одной короткой человеческой жизни.

— Погоди, — сказал Мелвин Кварендон.

Они остановились.

Овчарки присели. Вершина холма казалась теперь намного ближе. Мелвин глубоко вздохнул.

— Нельзя переставать мечтать, — он убежденно кивнул головой, — ибо что останется? Человек проработал всю жизнь, и какую же радость он может найти в том, что вдруг в один прекрасный день перестанет рабо-

тать лишь потому, что заработал очень много денег? Деньгами измеряется успех, но сами деньги успехом не являются. Заработать миллион, когда у тебя есть сто миллионов, намного легче, чем заработать сто фунтов, когда имеешь всего десять. Уже тогда, вначале, я понял, что на каждого клиента, который купил обычную повесть или томик поэзии, приходится десять, покупающих новинки с мертвецами или с полураздетой, соблазнительной и перепуганной девушкой на обложке. Того, кто сумел бы овладеть этим рынком и руководить им, ожидали бы горы золота. Но мне было двадцать лет, и я не имел ни пенса за душой. Сотня других, богатых, ловких и предприимчивых, занимались этим десятилетия. Ты помнишь наш первый магазинчик? Я покупал потрепанные книги, и мы с тобой склеивали их по ночам. Эти книги нам продавали мальчишки по два пенса, а другие мальчишки покупали, заплатив на пенс или два больше, и я собирал эти пенсы, не говоря тебе, зачем я их коплю. Я боялся, что ты будешь возражать и плакать, ведь ты была беременна — Ричард должен был появиться на свет... И все казалось таким зыбким. Мы были бедны. Как я мог тебе сказать, что хочу издать свою первую книгу прежде, чем родится ребенок?

Они шли медленно, Сара Кварендон молчала.

— Я хотел стать издателем, но у меня не было даже шиллинга для выплаты первому автору. Впрочем, автора у меня тоже не было, как не было и взлелеянной в мечтах книги. А если бы они у меня были, то не хватило бы денег на оплату бумаги, типографии и того, кто сделал бы хорошую обложку. Поразительно, но я точно знал, как должна выглядеть обложка первой книги, хотя это было полным абсурдом, поскольку не знал ее содержания. Зато я знал, как должно называться издательство. КВАРЕНДОН ПРЕСС! Да, Сара, засыпая, я мечтал о том, что это название будет известно не только в Лондоне, но и в Нью-Йорке, Торонто, Мельбурне, Йоханнесбурге, везде в мире, где люди читают по-английски... В конце концов, я нашел автора и книгу, а твоя мать дала нам в долг сто фунтов, которые отложила на свою старость.

Он замолчал. Мягкая улыбка осветила его пухлое, почти лишенное морщин лицо.

Миссис Кварендон прошла еще несколько шагов и остановилась. Они находились на вершине холма. Муж, стоя рядом, тихонько положил руку на ее плечо. Впереди и позади простирались в золотистой полуденной дымке гряды небольших холмов и неглубоких долин графства Кент. Ветер утих. Было очень тепло и тихо. Мелвин поднял руку и указал туда, откуда они пришли, в сторону тропинки, бегущей среди рассеченных живыми изгородями полей. Они плавно спускались к большой роще из старых деревьев, между которыми виднелась покатая крыша большого дома, покрытая темно-красной старинной черепицей.

— Если бы я был шутом и перестал мечтать, — сказал мистер Кварендон, — я назвал бы это летней резиденцией и проводил бы здесь половину жизни. К счастью, у меня все еще нет для этого времени, и поэтому мы приезжаем сюда лишь на уикенды.

— Мелвин... — тихонько начала миссис Кварендон.

— Что, любимая?

Он снял руку с ее плеча и безотчетно погладил жену по щеке. Затем, будто устыдившись, резко опустил руку.

— Ты ведь что-то хочешь мне сказать?

— Я? Тебе? — он удивленно потряс головой. — Почему ты решила, будто именно сейчас я хочу сказать тебе что-то... особенное?

— Мужчина не должен задавать такие вопросы женщине, которая прожила с ним сорок лет. За полмили видно, что ты готовишься о чем-то рассказать. Именно поэтому ты так легко согласился на эту прогулку, хотя

обычно мне приходится убеждать тебя, по крайней мере, полдня. Кроме того, в последнее время ты сосредоточен и все о чем-то размышляешь. Сейчас мы начнем спускаться в сторону дома. Джоанна обещала, что приедет с детьми до ужина и останется у нас на три дня. Поэтому, если действительно есть нечто *очень* важное, о чем ты *непременно* хочешь мне рассказать, то лучше будет, если ты сделаешь это сейчас.

— Да нет же, дорогая, в самом деле, нет ничего такого, что... — Мистер Кварендон умолк, а потом рассмеялся. — Это верно, что ты знаешь обо мне гораздо больше, чем кто-либо в этом мире. Но не потому, что прожила со мной сорок лет. Мне кажется, что ты всегда все знала. И ты не изменилась. Не изменилась, хотя наш сын говорит с оксфордским акцентом и небрежно, словно лорд, прохаживается по коврам офиса КВАРЕНДОН ПРЕСС в Нью-Йорке, а наша прелестная и нежная, как орхидея, дочь — жена депутата парламента и у нее отдельная нянька для каждого из моих внуков. Ты приняла все, что послала нам судьба, но осталась в душе молоденькой горничной из маленькой гостиницы, также как и я странным образом все еще связан с тем парнем из книжной лавки, который приглашал тебя на мороженое. Мы научились говорить, как говорят люди из другой, не нашей сферы, обросли перышками — миллионами разноцветных перьев, — но где-то, в глубине, в нас ничего не изменилось. И слава богу! Ибо это означает, что мы еще не утратили сил.

— Ты прав, — сказала миссис Кварендон, — я тоже это чувствую. Но надо ли столько слов для выражения того, о чем мы оба хорошо знаем? Ты, вижу, чем-то возбужден, чем-то, что пришло тебе в голову. Небось, снова размечтался, верно?

— Да, — мистер Кварендон вздохнул с облегчением. Если он расскажет о своем проекте, она должна поверить, что это единственная причина перемены в его поведении. Он подавил внезапный вздох и мягко произнес:

— Я придумал нечто новое...

— Нечто новое? Ты хочешь превратить КВАРЕНДОН ПРЕСС во что-то другое? Но почему, Мелвин?

— Ты не поняла меня... — он на мгновение задумался.

Незаметно супруги начали спускаться, держась на этот раз рядом. Овчарки немного посидели на вершине пригорка, затем сбежали трусцой и пошли следом.

— Может, я начну иначе, — сказал он. — Что, это, собственно, такое — КВАРЕНДОН ПРЕСС? В сущности это такой же издательский дом, как другие, может, только чуть побольше. У нас есть представительства и магазины на всех континентах, мы подписали долголетние контракты со многими хорошими авторами детективных романов и зарабатываем кучу денег. Это правда, но это все.

— А разве не об этом ты мечтал двадцать лет?

— Это тоже правда.

— Тогда о чем идет речь?

— Речь идет о *мировой империи детективного романа!* — тихо сказал мистер Кварендон и опустил глаза, вглядываясь в одуванчики, растущие по краям тропинки.

— Не понимаю, — удивилась жена. — Скажи мне, что конкретно ты имеешь в виду?

Мистер Кварендон остановился, осторожно сорвал ближайший одуванчик, поднес к лицу и дунул. Потом отбросил в сторону голый стебелек.

— Если ты требуешь от меня абсолютной честности, то я сам не знаю, что конкретно имею в виду. Знаю только, чего бы мне хотелось... А хотел бы я к моменту, когда совсем постарею, передать Ричарду фирму, известную так же, как известны ее авторы. Слова КВАРЕНДОН ПРЕСС должны

стать для читателей столь же значительными, как названия наших книг, и фамилии их авторов. Миру известны тысячи видов преступлений, больших и маленьких, а убийство старо, как мир! Сколько старинных преступлений можно воскресить, сколько разгадать древних тайн! А прибавь сюда маленьких современных диктаторов и большие преступные организации! Преступление существует везде, и следом за ним должен идти КВАРЕНДОН ПРЕСС! А мир должен об этом знать! Такого рода рекламы никто до сих пор не замышлял!

Он умолк и глубоко вздохнул.

— Но для этого потребуются тысячи людей и детективное агентство, охватывающее весь мир, — спокойно сказала его жена. — Ни одно частное лицо, ни одна даже самая большая фирма не может и мечтать об этом.

— Если бы когда-то я не мечтал, то до сих пор остался бы продавцом книжной лавки. Весь мир — это дело будущего, но как всегда, надо с чего-то начинать и посмотреть на результаты первого хода. А уж потом я подумаю, что дальше.

— И ты уже придумал первый ход?

— Да. Я купил замок.

— Купил замок?

Миссис Кварендон остановилась посреди тропинки. Ее вдруг покинуло изысканное чувство меры, которому она старательно обучалась в течение сорока лет.

— А ты случайно не свихнулся, Мелвин?

Мистер Кварендон обнял ее за талию и поцеловал в щеку.

— Не волнуйся, старушка! Я купил его почти даром. Но это не обычный замок. Триста лет назад в нем было совершено идеальное преступление, и до сих пор никто не знает, что произошло с убитой, и действительно ли это преступление имело место. А это означает, что если я хочу серьезно отнестись к своим планам, то для КВАРЕНДОН ПРЕСС там найдется работа.

— Если ты вздумаешь покупать каждый замок, в котором кого-нибудь убили, меня в старости ждет уборка гостиничных номеров. Я ведь действительно ничего не умею делать. Моя бабка всегда говорила, что мужчины теряют рассудок, когда им начинает слишком везти.

— До сих пор у тебя не было причин для жалоб, — мистер Кварендон рассмеялся. — Этот замок — наш подопытный кролик. Через две недели я соберу там небольшую группу известных всей стране и чрезвычайно интересных людей: наших самых популярных авторов и ряд других авторитетов в области преступления. Мы отметим там выход в свет пятимиллионного экземпляра книг Аманды Джадд, а потом все займутся разгадкой тайны замка. Это будет чудесная история, Сара. Лучшие умы Англии идут по следам преступления, совершенного триста лет назад! К тому же, этот замок сумрачен и страшен, как в сказке. Он стоит на голой прибрежной скале посреди моря, и добраться до него с берега можно только в часы отлива. Каждый прилив снова превращает его в остров. И где-то в его недрах, по-видимому, спрятана женщина, убитая ревнивым мужем. Ее тело никогда не было найдено. Предание гласит, что призрак до сих пор появляется там, угрожая смертью тем, кто пытается ее найти. Настоящая Белая Дама! Я пригласил туда Джо Алекса, разумеется, Аманду Джадд, Бенжамена Паркера из Скотленд-Ярда, несколько других известных лиц и даже одну старушку, написавшую книгу о Белых Дамах, которые появляются в английских замках. Я также уговорил Гарольда Эддингтона провести с нами этот уикенд. Заместитель министра добавит нашему предприятию необходимый блеск. Все начнется вполне невинно. Сначала это будет лишь развлечение, конкурс на расследование по заранее приготовленным

следам. Белую Даму заменит живая девушка, а тот, кто найдет ее первым, получит соответствующую награду. Но по настоящему важной будет вторая ночь, когда КВАРЕНДОН ПРЕСС впервые столкнется с подлинным преступлением, причем преступлением трехвековой давности!

Миссис Кварендон вздохнула.

— Кажется, я поняла твой замысел, — ответила она спокойно. — Ты хочешь изменить систему рекламы и связать с названием твоего издательства разные таинственные и жуткие случаи. Действительно, никто до сих пор этого не делал. Идея с замком, жуткой Белой Дамой и встречей людей, которые столько знают о таинственных преступлениях, — все это очень хорошо. Наверняка будет сенсация. Ты пригласил прессу и телевидение?

— Боже сохрани! — воскликнул мистер Кварендон. — Все бы пропало! Это было бы расценено как обычный рекламный трюк известной издательской фирмы. Нет, пусть об этом узнают после всего, пусть вынюхивают и ищут информацию! Только тогда это вызовет подлинный интерес! Однако, я позволю себе сделать одно исключение, ибо мне необходим талантливый свидетель, который обо всем расскажет. Вот почему я пригласил одну рецензентку, которая является признанным авторитетом в жанре детективной литературы. Разумеется, пригласил как гостью, а не репортера. Но ни один породистый журналист не сможет устоять перед таким соблазном.

— Ну, хорошо, а откуда ты знаешь, что тайна Белой Дамы будет раскрыта?

— Я всегда верил, что судьба на моей стороне, — беззаботно ответил мистер Кварендон и многозначительно подмигнул.

— И еще одно, — миссис Кварендон содрогнулась, — а что будет, если этот призрак действительно ненавидит чужих, желающих его отыскать, и кто-то погибнет? Я знаю, что говорю глупости, но я несколько суеверна. Что б ты сделал, если бы там во время вашего пребывания, действительно произошло какое-нибудь таинственное убийство?

— Убийство? — мистер Кварендон невольно вздрогнул, но тут же добавил с улыбкой: — Это было бы слишком хорошо! Но, к сожалению, убийство там не удастся заказать ни за какие деньги — я пригласил самых достойных уважения людей. А жаль! — он снова рассмеялся, но тут же стал серьезным.

— Я надеюсь, ты туда не собираешься? — спросила его жена.

— Разумеется, собираюсь! Я должен увидеть все это своими глазами. Столько дел еще надо продумать, прежде, чем все это сдвинется с мертвой точки. Чтобы ты не волновалась, я пригласил туда доктора Харкрофта. Он будет заботиться о моем ожиревшем сердце, когда наступят минуты напряжения. А я надеюсь, что их будет предостаточно! Тристан и Изольда тоже поедут.

Он повернулся к собакам.

— Немного морского воздуха вам не помешает, верно?

Овчарки подняли головы и ответили ему взглядом, полным безграничной преданности.

II

«Она растаяла, как туман, и никто ее не нашел...»

— Письмо из КВАРЕНДОН ПРЕСС, сэр — сказал Хиггинс, подойдя к столу, за которым сидел хозяин.

Джо взял в руки большой, тяжелый конверт и непроизвольно взвесил его на ладони.

— Спасибо.

Хиггинс склонил голову, выпрямился и направился к двери. Уже взявшись за дверную ручку, он остановился.

— Будете ли вы дома к ленчу, сэр?

— Да. Я намерен писать до вечера, если ничего не помешает.

— Должен ли я отвечать, что вас нет дома, если кто-нибудь позвонит?

— Да, за исключением мисс Бикон, разумеется.

— Конечно, сэр.

Дверь тихо закрылась. Джо распечатал конверт. Внутри находился большой цветной буклет, а к нему был приколот скрепкой другой продолговатый, узкий, белый конверт, в левом углу которого было напечатано зелеными буквами:

КВАРЕНДОН ПРЕСС
МЕЛВИН КВАРЕНДОН,
ПРЕЗИДЕНТ.

Джо отложил буклет и вскрыл конверт:

«Дорогой мистер Алекс, через две недели в нашем издательстве выйдет новая книга Вашей коллеги Аманды Джадд. В момент окончания печати всего тиража количество экземпляров ее книг, изданных КВАРЕНДОН ПРЕСС, достигнет пяти миллионов.

Мы хотели бы отметить этот «юбилей», быть может, не совсем обычным, но, по моему скромному убеждению, наиболее уместным способом, учитывая специфику нашего издательства. Я не могу себе представить, чтобы среди гостей, собравшихся на этот небольшой праздник, не было человека, который много лет является одним из столпов, поддерживающих интерес читателей детективной литературы к нашему издательству. Не хочу вдаваться в детали, поскольку Вы найдете их в прилагаемом буклете, вместе с абсолютно идентичной записью одного из летописцев графства Девон.

Обо всем этом и о некоторых других вещах, над которыми я сейчас размышляю, мне бы очень хотелось с Вами побеседовать, и если Вы найдете немного времени, то было бы большой честью для меня встретиться с Вами за ленчем в один из ближайших дней. Мне было бы также приятно, если бы Вы отправились вместе со мной в замок, где Аманда Джадд будет нас ожидать, ибо именно ей, разумеется, выпадет роль хозяйки во время этой встречи...»

Алекс пробежал глазами заключительные строки, содержавшие традиционные формулы вежливости и, отложив письмо, взял буклет. На его обложке были размещены один под другим два снимка одного и того же небольшого каменного замка. В солнечном свете блестели почти черные, вытесанные из огромных валунов стены, стрельчатая арка ворот и узкие щели окон. Замок соединялся с берегом низким скалистым полуостровом, а вдали на горизонте виднелось море, подходящее к крутым, каменистым склонам мыса, который почти целиком окружали внешние стены замка.

«Зачем они дали два одинаковых снимка на этой обложке?» — безотчетно подумал Джо и внезапно понял. Второй снимок на первый взгляд выглядел точно так же: он представлял замок с той же стороны, в то же самое время дня и в ту же пору года. Однако, все было совершенно иным. Замок уже не стоял на берегу. Полуостров исчез, часть скалы исчезла, а черные стены и башня возвышались на острове, окруженном теперь со всех сторон морем.

Джо с минуту рассматривал снимок, размышляя: это просто фотомонтаж или какая-то шутка, смысл которой он должен понять, прочитав буклет? Внезапно он понял и с интересом склонился над обложкой.

Оба снимка были подлинными, сделанными с одной и той же точки, но в определенные промежутки времени — во время самого высокого прилива и полного отлива.

Он открыл буклет.

«Аманда Джадд и КВАРЕНДОН ПРЕСС имеют честь пригласить Вас...»

Джо перевернул страницу и увидел большую фотографию комнаты с каменными стенами. Между двумя блестящими, богатыми доспехами, несомненно, эпохи раннего Ренессанса, стоял кованый готический сундук. Середину комнаты занимал огромный стол, тянувшийся почти во всю ее длину к двум узким щелям бойниц, через которые врывался яркий дневной свет. На противоположной стене находились две длинные полки из почерневшего дуба, заполненные книгами в пергаментных переплетах. Несколько больших томов были прикованы к полкам цепями, по-видимому, достаточно длинными, чтобы книги можно было положить на стол, окруженный тяжелыми деревянными скамьями. В углу снимка виднелась часть обрамления и темная впадина старинного камина.

Под снимком было написано:

«Большая замковая комната сохранена в неизменном виде с момента постройки замка в XIII веке. Здесь, как утверждает предание, рыцарь Бернар де Вер принимал на своем пиру короля Ричарда II, когда монарх объезжал границы своего королевства».

На следующей странице буклета снимков не было. Ее заполняли плотные строки текста, стилизованные под запись от руки, сделанную в семнадцатом веке, с названием:

РАССКАЗ О ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ СЭРА ЭДВАРДА ДЕ ВЕР И ЕГО СУПРУГИ, ПРЕКРАСНОЙ ЛЕДИ ЕВЫ

«В то время, когда приближалась решающая битва между армией короля Карла и войсками лорда Протектора, сэр Эдвард де Вер сразу после свадьбы простился с Евой, своей юной супругой, и, соблюдая верность присяге, собрав всех людей своих, способных сесть на коня, двинулся на помощь королю, оставив свой замок почти без защиты. Однако он верил, что ничего плохого случиться не может с теми, кого он там покидает, ибо место это сама Природа сотворила столь недоступным, что даже если бы защитниками его были лишь старики и женщины, понадобилось бы много сил и времени, чтобы его покорить. Замок этот, называемый Волчьим Зубом (видимо, по причине, внешнего своего вида, ибо башня его, словно клык волчий, торчит посреди моря), соединен каменной дамбой с берегом графства Девон, однако не постоянно, а лишь несколько часов в день, поскольку она покрывается приливами моря, и тогда никто до замка не может добраться, даже располагая многими лодками и кораблями. Острые, торчащие из воды скалы, среди которых море кипит и бушует даже в самый покойный летний день, не позволяют проникнуть туда ни одному живому созданию, кроме морских птиц, для которых нипочем такие преграды. Таким образом, замок, лежащий вдали от городов и мощеных дорог, между морем и обширными пустошами, безопасен был от банд, шатающихся среди плодородных, сулящих большую добычу околиц.

Потому, приказав во время отлива всегда держать перекидной мост поднятым, сэр Эдвард отправился на войну.

Он воевал долго, пока королевская корона не пала в прах перед могуществом Парламента. А как показало время, лучше бы было, когда б пошел он вслед за людьми менее благородными, которые вовремя оставили своего несчастного монарха. Возвращаясь с войны, и уже добравшись до графства Девон, оставил он людей, дабы охранять повозки, на которых везли они кое-

какую добычу, захваченную в этой братоубийственной войне, а сам двинулся верхом, не взяв с собой никого с оружием, так сильно жаждал он скорой встречи со своей молодой женой, ожидавшей в замке. Не следует сомневаться, что вела его также тревога, ибо хотя замок, как мы уже говорили, был неприступен, а место, где он стоял, безопасно, однако неисповедимы пути Господни.

Вскоре выехал он из пущи, покрывающей склон холма, сходящего к приморской равнине, увидел на ней ухоженные поля, жилища своих крестьян и пастбища, приписанные к замку, а также сам замок, хорошо видимый издалека, поскольку день стоял прекрасный.

Приблизившись, он поблагодарил Бога, увидев, что скальная дамба открыта, а волны не перехлестывают через нее.

Что было дальше, известно из рассказа старой няньки, которая встретила его в воротах замка, а также из того, что поведали люди его, те, что были с ним позже. Правдивость их слов сомнению не подлежит, ибо были то люди простые, не знающие лжи, а горе они проявляли истинно, и сомневаться в нем нельзя.

Когда он встретил у ворот эту старую женщину, залилась она слезами, поведав, что прежде, чем сошел первый снег, пришла весть о том, будто он жизнь свою в бою отдал, а принесли эту весть люди, которые присягали, будто видели его тело мертвым на поле брани. Тогда же, еще прежде, чем пришла ранняя весна, привезли местные крестьяне в замок молодого раненого дворянина, который также был сторонником Короля, преследуемый людьми Протектора. «Жена твоя, — сказала нянька, — принялась лечить его раны, да так сердечно, что не отходила от него ни днем, ни ночью. Достаточно сказать, господин мой, что когда пришла весть о твоей смерти, перестала она скрывать свою привязанность к нему. А он, хоть уже и вполне здоров был, также не отправился в свои края, но остался и стал хозяином над нами, отдавая распоряжения с позволения той, которая должна была оберегать замок и честь твою...»

Сэр Эдвард ответил ей на это приказом собрать всех людей: челядь, мужчин, женщин и детей и вывести всех из замка по дамбе на луг. И пусть ждут там, пока он к ним не выйдет. Она так и сделала, а он отправился в комнату своей жены.

Ждали они долго, глядя на замок, из которого ни один звук не долетал. Было тихо, женщины опустились на колени и стали молиться, хоть никто им не велел, мужчины молчали, и лишь дети невинные играли, бегая по лугу.

Наконец в открытых воротах показался сэр Эдвард де Вер, прошел по дамбе, встал перед ними и велел всем вернуться к своим делам в замке. Сам же взял поводья своего коня из рук конюшего, который ожидал у дамбы, оседлал скакуна и двинулся по дороге, откуда прибыл. Не далеко проехав, встретил он свой обоз и людей, направляющихся к замку.

Он остановил их и приказал, чтобы ждали вместе с ним.

Недолго пришлось им ждать, потому что вскоре на лесной дороге показался молодой дворянин, причина этого несчастья. Его поймали, связали и по приказу своего господина повесили на первом же придорожном дереве. Сэр Эдвард, как говорили позже, стоял и невозмутимо смотрел, как тот умирал. А когда убедился, что он мертв, приказал обозу ехать в замок, а сам вскочил в седло и направился в противоположную сторону.

Но далеко он не уехал.

Едва обоз тронулся, как раздался выстрел, а когда люди прибежали, то увидели коня, стоящего посреди дороги лесной, и сэра Эдварда, лежавшего на земле. Пальцы его мертвой руки сжимали один из двух пистолетов, которые он всегда на войне носил за поясом. Кровь залила ему весь кафтан, поскольку пуля, направленная в грудь, угодила прямо в сердце. Легко понять из этого внезапного поступка, как неизмеримо любил он свою

неверную жену. Ибо он сам в отчаянии покусился на собственную жизнь и закрыл перед собой врата, ведущие к Вечному Спасению.

Люди уложили тело его на повозку, а на другую — тело того несчастного дворянина, который, хоть и грешен, но также должен быть по христиански погребен, и двинулись к замку, где женщины стали обыскивать комнату за комнатой, все тайники и закоулки в поисках своей госпожи. Не могла ведь она покинуть замок незаметно для них, поскольку они не отходили от дамбы, а потом вернулись и подняли разводной мост. Однако ее нигде не было. Она растаяла, как туман, и никто ее не нашел, хотя искали многие, не щадя усилий своих в поисках тайника, где сэр Эдвард укрыл тело, так как все были согласны в том, что он покарал это явное вероломство ударом смертельным, нанесенным собственной рукой. Доказательством того, что тело этой несчастной женщины до сих пор покоится в объятиях замковых стен, пусть будут свидетельства многих, кто видел собственными глазами дух ее в белых окровавленных одеждах, и которые клянутся, что слышали ее голос жалобный, умоляющий, дабы не искали ее бренного тела и не нарушали покоя ее останков, скрытых от людских глаз. Ходит также среди людей слух, что никто не найдет места, где схоронил ее муж и убийца, до тех пор, пока другую вероломную женщину не постигнет подобная кара в этом замке. Тогда душа ее освобожденная отойдет туда, где Господь милосердный даст ей обитель, а найденный прах упокоится в освященной земле».

Алекс поднял голову и, нахмурив брови, посмотрел в окно. Потом улыбнулся. У него появилось смутное предчувствие, будто он знает, о чем мистер Мелвин Кварендон хочет поговорить с ним во время ленча, на который его пригласил.

III

«Очень просто быть восемнадцатилетней...»

Кто-то из завистников, а их у нее было много, сказал, что Господь по доброте своей наделил Дороти Ормсби только одним настоящим талантом: умением оставаться подростком. Стройная, красивая, светловолосая, она смотрела на мир голубыми, чистыми и неизменно невинными глазами. Стоило ей появиться в дверях какой-либо из многочисленных редакций в Сити, высматривая с полной обаяния беспомощностью свободное место, где она могла бы быстро, почти без поправок, набросать одну из своих коротких, жестких, гениально точных рецензий, всегда со стула тут же поднимался кто-нибудь из ее бесчисленных седеющих старших коллег и с дружеской улыбкой предлагал ей место, любезным жестом указывая на свою пишущую машинку. И она с присущим ей девичьим обаянием всегда принимала эти явные доказательства признания ее весенней красоты.

А правда заключалась в том, что Дороти Ормсби писала рецензии уже пятнадцать лет, причем последние десять являлась непререкаемым авторитетом и судьей в обширной области, содержавшей все то, что на издательском рынке входит в понятие «детективная литература». Ей исполнилось тридцать семь, и она говорила об этом поразительном факте громко и уверенно при каждом удобном случае, а возникающий по этому поводу всплеск недоверия всегда приносил ей подлинное, глубокое удовлетворение. Дошло даже до того, что Малая энциклопедия высказываний великих людей обогатилась год назад фразой *Дороти Ормсби: «Очень просто быть восемнадцатилетней, когда тебе столько и есть!»*

А сейчас рецензентка открыла сонные глаза, медленно повернула голову налево, увидела, что светящиеся стрелки часов показывают почти полдень, и легко встала, опустив ноги на пушистый ковер. Она зевнула

и обнаженная, как Ева, двинулась на цыпочках к двери ванной. Посреди комнаты она остановилась и огляделась. Сквозь неплотно задвинутые шторы падала узкая полоска света. Мужчина, которого Дороти оставила в постели, по-прежнему спокойно спал. Она с нежностью посмотрела на его темную, кудрявую, едва видимую в полутьме голову. Он дышал ровно. Она улыбнулась. Хоть это продолжается уже два месяца, сегодняшняя ночь была такой же приятной, как и все предыдущие. Но время расставания неизбежно приближалось. Так было всегда. Она не смогла бы определить, в каких закоулках подсознания пробуждались первые признаки, но как только они появлялись, она знала наверняка, что это случится. Словно внезапно и необратимо стали высыхать родники страсти, сердечности и преданности, которые еще день назад били так бурно.

Дороти вошла в ванную и тихо прикрыла за собой дверь. Она по-прежнему улыбалась. Она знала, что эти родники вскоре забьют с новой силой. Но это будет уже другой мужчина, хотя она еще не представляла, кто им станет. Она была одинокой и, в отличие от почти всех окружающих ее женщин, хотела жить и умереть, ни с кем не связываясь и никого по-настоящему не любя. Она не переносила страданий, ревности и, прежде всего, компромиссов, которые бы вторглись в ее жизнь вместе с человеком, имевшим право задавать вопросы.

Дороти открыла кран над ванной, накинула халат и вышла. Миновав библиотеку и узкий темный холл, она подошла к входной двери. На соломенном коврике стояла бутылка молока. Дороти взяла ее и заперла за собой дверь. Только сейчас она обнаружила на полу холла большой конверт, брошенный через щель для писем. Она подняла его и вернулась в ванную комнату, поставив по пути молоко на столик в кухне. Дороти сняла халат и ступила в ванну, не закрывая кран. Затем взяла конверт и разорвала его. Взглянув на буклет, она распечатала второй конверт:

«Аманда Джадд и КВАРЕНДОН ПРЕСС имеют честь...»

Она быстро прочла письмо один раз, затем второй и машинально закрыла кран, потому что вода уже достигла края ванны. Потом обронила письмо на коврик и окунула руки в воду. Несколько минут она лежала с закрытыми глазами. Событие обещало быть интересным, а поскольку собирался весь цвет общества, от которого в известном смысле зависело ее существование, следовало бы там присутствовать. Внезапно она нахмурилась.

— Нет, его там не будет... — прошептала Дороти, — а если б даже был, — она пожала плечами, — пожалуй, он уже перестал меня ненавидеть. Прошло столько времени. Три года? Нет, четыре...

Она потянулась за губкой, спрашивая себя, с какой это целью КВАРЕНДОН ПРЕСС устраивает всю эту потеху. Улыбки уже не было на ее лице.

Когда она вышла из ванной комнаты, красивый смуглый юноша сел в постели и сладко зевнул.

— Кофе, — прошептал он. — Умоляю.

— Повелевай! — она подошла и поцеловала его. — Любой твой приказ будет выполнен без промедления.

Но она ошиблась. Некоторое промедление все же возникло. Это случилось из-за того, что он вдруг протянул руки, обнял ее за плечи и привлек к себе. Она закрыла глаза и обняла его с неясным чувством, что обнимает кого-то другого. Впрочем, это чувство исчезло так же быстро, как и возникло. Поцелуи, которыми смуглый юноша покрывал ее тело, не давали собраться с мыслями. Она лениво решила, что пока не будет думать о предстоящей встрече в замке с этим грозным названием... каким же названием? Она стала дышать все быстрее. Мистер Кварендон, его гости, ее воспоминания и черное каменное строение с зубчатой башней заколыхались, погрузились в розовый туман и исчезли.

IV

Знак вопроса

В детстве лорд Фредерик Редленд не проявлял даже тени тех пристрастий, которые впоследствии почти полностью овладели его умом. Будучи мальчиком, за пять лет, проведенных в Хэроу Скул, он прочел ровно столько же детективных романов, сколько прочел бы за это время любой другой мальчишка, а может даже меньше, поскольку не отличался особой живостью ума и, не желая плестись в хвосте, должен был проводить над школьными учебниками больше времени, чем другие.

Все изменилось во время последних, перед окончанием школы, каникул. Он проводил их в старинной резиденции Редлендов в графстве Саррей и однажды вместе с отцом отправился поохотиться на фазанов. День выдался солнечный, безветренный и тихий. Они шли в десятке шагов друг от друга, но фазаны явно переместились сегодня в другую часть обширного парка, потому что их нигде не было видно.

Внезапно юный Фредерик остановился. Отец еще какое-то время продолжал идти вперед, но, обернувшись, заметил, что сын стоит, глядя на нечто, лежавшее рядом с буйно разросшимся кустом можжевельника.

— Что ты там увидел? — крикнул он.

Мальчик не ответил. Он поднял руку, призывая отца движением ладони.

Спустя минуту они стояли рядом, разглядывая лежавшую в траве девушку в мини-юбке и белой блузке. У нее были стройные ноги и загорелые руки. Ее длинные светлые волосы слиплись от уже почти черной, запекшейся крови. То, что осталось от лица...

— Не смотри, — сказал отец, осторожно прикоснувшись к его плечу.

— Почему, папочка? Я уже взрослый. Меня это не пугает.

Старый лорд вздрогнул. Голос сына прозвучал так спокойно, будто в траве лежал убитый фазан.

— Идем домой, — сказал отец. — Надо немедленно сообщить в полицию. Это не похоже на несчастный случай.

— Это убийство, — Фредерик оглянулся на лежавшее в траве тело, прежде чем двинулся за отцом. — Никто не может нанести сам себе подобные раны.

Потом приехала полиция, машина с врачом и двумя санитарами, какие-то люди расставили штативы на поляне, а шеренга полицейских медленно прочесала весь парк и отрезок ведущей к нему дороги в поисках следов. Много дней велись опросы всех, кто жил поблизости или случайно оказался в этой околице. Но девушки никто не знал, и нигде не обнаружился дом, в котором бы ждали ее возвращения. Никто ничего не видел, не слышал и не встречал подобным образом одетой молодой женщины.

Имя убитой, равно как имя убийцы, так никогда и не было открыто.

А трава в парке продолжала расти по-прежнему, словно ничего не произошло.

Но произошло многое.

Фредерик под влиянием этого потрясения купил учебник криминалистики, который оказался собранием ужасающих снимков и рисунков. Бывая в Лондоне, Фредерик заходил в музей восковых фигур мадам Тюссо, где можно было увидеть орудия преступления, правдиво воссозданные интерьеры, забрызганные кровью жертв; веревки, с петлей на конце, именно те, действительно те, на которых повисли убийцы, и посмертные маски известных и менее известных жертв.

Вначале он читал разные книги, но позже детективная литература начала вытеснять остальное. Когда он оказался в Кембридже, его малень-

кая студенческая квартира постепенно заполнилась полками, набитыми книгами, цветные и блестящие обложки которых отчаянно кричали о морозящих кровь деяниях.

Шли годы. Умер отец. Когда Фредерик произнес свою первую и одновременно последнюю речь в Палате лордов, он безгранично поразил всех тех, кто знал его с малых лет и неизменно считал глупцом. Речь получилась прекрасной, она касалась роста преступности в Англии, а выступавший с невероятной доскональностью знал всю статистику, мотивы, криминогенные явления и деятельность полиции на всей территории страны и во всех важных для криминалиста средах. Впечатление было потрясающим, тем более что выступающий не пользовался никакими записями, а говорил по памяти.

Однако лорда Фредерика не интересовали ни политическая карьера, ни какой-либо государственный пост, связанный с поисками преступников или актами правосудия. Он почти полностью отошел от общественной жизни. К счастью, он унаследовал большие деньги. Он был настолько богат, что мог посвятить себя тому, что стало для него такой же неудержимой страстью, как для иных лошади или женщины: собиранием всего, что связано с преступлением. По сравнению с коллекцией, которую он собирал в течение последних двадцати пяти лет, раздел ужасов Музея мадам Тюссо казался невинной выставкой для благовоспитанных детишек. Мир не знал собрания столь одностороннего и столь поражающего воображение: коллекцию открывали два египетских папируса времен XI династии, говорящие о преступлении и наказании; она содержала ассирийские орудия пыток и критский кинжал с двумя лезвиями, затем следовали средневековые камеры пыток с их «позорными столбами» и «матрешками» с обращенными внутрь острыми клинками, а заканчивалась она плюшевыми витринами, где хранились пули, извлеченные из тел людей очень известных и известных не очень: президента X, священнослужителя V и бесконечного множества других.

Все это было с научной точностью выделено в разделы и занимало почти весь дом Фредерика в Лондоне и большую резиденцию в графстве Саррей. А между двумя этими музеями курсировал тихий, робкий, одинокий человек, дающий время от времени великолепные обеды для узкой группы людей, которые его в данную минуту больше всего интересовали: самых талантливых писателей или офицеров полиции, только что прославившихся решением очередной сложной криминальной загадки.

По причине, которая ему самому не была до конца ясна и понятна, он установил в парке (там, где много лет назад нашел тело той изуродованной девушки) белый прямоугольный камень, напоминающий надгробие. На этом камне он приказал выгравировать большой вопросительный знак. Позже, спустя годы, воспоминание об этом молодом мертвом теле стало причиной одного крайне удивительного происшествия, которого он по сей день не мог понять.

Сейчас, медленно прохаживаясь по библиотеке, лорд Фредерик еще раз прочел приглашение мистера Мелвина Кварендона и улыбнулся. Это будет интересная экскурсия и приятная встреча с несколькими достойными внимания людьми.

Он поправил монокль, снова заглянул в письмо и вздохнул, потому что ему вдруг пришло в голову, что эта встреча была бы не просто приятной, но могла бы стать прекрасной и незабываемой, если бы вместо вымышленного преступления, совершилось бы подлинное. И даже смутно не сформулировав эту мысль, он знал, кто должен стать жертвой.

Лорд Фредерик встал и вышел в широкий коридор, рассекающий дворец от парадной до тыльной стороны. Он шел медленно, чтобы полюбоваться сквозь большую двойную остекленную дверь платановой аллеей,

конец которой исчезал вдали, упираясь в едва видимые с этого расстояния высокие ворота.

Через несколько шагов он остановился и машинально ласково погладил один из двух деревянных столбов, между которыми покоилось блестящее, хорошо сохранившееся лезвие гильотины.

Доставка ее из Франции стоила немалых трудов, и он испытывал к ней чувство, которое иные дарят только самым близким существам.

V

Старый уставший человек

Джордан Кедж открыл конверт, без особого интереса отложил буклет и начал читать письмо:

«Аманда Джадд и КВАРЕНДОН ПРЕСС имеют честь пригласить Вас...»

Не выпуская письма из рук, он прикрыл глаза. Минуту спустя открыл их снова и дочитал письмо. Затем встал и, подобрав полы халата, начал прохаживаться босиком взад-вперед по огромному пушистому ковру, устилающему почти весь пол комнаты. Потом остановился.

— Возмутительно, — громко сказал он, хотя в комнате кроме него никого не было, — приглашать меня на какой-то идиотский праздник этой дамочки! Разумеется, ноги моей не будет в их дурацком замке!

Тем не менее, Джордан снова подошел к столу и взял буклет. Он начал его машинально перелистывать, не обращая внимания на снимки и бегло просматривая текст невидящими глазами.

— Что за вздор! — пробормотал он. — Небось какая-то новая рекламная затея старого Кварендона. И почему я должен принимать в этом участие?

Он уронил буклет на ковер и глянул в окно, за которым посреди газона цвели буйные кусты белых и пунцовых роз. Джордан Кедж любил цветы и одиночество. И с некоторых пор недолюбливал людей. Он сунул ноги в шлепанцы, встал и распахнул застекленные двери, ведущие на террасу. День выдался теплый и тихий. Джордан сошел по ступенькам террасы и уселся на белой скамейке лицом к солнцу.

«Прекрасное утро, — подумал он. — В полдень будет зной, даже сейчас жарко. Подобное утро редко бывает у нас в Англии, а этот старый шут выбрал именно такой день. Уж не вообразил ли он, что я туда поеду?»

Джордан Кедж тихо выругался. Уже с первой минуты по прочтении письма он знал, что поедет.

Прошло тридцать пять лет с той поры, как он издал свою первую книгу, которая сразу же принесла определенный успех. Позже успехов было больше и меньше, но и по сей день он остался читаемым автором. С тем только, что в последние годы Кварендон печатал лишь время от времени переиздания его старых романов, которые все еще находили своего читателя, но сам Джордан Кедж знал лучше, чем кто-либо, что он уже не в состоянии придумать интересное убийство и логически точную, неожиданную развязку. Закончив работу над двумя последними книгами, он швырнул их в камин. Он боялся. И не мог забыть того, что Дороти Ормсби написала о его последнем изданном романе: *«Джордан Кедж, кажется, утратил способность логически точно вести своих героев и строить ситуации, которые могли бы всерьез приковать внимание читателя классического детективного романа. А жаль, потому что когда-то он писал лучше, и не следовало бы ему рисковать своей популярностью, для создания которой он много лет столь успешно работал. Не думаю также, что он мог бы перейти на триллеры, ибо книги его никогда не грешили избытком напряжения и мгновенными сменами ситуаций».*

После этой рецензии Джордан Кедж возненавидел Дороти той банальной, жуткой ненавистью, которая не пощадила неизмеримо более выдающихся, чем он, писателей, проклинающих в душе неизмеримо более выдающихся, чем она, критиков.

Но еще большую, почти неосознанную ненависть ощущал он, читая Аманду Джадд. Она была молода, полна блестящих идей и, казалось, процесс творчества не представляет для нее ни малейшей трудности. В течение последних трех лет каждая ее книга становилась сенсацией на рынке.

Она быстро поднималась по семицветной дуге радуги, по которой он спускался вниз, к линии горизонта.

«Я стар, — подумал Джордан, — и я устал. Но я еще покажу им всем. Надо только немного собраться».

Он снова вздохнул. Потом встал и двинулся по газону к открытым дверям террасы. Надо взглянуть, что в том буклете. Хоть Джордан и старался не думать об этом, но больше всего сейчас ненавидел он самого себя.

Конечно, он поедет, чтобы быть там, среди самых лучших, чтобы послушно исполнить желание Кварендона, всем улыбаясь и отчаянно стараясь не позволить миру забыть о нем, ибо вот он здесь — все еще существует и все еще входит в элиту детективных писателей Англии, — он, старый, уставший человек. Джордан вошел в комнату, сел в кресло и взял буклет. Он медленно прочел его, а закончив чтение, сомкнул веки. Некоторое время он сидел совершенно неподвижно. Потом внезапно вздрогнул и открыл глаза. Улыбка тронула уголки его губ.

— Посмотрим... — прошептал он. — Еще посмотрим.

Джордан Кедж встал и начал прогулку вдоль и поперек ковра. По-прежнему улыбаясь.

VI

Безупречный, решительный и доброжелательный

Безукоризненно одетый молодой человек тихо вошел в кабинет. Бесшумно ступая по пушистому ковру, он приблизился к огромному блестящему столу, за которым сидел сэр Гарольд Эддингтон, заместитель министра. Пачка писем тихо опустилась на пустой поднос.

— Утренняя почта, сэр.

Эддингтон кивнул и остановил уходившего молодого человека движением поднятой руки.

— В десять придут эти люди из Таможенного департамента, чтобы обсудить проект новых тарифов. Прошу впустить их немедленно. Надо, наконец, принять решение.

— Да, сэр.

— Пожалуй, это все, Джонни, — он улыбнулся и снова кивнул головой.

Молодой человек исчез за дверью. Эддингтон подвинул к себе поднос. К счастью, почта была уже отобрана и большинство писем пошло прямо в соответствующие отделы министерства. О содержании некоторых из них, требующих от него принятия решения, он узнает во время совещания в понедельник. На подносе обычно оставались либо очень важные дела, либо личные. Он обратил внимание на большой конверт, лежавший наверху пачки посланий и распечатал его:

«Дорогой Гарольд,

надеюсь, что несмотря на твою огромную занятость в Министерстве внутренних дел, ты все же пожелаешь принять участие в небольшом торжестве, которое...»

Он прочел письмо до конца и положил на стол. Затем нахмурил брови, плотно закрыл глаза, быстро открыл их и потряс головой, словно желая проснуться.

— Значит, все же... — тихо произнес он с изумлением.

Оба они были родом из Кента, и оба прибыли много лет назад в Лондон, бедные и полные надежд. Но их надежды настолько отличались одна от другой, насколько отличается мечта о большом богатстве от мечты о чиновничьей карьере и безупречной репутации. Объединяло их, однако, нечто большее, чем происхождение и околица, где они впервые увидели свет. Им обоим больше нравились цилиндры, чем кепки, и они одинаково испытывали столь распространенную в деревне неприязнь к революционным преобразованиям в этом лучшем из миров. Должно быть, поэтому они были членами консервативной партии. А познакомились они несколько лет назад на одном из ее конгрессов.

С чувством смутной тревоги он взял в руки буклет со снимком замка на обложке, но в это время открылась дверь.

— Пришли юридические советники и представители Таможенного департамента, — сказал молодой человек. — Могут ли они войти?

— Да, конечно!

Гарольд Эддингтон оживился. Он собрал письма и отодвинул их в сторону. Затем встал и направился к двери. Ожидающие за ней чиновники были его подчиненными, но заместитель министра всегда старался быть на высоте и с присущей ему спокойной сдержанностью не проявлял излишнего многословия, чтобы люди, которыми он руководил, любили и уважали его. Он хотел быть безупречным во всем, в том числе и по отношению к ним. Безупречным, решительным и доброжелательным всегда, даже сейчас, когда ему так сильно хотелось остаться одному.

VII

Он безмятежно улыбнулся

Комиссар Бенджамин Паркер, заместитель начальника Криминального отдела Скотленд-Ярда, заметил краем глаза зеленый огонек и нажал кнопку.

— Мистер Джо Алекс на линии, — прозвучал спокойный голос из селектора.

— Хорошо, прошу соединить, — он улыбнулся. — Как дела, Джо? Господи, что заставляет тебя звонить в столь раннюю пору? Или ты еще не ложился?.. Ах, только что встал? Значит, все же мир меняется, и мы вместе с ним... Что?... Да, получил... Мистер Кварендон написал мне, а потом позвонил... Что?... Вначале я колебался. Мне показалось не совсем уместным, чтобы... Да, я знаю, что ты хочешь сказать, но дай мне закончить. Так вот, потом я подумал, что это в сущности уикенд, а у меня остались самые добрые воспоминания о графстве Девон. Каждый раз, когда я там оказывался, было тепло и солнечно, стало быть, возможно, и сейчас так будет. Кроме того, я прочел буклет, который он прислал, и все это показалось мне довольно забавным. У нас столько реальных преступлений, что немного вымысла — подлинное удовольствие для пожилого, уставшего полицейского. Этот замок выглядит, как и должен — грозно и таинственно. Ну и, наконец, я не знаком с твоей главной конкуренткой, мисс Амандой Джадд. Я прочел пару ее книжек. Не хочу тебя обидеть, но думаю, что она способная. Ты ведь прекрасно знаешь мою слабость к детективным писателям... Что?.. Это очень хорошо с его стороны. Я как раз думал, как туда доехать... Ведь это почти конец света. А ты тоже с ним едешь?.. Ну и замечательно!..

Выезжаете очень рано?.. Понимаю... Что?.. Вертолетом? Великолепно!.. Можно предположить, что на ленч мы успеем точно, а это уже кое-что... Ждать ли мне вас у себя дома? А может просто я приеду к тебе?.. Хорошо. Буду без четверти семь. До завтра!

Он положил трубку и глубоко вздохнул. Потом оглядел стол. Слева лежали аккуратно сложенные рапорты, которые нужно просмотреть. Он начал быстро читать. Какая-то молодежная банда, которая еще ничего серьезного не натворила, но со временем может стать опасной. Муж пытался убить жену, но, к счастью, не убил, хотя ее и отвезли в больницу. Ограбление со взломом кассы в универмаге Хэрроу... Обычная лондонская ночь счастливо обошлась без трупов и серьезных катастроф.

Заместитель начальника Криминального отдела выдвинул ящик стола и достал цветной буклет, на котором черный замок скалил волчий зуб башни под голубым безоблачным небом.

— К вам суперинтендант Хенслоу, — тихо сказал селектор.

— Пусть войдет.

Бенджамин Паркер положил буклет обратно в ящик и безмятежно улыбнулся.

VIII

Три снимка

Миссис Александра Бремли много лет завтракала в маленьком кабинете, который примыкал к ее спальне. Завтрак этот состоял из неизменной чашки крепкого кофе, двух горячих гренок с маслом, яйца всмятку и стакана апельсинового сока. Однако сегодня произошли существенные изменения. Завтрак был подан на два часа раньше. Она взглянула на столик. Кофе, гренки и сок исчезли, но одно яйцо ожидало ее попрежнему.

— Нет, — вполголоса сказала миссис Бремли, — не следует переедать перед путешествием.

Она встала и подошла к небольшому столику, занимающему пространство между двумя большими окнами, сквозь которые вливался мягкий свет зари. На столике стояли три снимка в одинаково темных серебряных рамках: седой, глядящий в объектив мужчина с легко подкрученными усами, не закрывающими тонких губ; улыбающаяся молодая женщина со светлыми, коротко стрижеными волосами и молодой мужчина с большими, серьезными глазами; на последнем снимке видны были еще и лацканы черного пиджака, застегнутый доверху черный жилет и поперечная белая полоска пасторского воротничка. Миссис Бремли взяла снимок седого мужчины и улыбнулась.

— Что ты думаешь обо всем этом, Джон? — спросила она, не повышая голоса. — верно, что я не должна много есть перед поездкой, особенно в моем возрасте? — она покивала головой. — Знаешь ли ты, что позавчера мне исполнилось семьдесят лет? К счастью, ноги еще не отказывают мне, как моей бедной маме, когда она дожила до этих лет. Но я должна следить за собой. Особенно сейчас. Она с минуту вглядывалась в снимок, словно ожидая ответа, затем вернула его на место и взяла стоявший посередине снимок молодой женщины.

— Не беспокойся обо мне, Эмми. Ты же знаешь, что я должна ехать. Когда мы увидимся, я подробно расскажу тебе обо всем. До свидания, доченька!

Она легко прикоснулась губами к стеклу поверх снимка и поставила его на столик, взяв в руки последнее фото.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Джордж, — вздохнула она. — Но не пытайся меня переубедить. Я тоже верю, что души людей бессмертны. Но также верю, что существует справедливость не только по отношению к людям, но и по отношению к душам после их расставания с телом. Тебя, верно, удивляет, мой малыш, что я осталась одна по эту сторону черты в то время, как мир, где вы все трое находитесь, важнее всего для меня... Но ты ведь знаешь, как горячо я жду дня встречи с вами, с тобой, мой маленький внучек...

Она зажмурилась и прижала снимок к губам, а потом, вернув его на столик, стояла, задумчиво глядя в окно. Рождался безоблачный день.

Маленькая фигурка миссис Бремли выпрямилась и старая леди подошла к большому застекленному книжному шкафу. Она скользнула взглядом по заполненным книгами полкам, а затем взяла толстый том в зеленой обложке. Название на корешке уже несколько вытерлось: Кэмил Фламмарион «Дома, которые посещают призраки». Она отложила книгу на столик и потянулась за следующей — Джеймс Тернер «Привидения юго-западной Англии». Стопка книг на столе постепенно росла. Потом миссис Бремли покачала головой и вернула несколько книг в шкаф. Затем вошла в спальню и нажала кнопку звонка. Несколько минут она ждала, выпрямившись и глядя в окно.

— Вы звонили?

— Да, Джэйн. Возьми эти книги, уложи в отдельную сумку и отнеси в автомобиль. Подожди.

Она снова подошла к шкафу, взяла с нижней полки две совершенно одинаковые книги, чуть поколебалась, а затем передала их девушке. На обложках стояли ее имя и девичья фамилия, которой она всегда пользовалась, подписывая свои произведения, — Александра Уорделл «Появляются ли призраки и почему?»

— Возьми и эти.

— Хорошо, мэм. — Девушка подошла к столу и взяла книги.

— Все ли уже уложено?

— Да, мэм. Чемоданы отнесены к автомобилю, а Грегори ждет у подъезда.

Миссис Бремли кивнула головой.

— Ты довольна, что я беру тебя с собой?

— Да, мэм. Я никогда не была в графстве Девон. Говорят, там очень красиво.

— У тебя будет немного больше времени, чем обычно, — с улыбкой сказала миссис Бремли. — Программа посещения сообщает, что гости будут находиться в замке на острове абсолютно одни в течение сорока восьми часов, а все сопровождающие их лица останутся на берегу.

— А кто же будет с вами в это время, мэм?

— Как-нибудь справлюсь сама, Джейн. Я еще не настолько стара, чтобы меня нельзя было оставить без опеки на два дня. К тому же я буду там не одна.

— Да, мэм, конечно, — ответила горничная. — Но я люблю присмотреть, чтобы все было в порядке.

— Идем! — миссис Бремли снова улыбнулась. — Не забудь книги.

— Конечно, не забуду, мэм.

Пятнадцать минут спустя серый блестящий роллс-ройс тихо выехал по парковой аллее к воротам. Оставшись в одиночестве на заднем сидении, отгороженная стеклом от водителя и Джэйн, миссис Бремли закрыла глаза. Бедным людям все кажется, что они были бы очень счастливы, имея много денег, а вот миссис Бремли была очень грустна, хотя и очень богата. Впрочем, вскоре черты ее лица разгладились. Встреча, которая ее ждала, несла в себе предчувствие счастья.

IX

«Его действительно что-то беспокоит?»

Доктор Сесил Харкрофт поднял большую черную дорожную сумку и взвесил ее в руке.

— Не тяжелая, — с облегчением сказал он. — К счастью, это всего два дня.

Он подошел к столу и открыл небольшой, тоже черный саквояж, с двумя шифрованными замками.

— Берешь его с собой? — Агата Харкрофт улыбнулась. — Я думала, это будет спокойный уикенд с банкетом в честь Аманды Джадд и встречей с домашним привидением в полночь.

— Думаю, что так оно и будет, — доктор Харкрофт окинул взглядом содержимое саквояжа, удовлетворенно кивнул головой и закрыл крышку. — Но врач никогда не перестает быть врачом. К тому же мистер Кварендон — мой пациент и, честно говоря, я полагаю, что это единственная причина моего приглашения.

— Его действительно что-то беспокоит?

Харкрофт улыбнулся.

— Трудно ответить на вопрос, сформулированный подобным образом. Состояние его сердца наверняка не вызывает опасений, но проблема с людьми, подобными Кварендону, заключается в том, что они привыкли отдавать приказы, а не выслушивать советы, даже профессиональные, — доктор снова улыбнулся. — Ему уже за шестьдесят, и он очень поправился в последнее время. Давление тоже повысилось. А поскольку он работает больше и интенсивней многих молодых людей, начинает вырисовываться определенная проблема. А Кварендон человек настолько богатый, что желает, дабы эту проблему взял на себя доверенный врач. Это означает, по его мнению, что он может переедать и работать так же, как прежде, а я должен заботиться о его бесценном организме. Пока что он получил от меня нечто вроде тихого согласия. Но я обследую Кварендона регулярно, и если замечу в кардиограмме или в его самочувствии какие-то явные изменения, тут же решительно вмешаюсь и... тогда посмотрим, послушает ли он меня, — Сесил улыбнулся еще раз.

Он взял сумку и саквояж. Жена поднялась с кресла, подошла и поцеловала его в щеку. Он был высоким, атлетически сложенным мужчиной, и миссис Харкрофт была почти одного с ним роста.

— Поцелуй от меня мальчишек, если позвонят! — сказал он, направляясь к двери. — Скажи им, где я нахожусь, и добавь несколько деталей. Надеюсь, они мне позавидуют.

— Наверняка! Когда тебя ждать?

— В понедельник, разумеется. Но не представляю, в котором часу.

— Я навещу отца, — сказала она, — и, может, останусь у него на ночь. Так что, если будешь звонить, то сначала ему. Агата проводила его к двери, а пока он укладывал саквояж и сумку в автомобиль, стояла на крыльце, спокойная и улыбающаяся. Он запустил двигатель и помахал ей рукой. Она ответила ему кивком головы. Агата не любила бурных проявлений чувств. Еще некоторое время он видел ее в зеркальце, а затем перенес внимание на дорогу. Улица в этот ранний час была почти пустынна. Начинался теплый, солнечный день.

Доктор Харкрофт уверенно вел машину и продолжал думать о жене. Они прожили вместе двадцать спокойных, счастливых лет, вырастили двоих сыновей, которые находились теперь далеко в школе. В той самой школе, которую окончил ее отец, старый сэр Джошуа Тэйбард, жесткий, но

исключительно порядочный человек, с такими непоколебимыми моральными устоями, будто он никогда не читал ничего, кроме Десяти Заповедей. Должно быть, ему пришлось пережить тяжелые минуты, когда его единственная дочь сказала много лет назад, что любит молодого, никому неизвестного врача, который прибыл из далекой провинции, имея в качестве единственного имущества лишь веру в собственные силы. Но Агата обладала столь же несгибаемым характером и непоколебимыми принципами, как и ее отец, который, в конце концов, признал, что поскольку зять стал одним из наиболее известных в Лондоне кардиологов, его дочь не ошиблась. К тому же, она явно была счастлива. Тэйбард полюбил своих внуков, и все сложилось хорошо. На перекрестке загорелся красный свет. Харкрофт мягко затормозил. Автомобиль остановился.

Да, он больше ничего не хотел от жизни. Все ищут счастье, но не все его находят. А это было счастье, которое он нашел, удержал и обязан теперь защитить от любой угрозы, которую могло нести будущее.

X

«Ты приготовил место для этих бестий?»

Аманда Джадд оперлась оголенными локтями о высокую каменную ограду башни и поднесла к глазам тяжелый полевой бинокль, который почти закрыл ее миниатюрное смуглое лицо. Начавшийся внизу отлив обнажил соединяющую замок с берегом, черную гладкую полосу скальной дамбы, которая возвышалась над мелкими искрящимися на солнце волнами, лизавшими ее края. Дамба и бегущие вдоль нее стальные поручни блестели, испаряя на солнце капельки воды. Вскоре отступающее море обнажит на дне узкого залива длинные языки песков и тысячи темных влажных валунов, неподвижных, словно стада морских животных, отдыхающих у берега. На прикрытой полукруглым мысом пристани у края деревни белая моторная яхта и несколько рыбацких лодок осядут ниже линии берега. А вечером море вернется. Аманда повела биноклем вдоль плавно ползущей вверх узкой асфальтовой дороги, которая пересекала поля и исчезала в лесу, покрывающем гребни далеких холмов. Затем она опустила бинокль к домам деревни, которые на таком расстоянии казались игрушечными. Возле одного из них мальчишка в ярко-зеленой рубашке играл со щенком, бросая ему палку. Лучи солнца, стоявшего уже высоко над морем за спиной Аманды, ярко сверкали в стеклах маленьких окон.

— Никого, — негромко сказала Аманда, — а уже скоро десять. Боюсь, не все успеют на ленч.

Она опустила бинокль и положила его на ограду. Затем обратилась к стоявшей рядом молодой женщине.

— Как ты думаешь, Грейс, все приедут?

— Конечно! — Грейс Мэплтон, красивая, стройная и невозмутимая, улыбнулась: — Во-первых, ты уже настолько известна, что, пожалуй, в этой стране нет ни одного человека, который пренебрег бы твоим приглашением. Во-вторых, не забывай, что спонсором этого уикенда является КВАРЕНДОН ПРЕСС. Я не помню случая, чтобы Мелвин Кварендон что-либо упустил. Можешь мне поверить, потому что я целых три года была его личным секретарем.

— Будем надеяться, что ты не ошибаешься, — сказала Аманда тихо и несколько серьезней, чем собиралась. — Не хотелось бы выглядеть смешной.

Она невольно поджала губы. С моря долетел порыв свежего ветра и заслонил ее озабоченные глаза прядью темных, взъерошенных волос.

— Смешным будет выглядеть тот, кто не приедет, — убежденно добавила Грейс. — А, кроме того, я вчера звонила в Лондон, и в офисе КВАРЕНДОН ПРЕСС подтвердили их приезд. Все оповещены и собираются сюда. Разумеется, я сообщила им, что до десяти утра к нам трудно будет добраться. Не представляю себе мистера Кварендона, бредущего по дамбе по колено в воде и обливаемого по уши каждой набегающей волной. Но я уже говорила тебе об этом.

— Да, говорила, — Аманда Джадд неуверенно улыбнулась. — Не понимаю, почему все это меня так волнует? В конце концов, этот милый праздник и немного развлечений должны доставить мне только удовольствие и ничего больше. Наверно, я просто переутомилась. Она снова взяла бинокль, но положила его обратно, не поднимая к глазам.

Грейс Мэплтон вынула из кармана шортов сложенный вчетверо листок бумаги. Она развернула его и быстро пробежала глазами.

— Все готово, — мягко сказала она, — ты можешь расслабиться, дорогая. Я лишь не проверила, занялся ли Фрэнк подготовкой места для собак, потому что он взял их на себя и сказал, чтобы я не забивала себе этим голову.

Она умолкла, потому что из сумрачной глубины узкой винтовой лестницы, уходящей круто вглубь башни, раздался зычный мужской голос:

— Аманда, ты там?

— Да, — крикнула она, обернувшись.

Светлая, коротко стриженая голова ее мужа показалась над верхней ступенькой лестницы. Он открыл рот, собираясь что-то сказать.

— Ты приготовил место для этих бестий Кварендона? — перебила его Аманда. — Грейс утверждает, что это единственное дело, которое она не успела проконтролировать.

— Приготовил ли я?!

Фрэнк Тайлер выскользнул из входного люка лестницы и шагнул к стоявшим у ограды женщинам.

— Достопочтенный Джонатан Дэйл, местный деревенский столяр, доставил мне вчера великолепную будку, в которой спокойно разместился бы крупный медведь со всей семьей. Я велел поставить ее во внутреннем дворе, если этот колодец можно назвать двором. Мне кажется, псам там будет неплохо. Если у них хватит воображения, они могут решить, что по этому двору можно даже побегать. Во всяком случае, в будке лежат два соломенных матраца, так что спать им есть на чем.

Аманда с внезапным беспокойством обратилась к своей красавице-секретарше.

— А может, мистер Кварендон спит с ними в одной комнате? — спросила она неуверенно. — Тебе что-нибудь известно об этом?

— Я перестала быть его рабыней и стала твоей, как раз когда он их купил. Тогда они были совсем маленькие. С тех пор я их не видела. Так что не могу тебе отве...

Она вдруг умолкла на полуслове и вскинула голову. Фрэнк прикрыл глаза от солнца ладонью.

— Что это? — спросила Аманда. — Самолет? Но это невозможно — ему же здесь негде...

— Вон там! — закричала Грейс, указывая вытянутой рукой.

Вертолет появился неожиданно, подлетая совсем низко со стороны холмов. Спустя минуту он сделал небольшой круг над замком, потом замедлил полет, повис неподвижно в воздухе и плавно опустился на луг между домами на краю деревни и дамбой.

— Я же говорила тебе сегодня, что мистер Кварендон никогда ничего не упускает, — сказала Грейс, указывая пальцем на вертолет. Вдоль

его серебристой кабины бежала большая, блестящая на солнце надпись КВАРЕНДОН ПРЕСС. Лопасти винта остановились и легко опали, двигатель утих. Аманда подняла бинокль.

— Опускают трап, — сказала она спустя минуту, — появился мистер Кварендон... и Джо Алекс! Я очень рада, что он приехал... Дальше женщина... кажется, это Дороти Ормсби. Обожаю ее!

— Ничего удивительного! — Фрэнк Тайлер рассмеялся. — Если бы обо мне кто-нибудь написал столько хорошего, я бы любил его до последнего вздоха!

— Этого человека я не знаю, — продолжала Аманда, — и этого... этого тоже нет... Вот еще один... похоже, и его я никогда в жизни не видела... А вот и собаки! Какие большие!

Она быстро передала бинокль Грейс.

— Может, ты их знаешь?

Грейс некоторое время вглядывалась в группу людей, которые двинулись вслед за мистером Кварендоном в сторону дамбы.

— Один из них — сэр Гарольд Эддингтон, заместитель министра... также доктор Сесил Харкрофт, который заботится о сердце мистера Кварендона... и Джордан Кедж.

— Это хорошо, — Аманда кивнула. — Я боялась, что он не приедет. В последнее время ему не очень везло, а ведь я была еще ребенком, когда прочла его первую книгу. Я знаю их все. А кто четвертый?

— Не знаю, кто это, — Грейс покачала головой. — Наверняка я его никогда не встречала.

Аманда резко отшатнулась от ограды.

— Боже мой, почему мы здесь стоим, Фрэнк?! Беги немедленно вниз и пошли кого-нибудь из прислуги за их чемоданами. Мы идем за тобой. Я должна встретить их у ворот! По дамбе уже можно пройти? Надеюсь, никто не сломает ногу! Грейс, у тебя есть с собой гребешок?

— Разумеется, — спокойно ответила Грейс Мэплтон и протянула гребень, вынутый из кармана блузки.

Фрэнк быстро исчез в проеме лестницы. Женщины двинулись за ним. Их тут же окружил полумрак, едва пробиваемый слабым светом подвешенных наверху лампочек. Винтовая лестница круто уходила вниз. Аманда на ходу причесывалась. Когда, наконец, они оказались внизу у подножия лестницы и через приоткрытую кованую узкую дверь вошли в прихожую замка, Аманда остановилась.

— Как я выгляжу?

— Великолепно! — заверила Грейс.

XI

«Они существуют так же, как вы и я...»

— Все уже здесь, кроме лорда Редленда, — сказала Аманда Джадд. — Минуту назад прибыла миссис Александра Уорделл. Она приехала на автомобиле — мужественная старушка! Я отвела ее в комнату, пусть немного отдохнет с дороги. Она очаровательна и удивительна — такая хрупкая и нежная! Никогда бы не поверила, что Уорделл написала столько книг о привидениях. Кажется, она знает о них все.

— Интересно, верит ли она сама в их существование? — пробормотал Кедж, но так громко, что его услышали все сидящие за столом.

— О, да! — Аманда Джадд хлопнула в ладоши. — Она сказала мне пару слов о нашей героине, то есть о несчастной леди де Вер, чью судьбу

мы попытаемся завтра выяснить, и это прозвучало так, будто она говорила о своей старой знакомой. Кажется, нет ни малейшего сомнения, что не только тело, но и дух этой бедняжки пребывает здесь вместе с нами и просто-напросто живет в этом замке...

Она умолкла и заботливо оглядела стол.

— Кто-нибудь голоден? А может подать еще кофе или чаю?

Ей ответил дружный гул голосов и отрицательные покачивания головами.

— Я прошу вас помнить, что в комнатах установлены звонки, и прислуга ждет ваших указаний... точнее, будет ждать до вечера, потому что на закате мы запрем ворота и останемся совершенно одни до самого утра. При всем желании никто несможет нас навестить, и никто не выйдет из замка до рассвета, потому что примерно в десять вечера прилив начнет заливать дамбу.

Она встала.

— Прошу вас распоряжаться своим временем до полудня. Потом мы хотим предложить всем нашим гостям прогулку на яхте, если не испортится погода. А тем временем мы здесь приготовимся к нашему «Вечеру ужасов».

Она улыбнулась и направилась к двери. Мистер Кварендон отодвинул стул и обратился к сидящему рядом сэру Гарольду Эддингтону:

— Ты не желаешь пройтись вон к тем холмам? Я должен хорошенько выгулять собак, раз уж им придется провести всю ночь запертыми в малюсеньком дворике.

— Разумеется! С большим удовольствием...

Они направились к двери, и за ними потянулись остальные.

— Пойду в комнату и попытаюсь вздремнуть... — тихо сказал Паркер, наклонив голову к Алексу, когда они приближались к двери, ведущей из столовой в узкий коридор, откуда каменные ступени поднимались на следующий этаж, где размещались комнаты гостей.

— Если не появишься до часу, приду разбудить, — Алекс глянул на часы. — Двух часов сна тебе хватит?

— Наверняка. Даже одного достаточно, — Паркер вздохнул. — Я вышел вчера из Ярда раньше обычного и хотел выспаться перед поездкой. Однако ночью мне звонили четыре раза... Было очень неспокойно.

Они остановились перед лестницей.

— Я останусь здесь, — сказал Алекс, — и немного осмотрюсь. Обожаю старые замки, узкие бойницы и зубчатые башни. Можешь уснуть, как дитя. К часу я тебя точно разбужу.

Паркер молча кивнул, еще раз вздохнул и начал медленно подниматься по лестнице. Вскоре он исчез наверху за поворотом, тонувшем в полумраке.

Джо двинулся, ступая по гладким каменным плитам коридора, освещенного примерно в середине ярким лучом дневного света, падавшим с правой стороны. Еще несколько шагов — и стена коридора окончилась, открыв обширную сводчатую нишу. Дневной свет проникал из бойницы в стене вместе со струей теплого воздуха, плывущей вглубь замка.

Джо миновал нишу и остановился перед массивными воротами, запертыми двумя поперечными дубовыми балками, просунутыми через черные железные кольца. Решетка из прутьев, равных толщине руки взрослого мужчины, висела под сводом на прочно натянутых цепях, идущих к двум мощным лебедкам, закрепленным в стене по обе стороны ворот. Опустившись, решетка перекрыла бы и калитку...

Джо вышел и огляделся. К дамбе спускались ступени, вырубленные в скале, наверно еще во время строительства замка. Когда час назад он входил сюда, дорога к калитке казалась ему более пологой. Сверху она выглядела гораздо круче. Единственным признаком современности были сталь-

ные, покрытые защитной краской поручни, бегущие вниз по обе стороны дороги и затем вдоль всей дамбы, вплоть до противоположного берега.

Джо с минуту постоял неподвижно, глядя на далекие холмы и безоблачное небо. Затем еще раз присмотрелся к дамбе. Во время прилива поручни наверняка тоже скрывались под водой. Одно было несомненным: ворота замка должны находиться выше линии самых высоких приливов, иначе вода постоянно заливала бы подвальные помещения. Но зимой, когда дамба покрывалась льдом в период особенно сильных морозов, которые случались и в Девоне, переход к берегу становился чертовски трудным и опасным предприятием.

Джо сделал несколько шагов вниз и, обернувшись, поднял голову. Прямо над ним возвышалась замковая башня. Прекрасное место. Если враг, сгрудившись на ступенях, попытался бы штурмовать ворота, защитники могли бы без всяких помех лить на головы нападающих смолу, кипяток, сбрасывать приготовленные заранее камни и безнаказанно истреблять противника... Да, рыцарь де Вер мог спокойно отправляться на войну, не беспокоясь о судьбе жены... Алекс улыбнулся.

Он повернул обратно и стал подниматься по скальным ступеням. Затем внезапно остановился. Прямо перед ним в темном проходе калитки неподвижно застыли, угрюмо уставившись на него, две огромные волчьи морды. В прихожей послышались голоса. Один из псов предупреждающе зарычал и показал клыки.

— Тристан!

В проеме калитки появился мистер Кварендон, а за ним — сэр Гарольд Эддингтон.

— Тристан, что это значит?

Толстяк-издатель даже не повысил голос, но оба пса попятились, опустив головы и поджав хвосты.

— Я, кажется, не ослышался. Он ведь зарычал на вас, верно? — спросил Кварендон. — Этого с ними никогда не случается. Возможно, их вывели из равновесия воздушное путешествие и новое место? Но это не оправдание. Тристан, устыдись! Если мы начнем кусать наших лучших авторов, далеко не уедем. Стыдись, кому говорю!

Пес лег и опустил голову на вытянутые передние лапы, отводя глаза, как человек, уличенный в недостойном поступке.

— Встань! — спокойно сказал мистер Кварендон.

Тристан встал.

— Пошли!

Псы сбежали вниз и остановились у входа на дамбу.

— Еще раз прошу прощения, мистер Алекс, — скромно сказал мистер Кварендон.

— Действительно, безобразие! — Джо покачал головой. — Впрочем, если даже они и сожрут всех ваших авторов, у вас в запасе есть другая профессия, очень похожая... дрессировка диких бестий.

Он глянул вверх.

— Я иду обозреть местность с высоты этой башни. Туда можно подняться?

— Конечно! — ответил мистер Кварендон. — Весь замок в распоряжении наших гостей! Но дорогу вам придется искать самому, потому что я не помню, каким образом туда входят.

— Попытаюсь.

Джо улыбнулся и вошел в прихожую. Некоторое время он стоял, озираясь. И вдруг, без всякой видимой причины подумал о сэре Гарольде Эддингтоне. Ведь он даже не взглянул на собак, не слышал того, что говорил Кварендон, не слышал ответов Алекса. Он смотрел неподвижными,

невидящими глазами на далекие холмы. И в вертолете он, кажется, не произнес ни слова, да и за завтраком тоже. Джо пожал плечами. Может, он просто самодовольный государственный чиновник, который забрался на самые высоты иерархии и таким способом утверждает свое достоинство? Или страдает какой-нибудь скрытой, тяжелой болезнью, которая лишает его радости жизни? А быть может, он вообще таким родился? Алекс покачал головой. Все это было возможно, но он не мог избавиться от назойливого, бессмысленного впечатления, что в чертах сэра Гарольда Эддингтона крылось нечто, что он уже много раз видел, чувство, которое люди обычно стараются скрыть под маской мнимого равнодушия, — страх. Он осмотрелся.

— А собственно, какое мне до этого дело, — сказал он себе вполголоса. Должно быть, все это просто почудилось в результате многолетней привычки отмечать то, что на первый взгляд кажется неясным, не соответствующим банальному, будничному поведению людей. — Вздор!

Джо поднял голову. Башня находилась прямо над ним, стало быть, туда должна вести какая-то лестница. Он заметил узкую окованную дверь совсем рядом с одной из лебедок, поднимающих решетку. Дверь была приоткрыта. Он подошел и заглянул. В свете слабой лампочки виднелись первые круто уходящие во тьму ступеньки винтовой лестницы. Он двинулся вверх, все время влево, в свете очередных лампочек, возникающих и исчезающих с равными промежутками. Наконец Джо обнаружил в стене каменную нишу и низкую узкую дверь из почерневшего дуба. Поколебавшись, он вошел в нишу и, протянув руку, прикоснулся к массивной железной ручке, но тут же убрал руку. Если дверь окажется открытой, то, возвращаясь, он посмотрит, что за ней прячется.

Он снова двинулся вверх, улыбаясь. Ему пришло в голову, что сейчас он похож на божью коровку, которая взбирается по бесконечно длинному штопору.

Еще и еще поворот. И вот показался дневной свет, упавший на стену. Спустя минуту лестница выпрямилась, и шесть последних ступеней вывели его на верхушку башни. Круглую, плоскую поверхность ограждали зубчатые выступы. К удовольствию Алекса, он оказался здесь в полном одиночестве. Джо двинулся в сторону ограды и сразу споткнулся. Он посмотрел под ноги. Рядом с люком лестницы лежала прикрепленная завесами тонкая стальная плита, обрамленная очень современной, толщиной с палец, резиновой прокладкой.

Джо улыбнулся. Если бы жители замка забыли закрыть люк этой крышкой во время ливня, вода хлынула бы водопадом и залила прихожую и коридор там, глубоко внизу. Он подошел к зубчатой ограде башни и взглянул на море. Солнце уже приблизилось к зениту и грело здесь так сильно, как никогда не грело в Лондоне. Водная поверхность лежала внизу, гладкая, как озеро, почти без морщинок. Легкий ветерок дул в сторону берега. Джо пересек круглую площадку башни и остановился на том же месте, с которого два часа назад Аманда Джадд высматривала гостей. И так же, как она, он облокотился о каменную ограду, но, поскольку был выше ростом, высунулся и, наклонив голову, посмотрел вниз. Прямо под ним, глубоко внизу, в тени башни лежали скальные ступени, ведущие к дамбе.

Алекс перевел взгляд на деревенские домики, а затем на дорогу, что бежала через поля. Вдали он увидел две идущие рядом человеческие фигурки и... да, это были собаки. Одновременно Джо увидел и автомобиль. Он был черным, блестящим, и солнечные блики заиграли на его поверхности, когда, минуя двух пешеходов, он свернул к деревне. Сейчас было отчетливо видно, как этот автомобиль притормозил и остановился за другим, серым роллс-ройсом, перед самым большим двухэтажным домом посредине деревенской улочки. Должно быть, это и была гостиница для

прислуги, о которой упоминал буклет КВАРЕНДОН ПРЕСС. Алекс улыбнулся. Немного было в мире маленьких прибрежных деревушек, где перед постоялым двором стояло бы два роллс-ройса. Первый из них, вероятно, принадлежал миссис Александре Уорделл, а на втором приехал лорд Фредерик Редленд. Только он один еще отсутствовал.

Передняя дверь автомобиля открылась, вышел мужчина в белой рубашке и черных брюках, открыл заднюю дверцу и придерживал ее, пока не показался другой, высокий, худощавый мужчина в темно-синем пиджаке и серых брюках. Только это и мог разглядеть Алекс на таком расстоянии. Когда-то он познакомился с Редлендом, который пригласил его в свое имение в графстве Саррей вместе с еще двумя гостями. Дело было несколько лет назад, и Джо, как сквозь туман, вспомнил поразительную коллекцию, которую показывал ее владелец, приятный, немного робкий человек, — вероятно, маньяк, как и все великие коллекционеры.

Редленд появился из-за последнего деревенского дома и свернул к дамбе. Отставая на несколько шагов, шел его водитель и нес в руках чемодан и большую дорожную сумку.

— Любуетесь пейзажем, мистер Алекс, или ищите дерево, на котором де Вер приказал повесить несчастного любовника своей неверной жены?

Светлая шевелюра и широкие плечи Фрэнка Тайлера вынырнули из люка, ведущего на лестницу.

— И то, и другое, — сказал Джо. — А точнее — первое, потому что единственные деревья, которые я вижу, растут возле деревенских домов. Дорога бежит через голые поля и уходит в лес на целых пару миль дальше, там, у холмов, — указал он, вытянув руку.

Фрэнк покачал головой.

— Когда-то лес был намного ближе. На месте, где все это произошло, стоит каменный крест. Вырубая лес, его сохранили. Если бы у нас был бинокль, я бы его показал вам, — он рассмеялся.

— Пусть вас не удивляет, что я так хорошо информирован. Мы сидим здесь уже два месяца, то есть почти с того момента, как Кварендон купил этот замок. Он сделал это с мыслью о «юбилее» Аманды, поэтому и привез нас сюда. Ей все это так понравилось, что через три дня она вернулась из Лондона, и с тех пор мы торчим здесь: Аманда, Грейс и я. Место в своем роде прекрасное, можно сосредоточиться и работать с утра до вечера, если хочется. Аманда утверждает, что записала чуть ли не сотню полноценных идей, которых ей хватит до конца жизни. Действительно, она пишет постоянно, и я почти силой вытаскиваю ее на прогулку. Однако, я все же надеюсь, что после всех этих торжеств мы вернемся в город... Впрочем, я, быть может, не совсем искренен, ибо тоже полюбил это место. Я притащил сюда все, что необходимо для проектирования, и хотя камера, в которой я тут живу, ничем не напоминает мою лондонскую мастерскую, я великолепно справляюсь...

— Я вас прекрасно понимаю, — Алекс покивал головой. — У меня самого есть в мире пара мест, куда я иногда убегаю. Человек, который добровольно отрезал себя от общества, имеет больше времени для размышлений. Но даже самые прекрасные каникулы не могут продолжаться слишком долго. Хочется нам того или нет, но все мы принадлежим стаду и должны в него возвращаться.

— Это верно, — Фрэнк вздохнул. Затем резко повернулся к Алексу:

— Вы, случайно, не заканчиваете сейчас новую книгу? Я спрашиваю потому, что мне тут кое-что пришло в голову. Я задумался над хорошей обложкой, которая привлекла бы взгляд покупателя без помощи голой убитой девушки, без убийцы в черном плаще, заносящего нож над невинно спящей красоткой, без летучих мышей, тигров, кровавых пятен и прочих

ужасов, которых я сам достаточно наплодил для того, чтобы Кварендон продал как можно больше экземпляров ваших книг. Я хотел бы испробовать несколько чисто графических и цветовых решений, которые должны по результатам действовать не хуже, чем те же сети, в которые мы ловим внимание читателя, но без приманки в виде этой кошмарной, банальной дешевки.

— Прошу мне верить, — сказал Джо, разведя ладони, — что я готов двумя руками подписаться под тем, что вы только что сказали. Но, к сожалению, я лишь приступил к новой книге, и один Господь знает, когда я ее закончу. Но уж когда она будет готова, я заставлю Кварендона дать вам возможность изготовить экспериментальную обложку. Буду самым счастливым человеком, если вам это удастся. Но я не понимаю, почему вы не начнете с Аманды? Она прекрасный детективный писатель, все ее читают, и, — он улыбнулся, — наконец, самое главное — это ваша жена!

Теперь Фрэнк развел руками:

— Вот в том-то и дело, что она моя жена!

Он умолк, а когда снова посмотрел на Алекса, улыбка сошла с его лица:

— Я не могу вам этого объяснить, но когда я должен что-то сделать именно для нее, у меня пропадает всякая изобретательность. Может, так происходит потому, что для меня это слишком важно, и я теряю чувство свободы. Каждую обложку для нее я хотел бы спроектировать великолепно, но ничего не выходит. Что бы я ни пытался сделать, мне это не нравится. А ей нравится все, что бы я ни показал... Бог мой, да ведь мы и познакомились в здании КВАРЕНДОН ПРЕСС, когда я показал проект обложки к ее первой книге, которая готовилась к печати!

Алекс оперся спиной о балюстраду и закрыл на минуту глаза, подставляя лицо солнцу. День действительно выдался жаркий.

— Говорят, что врачи не должны лечить членов своих семей, так как личное отношение к пациенту мешает им поставить объективный диагноз. Но в случае такого сотрудничества, как ваше, все, наверно, обстоит иначе?

— Я в этом не уверен. Думаю, что ни я не смотрю объективно на ее работу, ни она — на мою. Временами у меня складывается впечатление, что она маленькая девочка, чертовски талантливо умеющая рассказывать страшные сказки, а вовсе не взрослая женщина... Похоже, так оно и было на самом деле: она начала писать очень рано, и никому не пришло в голову, что эта тихая, скрытная девочка выдумывает криминальные романы. Ее отец — пастор, мать умерла. Аманда росла одиноким ребенком, и, как теперь ясно, у нее был необыкновенный дар воображения. Писательство было ее самым большим и, возможно, единственным развлечением. Наконец, закончив учебу, она послала две своих рукописи в КВАРЕНДОН ПРЕСС. К счастью, нашелся рецензент, который сразу разглядел ее талант, и оба произведения пошли в печать. Если бы какой-нибудь слабоумный отверг их, что случается довольно часто, она наверняка уже никогда никому не послала бы ни одной своей рукописи. Вероятно, она стала бы учительницей в какой-нибудь провинциальной школе для девочек, и никому бы никогда не пришло в голову, что эта хорошо воспитанная, тихая молодая особа держит полные ящики описаний наиболее изощренных, хитроумных преступлений. — Фрэнк развел руками: — Волей судьбы она стала очень популярной, зарабатывает массу денег, но остается нервной девчушкой из провинции, очень неуверенной в себе, хотя столь грандиозный успех мог бы придать ей уверенности. Ее пугает все: Лондон, незнакомые люди, журналисты и роскошные приемы. Охотней всего она спряталась бы в таком замке, как этот и взорвала бы дамбу, соединяющую его с остальным человечеством, а я... я два года служу щитом, который ее оберегает, и счастлив, потому что она принадлежит только мне одному, и я не должен делиться ею со всем миром.

Фрэнк замолчал, словно устыдившись порыву собственной искренности, а затем рассмеялся.

— Как видите, мне нелегко относиться к ней так, как к другим авторам. Поэтому я и поймал вас на вершине этой башни. Разумеется, я знал, что вы приедете, и хотел перекинуться с вами парой слов перед сегодняшним вечером. Позже было бы трудно. Когда вы закончите книгу, я хочу встретиться с вами и рассказать о своем замысле. Мне очень интересно, что вы об этом скажете, — он поднял руку и посмотрел на часы:

— Господи! Еще надо столько сделать, а я тут стою и мучаю вас своими проблемами! До встречи в Лондоне! Я позволю себе позвонить вам, когда вы сдадите рукопись Кварендону.

— Конечно! — ответил Алекс и хотел добавить еще несколько теплых слов, но Фрэнк Тайлер исчез в люке лестницы.

Джо глянул на часы. Половина первого. Он еще раз посмотрел на море и не спеша направился к отверстию посреди крыши башни. Солнце светило так ярко, что он начал спускаться почти на ощупь, погружаясь в прохладу и полумрак. Только сейчас он заметил железный поручень, бегущий спиралью по внешней стене. Ступени круто уходили вниз. Он спускался быстро, держась за поручень, и чуть не проглядел нишу и узкую дверь на полпути вниз. Алекс остановился перед ней и осторожно нажал на ручку. К его легкому удивлению дверь тихо открылась. Старинные черные завесы из кованого железа были явно хорошо смазаны. Он заглянул внутрь. Перед ним была большая комната замка, уже известная ему по фотографии в буклете. Помещение ярко освещали два высоких, узких, густо зарешеченных окна, сквозь которые вонзались острые копья солнечного света.

— Добрый день, — сказал Джо, слегка наклонив голову, — я еще не имел чести быть вам представленным. Моя фамилия Алекс. Миссис Уорделл, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, мистер Алекс.

Голос у нее был тихий, но выразительный. Лицо, окруженное седыми волосами, казалось почти прозрачным, хотя проникающий в окно луч солнца не достигал его, падая на большую открытую книгу, лежащую перед ней на столе.

— Я вам не помешал?

— О, нет. Я пришла сюда, потому что наша очаровательная хозяйка, миссис Джадд, сказала мне, что, быть может, я смогу найти здесь какую-нибудь книгу, которая меня заинтересует. И оказалась права.

Джо тихо закрыл дверь и подошел к пересекающему почти всю комнату большому столу, за которым сидела на широкой скамье миссис Уорделл.

Краем глаза он заметил две фигуры у стены и невольно оглянулся. Рыцари в сверкающих доспехах с опущенными забралами стояли, опираясь на мечи, по обе стороны древнего сундука с выцветшими следами некогда красочной полихромии.

— Забавно, правда? — непринужденно произнесла миссис Уорделл, словно они были давно знакомы. Она смотрела на рыцарей. Джо приостановился и обернулся еще раз.

— Это выглядит так, словно двух наполеоновских гвардейцев поставили по обе стороны сейфа в современном банке, — голос старой леди растаял без эха в тишине залитой солнцем комнаты.

Алекс тихо рассмеялся и посмотрел на нее. Она сидела, придерживая пальцами большой пергаментный лист, который собиралась перевернуть, когда он вошел. Пальцы ее руки были так же прозрачны и нежны, как кожа лица.

— Да, — сказал он, — сундук готический, а рыцари из позднего Ренессанса... примерно двести лет разницы.

— А ведь должно было пройти еще лет сто, прежде, чем рыцарь де Вер лишил жизни свою бедную Еву. Однако в тот день эти предметы не могли стоять здесь так, как сейчас, никто не ставил тогда доспехи на проволочном каркасе. Их вешали на стене, связывая ремнями... Бедная девушка... Бродит здесь по ночам, и из года в год окружение кажется ей все более чуждым. Она наверняка с радостью прервала бы эти прогулки и уснула навеки. К сожалению, приходится ждать...

— Ждать? — Джо обогнул стол и остановился напротив полок, где покоились книги, оправленные пергаментом и выцветшей кожей. — Ах да, конечно. Пока здесь не погибнет другая женщина, столь же грешная, как и она, — Алекс улыбнулся. — По крайней мере так нас информирует КВАРЕНДОН ПРЕСС в присланном буклете.

— Это подлинная рукопись, — спокойно сказала миссис Уорделл. — Вы найдете ее здесь, — она осторожно перевернула лист, вместе с несколькими другими и описанием замка. Впрочем, я писала когда-то об этом в моей книге о призраках Южной Англии. Убийство Евы де Вер и то, что она в течение последующих столетий и вплоть до наших дней не раз являлась людям, достойным всяческого доверия, подтверждены многочисленными документами. Бедная, измученная девушка. В ее последних словах прозвучала нотка искреннего сочувствия. Джо невольно бросил на нее быстрый взгляд, но на лице миссис Уорделл улыбки не было.

— Значит, вы полагаете, что любой может ее встретить, скажем, прогуливаясь по коридору, или на крыше башни, или где-нибудь в замке?

— Разумеется. Призраки существуют так же, как вы и я, хотя и несколько иначе. Ее уже много раз встречали.

Миссис Уорделл встала и подошла к большому, обрамленному шлифованным камнем камину, над которым висел старинный портрет в тяжелой золоченой раме.

— Взгляните на нее.

Джо подошел. Картину вероятно никогда не реставрировали, потому что полотно не было, как следует, натянуто, а мелкая сеть трещинок преломляла свет на его поверхности. Но голова молодой женщины виднелась отчетливо, а взгляд был таким же, как и в тот день, триста лет назад, когда она позировала художнику.

— Она прелестна, не правда ли? — минуту помолчав, сказала старая женщина.

— Прелестна, — искренне подтвердил Джо. — Есть в ней нечто, что неизменно приковывает внимание каждого мужчины во все времена.

— Как минимум на двух из них эти глаза произвели впечатление. Так, по крайней мере, говорят предания. Эта книга, — она обернулась и указала рукой, столь легкой и тонкой, что она казалась взмывшей в воздухе, — является чем-то вроде хроники замка, которая ведется со времени того убийства. Ни один из последующих владельцев не уничтожил ее. Но для тех, кто не верит, никакие свидетельства не имеют значения. Вы, вероятно, тоже неизлечимый рационалист и не верите, что Ева де Вер могла бы в эту минуту отворить вон ту дверь, — она указала рукой на противоположную сторону комнаты, — и войти сюда?

— К своему стыду, признаюсь, что я был бы этим сильно удив... — Джо не договорил, потому что ручка плавно повернулась и дверь начала открываться.

Джо невольно вздрогнул. Но темная красивая девичья головка, которая появилась в дверях, ничем не напоминала молодую женщину с портрета.

— Простите, пожалуйста, я вам не помешала, мэм?

— Нет, Джейн. Входи.

Девушка шагнула, остановилась в полуоткрытой двери и сделала книксен при виде Алекса.

— Я только хотела сказать, что приготовила вам все на вечер. Возьмете ли вы свитер для морской прогулки на яхте?

— Да, но легкий, тот, белый.

— Хорошо, мэм. Я буду ждать вашего возвращения на пристани. Кухарка внизу сказала мне, что в восемь вечера все, за исключением гостей миссис Джадд, должны покинуть замок. Поэтому, если вам еще что-нибудь понадобится... — она замолчала и бросила беглый взгляд на Алекса.

— Нет, милая, это, пожалуй, все... Разве только, подойди к столу, возьми вон ту книгу на цепи и поставь ее обратно на полку, — она повернулась к Алексу. — Это очень тяжелая книга. Мне легче было ее снять, чем поднять сейчас и так высоко поставить. — Спасибо, Джейн!

Девушка еще раз сделала книксен и направилась к двери.

— Подожди, — остановила ее миссис Уорделл, — я пойду с тобой. Боюсь, что я могу здесь заблудиться. К счастью, хозяева прикрепили наши фамилии к дверям комнат. До встречи на яхте, мистер Алекс.

Джо поклонился, проводил обеих женщин к двери и закрыл ее за ними. Потом медленно вернулся к камину. Молодая женщина на портрете встретила его спокойным взглядом больших голубых глаз. Только сейчас он заметил почти неуловимую улыбку в уголках ее полных губ.

— Что бы я сделал, если бы она вдруг заговорила? — вполголоса сказал он, не спуская с нее глаз. В полной тишине он прождал целую минуту.

Дверь тихонько скрипнула. Он повернул голову. Джордан Кедж вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— А, это ты? — с явным облегчением сказал он и потянулся к карману своей рубашки цвета свежей крови. Оглядываясь по сторонам, он вынул сигареты и зажигалку.

— Закуришь?

— Я перешел на трубку, — сказал Джо, — и только после еды.

Кедж молча закурил и спрятал сигареты.

— Я только что встретил в коридоре эту даму, что пишет о призраках. Она шла с горничной. Прелестное создание. Я имею в виду горничную, а не хозяйку. Старуха должна была прилететь на метле, судя по тому, чем занимается, а приехала на роллс-ройсе. Возможно ли, чтобы книги о призраках приносили автору столько денег? — и, не ожидая ответа Алекса, закончил: — К тому же, ее фамилия вовсе не Уорделл, а как-то иначе. Уорделл — это, кажется, псевдоним, которым она подписывает свои произведения. А шофер был одет в ливрею, как персонаж из фильма.

Джо глянул на часы.

— Бог мой! Без пяти час. Чуть не забыл. Я же обещал, что разбужу Паркера точно в час. Я попаду этим путем в мою комнату? — он указал на дверь, через которую вошел Кедж.

— Во все комнаты. За исключением башни. Замок попросту квадратный. За дверью начинается коридор, который окружает нижний дворик. Все комнаты выходят в этот коридор. В одном месте есть лестница из прихожей, откуда нас привели, а кроме нее еще эта комната. Я только одного не понимаю: как подняться на башню?

— Сюда, — уточнил Джо, указывая на дверь в углу комнаты, а сам направился к двери, ведущей в коридор.

Коридор уходил в обе стороны. Алекс пошел направо, миновал дверь с надписью «Сэр Гарольд Эдингтон», затем другую, обозначенную «Мелвин Кварендон» и третью — «Грэйс Мэплтон». Коридор сворачивал под прямым углом. Следующие комнаты: «Джо Алекс», «Бенджамин Паркер».

Джо остановился и поднял руку, чтобы постучать. До часа оставалось еще полминуты. Он глянул вглубь коридора: еще одна дверь и край лестничной площадки, где ступеньки уходили вниз. Кто-то там появился и направился в его сторону.

— Я вижу, мы — соседи, — сказала Дороти Ормсби, взявшись за дверную ручку своей комнаты. Она нажала на ручку. Дверь не открылась.

— Не можете ли вы мне помочь? Что-то заело.

Джо быстро подошел и толкнул дверь.

— А вы не заперли ее на ключ?

— О, Боже! — она сунула руку в карман юбки и вытащила оттуда обыкновенный современный ключ. Затем вставила его в замок и повернула.

— Извините! — рассмеялась она. — Как правило, я не бываю такой рассеянной. Это больше не повторится. Спасибо!

Она толкнула дверь и вошла, закрыв ее за собой. Джо двинулся в сторону комнаты Паркера. Он снова поднял руку, чтобы постучать, но некоторое время держал ее в воздухе. Уже вторично его сегодня посетило то же чувство. «Как правило, я не бываю такой рассеянной...» «Это больше не повторится...» Обычные, банальные слова. Он громко постучал.

— Я уже не сплю, — отозвался Паркер, открывая дверь. — Ты опоздал на минуту!

Джо вошел и закрыл дверь.

— Тебе приходилось, — спокойно спросил он, — услышать пару обычных, будничных фраз, сказанных в обычных обстоятельствах... и...

— Да, — сказал Паркер. — Я больше верю в это, чем в отпечатки пальцев и всю современную технику расследования. Фальшивая нота... Одна единственная... При том, что весь оркестр играет безошибочно. И если бы не эта единственная нота... А почему ты меня спрашиваешь, Джо? Ты ведь, как и я знаешь, что за этим кроется страх... почти всегда страх.

XII

«Кто же из нас без греха?!.»

Джо Алекс стоял, опираясь спиной о прикрепленный к поручням спасательный круг, и неторопливо набивал табаком трубку. Прямо перед ним на палубе у кормы расположились в соседних шезлонгах миссис Александра Уорделл и Дороти Ормсби, погруженные в беседу. Миссис Уорделл, сложив руки на коленях, говорила, не жестикулируя и даже не двигая головой, полуобращенной к собеседнице. Дороти слушала молча, время от времени энергично поддакивая. Они были единственными женщинами на судне. Невдалеке, на поблескивающей скамье, закрепленной у рубки, одиноко сидел Джордан Кедж, глядя на море и прихлебывая маленькими глотками виски из небольшого стакана. Чуть дальше находилась остекленная кабина яхты, куда как раз спустился лорд Редленд, а следом — сэр Гарольд Эддингтон. Сквозь оконное стекло Джо увидел, что они остановились напротив стойки бара, за которой стоял молодой бармен в белой униформе с золотыми пуговицами.

Еще дальше находилась рулевая рубка. Из нее вышел мистер Кварендон и направился к стоявшим у борта.

— Давление падает, как камень, — весело сообщил он, обращаясь к Паркеру, который стоял рядом с Алексом, сонно разглядывая туманную линию холмов на юге.

— Шторм беснуется над Атлантикой и движется в нашу сторону, а через пару часов, возможно, будет уже здесь, — добавил он еще безмятежней. — Думаю, нам следует что-нибудь выпить.

— И я так считаю, — с серьезным видом кивнул головой Паркер.

Джо без лишних слов двинулся за ними в сторону открытой двери кабины.

— Вы к нам присоединитесь? — спросил Кварендон, останавливаясь перед Кеджем.

— Через минуту, если позволите, — Кедж поднял стакан. — У меня тут есть еще пара капель, но я охотно пополню запас.

Кварендон кивнул головой и взглянул на женщин.

— Спускайтесь, господа. Я сейчас присоединюсь к вам. Только спрошу дам, не нужно ли им чего-нибудь.

Он двинулся в сторону шезлонгов, а Джо и Паркер спустились в кабину. Молодой бармен выпрямился, а затем наклонился к ним.

— Чем могу служить?

Паркер глянул на рюмку, которую держал в руке сэр Гарольд Эддингтон.

— Если можно, коньяк и крепкий кофе.

— Сию минуту, сэр.

Бармен нажал рычаг сверкающего экспресса, подвинул чашку под краник и повернулся к полке.

— Может быть, арманьяк?

— Великолепно, — кивнул Паркер.

— Говорят, давление падает, — улыбнулся Алекс лорду Редленду. — С Атлантики надвигается шторм. Если это правда, наш вечер в замке получит соответствующее оформление. А если еще добавить грохот прибоя... — он взглянул на бармена: — Мне тоже арманьяк.

— Да, сэр. — Бармен долю секунды поколебался: — Если позволите вмешаться, думаю, сегодня будет большой прилив.

— Что это значит? — спросил сэр Гарольд Эддингтон с неожиданным интересом. Джо невольно посмотрел на него.

— Большие приливы всегда бывают два раза в месяц, в полнолуние и новолуние. А сегодня ночью как раз полнолуние. Если можно добавить, шторм над Атлантикой еще больше усилит этот прилив, а это значит, что замок действительно будет отрезан. Старики в деревне говорят, что когда большой прилив совпадает со штормом, волны, бьющие о скалы, достают очень высоко, и тогда пена со стороны открытого моря бьет даже в окна замка. Но я этого не видел.

— А могут ли такие бури длиться дня два? — снова спросил сэр Гарольд. Он внимательно смотрел на бармена.

— У нас есть такая поговорка, сэр, что хорошая погода проходит быстро, а плохая — никогда. Но, пожалуй, это неверно, потому что у нас, в Девоне, целые недели бывают солнечными.

— Завтра тоже будет солнце! — заявил мистер Кварендон, спускаясь к ним с палубы. — Наши дамы сидят в шезлонгах у кормы и просят грейпфрутовый сок, один со льдом и капелькой джина, а другой безо льда и без джина.

— Хорошо, сэр.

Бармен вынул из-под прилавка серебряный поднос и поставил на него два стакана. Джо легонько толкнул локтем Паркера, указав глазами на длинный столик под окном. Они подошли. Алекс соорудил в своей тарелке пирамиду из розовых креветок и добавил две большие ложки икры.

— А знаешь ли ты, Бен, — сказал он вполголоса, — что я родился с душой продажной танцовщицы? Я не смог бы устоять ни перед одним поклонником, который приглашал бы меня на ужины, где посреди стола стояла бы большая хрустальная чаша с икрой, заметная издалека.

— У мужчины, который любит икру, есть более простой способ ее добычи, — проворчал Паркер. — Достаточно зарабатывать соответству-

ющее количество денег, чтобы затем покупать себе сколько угодно икры, запираться в кабинете и съедать.

Джо покачал головой:

— Это было бы очень дурным тоном, — сказал он с печалью. — Этого, к сожалению, просто не делают. Даже не знаю, почему.

— О каких это преступлениях или грехах вы беседуете приглушенными голосами? — спросил их издали мистер Кварендон.

— О грехе обжорства, — ответил Паркер.

Кварендон вознес руки к небу.

— Кто же из нас без греха?! Это напомнило мне, что доктор Харкрофт по-прежнему сидит в рулевой рубке и допрашивает нашего мужественного капитана о тайнах управления яхтой в открытом море. А я мечтаю съесть добрую порцию икры, но будь он здесь, я бы не отважился, — Кварендон быстро подошел к столу. — В замке ужин тоже будет холодным, ведь мы отправляем прислугу пораньше. Поэтому стоит здесь немного подкрепиться.

И он положил себе на тарелку огромную порцию икры, а затем тщательно выдавил на нее половину лимона, стараясь не пропустить ни одной икринки.

XIII

«Найдете ли вы меня?»

Алекс быстро надел бабочку, поправил воротник рубашки, пригладил перламутровый жилет, взял пиджак, висевший на подлокотнике кресла, облачился и направился к миниатюрной ванной комнате, где висело зеркало.

Он критически оглядел себя, стряхнул пальцем пылинку с плеча и, вернувшись в комнату, посмотрел на часы. Еще полчаса. В восемь все должны собраться в прихожей замка. Джо подошел к окну. За толстой решеткой он увидел море, спокойное, но уже не такое ровное, как во время послеобеденной прогулки на яхте.

Он повернулся и направился к двери. Коридор был пуст. Гости Аманды Джадд и КВАРЕНДОН ПРЕСС явно еще не переоделись в вечерние наряды или не желали разгуливать по замку. Было светло — уже зажглись, пожалуй, чересчур яркие и чересчур золотистые электрические светильники, размещенные на одинаковом расстоянии под сводами коридора. В их свете он заметил большую старинную гравюру в темной раме, висящую между его комнатой и дверью Дороти Ормсби. Он подошел и посмотрел. Старый, полный отчаяния человек с белыми, развевающимися волосами держал на коленях тело мертвой девушки. Он был в окружении вооруженных людей, которые стояли, опираясь на копья, и, казалось, разделяли его горе. У ног этой группы лежала другая мертвая женщина, на которую никто не обращал внимания. В глубине слуги несли тело мужчины, за ними простирался пейзаж: мрачные холмы и клубящиеся тучи, гонимые ветром. Под гравюрой виднелась полустертая надпись:

ШЕКСПИР
«КОРОЛЬ ЛИР»
Акт V, Сцена III

ЛИР:
Войте, войте, войте бури! Войте, каменные люди!
Мне ваши бы глаза и языки,
Разрушил бы я ими твердь небес...
Она ушла навеки...

Ниже находилась написанная красивым каллиграфическим почерком табличка, утверждающая, что эту гравюру отпечатали братья Джон и Джошуа Бойделл в день 1 августа 1792 года, а написал ее и вырезал Фран Легат.

Джо постоял, посмотрел, затем двинулся дальше, прошел мимо двери Дороти и проема с ведущей вниз лестницей и площадкой, огражденной старинной дубовой балюстрадой. Он свернул влево. Карточка на первой двери гласила, что это комната миссис Александры Уорделл. На стене перед следующей дверью висела другая гравюра, явно исполненная той же рукой, что и первая. Над разрытой могилой стоял молодой человек с черепом в руках. Гамлет. Следующая дверь — «Джордан Кедж», а затем еще гравюра: человек в латах, с мечом в руке стоит среди сплетенных в клубок мертвых тел людей и коней... кто-то из королей... Снова дверь и карточка «Лорд Фредерик Редленд».

Еще один поворот коридора. Джо подошел к приоткрытому окну, выходящему на внутренний двор, и выглянул, насколько позволяла решетка. Напротив и по обе стороны от него за окнами горели светильники, а внизу сумерки медленно охватывали каменную поверхность двора. Там горел только один слабый фонарь. Джо заметил, как что-то шевельнулось в том месте, куда он смотрел. Он прильнул лицом к решетке.

Пес лениво пересек середину двора и уселся перед светлой сбитой из свежевыструганных досок большой будкой. Другой пес высунул из нее голову и снова скрылся.

Алекс опять свернул направо. На двери карточка «Аманда Джадд»... Снова гравюра: рослый, темнокожий мужчина в украшенном драгоценностями тюрбане склонился над женщиной, спящей на широкой кровати... Отелло... Следующая дверь — «Френк Тайлер»... еще одна гравюра на стене коридора и новая дверь «Д-р Сесил Харкрофт».

И еще один поворот, но за ним находилась дверь без карточки, ведущая в большую комнату. Он остановился перед ней и глянул на часы. Еще двадцать пять минут.

Он вошел, притворил за собой дверь и подошел к большому камину, облицованному черными гранитными плитами. Положили их, пожалуй, много веков назад, во время строительства замка и, кажется, никто никогда не пытался здесь ничего менять. Внутри виднелось нагромождение коротких, сухих щепок, а над ними большой черный котел, висящий на железном горизонтальном пруте, опирающемся на две разветвленные подставки.

Джо слегка поморщился. Ему не нравились такие инсценировки. Ведь здесь уже много столетий не готовили никакой еды. Он глянул на висящий над камином портрет Евы де Вер, медленно повернулся и направился к полкам с книгами, но неожиданно повернул в сторону дверцы, ведущей к башне. Солнце как раз садилось, и, вероятно, приближался шторм. Он ощущал его в своих костях. Наверно, вид с башни сейчас очень красив, по крайней мере, должен таким быть.

Джо выбрался на винтовую лестницу и начал подниматься. Когда он оказался наверху, теплый порыв ветра овеял его и внезапно утих. Джо подошел к ограде. На севере небо было мрачным, хотя последние лучи солнца еще ложились на поверхность моря и окрашивали красным цветом склоны далеких холмов. Вскоре они исчезнут. И тотчас следом придут вместе шторм, прилив и ночь. Алекс сделал несколько шагов вдоль ограждения и высунулся. Дамба все еще была видна, но казалось, что море приблизилось к ней и маленькие волны уже взлетали по скалистым краям, хотя еще не достигали ее верха.

Джо отступил и направился к лестнице, еще раз посмотрев в сторону севера. В тот же миг огромная, очень далекая вспышка охватила весь горизонт и беззвучно угасла.

Алекс немного постоял, прислушиваясь, но раскаты грома не достигали башни. Гроза находилась еще далеко над Уэллсом. Налетел новый порыв ветра.

Джо двинулся к люку лестницы и остановился, глядя на стальную крышку. Сегодня все так заняты, что могут о ней забыть, когда начнется ливень... если, конечно, начнется.

Он поднял крышку и, спускаясь по лестнице, медленно опустил ее на лестничный люк. Крышка была хорошо подогнана и легла почти бесшумно. Он заметил на ней узкий засов и легонько толкнул его. Штырь плавно вошел в отверстие, выдолбленное в камне. Башня была заперта. Джо покачал головой.

— Что меня так беспокоит? Почему с самого приезда я без толку шатаюсь по этому замку?

Улыбнувшись в душе, он медленно двинулся вниз. Он знал, почему. Он уже слишком стар и слишком утомлен, чтобы считать забавной встречу со случайными людьми, в случайном месте и принимать участие в двухдневной инсценированной игре в преступление и тайну... организатором которой наверняка был его издатель, использующий в качестве предлога юбилейное издание книги Аманды Джадд.

Внезапно он потерял ко всему интерес. Захотелось очутиться где-то далеко... на каком-нибудь греческом острове... лежать на теплом, золотом песке и касаться плечом теплого плеча Каролины...

Он встряхнулся. Остался всего лишь один день. Но ведь приехать надо было. Иначе он огорчил бы Аманду. Она славная и способная. Нельзя было отказаться.

Он снова очутился перед дверцей, ведущей в большую комнату. Без десяти восемь. Он мог спуститься по крутой лестнице прямо в прихожую, но в том настроении, в каком сейчас находился, не хотелось стоять там десять минут и обмениваться банальными, теплыми словами с подходящими по очереди милыми и порядочными людьми, которые его в эту минуту совершенно не интересовали. Он толкнул дверцу и вошел в большую комнату.

— Ох!

Возглас был тихим и полным тревоги. Джо приостановился в открытой двери.

— Это вы! — произнесла Грейс Мэплтон с явным облегчением и медленно опустила вытянутую руку. — Я хотела... я как раз хотела взяться за ручку, когда дверь открылась... Я думала, что тут никого не может быть. Все собираются внизу, а прислуга как раз готовится уходить. Кажется, я перепугалась, как ребенок, сама не знаю почему. Этот замок по-прежнему для меня жутковат, хоть я и живу здесь уже два месяца.

Грейс тряхнула головой и попыталась улыбнуться. Она была одета в длинное облегающее белое платье, с открытыми плечами, на которые опускались ее распущенные светлые волосы. Джо смотрел на нее с искренним удовольствием. Она была красива и невероятно изящна.

— Это моя вина, — сказал он. — Вместо того, чтобы шататься по этим винтовым лестницам, я должен был уже находиться там, где нас ждут через минуту наши гостеприимные хозяева. Давно мы с вами не виделись, Грейс. Что у вас нового?

— Ничего особенного. Просто поменяла работу, — на этот раз ее улыбка была естественной. — И, кстати, не жалею об этом. Аманда — скорее моя приятельница, нежели шеф. Не говоря уже о нервном напряжении, от которого я избавилась. Я не знаю, представляете ли Вы, что значит быть личным секретарем шефа такой громадной фирмы, как КВАРЕНДОН ПРЕСС? — Она снова улыбнулась, словно вспоминая. — Господи, какой это иногда был ад!

Джо покачал головой.

— Можно у вас спросить, Грейс? — и не ожидая ответа, продолжал: — Уже тогда, когда я приходил в офис мистера Кварендона, я задавал себе вопрос: что вы там делаете? Казалось бы, такая девушка должна мечтать о карьере кинозвезды, или о том, чтобы стать самой знаменитой моделью Великобритании... я хочу сказать, что девушка с такими данными, полученными от Бога, обычно мечтает о славе и карьере такого рода.

— Но не я... Быть актрисой или фотомоделью — это такой же ад, а может быть и хуже, — лицо Грейс внезапно стало серьезным, и так же быстро разгладилось. — Я рада, что вы все-таки меня тогда заметили. Мне казалось, что вы меня вообще не видите. Разумеется, вы были самым знаменитым автором КВАРЕНДОН ПРЕСС, а я была никем, но... — закончила она, опустив глаза, — другие наши авторы и гости, посещавшие мистера Кварендона в офисе, предъявляли мне порой даже слишком много доказательств, что меня замечают, — она сказала это серьезно, но тут же рассмеялась. — Может, именно поэтому я тогда так много о вас думала, и вы навсегда остались у меня в памяти. Я рада, что снова вас встретила!

Она вдруг хлопнула в ладоши:

— Господи! Наверное, уже восемь, а мне еще надо бежать на башню и закрыть эту проклятую крышку. Надвигается гроза, и вода зальет всю лестницу, если я этого не сделаю, а Фрэнк сейчас занят и думает только об этом конкурсе. Вы подождете меня? Я вернусь через две минуты!

Она двинулась к двери.

— Вам незачем туда идти, — сказал Джо. — Мне пришло в голову то же, что и вам, и минуту назад, спускаясь с башни, я закрыл эту крышку.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно! Мы можем спокойно сойти вниз, — он глянул на часы. — У нас есть еще три минуты. Будем как раз вовремя. Это развлечение начнется сразу?

— Нет. Сначала в прихожей мы проследим за тем, как уйдут все посторонние лица, потом опустим большую решетку над воротами, и с этой минуты никто не будет иметь сюда доступа. Все окна в замке зарешечены, а единственный выход — только через калитку в воротах... Затем перейдем в столовую, и там состоится небольшое торжество с шампанским в честь Аманды. И лишь потом гости этого замка будут пытаться отыскать Белую Даму. Мистер Кварендон учредил награду тому, кто найдет ее в самое короткое время...

— В таком случае мы будем соперниками.

Джо отодвинулся и указал рукой на открытую дверь. Но Грейс Мэплтон не двинулась с места.

— Мы не будем соперниками, потому что я не буду ее искать. Искать будут меня. Разве вы не видите? Это я и есть Белая Дама, — она провела ладонями по своему плотно облегающему, белому платью.

— В таком случае, быть может, мы встретимся сегодня еще раз? Если, конечно, я найду вас, — весело сказал Джо.

— Да, — ответила Грейс тихим грудным голосом, — но найдете ли вы меня когда-нибудь?

И легко прошла мимо него, переступив через порог.

Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛКА-МИРСКОГО и Владимира КУКУНИ по эксклюзивному разрешению автора.

Окончание следует.

КРИСТИНА РОССЕТТИ

Запомни облик мой...

Дочь Евы

Так глупо — в жаркий полдень задремать,
Чтоб пробудиться от ночной прохлады
И под луной холодной горевать,
Что роз не нужно было нежных рвать
И лилий белоснежных рвать не надо.

Так нерадиво — сад не охранять:
Засохший, и с разрушенной оградой,
Теперь он станет сердце укорять,
Что можно рай беспечно потерять,
И лето обернется зимним хладом.

Грядет весна — озябших согревать.
И солнца животворная отрада
Разбудит птиц порхать и распевать,
Но мне не петь, смеясь, не баловать:
Я плачу, и в слезах моих награда.

День рождения

Мой дух поет как радостная птица,
Что дом покинула и к небесам стремится.
Мой дух как яблоня, покрытая плодами,
Что к дому в зрелости ветвями припадает.
Лечу я вверх, врываясь в облака,
Где ткет рассвет пурпурные шелка,
Где радуга, прогнутая над морем —
Я до краев наполнена любовью.
Жизнь чувствую в своем биеньи сердца
Пронзительней, чем крик младенца.
В моем саду стоглазые павлины
И нежность в воркованье голубином.
И лилии бутон, и вкус граната,
И песни соловья, и гроздья винограда
Вплелись в мой день рожденья сладкой болью —
Я до краев наполнена любовью.

Память

Запомни облик мой, и если я уйду,
Тепло моей руки останется в ладони.
В безмолвии земли тогда не пропаду
И птицей отзовусь — ты только голос помни.
Я — голубя полет, я — легкий бег коня,
И знаю, уходя, уже не обернуться.
Пусть годы множат тень, но сохрани меня:
Душа моя жива в желании проснуться.
Тебя я не держу у жалости в плену,
Рисунки на песке все в памяти мгновенья.
Пусть не остра печаль, не ставь себе в вину,
И имя прошепчи, вздохнув без сожаленья.
Безжизненна печаль, сильнее духом радость —
Улыбкой на губах я жить в тебе останусь.

Три времени

«Пей за надежду!» — молвила она. —
Глотни прохладного, незрелого вина,
Пока в цвету не старится весна,
И свежесть губ как спелый плод красна».

«Пей за любовь!» — воскликнула она. —
Но мягко плыла речь ее, как катится волна,
И так пленительна улыбки нега,
Как солнце ослепляет после снега.

«Вот чаша памяти! Так холодна:
Испробуй одиночество и горе.
Тоска как старая волчица голодна,
И воет под осенним ветром море».

За утром предвкушений и надежд,
Настанет день единожды влюбиться,
Но вечером, пробив былого брешь,
Душа взлетит отшельницей-горлицей.

Половина Луны

Половина Луны словно профиль лица,
Обернется совсем или взор отведет?
Вкруг Земли ей вертеться одной без конца, —
Станет быстро расти, вновь на убыль пойдет.
Половина зрачка, половина кольца:
Ей бы круглою стать, только мрак не дает!

Так и жизнь человека: на два лица —
То обнимет судьба, то на миг обойдет,
Как луне предстоит круговерть без конца,
Так и счастье отнимет, а завтра вернет.
«Это тоже пройдет», — вот девиз для кольца,
Только время былое навек уплывет!

Перевод с английского Татьяны ЛАШУК.

ЛЕЙЛА АЛИЕВА

Если б звезды ступеньками стали

За время моей дипломатической миссии в Беларуси в местных газетах и журналах было опубликовано множество статей и интервью со мной, посвященных Азербайджану, его писателям и ученым, государственным и общественным деятелям, пользующимся большим уважением в нашей стране. Но в этот раз я хочу выступить не как дипломат, а как филолог, профессор, доктор филологических наук и сказать несколько слов о молодой поэтессе современного Азербайджана Лейле ханум Алиевой. Своими стихами она привнесла что-то новое в азербайджанскую литературу. Её стихи необычны и выделяются среди других. Они пронизаны нежностью и грустью, но одновременно гордостью и непреклонностью. В них поэтесса выражает свои чувства и эмоции, мысли и настроения. Стихи ее будут понятны и близки любому, кто их прочитает. Ведь настоящая поэзия начинается тогда, когда поэт не думает о чем писать, он затрагивает многие стороны нашей жизни и пишет то, что идет от чистого сердца. Лейла ханум Алиева — это тот человек, который умудряется совмещать в себе лучшие черты, свойственные азербайджанским женщинам. С одной стороны, большое внимание ею уделено домашнему очагу, а с другой — она ведет активную общественную жизнь и посвящает себя литературе. От всей души я хочу пожелать ей удачи в дальнейшей работе и успехов в писательской деятельности.

Чрезвычайный и Полномочный Посол
Азербайджанской Республики в Республике Беларусь
ВАГАБЗАДЕ И.Б.

Я уйду

Я уйду, ты это знай,
Зря не надо верить в чудо,
Никому и никогда
Я принадлежать не буду.

Я уйду, а ты не плачь,
Дураки ведь только плачут,
Чувства на меня не трать,
Не могу я жить иначе.

Говорят, у всех людей
Есть вторая половина.
Не желаю знать о ней,
Одиночество мне мило.

Говорят, что создал Бог
В паре всех живых на свете,
Но ведь каждый одинок,
Я в слова не верю эти.

Я уйду, не умоляй,
Не проси меня остаться,
Не грусти, не унывай.
Знаю, буду вспоминаться.

Я уйду. Зачем тогда,
Спросишь, столько отдавала?
Все кончается, и зря
Мало ценится начало.

Жаль, что столько глупых чувств
Испаряются куда-то.
Мир давно уже мой пуст,
Я уйду, да без возврата.

Я уйду, ты не простишь,
Называя бессердечной
И в душе не отпустив.
Я уйду, оставшись вечной.

Если б звезды ступеньками стали

Если б звезды ступеньками стали,
И луна осветила мой взгляд,
Поднялась я по ним бы на небо,
И вернула тебя бы назад.

Если б ветер сумел передать,
Что в душе своей крепко сжимаю,
Я бы крикнула на весь мир,
И услышал бы ты, как скучаю.

Голос твой в моем сердце звучит,
Мне дороже любого желанья,
Если б реки смогли подарить
О словах твоих воспоминанье!

Если б тучи могли показать,
Где найти мне тебя, я не знаю,
Твою руку в руках подержать
Хоть на миг я так сильно мечтаю.

Если б дождик ответить сумел,
Почему море слез проливает,
И луна рассказала бы мне,
О покое твоем все, что знает.

Доброту твою чувствую я,
Вдалеке ты меня защищаешь,

Если б горы могли передать,
Как люблю я тебя, ты же знаешь.

Если б дерево стало мостом,
По нему бы к тебе прибежала,
Обо всем, что сказать не могу,
Я б с улыбкой тебе рассказала.

Если б ночь превратилась бы в день,
Светом солнце бы тьму озарило,
Я бы крепко тебя обняла,
И уйти никуда не пустила.

Ты был самым лучшим на свете,
Память вечно я буду хранить,
Буду ждать без конца нашей встречи,
Буду верить, и буду любить.

Скажи мне слово

Скажи мне слово,
Чтоб слово я в ответ могла сказать.
Одно лишь слово,
Прижму я к сердцу, чтоб не потерять.

Подай мне руку,
Я две руки тебе взамен отдам.
Не злись на скуку —
Без скуки радость станет скучной нам.

Смотри хоть редко,
Мне хочется, чтоб долго на меня смотрел.
Открылась клетка,
Взлетев, душе уже не знать предел.

Признай обиды —
Обидеть можешь ведь, обиды не признав.
Мы отдалимся,
Что мучает, друг другу не сказав.

Проси прощенья,
Тебя не сделает раскаяние слабее.
Кто не оценит,
Продолжит жить в толпе искусственных теней.

Отдай мне много,
И очень много я тебе отдам,
А тот, кто жадный,
Не зная, все дает украсть часам.

Не бойся страха,
Боится даже тот, кто всех смелей.
Вступи с ним в битву —
Преодолев его, сумеешь стать сильней.

Будь просто добрым
И помогай тем, чья душа во тьме;
Не жди отдачи —
К другим став добрым, делаешь добро себе.

Скажи мне слово —
Одно твое дороже моря слов,
И я, не веря,
Поверю в небывалую любовь.

Любовь и ненависть

Любовь, ты почему так с ненавистью дружишь?
Она тебя, ослабив, уязвит.
Любовь, тебе, кроме любви, никто не нужен,
Не бойся — тот, кто любит, победит.

Иди, не спотыкайся об обиды,
Закрой глаза, чтоб ревность не сумела ослепить.
Но даже пусть глаза твои открыты,
Не забывай ни на мгновение любить.

Любовь, ты глупая, раз веришь — гордость
Тебе послужит каменной стеной,
Ты для кого, скажи, играешь в игры?
Ты ведь играешь для себя самой.

Любовь, зачем ты так любви боишься?
Она несчастной никогда не может быть,
Пока с надеждой ты не распростишься,
Пока не перестанешь ты любить.

Любовь, ты быть отвергнутой не хочешь?
А что же это значит, знаешь ты?
Ведь день всегда заканчивается ночью,
Но ночью начинаются мечты.

Не плачь, любовь, поверь, прошу, не надо,
Порой я тоже плачу по ночам.
Нет, с неба звезд мне и луны не надо,
А вот любовь из сердца не отдам.

Любовь, ты почему так с ненавистью дружишь?
Ты, не сумев мной завладеть, ненавидь.
Любовь, ты голову так сильно вскружишь,
Что без тебя невыносимо жить!

Ночь

Ночь, прости, но я тебя не люблю.
Не потому, что красивей себя считаю —
Те тайны лживые, что днем храню,
Я, в темноте лишь видя, замечаю.

Ночь, прости, но ты ведь мне не друг,
Хотя друзья ведь только правду скажут,
Но в правде, к сожаленью, море мук,
А днем притворства краски боль замажут.

Ночь, скажи, зачем приходишь ты,
Напоминая все, что позабыто,
Будя коварно спящие мечты,
Мечты, что в свете солнца вечно скрыты?

Ночь, поверь, ты зря открыта так,
Лишь сказки откровением бывают,
Будь гений человек или дурак,
Он днем под маской суть свою скрывает.

Ночь, отдай искусственный покой,
Лучи рассвета, что бальзамом мажут,
Верни улыбки и тревоги скрой –
Тревоги, что лишь твой туман покажет.

Ночь, не плачь и не жалей меня,
А если хочешь, будем плакать вместе,
Ты милосердна, но, стараясь зря,
Не сможешь время удержать на месте.

Ночь, скажи, ведь ты, как все, уйдешь,
Уйдешь, во мраке дня меня оставив,
Так значит, как и все, ты тоже лжешь,
Надежду дав, но души не исправив.

О, друг мой милый и сердечный

О, друг мой милый и сердечный,
Зачем ты плачешь без конца?
Любовь как жизнь — она не вечна,
Ломает слабые сердца.

Смотри! Вокруг людей так много,
Идут, стремятся в никуда,
Но в мир пришла я одинокой,
И, умерев, уйду одна.

Гордыню спрячь, взлетев, не падай,
Не поддавайся суете,
Ведь самый сильный тоже слабый,
Когда душа его в беде.

Ты веришь, друг, что знаешь много,
Хотя не знаешь ничего,
К ответам есть одна дорога,
Она для всех… и никого.

Скажи мне, друг, куда стремишься?
Кого ты хочешь удержать?
Ведь то, что отпустить боишься,
Порою легче потерять.

А я ищу грехам раскаяние,
Что заставляют так страдать,
И, может, нет нам оправдания,
Не мне судить, не мне решать.

Время

Время, я прошу тебя, остановись,
Подожди, возьми меня с собою,
Поделись, куда ты так спешишь,
Тайны я взамен тебе открою.

Я хочу узнать твой длинный путь,
Время никого ведь не боится,
Через все и всех перешагнув,
Вечно не сказав, куда стремится.

Объясни, прошу, что там такое,
То, что на земле не заменить,
Что тебя лишило так покоя,
Почему душа огнем горит?

Может быть, я мало понимаю,
Может, понимаю слишком много,
Все имею, все в душе теряю,
Все вокруг, но как же одинока.

Приоткрыв на миг свои глаза,
Жалость к окружению питаю,
Осознав, что жалко и меня,
Вновь глаза надолго закрываю.

Осознав, насколько тонко все,
Волоску и то трудней порваться,
Маской жизни спрячу я лицо,
Буду бесконечно улыбаться.

Время, я прошу, не забывай
Этот миг, балкон, корабль, море,
Время, ты меня не оставляй,
Забери меня, прошу, с собою.

ЗИНАИДА КРАСНЕВСКАЯ

Панегирик

In memoriam

Правильно ли это, гадала я всякий раз, усаживаясь к компьютеру и разглядывая на дисплее одно единственное слово, должное (таковы были самонадеянные планы) в ближайшие пару месяцев обрасти кучей других слов для того, чтобы превратиться в большое и обстоятельное эссе. Так все же, правильно ли я делаю, называя свои еще не написанные медитации именно так? Ведь греческое слово *панегирик*, как известно, означает не просто торжественно-праздничную речь, переполненную хвалебными отзывами в адрес достопочтенного юбиляра или иного другого героя публичного чествования, но славословие в честь человека, обязательно здравствующего, процветающего и внемлющего возвышенно льстивым речам оратора. Между тем того, кому предназначаются сие хвалы, — увы! — уже нет с нами.

Страшно подумать, как быстро летит время, но вот уже год, как не стало Юрия Михайловича Сапожкова. Не сомневаюсь ни секунды: светлая душа его парит сейчас где-то в заоблачных высях, как, впрочем, и положено душе истинного Поэта. Но у тех, кто знал Юрия Михайловича и кто пока еще не приобщился к радостям горнего мира и продолжает, грешный, тянуть свою повседневную лямку на нашей грешной земле, не утихает ноющая боль утраты. И все так же саднит душа, когда берешь в руки книги Сапожкова или ненароком открываешь в интернете знакомый электронный адрес.

Стандартная ситуация, впрочем. Уходит из жизни хороший человек, близкий товарищ и друг, а потом вдруг неожиданно выясняется, как многое осталось недоговоренным, недосказанным, недоспоренным, недооцененным, а порой, — что уж там греха таить! — и недопонятым.

Наверное, потому и возникла идея написать именно Панегирик, и только Панегирик. Впрочем, наверняка найдутся люди, которые упрекнут, скажут, что, по всем законам сердечной близости, свои панегирики следовало бы начинать озвучивать давным-давно, еще при жизни друга. На что отвечу так: все лучше, чем никогда. А еще, очень хочется, чтобы выспренние, как и положено в литературе такого жанра, слова моих восторгов, чтобы они дотянулись, дошли, долетели до тех высот, на которых пребывает сейчас душа Юрия Михайловича. А вдруг права Анна Ахматова, воскликнувшая когда-то?

Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.

Итак, панегирик.

И поначалу никакого пафоса, ибо с редактором Сапожковым я познакомилась в мутные 90-е годы. Сумеречное было время, сплошной сюрреализм, если глянуть на все происходящее трезвым взглядом. Дали отдыхает! Люди, растерянно тыкающиеся в разные стороны и отчаянно пытающиеся нащупать

под ногами земную твердь. Но вместо тверди хлюпают исключительно самые разнообразные хляби, засасывая наивных обывателей в свои водовороты. Все было. И бесконечная вереница магов и чародеев, с важным видом просветляющих умы соотечественников с телевизионных экранов, и какие-то безумные финансовые пирамиды, ради «строительства» которых некоторые наиболее рисковые граждане, поверившие увещеваниям неунывающего Лени Голубкова, героя тогдашней рекламы, даже специально ездили в Москву, непосредственно в штаб МММ, святая святых нарождающегося криминального капитала. И тотальное безденежье, и повальная безработица, и на фоне этого вселенского хаоса какие-то странные субъекты в ярко-алых пиджаках и в длинных черных пальто из тонкого кашемира почти до самого пола, очень смахивающих издали на поповские рясы. Красота!

А еще (примета тех лет!), почти на каждом углу вывеска частного книгоиздательства с обязательным присутствием непонятных иностранных слов в названии: «Полипринт», «Полифакт», «Интердайджест» *etc*.

В последнем и состоялось мое знакомство с Юрием Михайловичем в году то ли 1993, то ли 1994. Наша взаимная приязнь, и человеческая, и профессиональная, установилась мгновенно, с первой встречи, хотя в самом «Интердайджесте» посотрудничать накоротке нам не довелось. Все мои переводы постоянно попадали на вычитку другим. Частично, наверное, потому, что в издательство я заявилась, словно повидавшая виды провинциальная актриса, со своим, так сказать, репертуаром в виде разноцветных томиков любовных романов Барбары Картланд, горя неуемным желанием довести как можно скорее до многочисленных читателей (вернее, читательниц) запутанные перипетии ее историй. А потому и на редактирование переводимые мною тексты отдавались чаще всего редакторам женского пола.

Что отнюдь не мешало нам с Юрием Михайловичем при каждой встрече вести пространные беседы обо всем на свете. Разумеется, о высоком. Не хлебом же единым, в конце концов, жив человек! Вот мы и толковали неспешно, пользуясь законным обеденным перерывом, об искусстве, о литературе, о превратностях судеб талантливых людей, о мере вкуса, который все чаще изменяет современным беллетристам, о месте и роли коммерческих романов, валом хлынувших на наш книжный рынок из-за бугра. Да бог знает, о чем еще! И всегда эти необременительные, на первый взгляд, разговоры запоминались своей небанальностью, простотой, обилием интересных мыслей и точных наблюдений, широтой познания и скромностью, с которой эти познания демонстрировались окружающим.

Какой милый и обходительный человек, размышляла я всякий раз после очередной встречи. Без тени чванства или самолюбования, по-старомодному куртуазный, улыбчивый, открытый, всегда готовый восхититься точным словом или умной мыслью, высказанной его собеседником. Это его по-детски простодушное умение радоваться чужим успехам (когда, как сказал поэт, *«и сердце радоваться радо»*, весьма редкое, кстати, качество в творческой среде), всегдашняя готовность искренне и спонтанно восхититься творческими находками и удачами своих коллег и друзей покорили меня в Сапожкове с самого начала нашего знакомства, вызвав уже волну ответной симпатии и ответного восхищения безмерной щедростью человека на доброе слово в адрес других.

Впрочем, слово Сапожкова, оно всегда было не только добрым, но и предельно точным. Я бы сказала, по-редакторски точным и выверенным. А как же иначе? Ведь редактор для любого литератора — царь и бог. Можно только догадываться, что было бы, скажем, с великим Иваном Тургеневым, если бы дотошный редактор своею собственной рукой не выправлял все многочисленные орфографические ошибки в его рукописях. Или если бы другой редактор не сокращал умопомрачительные длинноты в романах Достоевского. Или если бы не нашелся умный редактор, который вовремя указал начинающему Антоше

Чехонте, что с юмором у него пока еще дела обстоят не так, чтобы очень. Словом, все великие вышли из редакторской шинели. Ну, и остальные прочие тоже. А потому большое счастье, когда доводится работать с редактором неравнодушным, строгим, точно знающим, что именно должно получиться в итоге.

Юрий Михайлович был как раз таким редактором. В чем я не раз имела возможность убедиться лично, уже сталкиваясь непосредственно по работе в тогдашнем журнале «Всемирная литература». Замечательный был период в нашей жизни, да и сотрудничество оказалось весьма плодотворным. По обыкновению, я приходила в редакцию со своими песнями, но к предложениям Юрия Михайловича что-то там перевести всегда относилась с величайшим вниманием и никогда не отказывалась от совместной работы.

Безупречный литературный вкус — вот отличительная черта Сапожкова-редактора. Тогдашняя редколлегия журнала, помнится, взяла курс на поиски интересных материалов, ориентируясь, в первую очередь, на документальную и мемуарную литературу (популярный тренд тех лет), и находки Сапожкова в русле так называемого «нон-фикшн» всегда отличались особой яркостью, броскостью и даже некоторой эпатажностью, заведомо обрекая будущую публикацию на стопроцентный читательский успех. Так оно и было!

Как величайшее счастье вспоминаю работу над переводом биографической книги, посвященной непростым судьбам двух замечательных поэтов XX столетия, связанных между собой узами брака: американки Сильвии Плат и англичанина Теда Хьюза. Какая прекрасная получилась публикация! А мемуары Жоржа Сименона! Тоже блистательная находка Сапожкова, результат многодневных, упорных и скрупулезных поисков в отделе иностранной литературы тогдашней Ленинки.

Да, разумеется, успех публикаций был весьма камерным, учитывая более чем скромный тираж самого журнала. Что отнюдь не умаляет ни качества опубликованных материалов, ни творческой интуиции редактора, ни (повторюсь еще раз!) безупречного литературного вкуса. Это ведь большая редакторская наука (почти политика!) — уметь правильно расставить издательские приоритеты, отдать предпочтение именно этим, а не тем или иным материалам, выделив их из десятков и сотен других. Наукой этой Сапожков владел в совершенстве: видно, сказывался и богатый журналистский опыт.

Помню свой откровенный скепсис, когда летом 2010 года Юрий Михайлович обратился ко мне с просьбой в какие-то немыслимо горящие сроки перевести повесть индийского писателя Хариндры Даве «Перед тем как уйти» (она потом появилась на страницах десятого номера журнала «Нёман» за тот же год). Явно, не Рабиндранат Тагор, размышляла я, давая согласие (а как же иначе, если об этом просит *сам* Юрий Михайлович?). И что это за Даве такой? Пишет по-английски! Знаем мы этот английский в индийском исполнении! Имели возможность ознакомиться с ним на практике, и не раз, и не два.

Что подвигло моего доброго друга на столь странный эксперимент, недоумевала я, приступая к переводу. И незаметно для себя втянулась, а потом и увлеклась, как это, впрочем, всегда бывало, когда я трудилась над сапожковскими заказами. А в итоге, отличная публикация получилась, не банальная, не проходная, с нерасхожими размышлениями о смысле бытия и с неизбитыми сюжетными коллизиями. Вот это и есть безупречный вкус редактора.

А уж как он искренне радовался удачным находкам самих переводчиков! На излете своих дней, совсем больным, позвонил, чтобы высказать слова благодарности по поводу подборки рассказов американского прозаика Уоллеса Стегнера под общим названием «Принцесса в башне». Какая обида, что сами рассказы были опубликованы уже после смерти Юрия Михайловича. Он так проникновенно делился со мной своими впечатлениями, пожалуй, даже несколько преувеличивая литературную значимость этих незамысловатых историй. Словом, пролил бальзам на мою душу. Знал ведь, что я с этим американцем носилась тогда, как курица с яйцом.

Иногда наши общие радости по поводу удачного литературного открытия были предельно локальными, по принципу «только ты и я». Так, мне, во всяком случае, показалось после публикации коротенького рассказа Джулиана Макларена-Росса «Второй лейтенант Льюис» (ж. «Нёман», № 6, 2010). Макларен-Росс, преинтереснейшая фигура в английской литературе середины прошлого века. Современники ставили его талант много выше дарований его более успешных и громких коллег, таких, как Грэм Грин, к примеру. Но талант, огромный талант был бездарно утоплен в вине, и ныне это имя напрочь забыто. И вот небольшая новелла о судьбе поэта на войне. И щемящий финал.

— Меня интересует судьба второго лейтенанта Алана Льюиса. Правда ли, что он погиб на передовой?

— Ах, лейтенанта! Ну, вот это совсем другое дело! А то спрашиваете о каком-то поэте. Почему же вы сразу не сказали, что он офицер?

Вечером раздается звонок, и я слышу взволнованный голос Юрия Михайловича на другом конце провода.

— Зинаида Яковлевна! Только что прочитал Макларена-Росса и не могу успокоиться. Какой талант! Талантище! Это же надо! Одной фразой высказать все, что думает обыватель о поэте!

Да уж, подумала я тогда, кому же еще, как не поэту, понять всю высокую меру правды, обозначенной Маклареном-Россом с истинной бесшабашностью гения: вскользь, пунктирно, одним предложением. Интересно, оценили ли этот блистательный финал другие поэты, мелькнуло у меня во время разговора. Да и читали ли они этот рассказ?

Работать с редактором Сапожковым было одно удовольствие. Всегда подскажет нужное слово, всегда найдет точное название для будущей публикации. Кстати, у меня очень часто возникали проблемы именно по части названий. Проработав почти треть своей жизни переводчиком научно-технических текстов, я упорно тяготела к буквализмам, совершенно искренне полагая, что негоже делать, скажем, из «Войны и мира» «Мир и войну». А вот Юрий Михайлович, со своим недюжинным журналистским опытом, придерживался иной позиции. Любил повторять, что удачное название публикации — это почти половина ее будущего успеха у читателей.

И вот я корплю над переводом заголовка повести американского писателя Лайонела Триллинга. Сама ее откопала и сама цвету, как роза, от удовольствия, работая над прекрасным текстом. Только вот название... Буквальный перевод — разговорная фраза, повторяющая анкетные канцеляризмы типа: «Родился там-то и тогда-то», и эта фраза засела у меня в голове, словно гвоздь, сковывая всяческую фантазию и мешая поиску более подходящего русскоязычного эквивалента. А повесть чудо как хороша! Как бы не испортить все дело скучным и неинтересным заглавием. Наконец выдавливаю из себя уныло

постное: «В этом месте, в этом году» и отдаю готовый перевод на редактуру. Проходит пару дней. Звонок.

— Зинаида Яковлевна! Отличное название придумал для вашей повести. А повесть ведь, право дело, замечательная!

— Какое? — спрашиваю я, растерянная столь стремительной оперативностью.

— «Классический случай».

— Гениально! — только и нахожусь в ответ.

И ведь в самом деле гениально! И почему мне самой, орошавшей последние страницы повести Триллинга слезами (настолько задели за живое сюжетные перипетии), почему мне, как переводчику, не пришло в голову ничего подобного? Ведь чего, казалось бы, проще! Идея буквально лежит на поверхности. Стоит только опереться на то самое пресловутое ассоциативное мышление.

Группа студентов в престижном американском университете, славящемся своими вековыми традициями и высоким уровнем подготовки учащихся, постигает все богатства мировой классической литературы. Их молодой профессор впечатлен первокурсником, который с некой непостижимой для всех остальных студентов гениальностью комментирует на семинарских занятиях, посвященных драматургии Ибсена, сюжет одной из его пьес. Он с виртуозностью фокусника вскрывает такие потаенные пружины и мотивы, двигавшие героями пьесы, что просто дух захватывает. Как? Откуда? Возможно ли такое поразительное прозрение в столь юном возрасте, теряется в догадках преподаватель, сам втайне мечтающий всецело посвятить себя литературному творчеству. И уже успевший опубликовать пару-тройку сборников собственных стихов. Но даже он, мнящий себя большим знатоком литературы, не смог разглядеть и сотой доли тех чрезвычайно важных нюансов в поступках персонажей пьесы, которые с первого же взгляда узрел его юный ученик.

Такая интеллектуальная мощь! Такая сила мысли! Причем во всем. Блестящие рефераты, один лучше другого, безукоризненно точные доклады, эссе, настоящие философские шедевры. А на поверку все просто. «Классический случай» (цитируя лечащего врача молодого парня) вяло текущей формы шизофрении, которая в любой момент может перейти в буйную фазу.

Так классическая форма душевного недуга, которому подвержен главный герой повести, странным образом соотносится с произведениями мировой классики, на фоне чего и разворачивается весь сюжет, наполняя повествование особым драматизмом, почти что в духе античных трагедий. Перевод этой повести на русский язык я считаю одним из лучших в своей многолетней переводческой практике, а за ее прекрасное русскоязычное название — низкий поклон и вечная память Юрию Михайловичу.

Жаль, все же, что исчез с информационного поля белорусского массмедиа журнал «Всемирная литература» (на страницах которого, кстати, и была опубликована повесть Триллинга «Классический случай»). Не то что бы журнал этот обладал судьбоносным влиянием на развитие культуры в нашей стране. Нет, конечно! А когда, в какие времена, скажите мне, высокое искусство влияло на историю государства? Обыватель всегда тяготеет к тому, что проще и понятнее. Можно подумать, что в позднее средневековье народ валом валил, чтобы полюбоваться на фрески Джотто и удивиться открытой им перспективе. Или переписывал себе в альбомы строфы из «Комедии» Данте, которую отнюдь не современники поэта назвали «Божественной». Это много позже сделали их потомки. Никогда не поверю, что жителей Рима эпохи высокого Возрождения так уж занимали росписи Рафаэля в Сикстинской капелле! Вот любовные похождения красавца художника — о, это совсем другое дело! Истории о любовных авантюрах Рафаэля передавались из уст в уста и были всегда на слуху. Это правда.

Так и с нашим журналом. Разумеется, малотиражный, убыточный, с мизерным числом постоянных подписчиков. Но зато по-настоящему классический, в лучшем, точнее, в прямом смысле этого слова. Выдаваемый на гора весьма скромным коллективом (три человека, потом четыре), он без всякого преувеличения достойно соперничал по содержательности и качеству публикуемых материалов со знаменитой «Иностранной литературой», которая, конечно же, делалась совсем другими силами и располагала совсем иными возможностями.

Трудно переоценить ту роль, которую играл Сапожков в небольшом, но очень дружном и слаженном коллективе редакции. Самый настоящий маленький оркестрик надежды, как пел о том когда-то Булат Окуджава. Как-то совершенно незаметно и легко (во всяком случае, так казалось со стороны) Юрий Михайлович успел сколотить вокруг себя настоящую группу поддержки («партхозактив», как выражались в приснопамятные времена) из переводчиков-энтузиастов, всегда готовых прийти на помощь и работать за почти символическое вознаграждение ради самой возможности познакомить отечественных читателей с тем лучшим в зарубежной литературе, что по каким-то причинам еще не было переведено на русский язык.

Скольких талантливых белорусских переводчиков открыл он белорусскому читателю. Да и не только белорусскому. Знаю, что с легкой сапожковской руки многие из них потом стали сотрудничать и с российскими издательствами. Достаточно назвать имена Валерии Ноздриной, Елены Чижевской, Игоря Найденкова, Георгия Киселева, Юрия Маслова. А рядом с ними на страницах журнала публикуется совсем еще юная девочка, тогда еще школьница, Валерия Саротник, с подборкой своих переводов стихотворений Теда Хьюза.

Ибо все равны перед лицом настоящей литературы, всем рады, всех ободрят и поддержат добрым словом, советом, помощью. Вот в этом и состоял сапожковский стиль работы с авторами (в том числе и с переводчиками). Неудивительно, что он обрастал дружескими связями и знакомствами везде, куда ни забрасывала его судьба. Москва — Валерий Никитин, Татьяна Воронкина, просто блистательный переводчик венгерской литературы. Это благодаря ее стараниям и усилиям на страницах журнала появились отрывки из прекрасной книги Иштвана Эркеня «Венгры на необитаемом берегу».

Дальше — больше. Слетал в Ереван на какую-то там конференцию по проблемам перевода, вернулся домой с массой адресов, телефонов и уже даже материалов, готовых к публикации. Отправился в Лондон, чтобы поучаствовать в конкурсе на лучший перевод сонетов Шекспира, и снова ворох новых знакомых, потенциальных авторов, разбросанных по самым разным городам бывшего Советского Союза, и все, как один, рады сотрудничать с журналом.

— Такие талантливые ребята! — с восхищением рассказывает он мне при встрече, делясь впечатлениями о самой поездке. — Просто дух захватывает. Есть масса интересных задумок. Столько материалов для новых переводов!

Глаза горят, голос звенит, все выдает неподдельное волнение творческого человека, рвущегося побыстрее усесться за письменный стол. Как это там у Александра Сергеевича? *«И пальцы просятся к перу, перо к бумаге...»* Планов — громадье. Дело не ждет. *Laboremus*, как говаривали древние. За работу!

Знать бы тогда, сколь малым оставался срок, отпущенный Юрию Михайловичу на эту столь дорогую его сердцу работу. А работал он страшно много, особенно в последние годы, словно предчувствуя свой скорый и во многом внезапный уход. И при такой колоссальной загрузке выкраивались еще какие-то крохи, поистине драгоценные мгновения, для собственного творчества.

— Съехал на дачу, — делился он со мной тем, как провел один из последних своих летних отпусков. — Пошли стихи. Боюсь спугнуть это состояние. Оно посещает меня все реже и реже.

— Дорогой вы мой! — резонно возражаю я. — Когда что ни день, пропускаешь через себя столько чужих поэтических строк, то до собственного ли тут вдохновения, ей же богу!

— Все так! — грустно вздыхает Юрий Михайлович. В последние годы он курировал отдел поэзии в журнале «Нёман». — Все так! Но вот раньше, бывало, мне писалось всегда, при любых обстоятельствах, вопреки всему и вся.

— Глаз замылился от бездарных рифм и претенциозных образов! — стою я на своем. — Тяжелое это и неблагодарное дело — править чужие стихи.

— Если бы только править! — уныло соглашается со мной редактор Сапожков. — А сказать человеку прямо в глаза, что стихи его плохи, что ему не стоит писать вообще, потому что то, с чем он ко мне явился, — это откровенное рифмоплетство, это каково?

— Бог мой! Неужели вы можете сказать человеку что-то нелицеприятное? — совершенно искренне удивляюсь я, зная, сколь деликатен в своих оценках мой давний друг. А порой и просто расточительно щедр. Во всяком случае, с моей точки зрения.

— Приходится! Не печатать же такое!

Что ж, самое время вспомнить, хотя бы абрисно, еще об одной ипостаси творческой личности Сапожкова, о его работе в качестве литературного критика.

Творческое наследие Юрия Михайловича в этой области обширно и многогранно и отнюдь не укладывается в те две объемистые книги, которые увидели свет еще при жизни автора. Я имею в виду сборники «Между духом и словом» и «На просторах слова». И хотя в них собраны многочисленные статьи, рецензии, философские эссе, диалоги с коллегами-литераторами, но можно только догадываться, сколько еще подобных публикаций осталось за рамками этих двух изданий разбросанными по страницам самых разных журналов и газет и ждущими своего часа и повторного прочтения. Уже неспешного, несуетного: не просто пробежать глазами, а погрузиться с головой в ход мыслей автора о том, что всегда волновало его больше всего: о роли и значении Слова (недаром в названиях обеих книг присутствует это самое «слово») и о мере ответственности художника за каждое произнесенное и написанное им слово. Но не нами ведь сказано, *«ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12 : 37).*

И в любом эссе, даже в самом крохотном, даже в небольшом вступлении, предваряющем ту или иную публикацию, все те же непростые размышления о нравственной позиции художника, о его праве на самовыражение и о границах допустимого в поисках этого самовыражения.

Вот эссе под названием «Бабочка на ладони», посвященное книге стихов Раисы Боровиковой. Помнится, именно поэтичность заглавия привлекла меня, в свое время, к этой статье в ее журнальном варианте.

Впрочем, сегодня та давняя публикация уже не воспринимается только как доброжелательная рецензия на очередную книгу коллеги. О, нет! Скорее, сопереживаешь прочувствованно личностным размышлениям поэта об этической стороне проблемы, связанной с обнародованием любовной лирики. Правильно ли поступает автор, выплескивая на публику свои интимные переживания? Не ранит ли в пылу своей откровенности чувства тех, кто рядом с ним, но кто — увы! — не стал по каким-то причинам источником вдохновения и не является героем (или героиней) возвышенных строк? Трудные вопросы! И следя за тем, как бережно распутывает этот клубок сугубо человеческих противоречий Юрий Михайлович, понимаешь, что и сам он не раз задавался подобными вопросами, решая для себя непростую дилемму выбора. Вот уж воистину, *«Как сердцу высказать себя, другому как понять тебя...»* Разве что этот другой — тоже поэт, да еще одаренный таким благородным сердцем.

Не могу сказать, что наши литературные или, еще шире, эстетические вкусы всегда и во всем совпадали. Тем интереснее было мне как читателю вчитываться в его оценку той или иной творческой личности, порой не соглашаясь и, тем не менее, принимая другую точку зрения и проникаясь пониманием аргументов «за».

Впрочем, всем, кому посчастливилось быть знакомым с этим удивительно добрым человеком, не хуже меня известно, как был расточительно щедр Юрий Михайлович на доброе слово в адрес своих коллег по литературному цеху, будь то маститые, увенчанные всякими званиями мэтры или только-только становящиеся на крыло, начинающие поэты и прозаики.

Как тут не похвастаться, к слову, что и моя скромная, сугубо профессиональная книженция, посвященная некоторым аспектам перевода художественных текстов и рассчитанная, в первую очередь, на учащуюся молодежь, попала в поле зрения Сапожкова и даже стала объектом его рецензии, как всегда, обстоятельной и, как всегда, обильно пересыпанной комплиментами в адрес автора.

Не скрою, я была польщена. И даже не столько самим фактом появления рецензии, сколько тем обстоятельством, что тонюсенькую книжку в простом бумажном переплете заметил и оценил именно Юрий Михайлович. Ведь положа руку на сердце, скажу так: лучшего переводчика, чем Сапожков, я в своей жизни не встречала! Совершенно объективно я причисляю его к когорте самых блистательных переводчиков нашего времени. А, может быть, и всех времен и народов! Ей же богу, имею на то право, ибо сама всю жизнь занимаюсь только переводами!

Пожалуй, всех панегириков мира не хватит мне для того, чтобы излить собственные восторги по поводу сапожковского перевода Джебрана и его «Пророка» на русский язык. Даже беглого сопоставительного анализа текста оригинала и его русскоязычного варианта достаточно для того, чтобы сказать, что перевод, выполненный Сапожковым, — это не просто работа мастера, но титанический, поистине, вдохновенный труд, сопоставимый (во всяком случае, в моем понимании) разве что с переводами Михаила Лозинского «Божественной комедии» Данте или «Дон Кихота» Николая Любимова.

Правда, будем объективны, ибо сам Халиль Джебран — это, конечно же, не Данте. И не Сервантес. Масштабы личностей не сопоставимы, да и размышления автора «Пророка», ливанца по национальности, но писавшего исключительно на английском языке, видно, в расчете на простодушную американскую публику, не очень поднаторевшую в философских спорах о высоком (как тут не вспомнить, кстати, что Вольтер одну из своих философских повестей, в которой главным героем выступает американский абориген, так и назвал — «Простодушный»), так вот, рассуждения джебрановского пророка не кажутся уже такими ошеломляюще интересными представителям европейской культуры, во все времена тяготевшей к ориентальному искусству, что обеспечило нам неплохое знание таких великих представителей литературы Востока, как Низами, Навои и прочих.

Но разве в этом дело? Вот я открываю главу «О времени» и читаю:

Есть в каждом чувство вечности. Оно
подсказывает нам — жизнь бесконечна,
вчерашний день — сегодняшнего память,
а завтрашний — текущего мечта.

И снова, уже в который раз, поражаюсь точности каждого слова. Да что там слова! Каждой буквы, словно чеканящей свой шаг по бесконечной, никогда не кончающейся стезе земного бытия. А потому что все верно. Жизнь действительно бесконечна.

Конечно, сейчас когда Юрия Михайловича уже нет с нами, я совсем другими глазами перечитываю многие строки этого произведения, например, одну из лучших глав с печальным названием «О смерти».

Помню, как пространно обсуждали мы с ним когда-то перевод одной строки из этой главы:

For life and death are one as the river and the sea are one.

И поистине виртуозный перевод, можно сказать, на уровне обыкновенного подстрочника. Но какого подстрочника!

Ведь жизнь и смерть — по существу они
река и море, целое одно.

Каким же стремительным оказалось течение реки жизни уже самого Юрия Михайловича, как скоро унесла она свои воды к морю под названием «смерть», обретая в нем вечность. С позиции сегодняшнего дня уже совсем по-иному воспринимаются мистические строки, венчающие всю поэму:

«Еще чуть-чуть покоя на ветру,
и женщина другая понесет
меня уже совсем иному миру».

Дай бог! Людям всегда не хватало пророков, их побивали камнями, изгоняли из родных пределов, ибо, как известно, нет пророка в своем отечестве, а потом умоляли вернуться, искали у них правды и находили ее, каждый в меру своего разумения и совести.

Вот и Юрий Михайлович Сапожков. *«Совсем иному миру»* пересказал он «Пророка» Халиля Джебрана и сам стал в какой-то степени этим Пророком, слившись с образом героя и пропустив всю боль и горечь его размышлений через собственное сердце. Думаю, у этой суперталантливой работы Сапожкова впереди не просто долгая жизнь, а именно та самая вечность, о которой с такой простотой и мудростью рассуждает Пророк. Великий труд! И великий перевод!

На страницах «Всемирной литературы» появляется подборка стихотворений Теда Хьюза в переводах Сапожкова. Как всегда, безупречных.

— Замечательно! — верещу я по телефону. По интонации собеседника чувствуется, мои похвалы трогают его. Юрий Михайлович отлично осведомлен о моей зловредности, в силу которой я не приемлю почти все обилие переводов англоязычной поэзии на русский язык, делая лишь редкие исключения из общего правила. Особенно достается от меня переводчикам Эдгара По. Но, ей же богу, Тед Хьюз — не менее сложный (а, быть может, и более заковыристый) поэт с точки зрения его перелицовки на русский язык. И вот ведь, оказывается, можно донести весь глубинный смысл его поэзии до русскоязычного читателя, не расплескав ни капли по дороге. И при этом обойтись безо всякой, ненавистной моему сердцу отсебятины, которая сразу же безошибочно выдает одно: перевод делался не с оригинального текста, а по подстрочнику.

Но это, конечно же, не про Сапожкова. Никаких подстрочников! Стиль работы — предельно переводческий: скрупулезно выверяется каждое английское слово по десяткам словарей и справочников и сопоставляется опять же с десятками русскоязычных вариантов и, наконец, находится одно единственное слово, которое должно стать уже Словом.

— Юрий Михайлович! — канючу я при очередной встрече. — Сделайте еще одну подборку переводов Хьюза. А слабо вам, взяться за перевод стихотворений Сильвии Плат, а? Как было бы здорово! А еще, я вам такое дивное стихотворение Роберта Фроста откопала. Пока не переведено. Вас дожидается!

И чем больше я наседаю на него со своими переводческими предложениями и просьбами, тем отчетливее чувствую внутреннее сопротивление и даже некоторую отстраненность своего давнего друга. Кажется, ему претят мои неуемные восторги, его раздражает моя напористость и обижает моя непонятливость. Разумеется, Юрий Михайлович, со всем его богатейшим жизненным опытом, со всем его поэтическим жаром души, как никто иной, остро чувствовал вторичность профессии переводчика. А что в ней такого завидного, особенно, для творческого человека? Ведь переводчик, даже самый лучший, даже самый великий, — увы-

увы! — всегда в тени, всегда «позабыт-позаброшен», всегда обделен славой и всем тем, что к ней прилагается, оставаясь анонимной фигурой в глазах читателя. Кто его помнит? Кто его знает? Кому он нужен? Разве что какому-нибудь дотошному аспиранту, собирающему материалы для своей диссертации.

«Что она все время лезет ко мне со своими переводами? — наверняка раздражается он в глубине души. — Чего мельтешит передо мною с чужими стихами, забывая о том, что, я, прежде всего, поэт? Да, поэт! А потом уже все остальное!»

Как ни стыдно в том признаваться постскриптумом, но, представьте себе, поэт Сапожков с его обостренной проницательностью истинного поэта, был совсем даже недалек от истины. Ибо к пониманию поэзии Юрия Михайловича я действительно пришла гораздо, гораздо позднее, чем успела оценить высочайшее качество его переводов. Можно сказать и так: поэта Сапожкова я узнала и полюбила лишь в самом конце его жизни. И вот теперь продолжаю любить, постигая глубины его поэтического наследия уже без самого автора.

Впрочем, и это тоже вполне закономерное явление. Помните прекрасное стихотворение Юзефа Озга-Михальского в не менее прекрасном, кстати, переводе Зигмунта Левицкого? В годы моей далекой юности эти строки постоянно были в ходу в качестве эпиграфа для всяких школьных сочинений:

Поэты не гибнут, а гаснут, как Солнца,
Лучи их бегут сквозь столетья и дали.
Полночной порою к нам свет их несется,
Который при жизни они расплескали.

Несмотря на явный романтизм этих строк, в них, как ни странно, нет ни капли преувеличения. Напротив! В них-то и заключена вся суровая правда литературного бытия. Все так! Поэт, хороший поэт — это (решусь на откровенно неромантическое сравнение) всегда долгоиграющая пластинка, очень долгоиграющая. А потому к большинству поэтов слава и признание приходят, преодолевая поистине космические расстояния, именно на длинной, «долгоиграющей» волне, когда сами творцы уже зачастую успели перейти в иные измерения и миры.

Сколько волшебных сапожковских строк крутится сегодня у меня в голове просто так, в силу некого внутреннего совпадения наших взглядов, что ли. Или потому, что запомнились сходу, потому что чудо как хороши в своей афористичной законченности:

«Удались ли стихи о любви,
Понимаешь, уже разлюбив».

«Сентябрь линует дней тетрадки
В косую линию дождей».

«Ты еще бежишь на расстоянье,
Я теперь бегу уже на время».

«Есть женщины,
При одном появлении которых
Хочется выпрямиться».

И так далее, и так далее, ибо цитатам поистине «несть числа».

Но закончу я свои излияния по поводу своих поэтических пристрастий отсылкой к предельно простому и на редкость заземленному стихотворению, ставшему моим самым любимым среди всех стихов Юрия Михайловича (тех, что опубликованы, разумеется). Быть может, сыграло свою роль и то, что я очень

люблю одноименное стихотворение Эдгара По. Но скорее всего подкупила великая простота и детская незамутненность взгляда. Не откажу себе в удовольствии процитировать стихотворение полностью:

Ворон
Жалкий старый ворон,
Хватит, полетал.
Сердце просит воли,
Да не по летам!
Было время — падал
Камнем на цыплят.
А теперь и падали
Старый ворон рад.
Черствой булки долька,
Косточка с хрящом...
В этой жизни столько
Радостей еще!

Помнится, когда прочитала стихотворение впервые, глаза мои сами собой увлажнились. Покорили безыскусная правда жизни, грустная авторская самоирония и, конечно же, крохотный лучик надежды последних строк. Такой лучик всегда оставляют своим читателям только очень большие художники и очень большие поэты.

Впрочем, вовремя вспомнив другие строки из другого стихотворения Ю. М. Сапожкова *«Мы все равны перед забвением»,* скажу так.

Не будем торопиться с раздачей призовых мест. Все и всегда расставляет по местам само время. А у нас впереди еще бездна времени. Ведь как писал Юрий Михайлович, *«Мы вечны, пока живем. Пока живем».* И что с того, что на смену нам придут другие «мы»? Жизнь все равно продолжается, и она будет длиться вечно, словно стихи. Словно стихи Юрия Михайловича Сапожкова. Уверена в этом.

ТАТЬЯНА КАБРЖИЦКАЯ, ПЕТР РАГОЙША,
НИКОЛАЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Феномен писателя

Сергей Песецкий в контексте восточнославянских культурных контактов

В культурное поле Беларуси сегодня активно возвращается имя писателя Сергея Песецкого. Песецкий — выходец из Беларуси, он родился в Ляховичах в 1901 г., детство его прошло в Бобруйске и Минске. События Первой мировой войны изгнали Песецких из родных мест, несколько лет их семья находилась в эвакуации в Поволжье. Период революционных преобразований будущий писатель встретил в Москве, затем, в 1918 г., снова оказался на родине. Но обстоятельства политического, социального, личного характера обусловили дальнейший вынужденный разрыв Песецкого с родным краем. Согласно с Рижским мирным договором 1921 г. была установлена государственная граница: он оказался в Польше. И случилось так, что писательские способности Песецкого реализовались на польском языке. В конце концов жизненные дороги привели его в Англию, где он умер в 1964 г., похоронен в предместье Лондона в Гостингсе.

С польского языка были осуществлены переводы произведений Песецкого почти на все европейские языки: распространилось повсеместное понимание Песецкого как представителя польской литературы. Однако сегодня пришло время обратить внимание на «аутентичную основу» творчества Песецкого, что закладывалась в Беларуси, в обстоятельствах культурного пограничья нескольких славянских народов.

Многие произведения Песецкого создают своеобразный тематический «собственно белорусский цикл». В него зачисляем романы «минской трилогии» — «Яблочко», «Гляну я в окно...», «Никто не даст нам избавления...», посвященные сложному периоду жизни белорусской столицы 1920-х гг., романы «Пятый этап», «Ночные боги», событийной основой в которых выступает вся Беларусь, а также известный роман писателя «Любовник Большой Медведицы», что «вырос» из минско-раковского «пограничного» материала.

Коллектив белорусских исследователей в составе Т. В. Кабржицкой, П. В. Рагойши, М. М. Хмельницкого готовят к изданию монографическое исследование «Наш і не наш Пясецкі: Зоркі Радзімы пісьменніка над колам яго жыццёвых і творчых калізій», где та основа, на которой формировался Сергей Песецкий как творец, будет впервые рассмотрена с восточнославянской стороны.

В белорусских журналах, издательствах Минска начинают появляться переводы романов писателя. Среди тех, что с энтузиазмом прокладывали дорогу Песецкому для белорусскоязычного читателя, назовем братьев Феликса и Язепа Янушкевичей — их публикации в «Голасе Радзімы» (1995, 1996) были первыми ласточками, что открыли «белорусскую весну Песецкого». Журнал «Спадчына» представил свои страницы для произведений Песецкого переводчикам В. Орешко (1999), В. Наддвинскому (2000). Журнал «Полымя» (2001) к столетию со дня рождения Песецкого разместил аналитический литературоведческий материал П. Рагойши, посвященный проблеме белорусскости Песецкого, с переводом

отрывков из произведений писателя. Затем на белорусском языке увидели свет произведения «Любовник Большой Медведицы» (пер. Ф. Янушкевич), «Пятый этап» (пер. Я. Янушкевич), «Записки офицера Красной Армии» (пер. А. Островцов).

2014 год, год пятидесятилетия со дня смерти писателя, принесет новые встречи с его произведениями. Минское издательство «Регистр» обещает продолжить издание прозы писателя. Первые части виленской трилогии Песецкого: «Вавилонская башня», «Человек, превращенный в волка», «К чести организации» — в этом издательстве появились в 2012 г. в переводе на русский язык Г. Бенкевич. Пробуждается интерес к личности писателя кинорежиссеров Беларуси, Украины. Интернет сообщает о создании в Польше Международного комитета по сохранению памяти Песецкого. Среди стараний комитета — забота о создании памятника писателю, который планируется установить в... известном местечке Раков.

Начинает звучать имя Песецкого и в научных аудиториях, и на улицах Минска. Для столичных экскурсоводов тема «минская жизнь героев Песецкого» — удачная находка. Потому что можно на этом материале проиллюстрировать особенности жизни довоенного Минска, что нашли слабый отпечаток в белорусской советской художественной литературе. На столичном телеэкране в рубрике «История великого города» на основании произведений Песецкого возобновляется топография и топонимика Минска начала XX в. Остается только пожелать нашим белорусским прозаикам, авторам исторических произведений, вписать личность Песецкого в события нашего не такого далекого, сложного, славного и частично «обесславленного» вынужденным молчанием прошлого...

Авторы этой публикации, выясняя, на каких традициях вырастал, формировался Сергей Песецкий, приходят к убеждению, что неповторимость авторского «я» писателя выявилась в жанровой оформленности произведений, отличной от польского литературного процесса того времени, в «белорусскости» хронотопа — времени и места действия. Не игнорируя присутствие в творчестве Песецкого общеевропейской школы, авторы считают, что, в первую очередь, феномен писателя обусловлен контактно-типологической причастностью к русской, белорусской, украинской литературам. Это как раз те вопросы генезиса творчества Песецкого, к которым в комплексном плане литературоведение обращается впервые.

Белорусские издатели в целях рекламы делают акценты на любовных приключениях персонажей Песецкого, вписывая их в «родовод» известного Джеймса Бонда. Некоторые любители Песецкого выделяют детективное содержание его произведений. Исходя из автобиографичности главных героев, они интригу повествования полностью переносят на жизнеописание самого автора. Понятно, что в научном плане такой подход поверхностный. Существуют другие объективные доказательства художественной жизнеспособности романистики Песецкого. И другие факты очерчивают проблему литературного пограничья, раскрывают признаки чрезвычайно продуктивной литературной школы, те основания, на которых выстраивается концепция «тутэйшасці» нашего земляка.

Бытовые реалии, социальные особенности из жизни народов России первых десятилетий XX в. как своеобразный «эффект экзотизма» произведений Песецкого. Неоспоримый факт, что Песецкий формировался как личность и как писатель, в первую очередь, через осмысление исторических катаклизмов своего времени. И нужно признать, что многие бытовые реалии, социальные особенности из жизни народов России 1920-х гг. в произведениях Песецкого воспринимались зарубежными читателями как своеобразный «эффект экзотизма».

Освещая политику большевистской власти в первые послереволюционные годы, Песецкий при создании художественных образов насыщает текст точными, аутентичными реалиями, причем подробных деталей очень много. Не однажды вспоминаются Ленин и Троцкий, Дзержинский, Тухачевский, Зиновьев, Каменев,

Ворошилов, Чичерин, Калинин. Песецкий акцентирует внимание и на непосредственной зависимости реальных представителей советской власти в Беларуси от Москвы. В текстах зафиксированы характерные признаки периода нэпа: «керенки», «боны», распределители для совбуров, привилегии владельцам профсоюзных билетов и др. Лексика Песецкого насыщена неологизмами того времени, советскими словообразованиями, которые не поддаются непосредственному аббревиатурному переводу. Писатель включает их в текст в транскрибированном варианте. В конце произведений он размещает своеобразный словарь с толкованием их значения и социокультурного наполнения: «буденовка», «комячейка», «сочувствующий», «попутчик», «беспризорный» и др. Часто герои Песецкого дают «народное» прочитание с ироничной подсветкой образованных в советское время аббревиатур: ЧК, ОГПУ, НКВД, РСФСР.

Картину того периода красноречиво характеризует список книг, которые читают герои: в руках одних — труды Ленина «Шаг вперед, два шага назад», «Государство и революция», другие зачитываются «бульварным» Прево и «скандальным» Арцыбашевым. Песецкий в соответствующем контексте приводит широкие цитаты из Ленина. Один из его героев, одиннадцатилетний мальчик «тов. Павлуша», знает на память «Азбуку политической экономии» Бухарина и «глотает» «Эрфуртскую программу» Каутского. В произведениях с обстоятельствами советской действительности позднейшего времени появляются Сталин, Соловки, колхозы, массовые репрессии.

Поскольку большинство произведений Песецкого завязано на белорусской действительности, автор сознательно использует белорусские реалии от непосредственного включения фольклора в авторский текст (песни Щура на хуторе Доврильчуков, пословицы и поговорки пограничников в романе «Любовник Большой Медведицы») до специфичных вербальных отражений белорусской народной ментальности: «Вилы — это белорусский пулемет: сразу пять дырок сумеет сделать. — Ну, а белорусская пушка какой имеет вид? — Это топор. Даст в лоб, конь не выдержит». Еще один показательный пример народного эвфемизма, зафиксированного у Песецкого: «могилевская губерния» — это лагерная ссылка, смерть, могила.

Показывая большевицкий террор, писатель неоднократно пишет про голод. В каждом романе он находит новый сюжетный ход, чтобы вновь и вновь затронуть эту больную проблему. Публицистические высказывания он подкрепляет конкретикой факта, в других случаях использует, как всегда уместно, примеры советского фольклора. Отметим, что в произведения Песецкого включено много примеров именно «наиновейшего» фольклора. Строфы из русской песни «Яблочко», переделанные согласно с примерами блатного фольклора, проходят через весь роман «Яблочко», звучат своеобразным сатирическим контрапунктом его сюжета.

В предисловии к роману «Яблочко» Песецкий отмечал: «Названия романов являются словами песни. «Яблочко» — это гимн и флаг всех обиженных большевизмом преступников и честных людей, которые неожиданно вместе с ними оказались на одном уровне: зверей, на которых ведется охота. «Гляну я в окно» — это малоизвестная, оригинальная, немного комичная злодейская песенка. «Никто не даст нам избавления» — начало второй строфы Интернационала по-русски». «Этим людям никто и ничто не даст избавления кроме... Культуры», — заметил Песецкий. В песенных строках, вынесенных в название, автор конденсирует идею своих произведений. Очень часто обращается Песецкий и к революционному песенному репертуару, через который либо раскрывает бунтарскую душу своих героев, либо обличительно, иронично показывает массовый энтузиазм молодежи в первые годы существования советского государства. Писатель умело вводит в текст своих романов (в оригинале или переводе) отдельные куплеты, а временами и целые тексты песен «Волга, Волга, мать родная...», «Дубинушка», «По Дону гуляет казак молодой», «Стенька Разин», «Широка страна моя

родная», «Песня о Москве», «Если завтра война», «Катюша», «Мы кузнецы, и дух наш молод...», «Когда б имел златые горы и реки, полные вина...» и др. Подбор песенных текстов нельзя назвать случайным. Отдельные строки — типичный пример «героико-романтического» жестокого романса, фольклорного жанра, очень соответствующего социальной группе, из которой происходит абсолютное большинство героев Песецкого. В тексте выступают типичные для жанра коллизии — любовь и верность, деньги и выбор, воля и тюрьма и т. д.

Нередко герои Песецкого читают официальную советскую прессу, в их руках «Правда», «Известия», «Трудовая правда», «Молот», «Советская культура», «Красная звезда», «Красноармеец», «Крокодил», «Огонек». Кроме информативной функции, создания соответствующего фона, эти реалии используются автором как одно из средств создания сатирического изображения действительности. Так, в романе «Ночные боги» читаем про то, как герои на лесном хуторе, отдыхая во время тяжелой пешей дороги из Минска в Раков, забавляются тем, что читают «Советскую культуру». «Русские про культуру даже говорить не имеют права, потому что в миллиард раз больше сделали такого, чтобы ее уничтожить, чем поднять!» — утверждает один из персонажей. На первый взгляд, написано достаточно жестко. Но, как и всегда у Песецкого, однажды сказанное автором позже получает свое развитие. В другом месте романа заявленная тема находит фактическое подтверждение. «Представитель» Культпросветотдела штаба Западного фронта разыгрывает в оршанской библиотеке сцену «культурной разборки», которая раскрывает сущность послереволюционного отношения к «буржуазному» культурному наследию: «Лев Толстой был графоманом. Понимаете? Паразит с буржуазным классовым сознанием. Что такое «Война и мир»? Троцкий сказал в Бресте: «ни война, ни мир». И никаких таких книжек быть не должно!»

Введение имени Льва Толстого, как и других русских писателей, в произведениях Песецкого неслучайно. Как известно из биографии, Песецкий учился в русской школе, однако добрым словом он позже вспоминал только учительницу французского языка. Видимо, учителя русской литературы к неординарной душе мальчика ключа не нашли, возможно, и не пробовали искать. И тем не менее, объем самостоятельно прочитанной литературы был значительным. У отца писателя была большая библиотека. Из переводной литературы, как записано в анкете Песецкого «Как учились современные польские писатели», наибольшее впечатление на подростка произвел роман Виктора Гюго «Отверженные». С восхищением читал он В. Скотта, любил роман А. Дюма «Граф Монте-Кристо». С польской классикой познакомился через произведения Ю. Крашевского и Г. Сенкевича. Однако Крашевский особенно не заинтересовал юного Песецкого. Относительно своего восприятия Сенкевича — а Песецкий прочитал его трилогию «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский» в тринадцать лет — писатель позже отметил следующее: «Я не почувствовал общечеловеческой значимости произведений, воспринял трилогию как историческое повествование из жизни давнего военного клана панов-бунтарей... Бесконечные «пан», «пани», «васпан» настолько чужие в русском языке, так мешали в тексте, что отбивали

желание к чтению и затеняли содержание». Таким образом, польские литературные авторитеты не затронули душу читателя, возможно, вследствие (как ему казалось) плохого перевода.

Русская литературная классика, формы ее воздействия на становление писателя Песецкого. Нельзя не заметить, что чуть ли не первое место в читательском активе Песецкого принадлежит русским писателям. По разным причинам, с многочисленными идейно-художественными подсветками писатель вплетает в канву произведений имена Пушкина, Лермонтова, Крылова, Данилевского, Писемского, Толстого, Достоевского, Чехова, Куприна. К месту, с соответствующей коннотацией, использует Песецкий понятия «толстовство» и «достоевщина».

Героиня романа «Ночные боги» Лиза ведет, как и девушки-героини из русской классики, дневник. Однако через дневниковые записи писатель не только раскрывает любовно-психологическую интригу, но и показывает адюльтер, эротические сцены, «раскрепощенность» интима и кризис морали. Интимную сторону жизни Песецкий отображает под влиянием модного в то время в России Арцыбашева. В романах «Пятый этап», «Ночные боги» упоминается нашумевшая книга «Санин», разрабатываются аналогичные мотивы.

Литературный контекст эпохи представлен также именами В. Маяковского и И. Эренбурга; на политических празднествах герои декламируют отрывки из поэмы А. Блока «Двенадцать». Рассуждая над судьбой писателя в условиях тоталитарного режима, Песецкий особенное внимание обращает на творческую судьбу Максима Горького. Сначала Песецкий выказывает свое восхищение ранней романтической прозой писателя, дает отрывки из поэмы «Девушка и смерть» (которую возвысил Сталин, подняв ее над «Фаустом» Гете), затрагивает пьесу «На дне». В дальнейшем Песецкий раскрывает трагедию Горького. Отталкиваясь от «Несвоевременных мыслей» русского писателя, он с грустью говорит про «метаморфозы последних лет его жизни» и в художественных произведениях, и в публицистике. Показательно, что, имея феноменальную память, Песецкий упоминает прочитанное через многие годы. Так, в «виленской» «Вавилонской башне», которая создавалась на склоне лет писателя, автобиографический герой Юзеф Макаревич декламирует стихотворение Николая Гумилева.

О направлениях творческой учебы Песецкого свидетельствует также и его собственные признания, с которыми он выступил перед коллегами и читателями. Список имен писателей, присутствие которых мы уже проследили в текстах романов Песецкого, подтверждает, что истоки творчества польского писателя — в русской культуре. На это не мог не обратить внимание добросовестный польский ученый К. Полехонский в своей монографии «Жизнь человека вооруженного. Биография, творчество, литературная легенда Сергея Песецкого» (Варшава — Вроцлав, 2001). Исследователь считает, что тезис про поворот Песецкого к польскости — «надоевшее составляющее литературной легенды», однако цитирует при этом и высказывание Ф. Гоэтеля, который заметил: Песецкого «в мир писательства ввели Державин, Гоголь, Пушкин, а не Кохановский, Мицкевич, Словацкий...»

Отметим еще, что, в соответствии с собственным признанием, Песецкий «чрезвычайно заинтересовался» Леонидом Андреевым, «особенно любил» он Антона Чехова и Николая Гоголя. Герой Песецкого Ясь Нацевич, поддерживая тягу к знаниям своего квартирного постояльца Барана, читал ему «несколько новеллок Чехова», которые Барану очень понравились. Можно отметить отдельные моменты соотнесенности писательской манеры Песецкого, Куприна, Гоголя. Так что известное высказывание Достоевского «все мы выросли из гоголевской «Шинели»» относится и к Сергею Песецкому.

Из общей картины той школы, которую проходил Песецкий у русских мастеров изящной словесности, необходимо отдельно выделить фигуры Достоевского

и Андреева. В первую очередь отметим, что Песецкий, хоть он сам заметил, что не разделял *идейных позиций* Достоевского, «вырос» на тех традициях русской «натуральной школы», к которой принадлежал известный русский писатель. Такие ее определяющие качества, как демократизация литературы, расширение ее жизненного диапазона, разоблачение общественной несправедливости, интерес к жизни простых людей, признание серьезности будничных коллизий и др., стали концептуальными в творческой практике Песецкого-писателя. И это его сближает с Достоевским.

В первую очередь отметим сквозную для Песецкого тему «униженных и оскорбленных». Понятно, такая тематическая доминанта предопределена «исключительностью» самой биографии Песецкого. Однако в осмыслении своей жизни, как и жизни соответствующих слоев общества, Песецкий искал «литературную поддержку» и находил ее у русских писателей. Как и Достоевский, Песецкий, показывая обездоленного человека, который «выламывается» из общества, протестует против бесправия, выступает в защиту человеческого достоинства. Проблема неадекватности «преступления и наказания», наиболее выразительно подчеркнутая в «белорусских» произведениях Песецкого, звучит и в последнем «виленском» цикле. В произведениях «Вавилонской башни» она особым образом дополняется настроенностью таких произведений Достоевского, как «Записки из подполья», «Бесы». Тема борьбы с нивелировкой и обесцениванием личности в буржуазном обществе, поднятая Достоевским, у Песецкого вписывается в другой социально-политический контекст. Протест против античеловеческой теории «права сильного», «права на пролитие крови» остается актуальной для литературы и через сто лет после появления романов Достоевского. Песецкий, отражая жизнь разных слоев общества в условиях большевистской экспансии, в годы фашистской оккупации Виленщины, будто оспаривая Достоевского, который идеализировал покорность и возвышенность страданий. Неприемлемой также для него была мысль Достоевского о путях морального усовершенствования через религию и смирение.

Обвиняя тоталитарные власти в преступлениях, Песецкий одновременно не хотел оправдывать тот тип людей, который Достоевский охарактеризовал как «тварь дрожащая». Стержневой фигурой всех своих романов Песецкий делает человека-борца. И в определенной ступени «люди из подполья» Достоевского находят свое продолжение в персонажах Песецкого. Большинство из них, в том числе и «ночные боги» Песецкого, — герои одиночки. Следуя за правдой жизни, исследуя тот аспект духовности, что затронут Достоевским, углубляясь в душу борцов, Песецкий поднимает больную проблему самостоятельной личности. Как известно, Достоевский при этом сосредотачивается на идеологии и психологии сторонников анархизма, раскрывает разрушительную сущность буржуазного индивидуализма. У Песецкого аналогичного прочтения общественного антагонизма не находим.

Определяющей для себя Песецкий выбирает другую тему романа Достоевского «Бесы». Разрушительный моральный экстремизм, который увидел русский классик в российском революционном движении и который составил памфлетную основу произведения, был использован Песецким как исходная позиция в собственном освещении социально-политических катаклизмов XX века, связанных с последствиями революционного переворота в России, приходом к власти Сталина и его новой государственной политики. Так, задумываясь над истоками губительного для личности и общества процесса «материализации духа», Песецкий апеллировал к творческому опыту «Бесов», его мировоззренческой концепции. Можно также отметить близость Песецкого и Достоевского в поисках художественных форм произведений. «Записки из мертвого дома», «Записки из подполья», наконец «Дневник писателя» Достоевского составили ту традицию активной авторской включенности в текст, общественной включенности в описанные события, на которую опирался в своих творческих поисках и Песецкий.

Доказательством значительности той роли, которую сыграл Достоевский в становлении Песецкого-писателя, являются непосредственные апелляции на отдельные произведения русского классика, расположенные в текстах романов Песецкого в виде эпиграфов или элементов публицистических отступлений. Впрочем, польский корреспондент Чичат в «Разговоре с автором «Любовника Большой Медведицы»», записанном в 1938 г., задаст Песецкому вопрос: «Читая все без разбору, пан должен был все-таки встретиться с тем, что производило на него наибольшее впечатление?» И в ответ услышит от Песецкого имя классика русской литературы Ф. Достоевского, будет названо его произведение «Бесы». В романе «Пятый этап» находим развернутую, почти на целую страницу текста, авторскую аналогию между конкретной характеристикой героев «Бесов» и коммунистами, над образами которых, раскрытием их «ложной политики» работал Песецкий. Апелляции к роману «Бесы» пополняются обращениями к произведению Достоевского «Бедные люди». А этот роман Достоевского критики, как известно, рассматривали как определяющее явление российской «натуральной школы».

«Чрезвычайно заинтересовал меня Андреев, — напишет Песецкий. — Глубоко в душу запало несколько его произведений». Что именно он прочитал, писатель не уточняет, но вполне вероятно, что его «заинтересованность» выявилась в прочтении многих произведений. Русский прозаик пришелся по душе Песецкому, потому что герои Андреева были во многом близки его жизненному окружению и мироощущению. Андреев изображал жизнь деклассированных слоев общества. Публицистическая поучительность, ирония и гротескность также сближают обоих писателей. Подобной у них была и концепция героя — человека обособленного, одинокого, самоутверждение которого проявляется в волевом протесте против всяких норм, запретов, ограничений.

Типологию героя — «благородного разбойника» можно проследить при сопоставлении известного произведения Андреева «Сашка Жегулев» и контрабандистских, шпионских романов Песецкого. Их объединяет задача создания «сущности» героя. Сашка Жегулев, происхождением из богатой семьи, возглавляет «банду разбойников». Показывая атмосферу начала XX в., Андреев изображает жизнь городской бедноты, деклассированной прослойки общества, в разных формах выказывает сочувствие «маленькому человеку». Песецкий будто продолжает Андреева и своих героев вводит в действительность послереволюционного этапа. «Русская литература разрабатывает только одну коренную тему. Эта тема — проблема совести», — писал Андреев.

Правда, у Песецкого нет той глобальной разработки темы нарастающего богоборческого бунта, которую находим в первом периоде творчества Андреева. Нет и выразительного богоискательства, что определяет последние годы творчества русского писателя. Однако под структурой образной системы Леонида Андреева «Бог — Человек — Дьявол» Песецкий, несомненно, задумывается. Песецкий интересовался книгами соответствующего характера: неслучайно его герои читают «Жизнь Иисуса» Ренана; в текстах Песецкого находим использованные им как эпиграфы цитаты из Притчей Соломоновых, Экклезиаста. Ко всему роману «Пятый этап» писатель дает развернутую цитату из «Апокалипсиса». Произведение «Яблочко» начинается с апелляции к Евангелию Св. Иоанна.

Сам Песецкий отмечал, что вообще произведения Андреева производили на него «мрачное впечатление». Очевидно, автор знаменитого «Любовника...» был далек и от пессимизма Андреева, навеянного философией Шопенгауэра (идеи непознания, злой преднамеренности природы, непреодолимого мирового Хаоса), и от его мистической демонологии. Песецкий, по причине особенного жизненного пути, не мог ориентироваться на андреевский диапазон проблематики, тем более на религиозно-философский аспект. Масштабы их философской антропологии разные. В то же время нельзя не отметить, что Песецкий был зна-

ком с работами Шопенгауэра. Ему не могли не импонировать идеалистическая уверенность немецкого ученого, который рассматривал волю как высший принцип бытия. Свидетельством может служить то, что к главе одного из вариантов романа «Ночные боги» размышление Шопенгауэра над трагической сущностью героя-одиночки Песецкий использовал в качестве эпиграфа.

Последнее крупное произведение Андреева, который родился из жизненного материала — событий Первой мировой войны и революции, — показало картину обезумевшего мира, автор не видел никаких перспектив, он пророчил гибель человеческой цивилизации. Произведение это называлось «Дневник сатаны», или «Записки сатаны». Предыдущая литературная попытка образа Мефистофеля была сделана Андреевым в произведении «Анафема». Роман «Записки сатаны» явился памфлетом на империалистическую Европу, был направлен против теории мировой революции. Ибо по итогам российской революции Андреев потерял веру в возможность переустройства общества на принципах гуманизма и социальной справедливости. Вполне возможно, что под давними впечатлениями от андреевского критицизма, того влияния, что имел русский писатель на охочего до книг молодого читателя, родился роман Песецкого «Семь пилюль Люцифера». Понятно, сопоставление писателей нельзя ни в коем случае сводить к прямолинейному ученичеству младшего писателя у старшего. Однако и названия произведений, и композиционные приемы, и близость к памфлету, когда публицистичность и историческая конкретность, построение характеров и сюжета мотивируются в большей степени не их собственной логикой, а авторской идеей, и страстное, экспрессивное обличение российской действительности — все это объединяет Песецкого и Андреева.

Интересен и следующий факт. Исследователи, прочитывая у Андреева традиции романтической и народнической литературы, в романе «Сашка Жегулев» находили схожесть с произведением Михаила Загоскина «Брынский лес», написанным еще в середине XIX в. Такие наблюдения еще раз убеждают нас в своеобразной «родственности» Песецкого с русской литературой. Потому что, как признался сам Песецкий, он восхищался «Брынским лесом» Загоскина еще с детства.

Заметим, что объяснять подобие творчества авторов только собственно «литературной учебой» младшего у старшего, только преемственностью — нельзя. Это был бы слишком упрощенный подход. Родственность позиций, близость образно-стилевого наполнения произведений Песецкого и русских писателей обусловлены и общностью проблем философского морально-этического плана, что были актуальны для европейской мысли того времени. Но нельзя отрицать и то, что существует немало оснований, чтобы рассматривать духовное наполнение романов Песецкого в свете гуманистических традиций русской классической литературы. В русской литературе традиции поисков «самостоятельного» сильного героя были заложены еще в середине XIX в. Также и многие герои Песецкого интеллектуально одаренные, их высказывания имеют философский характер. Однако несправедливо было бы сводить концепцию героя произведений Песецкого только к наследованию традиций русской литературы. Эпоха модернизма в начале XX века сделала проблему сильной личности чрезвычайно актуальной и в общественно-политической мысли, и в искусстве всех европейских наций.

Украинский вектор контактно-типологического прочтения Песецкого. В произведениях Песецкого не однажды находим апелляции к украинской действительности. Писатель упоминает Б. Хмельницкого, отдельные его герои происходят с восточных и западных украинских территорий и др. Однако Песецкий дает основания еще и для выяснения литературно-художественного соприкосновения его литературного наследия с произведениями украинских писателей. Западноевропейское сравнительное литературоведение, современные украинские ученые вводят в научное употребление термин «имагология»,

который направляет на рассмотрение «функционирования художественных образов и образных систем в разнотипных отношениях: я — другой, свой — чужой. При этом внимание исследователя сосредотачивается на генезисе образов, на выяснении их места в национальной и мировой литературах, на взаимосвязях с социальной действительностью. Особый интерес при имагологическом изучении художественного текста вызывают вечные образы, вечные мотивы» (Ю. Ковалиу).

Так, творческие поиски Песецкого, как мы отметили, ввели его в лабораторию мировой разработки вечного образа Дьявола, Сатаны. Размышление над интертекстуальностью романа «Семь пилюль Люцифера» направляет наш взгляд на своеобразность интерпретации литературного канона образа Дьявола в украинской литературе. В этой связи необходимо обратиться к роману украинского писателя Владимира Винниченко «Записки курносого Мефистофеля». В названном произведении, как и в произведении Песецкого «Семь пилюль Люцифера», выявляется новый подход к образу Сатаны. Роман «Записки курносого Мефистофеля» появился в 1918 г. В советское время подчеркивалось, что Винниченко делал «ошибочные обобщения относительно природы социализма и введения социалистических доктрин в жизнь». В современном литературоведении признается другое: «Большим достижением Винниченко-художника является психологическое воссоздание духовного краха человека, который безоглядно отдал себя революционной деятельности и потерял морально-этические ориентиры нормального бытия». Как отмечает Н. Жулинский, Винниченко тревожит «патологический эгоцентризм «подпольщиков», который заметил еще Ф. Достоевский. Мефистофель Винниченко научился в новых историко-социальных реалиях «отлично хитрить», скрывая свою хищническую сущность под маской, «сознательно продавать себя победителям и цинично насмехаться над своими бывшими товарищами по революции»...

Как видим, основания для компаративистского взгляда на Песецкого и Винниченко существуют: это и их оппозиционность к новым социальным порядкам, и правдивый показ социальных контрастов, и общая школа русской разработки литературной дьяволиады. Литература конца XIX — начала XX в. дала новые страницы дьяволиады, что была «детерминирована обратным эволюционным процессом: от универсума сверхчеловеческой персональности до примитива человека футлярно-изолированного типа, от глобально десакрализованного мира до прагматично-будничного сознания, от интеллектуально-поискового, философско-диалогичного типа дьяволиады до черта во плоти» (В. Хархун).

Песецкий использовал тему нового Сатаны позже, чем это сделал Винниченко. Люцифер Песецкого вписался в другой исторический период. И в другом национальном пространстве — выявив своим образом социальные перемены в жизненном поле советской и польской действительности послевоенного времени. Его Люцифер — продукт и мировой литературы, и фольклорного осмысления, и личного писательского представления. Наши наблюдения показывают, что выразительнее всего выступает у Песецкого при создании образа Люцифера ориентация на украинские и белорусские фольклорные тексты, связанные с образом Марка Пекельного и Марка Проклятого.

Мефистофель Винниченко и Люцифер Песецкого работают на концепцию сравнительного литературоведения, согласно которому внимание к близким и отдаленным аналогиям обеспечивает выявление связи нового произведения с литературной традицией, раскрывает собственно авторский дискурс, индивидуальный подход к известному образу. Новая власть, новая социокультурная среда, новая компетенция реципиента — и новые «поточные истины», носителями которых выступает модифицированный вечный образ. Общее в творческих интерпретациях Винниченко и Песецкого — бессмертный образ Сатаны воплощает мерзкое приспособленчество нового времени. Обе литературные версии образа Сатаны способствуют выявлению общего в отличном, отличного в общем. И еще

раз подтверждают необходимость рассмотрения творчества Песецкого в контексте близких восточнославянских литератур, так как подобные образы обусловлены действием общих или подобных факторов и закономерностей общественного, культурного, художественного развития.

В произведениях Песецкого, в которых для создания образов действующих лиц использованы средства романтические в совокупности с реалистическими, иронично-сатиричными, герои много размышляют над сущностью собственного «я», над своим предназначением, путями реализации своих возможностей в новом обществе. Эпиграфом к роману «Пятый этап» Песецкий взял строки из нашумевшего в 20-е гг. XX в. произведения украинского писателя Николая Хвылевого «Вальдшнепы». Начинается цитата из «Вальдшнепов» следующей фразой: «Я выпила, товарищи, за здоровье отважных людей сильной воли...» Безусловно, это свидетельствует о том, что Песецкий был знаком с творческими поисками Хвылевого, его активной общественной позицией. В романе-дискуссии «Вальдшнепы» развивается полемика насчет культурного и национального возрождения Украины в условиях советской действительности. Хвылевой обличает циничную сущность мировоззрения героя «Вальдшнепов» Д. Карамазова, который защищает идею социального очищения общества через сознательное убийство во имя высоких идеалов. Через фамилию «Карамазов» проступает выразительная параллель к героям Достоевского. Таким образом, Хвылевой, Песецкий, как и Достоевский, предупреждают, что террором можно вызвать новый террор.

Показательным видится «зеркальное отражение», что наблюдается при сопоставлении новеллы Хвылевого «Я (Романтика)» и «минской трилогии» Песецкого. У Хвылевого безымянный коммунар во время всплеска революционной одержимости убивает Марию — символическое олицетворение женского и материнского начала, милосердия и справедливости, ту, которая, пытаясь спасти героя от победы его преступного «Я», предстает перед юным фанатиком коммуны в образе родной матери. Герой Хвылевого, которого назначили в ЧК против его «слабой воли», «когда нужно энергично расписаться под мрачным постановлением «расстрелять» — всегда колеблется, всегда расписывается так: не имя и фамилию на строгом жизненном документе ставит, а непонятный, совсем химерный, как китайский иероглиф, хвостик». Главверх черного трибунала, — по определению автора, — «никчемность», которая «отдается на волю хищной стихии».

Фанатичный герой Хвылевого в романах Песецкого получает будто бы своего литературного двойника. Песецкий, создавая характеристику Старшины Коллегии Чрезвычайной комиссии, юриста Александра Старцева, отмечает, что его персонаж направлен в Минск по указу Дзержинского. В соответствии со служебными обязанностями он «чинно и старательно» рассматривает дела заключенных, направленных на «коллегию трех». В выявлении индивидуальных черт он немного другой, чем герой Хвылевого. Юрист Старцев спокойно-рассудительный, без революционной одержимости, и потому, возможно, еще более опасный. Старцев «поднялся утром с головной болью. Завтрака не было. Съел бутерброд и поехал на работу. Там ждали его рассмотрения стопки актов. Он курил папиросу и думал про жену, которую, несмотря ни на что, сильно любил. Наконец он взялся за решение дела. Красные крестики ложились на бумагу один за другим». Когда же в руки интеллигента-юриста попало дело с фотографией человека, абсолютно похожего на него самого, но выходца из социальных низов, «ладонь его зависла в воздухе: «“Портной... и такое сходство... портной...” Карандаш дотронулся до бумаги и сделал решительный красный крест — Старцев исполнил свою миссию, полный чувства уважения к самому себе, избавился от портного, который отважился быть на него похожим, и даже носит его имя». Таким образом, мотив ужаснейшего социального явления — разработанный Хвылевым мотив гражданской войны — нашел свое продолжение и у Песецкого. Поднимает

руку сын на мать и брат на брата: потому что чекист Старцев и портной Баран были братьями по отцу. Как видим, острие критики и у Хвылевого, и у Песецкого направлено против конкретных образов чекистов. Оба творца показывают, что представители власти «убийство во имя светлых социальных идеалов» не считают преступлением. Оба осуждают государственную идею «социального очищения», направленного на убийство.

Размышления над судьбой Украины Хвылевой на философско-публицистических страницах «Вальдшнепов» оформил в «сюжетный любовный роман». Герой Хвылевого Дмитрий Карамазов, встретившись во время летнего отпуска с «флоберовской дамой», москвичкой Аглаей, готов изменить жене Анюте. Москвичка, часто отдыхавшая на «милом мягком украинском юге», даже снисходительно «полюбила» Украину. Она включается в пафосные размышления Карамазова про социальное и культурное возрождение нации, хитро запутывая ход его мысли, подтасовывая его аргументы. Коварная, циничная Аглая претендует на роль нового идеолога украинцев. Аглая уверена в своем мессианстве: «Ему только нужен новый пастырь, и такого пастыря он уже почувствовал во мне». Психологические приемы Аглаи — объединение любви с политикой, объединение, замешанное на скрытом сарказме, подспудном и ироничном, и издевательско-добродушной хитрости.

В определенной ступени аналогичный «сюжетный любовный роман» положен Песецким в структуру его «минской трилогии». Обращение к Хвылевому помогает выявить идейное наполнение Песецким любовной линии. Главный герой Песецкого Ясь Нацевич мужает, взрослеет, обретает жизненный опыт. Получив шестиклассное гимназическое образование (факт из авторской биографии), Ясь проходит «университеты жизни» среди людей очень разных и наконец поднимается над своим окружением. Учительницей минчанина Яся стала москвичка Маруся. Оставив в Москве мужа-коммуниста, она приезжает в Минск «выполнять определенную социально-культурную миссию», возглавляет городской культпросветотдел. Как и Аглая Хвылевого, Маруся чувствует себя человеком новой формации. Независимая, дерзкая, незакомплексованная на традиционной морали, раскрепощенная в вопросах интима, она «прибирает» Яся к рукам.

Сюжетные перипетии построены так, что Маруся освобождает Яся из тюрьмы, спасает от смертного приговора. Женщина, которая значительно старше молодого парня, чувствует в себе, кроме женской сущности любовницы, инстинкт материнский. Нельзя не почувствовать, что через событийность Песецкий показывает «руки Москвы». Показательно, что определяющим качеством Маруси становится благородство и общественная определенность. Из сумятицы и грязи городской жизни, наполненной большевистским террором, издевательством над беззащитными и бесправными горожанами, минчанин Ясь вырывается на лесные просторы партизанского движения, которые манят его свободой и «установлением справедливости». И как знаменательная воспринимается сцена встречи Яся и Маруси.

Заметим, что Маруся, как и Аглая, понимают необходимость «примирения» любви с политикой. Однако в отличие от Аглаи, которая исходит из позиций силы и стремится навязать «высшую московскую культуру», Маруся не неволит Яся, поддерживает его в поисках новых форм самореализации, вместе с ним хочет встать «по другую сторону баррикад». Имея, по ее словам, доступ к важной секретной документации, Маруся решает включиться в борьбу с большевистским террором и передает партизанам через Яся нужную московскую информацию. Песецкий в очередной раз показывает, что индивидуальная воля человека должна решать его жизнь и судьбу вообще.

При этом важно отметить еще и следующее. Песецкий не ставит знак равенства между Москвой и «пришлым злом», а «русские» не объясняются однозначно как «чужие». Объективность требует констатации, что в романе «Ночные боги»

Песецкий аллюзийно отрицательно подает «тему Москвы» через использование поговорки: «Там, где москаль ходит, там кровь людская дешевле воды». Заметим, что «неугомонный романтик национального возрождения» Хвылевой кинул клич своим соотечественникам: «Дальше от Москвы!» («Геть від Москви!»). Однако подчеркнем, что в первом и во втором случаях не заложена мысль о «неприятии русскости»! Об этом, в частности, свидетельствуют размышления Песецкого, включенные в монолог героя Грушевского на страницах «Пятого этапа». Писателя тревожит судьба отдельного россиянина и всего русского народа. «Нашли, открыли Маркса, а убили человека!.. Нет, не человека уничтожают, а целый народ!..» Песецкий выявляет неизменно негативное отношение именно к политической системе, к власти большевиков, что возглавляла Москва. Хвылевой же призывает к отрицанию не только политического, но и национального мессианства Москвы.

Таким образом, проблема национального самоопределения не была для Песецкого ведущей, как это выявилось в жизненной и творческой позиции Хвылевого. Проблема белорусского национального суверенитета Песецким не поднималась. Не найдем ни темы БНР, ни темы БССР. В то же время про белорусскость, как конкретное историко-национальное явление Песецкий пишет не однажды. Относительно советской коммунистической политической системы писатель был бескомпромиссным в своих оценках. В этом позиции и Песецкого, и Хвылевого, как мы уже видели, совпадают. К трагической сущности решения национального вопроса на просторах Советской империи Песецкий приблизиться не смог. Очевидно, его идеалом была гармонизация общества в национальном вопросе на персональном уровне, что нашло свое отражение и в любовной истории его героев Яся и Маруси.

На типологию в теме «Песецкий — Хвылевой» направляют и элементы контактных связей. В издании «Пятого этапа» к цитате из Хвылевого дается ссылка: «Николай Хвылевой, советский писатель, коммунист, по национальности украинец. Совершил в 1933 г. при очень загадочных обстоятельствах “самоубийство”». Считается, что все объяснения в произведении принадлежат перу Песецкого...

Интегрированность художественного мира Песецкого в белорусское культурное пространство и некоторые вопросы рецептивной эстетики. Прозведения Песецкого имеют непосредственное отношение к белорусской культуре, естественно, не только на уровне тематики и отражения реалий. Романистика Песецкого органически интегрируется в белорусское культурное пространство. О продуктивности такого литературоведческого подхода свидетельствует несколько важных направлений исследования.

Творчество Песецкого вырастало из контекста событий и последствий Первой мировой войны, что позволило нам обратиться к типологически-сравнительному анализу художественных фигур Сергея Песецкого и Максима Горецкого. В журнале «Роднае слова» готовится к печати наш материал про внутреннее единство творцов, хотя они и не были знакомы. Менталитет писателей привел, каждого своим путем, к больной теме «раскіданага роднага гнязда».

Следующий шаг связан с социально-психологическими параллелями между циклами «минских романов» Песецкого и комедией Янки Купалы «Тутэйшыя». Произведения обоих писателей шли к читателю долго и тяжело. Потому что полноценное осмысление таких их качеств, как правдивое отражение конкретных исторических реалий, гуманистический и патриотический пафос, острая сатирическая направленность стали возможными только в наше время. Понятно, что анализ «минских романов» и «Тутэйшых» нельзя сводить к их непосредственному сопоставлению: слишком разные они как в жанре, структурном построении, так и в отражении конкретных проявлений жизни Минска того времени. Однако показательно, что действие в произведениях обоих авторов происходит в одном месте и приблизительно в одно время. При этом для писателей характерно стремление к исторической конкретизации. События у Песецкого охватывают период

с весны 1918 г. до начала 20-х гг. Купала в начале «Тутэйшых» конкретизирует время каждого из четырех действий: февраль, декабрь 1918 года, июль 1919 года, июнь 1920 года. Писатели недаром заостряют внимание читателя на времени действия. В Минске за два с половиной года четыре раза менялась власть: 21 февраля 1918 г. Минск оккупировали немецкие войска, вытеснили большевиков; 10 декабря 1918 г. немцы отошли, в Минск вступили части Красной Армии; большевистская власть держалась до 8 августа 1919 г., когда город оказался под властью наступающих поляков; 11 июля 1920 г. в Минск третий раз приходят большевики. В калейдоскопе событий отмеченного периода Минск успел побыть столицей и БНР, и БССР.

В произведениях Песецкого и Купалы жизнь города показывается через призму художественного мировоззрения в разных ракурсах, иллюстрируя авторскую идейно-философскую концепцию, временами детально, временами поверхностно, однако всегда правдиво. Исследователь белорусской литературы И. Замотин писал про драму «Тутэйшыя»: «Неоспоримо то, что взятая им [Купалой — авт.] для фона пьесы хронологическая полоса жизни Минска имела много характерных фактов, эпизодов... из которых внимательный художник слова мог скомпоновать целый ряд сюжетов и для эпического, и для драматического произведения». Необходимо отметить, что писатели нередко сами были свидетелями описанных событий, и в их произведениях в той или иной степени видимо присутствуют элементы автобиографичности.

Документальная точность в показе исторического времени Купалой и Песецким подтверждается белорусской публицистикой того времени, в частности, выступлениями в белорусской печати Язепа Лесика. Свидетельства Купалы, Песецкого и Лесика схожи и в описаниях минских реалий. Язеп Лесик писал: «Нет того дня и не проходит той ночи, чтобы где-то кого-то не убили и не ограбили. Грабят в самом центре города, на самых лучших улицах. Залазят в квартиры и на глазах хозяев забирают все домашнее добро». По меткому выражению Песецкого, образ жизни в Минске 1919 г. можно было определить как «сплошное злодейство». «Никогда город не покрывала такая волна преступлений, — писал Песецкий в заключительной, третьей части «минской трилогии». «Разбой, ограбления в квартирах и на улицах, издевательства над людьми стали отличительной чертой времени... Потому что раньше крали преимущественно профессиональные преступники и временами дилетанты, а теперь крадут и грабят большевистские солдаты, офицеры, чиновники, милиционеры». Купала в «Тутэйшых» не мог позволить себе такую неприкрытую критику большевиков: во времена создания пьесы они уже были полноправными хозяевами страны. Однако он высмеивает их на протяжении всего произведения, что выявляется через реплики героев, а также через введение образа защитника-большевика, который украл портмоне Никиты Зносака, а позже в качестве начальника патруля арестовывает того за грабеж.

Общее место действия в произведениях Песецкого и Купалы предопределяет подобие определенных городских реалий. Купаловская информация про существование в Минске винных складов «Филипп и Ко» и образ Филиппа Жордона Песецкого. Писатели создают достоверную атмосферу времени через упоминание ходовых товаров и цен на них. Никита Зносак берет уроки в танцклассе на улице Юрьевской, в том учреждении, где персонажи Песецкого совершают успешную операцию по похищению одежды и оружия во время бала, налаженного для чиновничьей элиты, офицеров и их барышень. И Соборная площадь объединяет произведения писателей. Никита Зносак выступает на ней с пафосными «ораториями». Для действующих лиц Купалы это — Брехаловка, место торговли, спекуляции валютой. Персонажи произведений Песецкого проходят через Соборную площадь по личным делам, а чаще — как заключенные, под стражей идя в тюрьму, которая размещалась тогда в одном из зданий, принадлежащих Кафедральному собору. Во всех произведениях присутствует насто-

ящая минская топонимика, оба писателя не обходятся без улиц Захарьевской, Койдановской, Комаровского и Нижнего рынков и т. д. И вполне возможно, что те самые лирник и шарманщик со спуска до Немиги были «переселены» писателями и в пьесу «Тутэйшыя», и в роман «Ночные боги». Каждое из произведений, вобрав в себя реальные черты Минска, расширяет, взаимодополняет наше, читательское, восприятие белорусского города того времени, образ которого с тех времен так колоритно вошел в художественную литературу, по существу, только благодаря Купале и Песецкому. В конце концов, с большой долей вероятности можно сказать, что в свое время в Минске они были почти соседями: Янка Купала жил в доме по Захарьевской, 135—137, Песецкий и его герои — в близких окрестностях (улица Каменная, на Золотой горке, при Военном кладбище), а также на той же Захарьевской, 157...

Весьма символичным кажется использование и Песецким, и Купалой блатного, уличного фольклора, который интересно представлен разного рода «злодейскими песенками», куплетами мещанских романсов и т. д. Строками того самого, переиначенного, как и у Песецкого, приспособленного к своему грозному времени «Яблочка», завершается пьеса «Тутэйшыя», жанр которой обозначен автором как «трагически-смешливые сцены в 4-х действиях». Эта песня с намеком на ЧК, — предостережение, предупреждение о трагичности судьбы будущей державы рабочих и крестьян.

В связи с особенностями биографии Песецкого (которому в свое время довелось быть и разведчиком, и контрабандистом) становится понятной концентрация писательского внимания к жизни социальных низов Минска того времени. Преобладающее большинство действующих лиц его произведений — профессиональные преступники, контрабандисты, мошенники, аутентичные представители так называемого «подземного царства». В этом специфика авторской философии: его герои стоят вне общества и заслуживают большего внимания и уважения, чем та «лучшая» часть общества, представители высшего «эшелона власти», которые представлены в произведениях в сознательно сниженном, последовательно отрицательном плане. Жизнь других жителей Минска, при всех реалистичных подробностях его описания, как правило, остается за кадром. В предисловии к объединенной версии минских романов, которую Песецкий оформил под названием «Туман», автор писал: «Я много раз имел возможность сравнивать этику и законы профессиональных преступников с теми же категориями понятий людей «механически» приличных. Преступник, которого судьба заставила скитаться по миру, неся свой крест по предназначенной нами тропе, если имеет характер, волю и сердце, есть Человек... Вместе с тем, человек «приличный», который во времена испытаний окажется грязной тряпкой, предателем, трусом, приличный только потому, что не было до этого ситуации испытания... Война, неволя и борьба за свободу много чему нас научили и, полагаю, сейчас мы сможем глубже и лучше оценивать людей».

Пафос «Тумана» — прежде всего, сохранение человеческого достоинства в любых обстоятельствах, сохранение человека как носителя культуры. Проблемы национальные на первый план писатель не выносит. Гуманистические идеи, присущие обоим писателям, у Песецкого имеют, в первую очередь, морально-этический, а у Купалы — национально-патриотический характер.

Нельзя не заметить, что, подходя к белорусскости, Песецкий описывает, прежде всего, крестьян, деревенских мужиков: они поют «белорусские и русские песни», их он наделяет определенными особенными характерными качествами (например, образ белорусского крестьянина, который имел прозвище Кася Смешная). Писатель говорит и про белорусскость партизан. У многих действующих лиц Песецкого — выразительные белорусские имена и фамилии: Забава, Борило, Баран, Нацевич, Жаба, Кнот, Щупак, Лысый, Павлинка и др. Однако в определении «белорусскости» судьбы самих белорусов позиция Песецкого далека от оптимистичной. В этом плане наиболее выразительно представлена ключе-

вая история под названием «Трое несуществующих» из романа «Пятый этап», в которой речь идет про «сильных, молодых, здоровых» парней, которых национальное самосознание позвало в Минск. Их убеждения разделял и автобиографический герой Песецкого Роман Забава. Показательно, что отец писателя Михаил Песецкий был шляхтичем православной веры, наследником достойного рода герба «Забава», корни которого можно найти в Новогрудском воеводстве XVI в. Очевидно, не только упомянутые персонажи, но и сам писатель, при другом раскладе жизни, никогда бы не смирился со статусом изгнанника. Что касается упомянутых героев-белорусов, то они, справедливо решив, что имеют право на Отечество-Беларусь, перешли советскую границу со стороны Польши — и стали жертвами ЧК.

Очень важным для понимания белорусскости Песецкого является его персонаж минчанин-интеллигент Обыватель. Герой имеет высшее образование; в дополнение к университетским знаниям, видимо, гуманитарным, он получил на Западе знания из более конкретной, прикладной агрономической науки, чтобы быть полезным своему народу. Наконец, чуть ли не главное в его жизни — то, что он пишет книгу. Это писатель, потенциальный философ и идеолог. Интерпретация строчки из «Интернационала» («Никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни царь и не герой»), тот смысл, который вкладывает в него литературный персонаж, определяет позицию и героя, и самого Песецкого одновременно. Песецкий не дал своему герою ни имени, ни фамилии. Литературный персонаж на просторе художественных текстов существует под именем Obyvatel — Гражданин. И мы воспринимаем его как гражданина земли белорусской. Логика развития художественного характера, жизненный опыт, с высоты которого Песецкий оценивал трагические 20-е годы, подсказали завершение судьбы Гражданина: в числе девяти заключенных он погибает от большевистской пули в Комаровском урочище — предшественнике более поздних Куропатов. В анналах ЧК осталась конфискованная рукопись его недописанной книги с показательным названием, которое дало обобщенное наименование всей минской трилогии Песецкого. В оригинале название рукописи Гражданина, как и всей трилогии, обозначено словом «Mgla». «Mgla» обозначает «туман», и в белорусской литературе — это устоявшийся кодовый знак. Упомянем здесь, прежде всего, повесть Василя Быкова «В тумане» — с тем же опорным символом в заглавии...

Показательным можно считать и фамилию самого Песецкого — в плане культурного ореола ее функционирования. В пьесе Якуба Коласа «Забастоўшчыкі», написанной к 20-летию первого белорусского учительского съезда, реальная личность, секретарь съезда Александр Райский, выступает под фамилией Песецкий. Как видим, в мировоззренческой концепции классика белорусской литературы фамилия Песецкий целиком вписывается в идею белорусскости. Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: Райский учительствовал в Старом Селе, которое находится как раз на пути между Раковом и Минском, по которому не однажды ходили и сам писатель Сергей Песецкий, и его герои. После освобождения Якуба Коласа из минской тюрьмы в 1912 г. Райский, который работал в то время уже в канцелярии минского губернатора, помог писателю устроиться на работу. Таким чудесным образом пересеклась и реальная жизнь, и художественный вымысел.

Раковско-минские романы Песецкого вписываются в русло тематики современной белорусской литературы. Назовем хотя бы повесть Андрея Федоренко «Нічые». В ней находим дополнительные штрихи к той общей картине 20—30-х гг. XX в., над воссозданием которой работают современные белорусские историки. Тут и хронотоп истории, и уроки истории, и неиспользованные подсказки, и просто конкретные подробности жизни, когда вслед за «контрабандистским Эльдорадо» Раковом появляется Семежево как образ нищенской «земли обетованной» со своими законами, традициями, языком. Отметим также, что Федоренко использует документально-художественное свидетельство Песецкого: в част-

ности, эпизод нападения партизанского отряда Монича на деревню Кулешово, описанный в романе Песецкого «Никто не даст нам избавленья».

Вообще контекстуальное прочтение произведений Песецкого показывает, что взаимоотношения Песецкого и белорусской словесности выявляют характер встречных течений. Песецкий был участником «зеленодубовского» движения. И этот факт биографии писателя нашел опосредованное отражение в его произведениях. Есть у Песецкого и упоминания руководителя «Зеленого дуба» Дергача. Сегодня известно, что патриотизм Дергача находил свою реализацию не только через боевые походы. Дергач — псевдоним Вячеслава Адамовича, который в мирное время был организатором культурной белорусской жизни, принимал участие в работе театральной группы, успел выступить в печати того времени, минской и виленской, как писатель. В газетах и журналах печатались «лясныя нарысы» Адамовича, в Вильне в 1924 г. вышли отдельным изданием рассказы Дергача под названием «Тыпы Палесся. Абразкі і легенды»...

Читал ли Песецкий Вячеслава Адамовича? Полагаем, что читал. В произведениях Адамовича упоминаются места из маршрута Песецкого, описанного в романе «Ночные боги». Художественная концепция Адамовича включает в себя мифологическое народное мышление. В этом плане Песецкий отличается от Адамовича: он не собирал легенды, предания, не считал нужным обращаться к фольклору как истоку народной памяти, как хранителю древних языческих представлений. Однако все описания полесских болот, речушек, лесных тропинок у обоих авторов соответствуют реальности. Главное место в образе белорусского пространства оба писателя отводят лесу. Мысли и чувства героев выявляет их поэтизация леса, месяца, звезд. У Песецкого с таким эмоциональным настроением можно встретиться на многих страницах каждого его «белорусского» произведения...

Человек. Природа. Родная земля. Это те параметры экзистенции, которые вообще сближают художников слова. Сергей Песецкий и Вячеслав Адамович, в каком-то роде, близки, как никто другой. Потому что в произведениях обоих писателей фигурируют тот самый человек, та же самая природа, отражается то самое время, те же самые события. И та же земля для их героев является родной.

Следовательно, образы-персонажи, конкретные сюжетные ходы произведений писателя, биография его самого, сущность его художественного наследия вписывают Песецкого в феномен белорусской «тутэйшасці».

Современные литературоведы, теоретики литературного процесса расширяют контекстуальное поле анализа художественного произведения. Если традиционно при познании произведения на первое место ставились вопросы жизни и творчества автора, то сегодня в цепочке «автор — произведение — читатель» акцент переносится на личность читателя как центральную, формируется система методологических принципов рецептивной критики. Обобщая мысли, высказанные зарубежными теоретиками, украинский ученый Д. Наливайко в работе «Литературная компаративистика вчера и сегодня» утверждает, что «содержание произведения» — это соединение двух факторов: горизонта надежд (или первичного кода) и горизонта жизненного опыта (вторичного кода), что появляется благодаря реципиенту». Важна и следующая мысль, высказанная А. Драновым: эстетический опыт человека-реципиента позволяет при новом знакомстве с текстом осуществлять процесс «самореализации собственного «я»». Таким образом, диалогизм художественного текста с международным реципиентом — это целенаправленная социологизированная акция.

Белорусский реципиент произведений Сергея Песецкого имеет право на использование того собственного эстетического опыта, тех знаний, которыми он владеет сегодня. Пересмотр определенных периодов истории Беларуси, снятие политического табу с произведений писателей, которые были несправедливо зачислены к «врагам народа», расширяет границы культурно-исторических, сравнительно-исторических, психологических, филологических рецепций

художественного текста. Знакомство граждан суверенной Республики Беларусь с «белорусскими произведениями» Песецкого должно содействовать им в поисках возможностей самореализации собственного «я». Таким образом, при обращении к «белорусскому циклу» произведений Песецкого мы реализуем и генетический, и функциональный анализ.

Наш подход к творческому наследию «Любовника Большой Медведицы» — это дискурсивный подход, умственно-аналитический, осуществленный на основе собственных литературоведческих наблюдений за художественным стилем Сергея Песецкого. Поиски интерпретативных ключей, которые позволяют увидеть автора в свете творческой коммуникации и системного понятия художественного произведения, временами приводили нас к выводам, что являются альтернативными к суждениям западноевропейских исследователей. Очевидно, выявился в нашем исследовании и чувственно-эмоциональный подход к творчеству писателя. Не будем отказываться: руководило нами ощущение, по крайней мере, части тех флюидов, которыми живилось творческое воображение Сергея Песецкого, того тепла, того магнетизма, того «психического тока», которые дает человеку его родная земля.

Эмпирика, статистика, аналитика, выявленные в творчестве писателя, требуют более глубокого познания международной политической, исторической, культурно-национальной атмосферы первых десятилетий XX века. Диалог между представителями разных поколений польской и белорусской национальных культур, с учетом современного состояния гуманитарных дисциплин, должен продолжаться. И нужно сосредоточится на вопросах, которые, на наш взгляд, не получили в зарубежном литературоведении надлежащего освещения. Среди них — восточнославянский, русский, белорусский, а также украинский контекст, характер и творческие параметры которого определяют основы художественного стиля большинства произведений знаменитого писателя Сергея Песецкого.

Перевод с белорусского Юлии АЛЕЙЧЕНКО.

ТАТЬЯНА ШАМЯКИНА

Романтика советской науки[*]

Была ли Атлантида?

Миф об Атлантиде в СССР

В слове «Атлантида» — отзвук волшебства, интригующей тайны, волнующей исторической загадки. Это понятие окутано романтическим ореолом и является, пожалуй, самым красивым, притягательным, таинственным мифом человечества. Притом в нашем отношении к этому мифу есть какая-то мучительная сладость. Ведь мы уже пережили погружение в небытие одной «Атлантиды» — советской, по которой и жалость, и ностальгия, и разочарование от собственной прежней в нее веры. А впереди, быть может, гибель вообще всей человеческой цивилизации, то, что уже случилось однажды, а, может, бывало и не раз...

Сложно сейчас сказать, когда миф об Атлантиде овладел сознанием нашего поколения. Произошло это где-то в 1950—1960-х годах. Сначала стали появляться статьи в научно-популярных журналах, затем и книги. В 1980-е годы их было уже превеликое множество. Однако начинали мы, безусловно, с художественных произведений. Полагаю, это была «Аэлита» А. Н. Толстого.

Русский писатель Алексей Николаевич Толстой, в отличие от сегодняшнего времени, в советское был необычайно популярен и часто издавался. Его романы «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» составляли отдельный том в очень любимой молодежью «Библиотеке приключений». По обоим произведениям сняты фильмы: по первому еще в 1920-х годах, немой, по второму полнометражный — в 1950-х, а затем многосерийный в 1970-х, который и сейчас повторяется практически ежегодно.

Роману «Аэлита», как это ни странно звучит, стоило бы ныне придать особую злободневность. Ведь сегодня нас усердно потчуют «новаторской» идеей, что люди — вовсе не аборигены на Земле, а пришельцы, скорее всего, с Марса. В романе же, наоборот, Марс колонизирован землянами. Качающееся коромысло: они к нам, мы — к ним... О новом заселении человечеством Марса в наши дни говорят все чаще, все настойчивее. Уже выставлены на продажу участки территории красной планеты... Полный бред. И нужен он господам, властителям дискурса, лишь затем, чтобы еще и еще раз подчеркнуть незыблемость принципа частной собственности, чтобы засел проклятый торгашеский закон в людях навечно.

А с точки зрения научной и технической уже мы в юности смеялись с той легкости, с какой герои А. Толстого в «Аэлите» взяли да и прилетели легонько на Марс. Однако на самом деле, как я поняла значительно позже, дело вообще заключалось не в техническом проекте. Важно то, что Марс в романе заселен переселенцами с Земли, а именно — из Атлантиды. Историю Атлантиды в нескольких разделах-вставках рассказывает главная героиня произведения — Аэлита. В ее

---

[*] Продолжение. Начало в № 12, 2013 и №№1, 3, 4 2014 г.

рассказе, а вовсе не в условиях жизни на Марсе и приключениях там земных героев — суть повествования. Марсианский быт читателя не захватывает, да и сама героиня, тонкая, нежная, жаждущая душевной привязанности, ставшая любимой в СССР из-за имени (оно встречалось мне не раз), мучается от одиночества на этой планете, которая давно стала родной для ее предков.

Толстой отдает некоторую дань эпохе, показывая восстание на Марсе неимущих трудящихся против господствующего класса. Но эта дань именно времени, революционным настроениям, а не властям. Толстой, любимец Сталина, за что имя его сегодня усиленно топчут либо упорно замалчивают, всегда, однако, оставался типичным барином и любил именоваться «красным графом». Да и дети-внуки в него пошли. Несомненно талантливая писательница Татьяна Толстая, в отличие от деда, как раз пользуется большим пиететом и влиянием в российской либеральной тусовке. А об ее родителе, сыне знаменитого писателя, колоритно рассказал мой отец. Дело было в начале 1950-х годов, в Доме творчества писателей под Одессой. Неопытный водитель, Шамякин на своей «Победе» задел ЗИЛ Никиты Толстого. Переживал. Однако даю ему слово на языке оригинала: «Ледзьве дачакаўся снедання. Млеючы, наблізіўся да яго стала, амаль пакланіўся.

— Прабачце, Мікіта Аляксеевіч. Я няўзнак зачапіў вашу машыну. Дробязь... Падфарнік разбіў.

Ён акінуў мяне зняважлівым, спапяляльным позіркам. Ні слова не сказаўшы, злосна адсунуў талерку, падняўся і пайшоў са сталоўкі. Я — за ім. Ён — доўгі, я — кароткі. Я бег за ім, як вінаваты песік. Ён глянуў на машыну, пераканаўся, што пашкоджанні нязначныя, і... ашчаслівіў мяне — сказаў без эмоцый:

— Трэба адрамантаваць.

— Канешне, Мікіта Аляксеевіч. Сёння ж папрашу шафёраў». Все было аккуратно сделано. «Праз якую гадзіну, не больш, я дакладваў фізіку, што машына адрамантавана:

— Не ўбачыце, дзе і пашкоджаная была.

Але на мае словы, бадай, жартаўлівыя, — у адказ ні слова. Гэтак жа, як у час снедання, падняўся з качалкі, пайшоў паглядзеў... І зноў — ні слова. Абразліва. Упэўнены, што з любым іншым рускім, украінцам, беларусам пасля такога «знаёмства» і такога мірнага вырашэння канфлікту, калі не пасябраваў бы, то пэўным чынам зблізіўся б. Так думаў і думаю зараз. Не так думаў дваранін. Я пачціва кланяўся яму. Ён ні разу не адказаў нават кіўком галавы. Але, калі я не пакланіўся, ён (бачыла Маша) асуджальна паглядзеў мне ўслед. Арыстакрат...»

Да, конечно, таким и должен быть настоящий барин! Сколько аристократического пренебрежения к малым сим! Я не могла не привести этот характерный эпизод, так как он много объясняет в словах и поступках такой очень модной ныне дамы, как Татьяна Никитична, хотя бы ее поведение в телевизионной «Школе злословия», которую она ведет вместе с еще одной внучкой знаменитого писателя, пусть и не такого блистательного, как «красный граф». Объясняет и вообще отношение всех, считающих себя элитой, к плебсу. В самом деле, кто такой Шамякин для элитария Никиты Толстого — какой-то белорус, мужик, деревенщина, пусть себе и лауреат Сталинской премии!

Однако возвращаюсь к Алексею Николаевичу, личности, безусловно, значительной и к элите справедливо причисленной. Его совершенно не интересовала революция на Марсе — бросил этим сюжетным мотивом кость тогдашним, да и более поздним марксистским критикам; потому, кстати, и издавался роман так активно. Писатель был мастер на подобные штуки, недаром слыл прожженным циником, достаточно почитать воспоминания о нем Ивана Бунина. А вообще-то Толстой — настоящий глубокий философ: для него важно устами героини донести свое понимание земной працивилизации, которая стала основой для всех других, существовавших и существующих на Земле цивилизаций. «В те далекие времена, — пишет он, — на Земле центром мира был город Ста Золотых Ворот, ныне лежащий на дне океана». Для мудрого писателя миф об Атлантиде — повод

порассуждать о судьбе человеческой культуры, что, конечно же, не могло его не волновать на переломе времен (роман задумывался в 1921 г.).

Мастер красочно, как умел только он с его виртуозным стилем, описывает царивший в Атлантиде золотой век, однако прозорливо по отношению к нам, сегодняшним, замечает: «Но вот мудрейшие из посвященных в знание стали понимать, что во всем росте цивилизации царит первородный грех. Дальнейшее развитие знания должно привести к гибели: человечество поразит само себя, как змея, жалящая себя в хвост». Очень точно и актуально. Кроме того, последний образ, как и некоторые другие (например, иное название столицы Атлантиды — Туле), выдает хорошее знакомство писателя с масонской доктриной и символикой. Конечно же, Алексей Толстой, как и его современник Валерий Брюсов, тоже страстно увлекавшийся Атлантидой, да и многие другие творцы Серебряного века, читал материалы тайных орденов о затопленных материках. Эти предназначенные только для посвященных рукописи — именно то, что в наибольшей степени всегда привлекало и привлекает интеллигентов, жаждущих прикоснуться к тайнам мира. И это приобщение к загадкам земной истории ставило их над толпой — не дворянство, не богатство и не слава, а потаенное знание давало ощущение элитарности, которое, естественно, и потомкам передалось.

Действительно, в любых разговорах об Атлантиде всегда немножечко торчат ушки оккультной доктрины. Но тем не менее и научная проблема Атлантиды реально существует. Просто оккультизм, скажем, теософия, розенкрейцерство, узурпировал ее, владея древнейшими документами. Наука нового времени вообще имеет оккультные корни, как очень хорошо показала в своих широко известных на Западе работах Фрэнсис Йейтс.

Нам в СССР совсем не случайно в 1960-е годы была подброшена идея Атлантиды, как в дальнейшем, на переломе 1980—90-х, — и информация о тамплиерах, предшественниках масонов, — книги о них выходили буквально сотнями. Уже сейчас об Атлантиде почти не пишут, кроме русских авторов (но у них — другие «Атлантиды»). Античный миф в общем-то не нужен в наше время — детский лепет, сказочка для прекраснодушных интеллигентов; все унеслось далеко вперед. Но тогда эта идея, которую мы, как наживку, жадно заглотнули, решала множество задач: и углубляла наш атеизм, отвращала от просыпающегося интереса к Библии, и давала представление об ином типе государства, и внушала неясные мечты. Однако как во всякой большой идее, в ней сложно разделить плюсы и минусы. Конечно же, она несла огромный позитив, расширяла горизонты познания, говорила о неведомом. Именно потому *сейчас* для внедрения в массовое сознание не востребована (задача ведь — оглуплять пипл, а не развивать), хотя ученых продолжает интриговать.

Советская наука Атлантидой занялась всерьез, выполняя, *как я сейчас думаю*, заказ военных. Даже если идея подброшена «с той стороны» (что совсем не факт), то власти в СССР разумно ею воспользовались.

Известным в советское время и наиболее авторитетным в международных кругах знатоком затонувшего материка считается Николай Феодосьевич Жиров. Все обзоры научной литературы в книгах разных авторов об Атлантиде неизменно начинаются с его трудов, изданных в 1957 г. («Атлантида») и в 1964 г. («Атлантида. Основные проблемы атлантологии»). На Н. Жирова неоднократно ссылался и очень уважительно о нем отзывался другой признанный авторитет в этой области, но уже на Западе, — Отто Мук.

Далеко не сразу я узнала, что они, хотя и находились во время Второй мировой войны по разные стороны баррикад, сходились не только в своем интересе к исчезнувшей цивилизации, но и в конспирологической службе.

Вообще корни *особого* интереса к Атлантиде в XX веке необходимо искать в идеологии национал-социализма. Научная, философская и геополитическая доктрина фашистской Германии — оккультная. Об этом мне, аспирантке, говорил еще мой учитель академик Иван Яковлевич Науменко, замечательный филолог,

феноменально эрудированный исследователь и народный писатель Беларуси, причем как писатель — настоящий романтик. Он считал, что немецкие ученые, прекрасно изучив германскую языческую мифологию, неизбежно потянулись за тайным знанием, бережно хранимым в оккультных орденах. В результате в Третьем рейхе утвердились три приоритета в научных исследованиях: ледяная космогония, полая земля и Атлантида.

Оккультисты Германии были уверены, что спасшиеся после катаклизма жители Атлантиды продолжают существовать в городах на дне океана или в полостях, многочисленных пещерах под землей, создав там уникальную цивилизацию, значительно обогнавшую нашу по техническим достижениям. Ученые из немецких научных обществ «Туле» и «Аненэрбе» («Наследие предков») снаряжали экспедиции по всей планете, привозя из них, надо сказать, удивительные археологические артефакты. Основывались они и на некоторых поразительных событиях, летопись которых ведется с XIX века. Например, в 1879 г. команда английского военного корабля «Вэлчер» видела огромные подводные «колеса», имевшие по 16 «спиц» из светящихся лучей. Огненные «спицы» крутились со скоростью примерно 130 км в час. В 1880 г. подобное явление наблюдали моряки с кораблей «Шахинхин» у Малабарского побережья и «Патна» в Персидском заливе. Длина лучей в «колесах» составляла около 600 м. Схожие случаи позже описывались десятки раз, в том числе и советскими моряками. Еще в XIX веке замечали и некие, уходящие в воду, воздушные объекты. Так, в 1884 г. английское судно «Иннеруиш» чуть не перевернула сильная волна, вызванная круглым объектом, который с пронзительным звуком опустился в океан. В 1887 г. над голландским судном «Джинни Эй» появились два диска. Один из них также «нырнул» в воду (по М. Ершову).

Фашисты, тщательно собирая подобные факты и исторические реликвии, например, «Копье Судьбы», надеялись установить связь с исчезнувшей цивилизацией. Поэтому Третий рейх еще в 1930-е годы активно осваивал... Антарктиду, особенно Землю Королевы Мод, и создал там в огромных пещерах свои военные и научно-технические базы благодаря большому и хорошо оснащенному подводному флоту. Так, в 1944 г. у рейха было 1113 дизельных субмарин, а у СССР всего 200. Разрыв существенный. Будущий известнейший ученый-атлантолог Отто Мук, уже упоминавшийся выше, участвовал в проекте «Атлантида», в частности, разрабатывал двигатели для подводных лодок. Он же их испытывал. При испытаниях занимался исследованием дна Атлантического океана для подтверждения фашистской доктрины.

Сразу же после Победы основная часть архивов рейха досталась США и СССР. Большинство научных институтов «Аненэрбе» находилось в Западной Германии, потому их наибогатейшее имущество захватили американцы. Однако и в СССР архив с оккультными тайнами Германии был вывезен в 25 вагонах. И тут же оказался строго засекречен.

В июле 1945 г. в Берлин по специальному заданию направлен доктор химических наук Н. Ф. Жиров, будущий знаменитый советский знаток утонувшего материка. Его биограф Александр Воронин пишет: «В первой биографии выдающегося русского атлантолога я предположил, что Жиров был отправлен в Берлин сразу же после окончания войны не только как специалист по взрывчатым веществам и боеприпасам. Руководители этой акции знали следующие его способности: умение расшифровывать сложные криптограммы, начитанность, знание нескольких иностранных языков, в том числе и немецкого, глубокие познания в спецхимии. Не секрет, что немцы разрабатывали биологическое, химическое и психологическое оружие, состав которого они могли получить в своих секретных экспедициях в различные части планеты. Разработки эти, возможно, также восходили к остаткам древних знаний допотопных цивилизаций, в том числе и Атлантиды».

Я думаю, что талантливый ученый Н. Жиров также участвовал в подводных исследованиях, как и Отто Мук. И оба знакомились с тайными архивами.

После войны центр атлантологии из Германии переместился в США. Однако и в СССР какие-то движения в этом направлении отмечались. Для них целенаправленно готовилась почва.

Жаль, что никто не изучал влияние искусства, в частности, литературы и кино, на научный поиск. Это не обязательно конкретные идеи — о них-то как раз говорилось, а создание определенной *атмосферы*, которая способствовала пробуждению интереса к тем или иным проблемам. В 1957 году, сразу после появления книги Н. Жирова, в СССР выходит художественный научно-фантастический фильм «Тайна двух океанов», снятый по роману Григория Адамова, написанному еще в 1939 году. Книга и фильм посвящены плаванию подлодки «Пионер», чуда советской техники, из Ленинграда во Владивосток через Атлантический и Тихий океаны. Книга в те десятилетия, 1940—1950-е гг., широко издавалась и тоже входила в «Библиотеку приключений», а это значит, как бы в обязательный список чтения для подростков и молодежи. Фильм же, как сейчас помнится, не цветной, но достаточно зрелищный, с использованием мультипликации, комбинированных съемок. Кроме того, в нем играли замечательные актеры, например, любимец советских зрителей Александр Столяров, всегда воплощавших благородных героев на экране. Подробное киноизображение подводного мира молодых увлекало и побуждало к мечтам.

В те же самые годы мы переживали буквально бум увлечения творчеством Александра Грина, его романами «Алые паруса», «Бегущая по волнам», «Золотая цепь», где романтизировалась морская тематика. На экраны вышел неплохой фильм «Алые паруса» с красавцем Василием Лановым и красавицей Анастасией Вертинской в главных ролях.

В 1961 г. со дна стокгольмского залива был поднят флагман шведского флота корабль «Ваза». О всех перипетиях его восстановления широко писала советская пресса. И это тоже способствовало романтическим мечтам о море.

В 1962 году в СССР поставлен фильм «Человек-амфибия», созданный по роману Александра Беляева. Здесь поэтизировался подводный мир, морские просторы. Фильм побил все рекорды популярности, его в тот же год посмотрело 40 миллионов зрителей.

В то время все научно-популярные журналы печатали описания батисфер и гидростатов; помещали проекты подводных и надводных городов, особых типов донных домов; восхваляли деятельность Жака Ива Кусто, хотя он и шпионил у берегов тогдашней Югославии; сотни публикаций привлекали внимание к разуму дельфинов. Воспитывался человек-романтик, мечтатель, жаждущий открытий. Ведь только романтик способен жить и работать в совершенно неприспособленных для этого условиях — в космосе и под водой.

Однако взлелеянное поколение романтиков уже к 1980-х годам оказалось невостребованным. Кто-то маргинализировался, большинство ушло в совсем неромантические сферы.

И все же на счету этого замечательного поколения множество достижений. Взять хотя бы самое начало процесса. Сразу после выхода фильма «Тайна двух океанов» и монографии Н. Жирова в СМИ просачиваются сведения, что в районе Кубы в прибрежных водах якобы обнаружены остатки циклопических сооружений. Они вполне там могли быть, ведь уровень мирового океана 12 тысяч лет назад поднялся, и были затоплены значительные территории, на которых размещались, видимо, колонии атлантов. Американцы полагали, что развалины видели и изучали советские подводные лодки. Так это или не так, но только вброшенный в СМИ факт (с чьей стороны — непонятно), как и фильм «Тайна двух океанов», как и книга Н. Жирова, сразу вызвал огромный интерес к поискам Атлантиды. А вскоре подводные исследования стали благоприятным предлогом для появления в акватории Атлантического океана большого количества советских научных кораблей.

Посмотрев по разным источникам, я поразилась количеству океанографических судов, участвовавших в поисках Атлантиды: «Витязь», «Московский

Университет», «Седов», «Владимир Воробьев», «Профессор Павленко», «Академик Курчатов» и многие другие. Это только официальные экспедиции. Причем неизвестно, сколько кораблей было действительно научных, а сколько замаскированных под научные. А еще добавим невидимые подводные лодки. Время от времени — видимо, так было задумано — возникали масс-медийные сенсации, например, некие геологические образования, поднятые «Витязем» с подводной горы Ампер, явно свидетельствовали о том, что сформировались они в прошлом на поверхности земли, и Ампер стал очень реальным претендентом на Атлантиду. Шум в СМИ относительно этих находок, как я думаю сейчас, был операцией прикрытия для советского Военно-морского флота и спецслужб. Во всяком случае, полагаю, что дно Атлантического океана изучили под предлогом поисков Атлантиды основательно. Подчеркиваю, что ни о чем подобном не читала, а вывожу собственные умозаключения на основе косвенных фактов.

В частности, сошлюсь на капитана первого ранга в отставке, ветерана-подводника Вадима Кулинченко. Он описывает жесткое противостояние СССР и США в 1962 г., известное как «Карибский кризис», поставивший мир на грань мировой войны: «Мы прибыли в назначенный район, преодолев все противолодочные рубежи НАТО и США. И не имея никакой информации по текущей обстановке, наши лодки несколько недель патрулировали район Бермудского треугольника, ориентируясь только на данные группы перехвата. О сложности патрулирования можно судить только по тому, что каждой нашей субмарине противостояли противолодочный авианосец и около пятидесяти надводных кораблей с поисковой аппаратурой. Да еще и авиация».

Тем не менее, несмотря на постоянные вражеские погони и мощные торпедные атаки, советские подлодки умели успешно уходить от преследователей. Думаю, во многом благодаря прекрасному знанию акватории океана, мест, где можно схорониться. Позднее уже не дизельные, а атомные советские, затем российские подводные корабли, тот же «Курск», незаметно проходили через Атлантический океан и ложились на дно перед США, держа восточную часть страны под прицелом. Вот почему гибель «Курска», так тяжело воспринятая в России и в Беларуси, стала для США большой геополитической и военной удачей.

О секретной атлантологии широкая публика практически не имеет понятия. А явная наука достигла значительных успехов, на дне океана сделаны интересные открытия. О них существует обширная литература.

На закате советской империи, на рубеже 1980—1990-х годов, когда цензуры уже практически не существовало, но зато и глупостей печаталось немало, вдруг реанимировалась идея Атлантиды. И в то смутное время — с явной апологетикой оккультизма. Появилось много материалов об американском «спящем пророке» Эдгаре Кейси (умер в 1945 г.), который успешно лечил людей психотерапевтическими методами, но главным образом пророчествовал об Атлантиде. Серьезные американские исследователи Питер Джеймс и Ник Торп пишут о нем: «Кейси оформлял в письменном виде десятки экстрасенсорных «сообщений» об Атлантиде, полученных с помощью довольно любопытного метода. Он «вспоминал» жизни людей, обращавшихся к нему за консультацией со своими психологическими проблемами. Убежденный в том, что глубоко укорененные страхи многих людей являются результатом неких травм, пережитых в прошлых воплощениях, Кейси погружался в состояние транса, в котором он мог общаться с «сущностями» из их предыдущей жизни. Его высказывания записывались помощниками, а затем подвергались интерпретации. Клиенты, должно быть, чувствовали, что эта процедура каким-то образом помогает им, так как они продолжали приходить».

На самом же деле, одиноким и тяжко выживающим в условиях капитализма людям было важно, чтобы их хотя бы кто-то выслушал, чем и пользовался авантюрист. Всего им сделано 2500 интерпретаций чужих жизней. Из них 700 относятся к предыдущим существованиям душ в Атлантиде. Его рассказы об Атлантиде, ее гибели, потрясали американских читателей. Однако сведущим

людям видно, что он умненько основывался на «Тайной доктрине» основательницы теософии Елены Петровны Блаватской, приправляя ее писания собственными измышлениями с учетом технических достижений уже XX века. Ничего особо замечательного в его фантазиях не просматривается. Однако американскому невежественному обывателю казался удивительным выдуманный Кейси таинственный кристалл, питавший Атлантиду энергией, или египетский Сфинкс, от лапы которого ведет ход к библиотеке манускриптов из Атлантиды, якобы сохраненных перед катастрофой жрецами. Сегодня нелепые фантазии Кейси настолько вошли в сознание даже и образованных людей, что воспринимаются истиной в последней инстанции и никакому сомнению не подвергаются.

А на излете советской эпохи многочисленные восторженные публикации о Кейси шли синхронно с гремевшей славой Ванги и сеансами телевизионных магов Анатолия Кашпировского и Алана Чумака. Происходило массированное оглупление наивных советских людей, привыкших безоговорочно верить официальным СМИ.

Впрочем, вера в чудо — органическая, естественная потребность любого человека, в том числе и властителя. Ведь и Гитлер верил до конца, что появятся из пещер Тибета или прилетят на дисках «великие неизвестные», жители подземно-подводной Атлантиды, и спасут рейх. Однако они так и не появились. Хотя о личном спасении Гитлера и других фашистских бонз, в том числе спасении их в антарктической Новой Швабии, существует в наше время обширнейшая современная мифология.

Атлантида Платона

Разговор об Атлантиде — повод вспомнить выдающихся людей, философов и ученых, заложивших основы западной цивилизации.

О материке-государстве Атлантиде впервые поведал миру древнегреческий философ Аристокл, более известный под именем Платон Афинский (427—347 гг. до н. э.), ученик величайшего философа V века до н. э. Сократа.

Отец Платона происходил из рода последнего афинского царя Кодра; предком его по линии матери был законодатель Солон (640—559 гг. до н. э.), который много путешествовал и, в частности, прожил около десяти лет в Египте. Там Солон вел беседы со жрецами богини Нейт из города Саиса о древнейших временах и познакомился с документами, относящимися к далекому прошлому Египта, Греции и... Атлантиды.

Солон чрезвычайно почитался у себя на родине. Он был архонтом, то есть правителем Афин, за 200 лет до Платона. Пришел к власти на волне уважения народа к его мудрости и учености. Правил славно, по утвержденным им законам жили последующие поколения греков. Сам Солон возводил свой род непосредственно к богу морей *Посейдону*, который основал первый царский род Атлантиды. Вот почему Солон так живо интересовался Атлантидой и выспрашивал о ней у египетских жрецов — по существу он интересовался собственной родословной.

Славяне тоже почитали Посейдона (его трезубец, который обычно считают гербом Рюриковичей, — сегодня герб независимой Украины). Бога морей наши предки звали Поддонным царем, Поддонником или просто Доном, иногда — Черноморским змеем, Черноморцем. Известный русский исследователь мифологии Александр Асов рассказывает: «Казаки и ныне поют песни о некоем казаке Черноморце, выезжавшем к морю на вороных скакунах... И между прочим, в *Беларуси* сохранился текст этой песни (впервые изданной в прошлом веке), в которой та же мелодия, почти те же слова, но где Черноморец уже не казак, а именно Морской царь. Выходит он из Черного моря и сватается к некоей царице, которая его отвергает». Далее А. Асов исследует генеалогию Солона, а значит, Платона, и

находит в ней не только атлантские, но и славянские корни. Иначе говоря, греки и славяне имеют общую родословную, и корни ее якобы в Атлантиде.

Платон, происходивший из царского рода, значит, из высшей аристократии, негативно относился к демократии. Между тем именно демократия утвердилась в Афинах в V веке до н. э. Только в 404 г. до н. э. она пала, и к власти в городе пришли тридцать тиранов (в то время это слово означало просто «правитель»). Среди них был и дядя Платона Критий. Правда, через год Крития убили, и демократия в городе вновь восторжествовала — она часто торжествует через убийства и мучения людей. Политические события вынуждают молодого Платона покинуть Афины. Какое-то время он странствовал по Средиземноморью и, как и его предок Солон, посетил Египет. Может быть, это именно Платон, проходя посвящение у жрецов Египта, услышал легенду об Атлантиде, а приписал ее Солону, зная, каким авторитетом пользуется его имя в Греции.

Однако, скорее всего, в семье сохранились записи Солона, которыми Платон и воспользовался. Он рассказал об Атлантиде в двух своих самых знаменитых философских диалогах «Тимей» и «Критий», которые представляют собой пересказ бесед учеников Сократа. В первом из них, «Тимее», дано описание афинского государства, воюющего с атлантами, а во втором, «Критии», и рассказывается подробно об Атлантиде. Оба эти произведения образуют единый цикл, к которому можно добавить еще третий диалог Платона — «Государство» (в нем, со ссылкой на Сократа, повествуется о «путешествии» в загробный мир). Во всех трех произведениях беседуют одни и те же лица. В диалоге «Тимей» в роли рассказчика выступает родственник Платона поэт и историк Критий-младший, являвшийся одним из учеников Сократа. В дружеском кругу Критий излагает древнее сказание, услышанное от своего деда Крития-старшего, которому якобы передал его сам Солон.

Критий повествует, при каких обстоятельствах (был греческий праздник поэзии) Солон поведал свой рассказ. Он начал с описания египетского города Саиса, в котором жители весьма дружественно относились к афинянам. Солона приняли с большим почетом. Он расспрашивал у местных жрецов о древних временах и сам рассказывал о прародителях эллинов Девкалионе и Пирре, переживших потоп. «И тогда воскликнул один из жрецов, человек весьма преклонных лет: «Ах, Солон, Солон! Вы, эллины, вечно остаетесь детьми, и нет среди эллинов старца!» — «Почему ты так говоришь?» — спросил Солон. — «Вы все юны умом, — ответил тот, — ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. Причина же тому вот какая. Уже были и еще будут многократные и различные случаи погибели людей, и притом самые страшные — из-за огня и воды, а другие, менее значительные — из-за тысяч других бедствий. Отсюда и распространенное у вас сказание о Фаэтоне, сыне Гелиоса, который будто бы некогда запряг отцовскую колесницу, но не смог направить ее по отцовскому пути и потому спалил все на земле и сам погиб, испепеленный молнией. Положим, у этого сказания облик мифа, но в нем содержится и правда: в самом деле, тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей, и потому через известные промежутки времени все на Земле гибнет от великого пожара. В такие времена обитатели гор и возвышенных либо сухих мест подпадают более полному истреблению, нежели те, кто живет возле рек или моря; а потому постоянный наш благодетель Нил и в этой беде спасает нас, разливаясь. Когда же боги, творя над землей очищение, затопляют ее водами, уцелеть могут только волопасы и скотоводы в горах, между тем как обитатели ваших городов оказываются унесены потоками в море; но в нашей стране вода ни в такое время, ни в какое-либо иное не падает на поля сверху, а, напротив, по природе своей поднимается снизу. По этой причине сохраняющиеся у нас предания древнее всех прочих, хотя и верно, что во всех землях, где тому не препятствует чрезмерный холод или жар, род человеческий неизменно существует в большем или меньшем числе. Какое бы славное

или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в нашем краю или в любой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и прочих народов всякий раз, как только успеет выработаться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих. Взять хотя бы те ваши родословные, Солон, которые ты только что излагал, ведь они почти ничем не отличаются от детских сказок. Так, вы храните память только об одном потопе, а ведь их было много до этого...»

Таким образом, мудрый египетский жрец, в пересказе Солона, а затем Крития, утверждал, что на памяти человечества был не один потоп, а несколько. Далее он рассказывает о государстве, «что ныне известно под именем Афин». Это государство воевало с Атлантидой, которая находилась в Атлантическом океане перед Гибралтарским проливом. Критий говорит о цепочке островов, что тянулась к западу от Атлантиды, — «так что тогдашним путешественникам легко было перебраться» с них «на противоположный материк» [Америку. — **Т. Ш.**]. Платон сообщает, что власть жителей Атлантиды простиралась на часть того дальнего материка, а также и на некоторые земли «по эту сторону» Геракловых столбов [скалы Абилик и Кальпа Гибралтарского пролива. — **Т. Ш.**]. По размерам остров Атлантида превосходил «Ливию и Азию, вместе взятые» [Ливией древние греки называли известную им территорию Африки без Египта. — **Т. Ш.**]. Остров Атлантида имел форму правильного прямоугольника и с трех сторон обрамлялся горами, защищавшими от северных ветров; к морю был открыт с южной стороны. Вдоль границы равнины и гор проходил канал грандиозных размеров: глубиной около 25 м, шириной около 100 м и длиной около 1000 км. От этого обводного канала были прорезаны по всей равнине прямые каналы, которые тоже имели выход в море. По ним сплавляли срубленный в горах лес.

Далее в «Тимее» говорится о том, что атланты намеревались одним ударом покорить все народы по эту сторону Гибралтарского пролива, то есть народы Средиземноморья. Однако, по словам жреца из Саиса, «когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину... После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров...» Этими словами египетского жреца в «Тимее» и заканчивается повествование об Атлантиде, хотя текст произведения продолжается.

Другой рассказ об острове-государстве содержится в диалоге «Критий», где происходит разговор Крития-младшего с другом Гермократом. Критий напоминает собеседнику о том, что было поведано ранее ему и Сократу и продолжает свое сказание, подробно описывая древнюю родину афинян. Затем Критий рассказывает, что представляла собой Атлантида в тот момент, когда «боги поделили между собой по жребию все страны земли». Климат Атлантиды был исключительно мягким, небо всегда голубое, никакой зимы. Берега острова, сложенные белыми, черными и красными породами, круто обрывались к морю, однако среди гор лежали обширные равнины с очень плодородными землями.

После географического описания следует, так сказать, история государства, причем Платон сам предупреждает, что Солон имена богов и исторических персонажей, сообщенных ему жрецами из Саиса, переиначил на греческий манер. Итак, Атлантида досталась по жребию Посейдону. Здесь он женился на смертной женщине по имени Клейто. У них родилось пять пар близнецов-мальчиков. Старшего из первой пары близнецов — Атланта — Посейдон поставил «царем над остальными, а этих остальных — архонтами, каждому из которых он дал власть

над многолюдным народом и обширной страной». По имени Атланта, первого властителя Атлантиды, и назван океан.

Описывая богатства острова и его столицу — Город Золотых ворот, — Платон особое внимание уделяет сакральному центру города: «Обиталище царей внутри акрополя было устроено следующим образом. В самом средоточии стоял недоступный храм Клейто и Посейдона, обнесенный золотой стеной, и это было то самое место, где они некогда зачали и породили поколение десяти царей... Был и храм, посвященный одному Посейдону... Всю внешнюю поверхность храма, кроме акротериев, они выложили серебром и орихалком [неизвестный материал, видимо, смесь серебра с медью. — **Т. Ш.**], а стены, столпы и полы сплошь были выложены орихалком. Поставили там и золотые изваяния: сам бог на колеснице, правящий шестью крылатыми конями, вокруг него — сто нереид на дельфинах, а также и много статуй, пожертвованных частными лицами... Алтарь по величине и отделке был соразмерен этому богатству; равным образом и царский дворец находился в надлежащей соразмерности как с величием державы, так и с убранством святилищ». Благодаря постоянным доработкам правителей, старавшимся превзойти предшественников, здание дворца превратилось в поразительное по величине и красоте сооружение. Здесь извергались два источника: один — с теплой, а другой с холодной водой. Она, имевшая удивительный вкус и обладавшая целительными свойствами, отводилась в водоемы и к священной роще Посейдона, где росли разные породы деревьев необыкновенной красоты. Среди них расхаживали многочисленные животные, даже слоны.

Далее в диалоге Критий описывает «природу сельской местности». Рассказав о войске атлантов, Критий, опиравшийся на Солона, повествует о справедливых и мудрых законах первых царей Атлантиды. Однако «унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность... И вот Зевс, бог богов, блюдущий законы, хорошо умея устраивать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию. Потому он созвал всех богов в славнейшую из своих обителей, утвержденную в средоточии мира, из которой можно лицезреть все причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами...»

Этими строками обрывается диалог «Критий» — он остался незавершенным. Вскоре Платон скончался. Однако «Критий» не был последней работой великого философа. Значит, не из-за нехватки времени не закончил Платон это произведение. Полагают, что окончание диалога впоследствии было утрачено. Из рассказанного об Атлантиде в «Тимее» и в начале «Крития» можно понять, что последние слова Зевса предопределили судьбу *морально разложившегося* государства, хотя и поражающего многими своими достижениями даже наших современников. Зевс направил на Атлантиду карающие молнии, в результате чего эта страна-остров навсегда скрылась в морской пучине.

Атлантида в источниках после Платона

В современном мире нет, видимо, ни одного образованного человека, который не знал бы платоновский рассказ об Атлантиде. Ее загадка не давала покоя многим исследователям и ученым. В наше время собралось 25 000 публикаций, посвященных Атлантиде. Можно говорить о существовании особого научного направления, — атлантологии, под которой понимается отрасль современной науки, изучающая мировую историю и культуру не на протяжении последних шести тысяч лет, как пишут учебники, а в диапазоне десятков тысячелетий. Это научное направление чрезвычайно интересно и для ученых, и просто для пытливых людей своей масштабностью, длительностью изучаемых времен, противоре-

чивостью имеющихся фактов и, наконец, многочисленностью постоянно рождающихся догадок, версий и гипотез, которые так или иначе стимулируют развитие научного поиска. Ведь с какой бы целью (пусть и военной) не работали советские (равно как и американские) суда в Атлантическом океане, они значительно обогатили науку, сделали немало важных открытий.

История Атлантиды открывает простор для любых, самых смелых, предположений, научных догадок и литературных фантазий. С одной стороны, Атлантида — соединение мечты, духовной красоты и поэтичности. Кое-кто видит в ней начало земной мистики и уверен в том, что от працивилизации сохранилось нетронутым древнее знание, которое как раз и привлекало оккультные ордены и очень многих интеллигентов-романтиков. Для тех же, кто стоит на рациональной позиции, Атлантида была и остается захватывающей исторической и геологической загадкой. При этом понимается термин «Атлантида» обобщенно — как Суперцивилизация, существовавшая до глобальной катастрофы, до Потопа. А то, что такие катастрофы были, и не одна, в этом современная наука, как до того мифология, уже не сомневается.

Об Атлантиде, кроме Платона, писали и другие античные авторы: «отец истории» Геродот (V в. до н. э.), писатель и географ Посидоний (II в. до н. э.), крупнейший географ античности Страбон (I в. до н. э.), римский историк Диодор Сицилийский (I в. до н. э.), греческий ученый и общественный деятель Рима Плутарх (I—II в. н. э.), крупнейший неоплатоник Прокл (V в. н. э.). Все это прославленные имена. Однако самый известный философ Античности, к тому же ученик Платона — Аристотель — не поверил своему учителю. Именно по поводу Атлантиды он сказал известную фразу: «Amicus Plato, sed magis amica veritas» («Платон мне друг, но истина дороже»). Авторитет Аристотеля не только в эпоху Античности, но и в последующие века был настолько велик, что многие ученые безоговорочно приняли его приговор и сочли рассказ Платона выдумкой, мифом: с его помощью он якобы обосновывал свои представления об идеальном государстве. Другие, в большей или меньшей степени веря в правдивость Платона, пытались найти утонувшую Атлантиду в самых разных точках земного шара — вопреки приведенным в диалогах четким указаниям в отношении местонахождения затонувшего острова. Правда, эти поиски долгое время носили умозрительный характер, у них не было научного подтверждения.

Зато появлялись художественные произведения. Они давали возможность благодаря мифу об Атлантиде высказывать смелые идеи. Ведь утонувший материк и нельзя было серьезно изучать в эпоху Средневековья: по Платону он существовал за девять тысяч лет до Солона, а согласно Ветхому Завету, мир и всего-то создан Богом в 5508 г. до н. э.

Известнейший английский философ и ученый XVI—XVII вв. Фрэнсис Бэкон в утопии «Новая Атлантида» рассказал о загадочной стране Бенсалем, которой руководит «Соломонов дом», или «Общество для познания истинной природы всех вещей», объединявшее главных мудрецов этой изолированной от мира островной страны. В ней царит культ научно-технических изобретений. Хотя произведение Бэкона осталось незаконченным, но оно произвело большое впечатление на современников, а описанное научное содружество стало одним из образцов для учреждения Лондонского королевского общества, самого первого и самого авторитетного в Англии научного объединения. Общество обеспечило стимул к развитию научной мысли и технических новшеств, что предопределило быстрое промышленное развитие Британии.

Не сюжет произведения — он достаточно банален (путешественники попадают на таинственный остров), а описываемые Бэконом достижения Бенсалема больше всего поражают воображение читателей даже и сегодня. Приведу только один пример, хотя на самом деле перечисление научно-технических проектов занимает у Бэкона несколько страниц: «Есть у нас дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением, и со всевозможными цветами, и где

из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета (не в виде радуги, как мы это видим в драгоценных камнях и призмах), но по отдельности. Мы умеем также усиливать свет, который передаем на большие расстояния и можем делать столь ярким, что при нем различимы мельчайшие точки и линии». Вообще создается впечатление, что Ф. Бэкон определил программу научных исследований на столетия.

В XIX в. появилось особенно много художественных произведений об Атлантиде. В советское время из западных авторов огромной популярностью пользовался Жюль Верн. Понятно, почему — он рассказывал о научных достижениях, причем рассказывал ярко, образно, занимательно, увлекая страстью к познанию молодежь. А мы ведь формировались в эпоху научно-технической революции. Мой отец то ли привез из Москвы, то ли выписал (уже не помню) 10-томное собрание сочинений Жюль Верна, которое мы, дети, перечитывали множество раз.

Французского фантаста любили читать и взрослые. Не из его ли романа «20 000 лье под водой» взята идея о подводных сооружениях, якобы находящихся в Атлантическом океане, так удачно использованная как предлог для его скрупулезного исследования? В этом романе таинственный капитан Немо, путешествующий под водой на построенном им подводном корабле «Наутилусе», показывает руины Атлантиды своему невольному пассажиру — профессору Аронаксу. От имени последнего ведется повествование: «Живописные развалины, изобличавшие творение рук человеческих, а не творчество природы, представились моему изумленному взору. В этом бесформенном нагромождении камня, под пестрым ковром живописных животных-цветов, под покровом ламинарий и фукусов, заступивших место плюща, угадывались архитектурные пропорции зданий, дворцов, храмов». А далее еще завлекательнее: «И тут перед моими глазами возник мертвый город: развалины зданий с обвалившимися крышами, обрушившимися стенами; руины храмов с осевшими арками, с колоннами, поверженными на землю, но не утратившими солидных пропорций тосканской архитектуры; вдали — гигантские остовы водопровода; у подножия вулкана, занесенные илом, останки Акрополя, предвосхитившего Парфенон; а далее — следы набережной, все приметы приморского порта, служившего убежищем для торговых судов и военных трирем; а еще дальше — длинные ряды рухнувших зданий, пустынные провалы бывших улиц, — новая Помпея, скрытая под водами! И она возникала передо мною волею капитана Немо!» Профессор не сомневается в том, что перед ним именно затонувший материк: «Атлантида лежала перед моими глазами со всеми свидетельствами постигшей ее катастрофы!.. Так вот куда привела меня непостижимая судьба! Я стоял на вершине горы исчезнувшего материка! Прикасался к камням зданий, современных геологическим эпохам! Ступал по земле, по которой ходили современники первого человека! Под моими ногами хрустели кости ископаемых, живших в баснословные времена под сенью дерев, ныне обратившихся в камень!»

Широкой известностью пользовался и роман «Атлантида», тоже французского писателя — Поля Бенуа, но он создан в совсем ином ключе, уже полностью приключенческом, причем с некоторым оттенком эротики. Действие там происходит в Сахаре, где, по мнению автора, и находилась Атлантида. Эта идея всячески высмеивалась и тогда, и в наше время, а я считаю, что в ней что-то есть. Ведь если предположить, что Атлантида от удара астероида взорвалась, то огромные массы земли вместе с водой были подняты в небо, а затем пролились грязевыми дождями на север Африки, где высушенные солнцем твердые фракции как раз и стали Сахарой.

Буквально одержим Атлантидой оказался известный русский поэт-символист Серебряного века Валерий Брюсов. Он неоднократно обращался к этой теме в своем поэтическом творчестве. Так, венок сонетов «Светоч мысли» начинается сонетом «Атлантида». Там есть такие строки: «Впервые светоч из священных слов // Зажгли Лемуры, хмурые гиганты; // Его до неба вознесли Атланты. // Он

заблистал для будущих веков, // И с той поры все пламенней, все шире // Сияла людям Мысль, как свет в эфире».

В. Брюсов, как многие деятели его времени, руководствовался древней идеей, впервые для широкой публики озвученной теософкой Еленой Петровной Блаватской, о разных «человеческих расах», скорее, периодах в развитии человечества. Первые два периода — эфирные образования, то есть не вещественные. Из материальных существ разумными, согласно этой теории, являлись лемуры из затонувшего в Индийском океане континента Лемурия, причем они были гигантами. Вера в древних исполинов очень распространена и в наше время, даже раскапывали якобы в разных местах, например, на Кавказе, огромные скелеты и черепа. После гибели Лемурии знания, согласно оккультистам, передались их наследникам — атлантам, о чем и говорит в сонете В. Брюсов.

С 1916 г. поэт широко популяризирует идею Атлантиды, выступая с лекциями перед публикой. Он написал эссе «Учителя учителей», где проанализировал этапы развития древней культуры, в частности, египетской и критской, и пришел к выводу, что их генезис загадочный и непонятный. В. Брюсов отмечает: «Если допустить, что описание Платона — вымысел, надо будет признать за Платоном сверхчеловеческий гений, который сумел предугадать развитие науки на тысячелетия вперед, предусмотреть, что когда-то ученые историки откроют мир Эгейи и установят его отношения с Египтом, что Колумб откроет Америку, а археологи восстановят цивилизацию древних майя. Надо ли говорить, что при всем нашем уважении к гениальности великого греческого философа такая прозорливость нам кажется невозможной, и что мы считаем более простым и более правдоподобным другое объяснение: в распоряжении Платона были египетские материалы, шедшие от глубокой древности». Ведь Платон приводит множество конкретных подробностей в описании Атлантиды. Можно предположить, что во владении тайных мистических орденов оказались и другие, кроме диалогов Платона, письменные источники о затонувшем материке или материках: Лемурии, Пацифиде, Берингии. Разные писатели выхватывали из них отдельные, заинтересовавшие их детали.

Исследователь оккультизма Мэнли П. Холл в начале XX в. писал: «Почти все великие космологические мифы, лежащие в основе различных священных книг, включают ритуалы мистерии атлантов». То есть часть ученых, а тем более фантазеры-писатели, безоговорочно верили в существование Атлантиды и выводили из нее чуть ли не всю культуру человечества.

Видимо, не случайно Атлантидой интересовались зачинатели совсем нового направления в литературе XX века — жанра фэнтези — Роберт Ирвин Говард и Джон Рональд Руэл Толкин. Р. Говард, создатель романа «меча и колдовства», посвятил выходцу из Атлантиды цикл о Кулле. Его знаменитый и воплощенный в голливудской продукции могучий герой Конон-варвар — также потомок атлантов. «Для Толкина же Атлантида была предметом глубоко личным, связанным с почти мистическим переживанием, отражающим те глубины истории, в которых та неразрывно сливается с мифом. В 1936—1937 гг. Толкин работал над романом «Забытая дорога», где впервые сформулировал свою концепцию Атлантиды-Нуменора, перешедшую затем почти без изменений во «Властелин Колец» (С. Алексеев). То есть в этом известнейшем цикле, ставшем буквально культовым, особенно для молодежи, Атлантида выступает под другим названием — Нуменора, но легко узнаваема, и отсылки к ней многочисленны и прозрачны. Толкин, как и Говард, относит эту страну к доледниковой эпохе. И оба, несомненно, основываются на научных и оккультных источниках того времени, и даже более ранних работ.

Первым *научным* трудом современной атлантологии считается опубликованная в 1882 г., почти полтора столетия назад, книга американского ученого и сенатора Игнациуса Донелли «Атлантида — допотопный мир», вызвавшая огромный интерес и выдержавшая более пятидесяти изданий на разных языках.

Книга эта до сих пор не потеряла своей актуальности и привлекает читателей широтой мысли, научной аргументированностью, занимательным изложением. Геологические, океанографические, ботанические и иные научные исследования позднейшего времени, в том числе советских ученых, во многом подтвердили правоту Донелли.

Сенатор подробно анализирует тексты диалогов Платона и доказывает их правдоподобность. Оперируя примерами катастроф в историческое время, обосновывает возможность гибели Атлантиды с точки зрения геологии; привлекает результаты находок со дна морей, доказательства из мира флоры и фауны; сопоставляет мифы разных народов, лингвистические связи; сравнивает цивилизации Старого и Нового света, находя в них более сорока совпадений. Фактически книга, посвященная Атлантиде, представляла собой в популярном изложении обобщение итогов научных исследований за несколько предшествующих веков развития науки.

Гипотезы Донелли значительно опередили идеи его современников, и неудивительно, что его книга оказала огромное влияние на научное мышление и на дальнейшее развитие изысканий, связанных с проблемой Атлантиды и вообще наследия древности. Во многом на нем основывался и советский ученый Н. Жиров. Причем он полагал, что самыми вероятными местами, где располагался древний материк, являются район Азорских и Канарских островов, подводный архипелаг Подкова между Мадейрой и Португалией, Саргассово море либо Бермудские и Багамские острова.

Остановлюсь на нескольких ключевых положениях Игнациуса Донелли, несомненно, человека чрезвычайно информированного (уж сенатор-то точно пользовался тайными источниками). Он полагал, что:

1) Атлантида располагалась перед входом в Гибралтарский пролив в Атлантическом океане;

2) здесь была создана великая цивилизация, которая распространила свое влияние на Америку, берега Европы и Африки, Балтийского, Черного и Каспийского морей;

3) у многих народов остались предания о земном рае — это и есть воспоминания об Атлантиде;

4) боги и богини древних греков, финикийцев, индусов и скандинавов — это цари, царицы и герои Атлантиды; действия, приписываемые им в мифах, — искаженные воспоминания об истинных событиях;

5) мифология Египта и Перу — это на самом деле религия атлантов, поклонявшихся Солнцу;

6) самой древней и развитой колонией Атлантиды был Египет, где от атлантов осталось множество достижений;

7) металлы стали производить в Атлантиде, отсюда же происходит и алфавит, который мы считаем финикийским;

8) Атлантида погибла в катастрофе, однако небольшое число атлантов избежало гибели, добравшись на кораблях или плотах до суши на западе и востоке от затонувшего материка. От них пошли рассказы о происшедшей катастрофе, которые дошли до наших дней в виде легенд;

9) доказательства существования Атлантиды позволяют подтвердить правоту древних книг, намного удлиняют историю человечества, объясняют сходство между древними цивилизациями на противоположных берегах Атлантического океана, в частности, в архитектуре американских индейцев, древних египтян и шумеров. Появилась возможность найти «прародителей» современной цивилизации, источники наших фундаментальных знаний.

Все идеи И. Донелли, но уже на новом витке развития науки, подтвердил советский атлантолог Н. Жиров и другие специалисты, причем разных наук. В наше время атлантам приписывают и строительство пирамид в Египте, Месопотамии и Мексике; и наличие у них лазера, которым обрабатывались камни;

и поразительные астрономические знания; и культивирование некоторых растений, у которых нет диких аналогов (банана, кукурузы); и приручение лошадей, а также дельфинов; и наличие летательных аппаратов. Мне кажется, что и особая культовость золотых ворот во многих городах (Константинополь, Иерусалим, Киев, Владимир) — память о столице Атлантиды, Городе Золотых Ворот.

В XX веке резко возросло количество исследований, связанных с поисками Атлантиды. Ученые разных стран занялись изучением классических мифов, местных легенд разных племен, особенно тех, которые могли в далеком прошлом быть каким-нибудь образом связаны с этой погибшей цивилизацией. Данные таких областей науки, как антропология, геология, сейсмология, ботаника, лингвистика, мифология подтвердили, что когда-то действительно существовала суша в Атлантическом океане. Сначала это был, видимо, целый континент, который впоследствии раскололся на отдельные острова. В наше время стала укореняться идея, что в результате движения земной коры по подстилающему литосферу вязкому основанию, так называемой *астеносфере*, Атлантида как бы «съехала» со своего места вниз, на южный полюс, где покрылась льдом. Так что Атлантида — это на самом деле Антарктида! Почему-то эта гипотеза меня наиболее привлекает. Она дает надежду, что остатки древней цивилизации, на самом деле, существуют и когда-нибудь могут быть обнаружены под пластом льда. Мы Атлантидой заинтересовались, а наши дети ее увидят!

Факт существования Атлантиды позволяет решить ряд необычных и до того непонятных проблем во многих областях естественных наук, объяснить общность мифов и культурных памятников разъединенных в пространстве народов. Валерий Брюсов в работе «Учителя учителей» выразился следующим образом: «Атлантида необходима истории и поэтому должна быть открыта».

Современные методы исследований и анализ результатов дали новый толчок к изучению далекого прошлого нашей планеты, которое становится тем интереснее и важнее, чем выше прогресс в науке. На вооружении у исследователей ныне имеются значительно более совершенные средства и методы, чем когда-либо раньше. Например, используются самолеты, спутники и подводные аппараты, специальная локационная аппаратура, компьютеры. На помощь ученым приходит также прогресс в знании древних языков с использованием машинной расшифровки, методы правильной датировки находок. Жаль только, что интерес широкой публики к исследованию океана угас.

От советских времен у меня сохранились некоторые научные и научно-популярные книги об Атлантиде. Они совсем неплохо читаются и сегодня. Так, прославился разработкой этой темы ленинградский ученый и писатель Александр Кондратов, создавший трилогию «Атлантиды моря Тетис», «Атлантиды пяти океанов» и «Атлантиды ищите на шельфе». Это очень обстоятельные и строго научно выверенные исследования всех затонувших земель на планете, а их было множество, в том числе в близком к нам Черном море, о чем я уже писала в предыдущей публикации. Что же касается собственно Атлантиды, так сказать, материка-оригинала, А. Кондратов его существование тоже допускает.

Правда, в советское время среди серьезных ученых произошел спор о действительном месте нахождения платоновской Атлантиды и времени ее гибели. Камнем преткновения стали именно достаточно точные представления о дне Атлантического океана. Якобы геологи не допускают такого недавнего, по их меркам, опускания целого материка под воду. Стала преобладать точка зрения, что Платон имел в виду гибель Критской цивилизации в результате взрыва в 1470 г. до н. э. вулкана Санторин, находящегося в 120 км от Крита. В том, что эта катастрофа действительно произошла и даже нашла отражение в Библии («десять казней египетских»), сегодня уже ученые не сомневаются. Подтверждением Критской теории стала и очень хорошая в XX веке археологическая изученность этого самого большого греческого острова. Приверженец данной гипотезы, советский ученый Игорь Резанов в книге «Атлантида: фантазия или

реальность?», очень подробно анализирует критские находки и находит в них множество совпадений с описаниями Платона.

Однако в наше время, в начале XXI века, многие вопросы, связанные с Атлантическим океаном, оказались в науке сняты. Возобладала точка зрения, что Атлантида находилась там, где ее и поместил Платон, — в океане, перед Гибралтарским проливом.

Доказательства существования Атлантиды

В настоящее время накопились десятки, если не сотни, доказательств существования Атлантиды из разных областей науки. Приведу в очень кратком изложении лишь некоторые из этих доказательств, взятые из самых разных источников:

1. Тщательное исследование океанического дна вблизи Срединного хребта в Атлантическом океане, в частности, анализ взятых с глубин пробных образцов, изучение географии окрестностей, ледникового осадка, лавовой породы, кораллов, песчаных отложений и подводной растительности позволило найти убедительные доказательства того, что до девять—десять тысяч лет до нашей эры отдельные участки Атлантического хребта пребывали над океанической поверхностью (А. Кондратов). Претендующие на роль Атлантиды Азорские, Канарские острова, острова Зеленого мыса и остров Мадейра в наше время — всемирно известные курорты: здесь прекрасный климат, богатейшая растительность, источники с целебной водой — все то, чем отличалась и Атлантида.

Российский исследователь Алим Иванович Войцеховский, наиболее глубокий современный апологет Атлантиды, убедительно опровергает доводы геологов о невозможности опускания большой суши на дно океана. Дело в том, что в восточной Атлантике проходит зона огромных трещин — так называемый Азоро-Гибралтарский разлом, где Евразийская литосферная плита соприкасается с Африканской плитой. Они движутся относительно друг друга, поэтому это место значительной вулканической активности. Многие подводные горы в данном регионе когда-то были островами. Геологи тут не спорят: действительно, подводный архипелаг Подкова со знаменитой горой Ампер, так хорошо изученной в эпоху СССР, когда-то был сушей, но опускался под воду чрезвычайно медленно — геологи вообще оперируют миллионами лет. Однако А. Войцеховский решительно возражает: если рядом падает большое небесное тело, а Атлантида, скорее всего, погибла от падения астероида, то *опускание может происходить очень быстро* (по мифу — в одни сутки), так как океаническая литосферная плита, как более тонкая, от удара сломалась и поднырнула под континентальную, унося на себе острова или даже целый материк. Впрочем, выше я приводила и версию взрыва: суша как таковая поднялась в воздух вместе с тысячами тонн воды.

2. Чрезвычайно интригующей является тайна народа *гуанчей*, живших на Канарских островах к моменту завоевания их испанцами в XV веке. Внешне гуанчи были очень импозантны: высокие, статные, белокурые, голубоглазые. Именно такими, видимо, были настоящие кроманьонцы. Гуанчей считают пастухами, которые пасли стада в высокогорьях Атлантиды, и потому они спаслись, когда их родина ушла в пучины океана, оставив, однако, на поверхности несколько островов. О себе они думали вообще как о единственных в мире людях, спасшихся после бывшей когда-то в далеком прошлом загадочной катастрофы. На время открытия европейцами гуанчей последние находились на неолитической стадии развития, но в то же время, на удивление, владели некоторыми навыками высококультурных народов, например, техникой бальзамирования тел умерших. Известный норвежский исследователь Тур Хейердал нашел на Канарских островах и небольшие пирамиды, построенные гуанчами. Ими управляли десять королей, как и в Атлантиде, описанной Платоном. Многие другие особенности (например, язык свиста) делают народ гуанчей уникальным.

3. Не менее удивительна загадка Саргассова моря и угрей. Саргассово море — единственное море без берегов — находится в Атлантическом океане, примыкая к таинственному Бермудскому треугольнику, о котором я скажу в следующей публикации. В море практически нет течения, и оно сплошь заполнено водорослями. Дрейф здесь мучителен. На эту тему написал интересный роман «Остров погибших кораблей» советский писатель Александр Беляев, о котором я упоминала не раз (по роману снят фильм-мюзикл). Именно в Саргассовом море пресноводные угри, живущие в озерах и реках Америки и Европы (в том числе, и у нас в Беларуси), размножаются. Это чрезвычайно важное доказательство, которое приводит в своей книге «Небесный меч над Атлантидой» крупнейший западный атлантолог Отто Мук. Он полагал, что много тысячелетий назад путь теплому течению Гольфстрим преграждал огромный остров — Атлантида. Остров отбрасывал большую часть потока, принуждая его совершать круговорот в зоне нынешнего Саргассова моря, вбиравшего в себя в то время пресную воду рек Атлантиды. Этот круговорот соленой воды в бассейне, насыщенном пресной водой, представлял идеальное место для рождения и развития угрей — таковы биологические особенности этой змееподобной рыбы. В период икрометания угри спускались по рекам острова в прибрежный океан, где и откладывали икру. После гибели Атлантиды и ее погружения в бездну океана, а это произошло примерно 11—12 тысяч лет назад, исчезло препятствие для свободного движения Гольфстрима на север и прекратился круговорот воды в Саргассовом море. Однако инстинкт, выработанный многими поколениями, у угрей сохранился. Потому американские угри продолжают метать икру в западной, а европейские угри — в восточной части «зеленого моря водорослей». А далее плывут на эти континенты, причем их путь удлинился в смысле времени на несколько лет.

4. В настоящее время неопровержимо доказано, что, действительно, гибель Атлантиды, прорыв Гольфстрима на северо-восток и таяние ледника в Европе произошли примерно в одно время: в XI—X тысячелетиях до нашей эры. Когда Атлантида перестала препятствовать пути теплого Гольфстрима, он начал обтекать Европу, в которой благодаря этому очень быстро растаял ледник. В результате от масс воды были затоплены огромные площади на севере и в центре Европы; уровень Мирового океана и его морей поднялся примерно на 150—200 м, покрыв водой и прибрежные территории. О них в своих исследованиях говорит советский ученый и писатель А. Кондратов, а также уже и постсоветские авторы — тот же А. Войцеховский, В. Щербаков и А. Асов. Их интересуют места, связанные с так называемой «Восточной Атлантидой», то есть затопленными территориями Средиземного и Черного морей, имеющих отношение к формированию славянского этноса.

5. По обе стороны Атлантического океана (в Перу, Мексике, Египте, на Крите) во многом одинаковые обычаи и обряды (а известно, что обычаи изменяются весьма медленно). Из них основные: поклонение Солнцу и выведение генезиса своих правителей от бога Солнца; браки среди правителей между братьями и сестрами для сохранения чистоты «солнечной крови»; постройки пирамид; мумификация умерших; технология изготовления сырцового кирпича; наличие оросительной системы, водопровода и канализации в древних городах, раскопанных археологами; применение совершенно идентичного в разных странах ткацкого станка; похожесть в деталях одежды, сходная бронза, керамика; почитание животных из семейства кошачьих (ягуара, леопарда) и т. д. Совсем недавно на территории Мексики в районе проживания индейцев пуэбло нашли в ущелье идеально круглый город, пересеченный прямыми дорогами, ориентированными по сторонам света. Но именно таким был Город Золотых Ворот в Атлантиде.

6. Мифы о пришествии белых бородатых людей сохранились у всех народов, населявших Южную и Центральную Америку, от Перу до Мексики. Именно эта легенда чрезвычайно облегчила Кортесу завоевание Мексики: аборигены Америки, увидев белых бородатых пришельцев, приняли их за богов, когда-то

уже приплывавших к индейцам, и не оказали испанцам никакого сопротивления. А когда разобрались, было уже поздно. Большинство популяризаторов науки не сомневаются, что некоторые атланты спаслись, высадились на разных берегах и стали учителями человечества. Так, в 1984 году к югу от столицы Эквадора Кито во время работы в подземных тоннелях шахтеры обнаружили более 300 каменных изделий. Они ярко светятся в ультрафиолетовых лучах, на них инкрустации и непонятные знаки. Причем эти знаки очень напоминают так до сих пор и не расшифрованную письменность Хараппской цивилизации в долине Инда и письмо кохау-ронго-ронго на острове Пасхи. Это значит, что в древние времена на всей Земле существовала единая письменность, сохраненная во фрагментах, причем, как мы видим, в совершенно разных местах планеты.

7. Сохранились и некоторые необъяснимые артефакты, например, найденный в постройках майя, в 1927 году, череп, изящно изваянный в натуральную величину из кристаллического кварца. Ученые, исследовавшие его, пришли к выводу: он был выполнен людьми, принадлежавшими к цивилизации, которая обладала сведениями о кристаллографии не меньшими (если не большими), чем современная цивилизация. По подсчетам американских ученых, на создание черепа, то есть вытачивание его из цельного куска чистой кварцевой породы, потребовалось бы, по меньшей мере, 300 лет непрерывного человеческого труда, или труд шести человек, которые работали по 50 лет. «Этот натуралистический предмет с подвижной нижней челюстью и множеством призм, линз и световых трубок, придающих живость глазам и лицу, на удивление красив. Кварцевый череп обладает странными свойствами. Порой чуткие к подобным вещам люди видят вокруг него ауру, другие улавливают вблизи него сладковато-кислый запах... В его присутствии некоторым людям являются реалистические видения... Черепа и другие подобные предметы, тщательно выточенные из кристаллов кварца, помогали атлантам и их потомкам достигать повышенной восприимчивости и чуткости при созерцании собственного места во Вселенной...» (В. Кандыба). Сейчас таких черепов найдено уже несколько.

8. Жрецы-ученые Атлантиды якобы овладели тайнами вещества и тайнами человеческой психики, проникли в подсознание человека. Стремясь к постижению собственной природы и Вселенной, жрецы развили в себе мистические способности до такого предела, какого мало еще кто достигал. Воспоминания об их дарованиях сохранились в древних текстах. Часть их премудрости наследовала религия, часть — магия, часть — наука. Некоторые знания атлантов сохранились в Египте, составив значительную часть знаменитой Александрийской библиотеки. Когда арабы в VII веке заняли Египет, они сожгли манускрипты библиотеки, однако какие-то из них все же, видимо, сохранились. Вот почему арабы (скорее, евреи, как раз и сберегшие рукописи) вдруг оказались такими даровитыми алхимиками — было на что опираться. Осколки алхимических и оккультных знаний Атлантиды сохранились до наших дней в обрядах масонов и других тайных обществ, чьи истоки уходят в доисторические времена. Некоторые знаменитые люди, будучи членами таких обществ, кое-что почерпнули из древних книг, например, Леонардо да Винчи, Фрэнсис Бэкон, Исаак Ньютон, Йоган Вольфганг Гете, Игнациус Донелли и другие.

9. Атланты были первым торговым народом в мире, и от них остались тщательно выписанные карты, сохранившиеся в той же Александрийской библиотеке, откуда попали в Византию, которой до завоевания арабов принадлежал Египет с его столицей Александрией. После захвата Византии турками, в 1453 году, карты очутились в библиотеке стамбульского дворца Топкапы. Там одну из таких карт обнаружил в 1531 году турецкий адмирал Пири Рейс. Подобной картой, как сейчас полагают ученые, пользовался и Христофор Колумб, когда плыл в Америку. На этих картах Антарктида изображена безо льда (а в то время Антарктида вообще не была известна); Северная Европа покрыта льдом; показана обширная суша в Северной Атлантике, на месте Северного моря; Гренлан-

дия — с реками и горами: такой она была в доледниковую эпоху. Обширнейшие данные, на основе которых были созданы древние карты, было бы чрезвычайно трудно получить с поверхности земли — возможно, наблюдение производилось с воздуха. В Эквадоре в шахте совсем недавно найден гранитный валун весом 350 кг, на котором также выгравирована древняя карта мира. На ней узнаются практически все материки. Правда, нет полуострова Флорида и Карибских островов; полуостров Индостан гораздо больше; посреди Атлантического океана и Тихого океана — там, где сейчас и близко нет земли, — красуются большие острова (как полагают, Атлантида и Пацифида).

10. Наилучшим образом помнят предания о своих якобы предках-атлантах ирландцы и валлийцы из Уэльса. В древних легендах и старинных ирландских книгах сохранились рассказы о даровитых музыкантах, лекарях и строителях из «народа змеи». В «Книге Армага» (VIII в.), «Книге бурой коровы» (XII в.), «Книге о Вторжениях» (все они составлены на основе более древних источников) описываются последовательные волны пришельцев: немедов, формориев, фирболгов, туатхов. Они говорили на похожих наречиях, так как все происходили из Атлантиды (можно предполагать, из ее сохранившихся колоний). Все пришельцы запомнились как мудрые и сведущие люди, обладающие удивительными способностями. Видимо, от них происходит институт *друидов* — кельтских жрецов. Римляне беспощадно преследовали друидов и на Британских островах, и в континентальной Европе, а Юлий Цезарь приказал сжечь все их письменные памятники (как это сделал с книгами *волхвов* в X веке киевский князь Владимир во время Крещения Руси). Немногочисленные уцелевшие друиды в Ирландии в V веке были обращены в христианство святым Патриком. Валлийский фольклор изобилует рассказами о «древнем царстве», которое сгинуло в морской пучине. Книга «Миврианские древности Уэльса», выпущенная в 1870 г., но составленная на основе дохристианских источников, рассказывает о тех, кто спасся от страшного всемирного потопа и прибыл в здешние края под именем «детей Дона» на огромных кораблях без парусов.

Впрочем, потомками атлантов считают себя и берберы Африки, и народы Центральной Америки, и баски, живущие в Испании. Некоторые рьяные популяризаторы древних цивилизаций, например, В. Кандыба, и праотца Ноя считают выходцем из Атлантиды.

Удивительные свидетельства существования Атлантиды можно еще множить и множить, и с каждым годом доказательства прибавляются. Опровергать ее существование, как бы она на самом деле не называлась, становится все труднее.

Однако что же все-таки случилось с Атлантидой? Гипотез много. Приведу одну, о которой не раз упоминала, которая в свое время была доказана Отто Муком, а в последнее время принята большинством ученых. Имеется в виду падение на землю гигантского метеорита или даже астероида. Событие это совсем не исключительное для нашей планеты, на которой находится около 100 известных кратеров от упавших небесных тел. Только в XX веке зафиксировано три космических соударения: это Тунгусский взрыв (1908 г.), Сихотэ-Алинское (1947 г.) и Стерлитамакское падения (1990 г.). По данным Института теоретической астрономии РАН, падение на Землю метеорита диаметром 300 м со скоростью 15 км/сек составляет в тротиловом эквиваленте 2000 мегатонн (около 100000 одновременно взорвавшихся атомных бомб Хиросимы). Такой взрыв способен вызвать эффект «ядерной зимы». Упавшее тело еще большего размера уничтожит все живое на планете. В 9564 г. до н. э. на Землю упали либо осколки ядра кометы Галлея, либо астероид, который в атмосфере раскололся на две части: одна упавшая половина образовала Флоридский залив, другая — Карибское море. Называют и иную дату гибели Атлантиды — 11542 н. до н. э., так как именно с этой даты в древних календарях ацтеков, майя, инков, индусов, египтян, китайцев начинается новый отсчет времени.

Астероид пробил тонкую под океаном земную кору — вырвавшаяся магма смешалась с водой и взорвалась. Любая из космических причин (падение метеорита, столкновение с астероидом или пролет его в атмосфере Земли) всегда вызывает целый комплекс геофизических последствий: землетрясений, извержений вулканов, ураганов, цунами. Взаимно усиленные, все эти явления в самом деле могли привести к гибели как минимум небольшого материка, большого острова или совокупности малых островов. Последствия этой катастрофы были, согласно А. Войцеховскому, таковы:

— отклонение оси вращения Земли на 23,5 градуса (от удара Земля как бы наклонилась), в результате чего стала делать полный оборот вокруг Солнца не за 360 дней, как указывают все древние календари, а за 365 дней 5 часов 49 минут;

— перемещение и экскурс магнитных полюсов;

— мощные землетрясения и извержения вулканов;

— возникновение многокилометровых цунами, о которых так красочно повествуют мифы американских индейцев (см. «Неман», № 4 за 2014 г.);

— загрязнение земной атмосферы пылью, пеплом, сажей (это подтверждается данными глубинного обследования ледников Антарктиды, согласно которому 12000 лет назад атмосфера Земли была загрязнена в шесть раз больше, чем сегодня);

— изменение климатических условий на Земле, особенно в Северном полушарии: прорыв Гольфстрима, таяние ледника и т. д.;

— появление энергоемких атмосферных явлений: ураганов, тайфунов, смерчей и пр.;

— значительное поднятие уровня Мирового океана.

Польский ученый Л. Зайдлер так описывает обстановку после падения небесного тела: «Пыль от взрыва способствует конденсации водяных паров, а следовательно, выпадению дождей. Отсюда, несомненно, берет свое начало традиционный рассказ о потопе, вызванном ливневыми дождями...»

Атмосфера Земли была насыщена вулканическим пеплом. Ее помутнение могло продолжаться более 2000 лет. Человечество, пережившее этот хаос и мрак, утратило очень многие из своих прежних достижений.

Только в IV тыс. до н. э. возрожденное человеческое сообщество, до того медленно восстанавливая утраченное, делает гигантский рывок в своем развитии — с этого времени, собственно, и начинается отсчет истории Цивилизации. Три крупнейших очага культуры — Египет, Шумер, Хараппа (в долине Инда) — благодаря сохранившимся знаниям и навыкам от прежней Суперцивилизации распространили свое влияние на близлежащие территории. Однако, несмотря на весьма ощутимый прогресс, человечество еще далеко не достигло уровня развития Атлантиды. Возможно, это и хорошо...

Продолжение следует.

Валерий Анисенко: «Воля крепка и есть цель в творчестве!»

Валерий Анисенко, известный режиссер, актер, родился в городе Толочин на Витебщине. В детстве тянул трудовую лямку колхозной жизни: кормил коров на ферме, возил дрова из леса, в летнюю пору пас телят. Путь в искусство для него начался в похоронном оркестре — играл торжественные марши на праздниках, а в остальные дни — сонату № 2 Шопена на похоронах. Потом занимался в танцевальном, хоровом и драматическом кружках. В 15 лет впервые увидел выездной спектакль Театра имени Якуба Коласа. После представления спросил: «А где актеров готовят?» И узнал, что в Минске есть институт, где учат на артиста.

Летом 1961 года Валера Анисенко приехал в Минск и поступил на актерский факультет Белорусского государственного театрально-художественного института (курс Дмитрия Алексеевича Орлова). По окончании учебы Анисенко отправился по распределению в Витебск и два года блестяще (по отзывам критики) играл на сцене Театра имени Якуба Коласа. Талантливого актера приметил и пригласил на работу в Минск главный режиссер Театра имени Янки Купалы Борис Эрин. Но когда Анисенко перебрался, наконец, в Минск, Эрин ушел из Купаловского. Театр возглавил Валерий Раевский, с которым творческий тандем не сложился. Кипучая натура Анисенко не позволяла ему довольствоваться эпизодами. Он выступал на радио, вел концерты, «ставил голоса» студентам в качестве педагога.

Постепенно Анисенко осознавал, что его подлинное призвание — это режиссура. Четыре года подряд он просился на учебу в Москву и только с пятой попытки добился разрешения от самого министра культуры. В 1978 году Анисенко окончил Высшие режиссерские театральные курсы при Государственном институте театрального искусства, вернулся в Минск и занялся созданием Театра-студии киноактера.

В январе 1979 года состоялась премьера первого спектакля этого театра — «Утиная охота» по пьесе А. Вампилова. Спектакль шел в Красном костеле (тогда — Дом кинематографистов).

С ноября 1979-го по июнь 1980-го Анисенко работал главным режиссером Республиканского театра юного зрителя. После успешной премьеры спектакля «Спроси себя» ему вновь предложили должность руководителя Театра-студии киноактера, который существовал пока что на бумаге. Анисенко проконтролировал процесс возведения театра от первого заложенного кирпича до завершения отделки зрительного зала. На его сцене он поставил «Коммунист» по киносценарию Е. Габриловича и «Наедине со всеми» А. Гельмана.

Театр-студия открылся 31 марта 1982 года, а через полгода Анисенко оказался на улице. Театр у него вероломно отняли. Подробнее об этом можно прочесть в его книге дневников «Записки начинающего».

Следующие 18 лет Валерий Анисенко работал главным режиссером Белорусского радио. Здесь он создал свой радиотеатр, поставил свыше ста радиоспектаклей, преимущественно по произведениям белорусских авторов. 15 его постановок прозвучали в эфире всесоюзного радио, среди них — «Расплата» по В. Тендрякову (1985), «Мой друг, великий Человек» А. Петрашкевича (1986),

«Колосья под серпом твоим» по В. Короткевичу и «Мертвым не больно» по В. Быкову (обе — 1990 год). За постановки «Карьер» и «В тумане» по повестям Василя Быкова режиссер был удостоен Государственной премии БССР.

Во второй половине 1990-х годов Валерий Анисенко был фактически отстранен от эфира новым руководством. Но сидеть сложа руки было не в его правилах. Он вновь занялся режиссурой — на сей раз на сцене Республиканского театра-лаборатории белорусской драматургии. Поставленные им трагедии Шекспира «Ричард Третий» (1995) и «Макбет» (1996) были показаны на 49-м и 50-м Международных театральных фестивалях «Фриндж» в Эдинбурге.

С сентября 2000 года — директор и художественный руководитель Республиканского театра белорусской драматургии. За 11 лет превратил РТБД в один из самых успешных драматических театров Беларуси. Коллектив РТБД посетил свыше 50 международных фестивалей, откуда привез десятки призов. За это время Анисенко поставил более 30 спектаклей, ставших событиями в культурной жизни страны. За свои достижения был удостоен Государственной премии Республики Беларусь, Специальной премии Президента Республики Беларусь деятелям культуры и искусства, премии Президента Республики Беларусь «За духовное возрождение», Ордена Франциска Скорины.

С апреля 2012 года Валерий Анисенко возглавил Национальный академический драматический театр имени Якуба Коласа в Витебске. Словно по зову судьбы он вернулся художественным руководителем и директором в театр, откуда 45 лет назад уходил молодым артистом. Только за первый год своего руководства он сделал Коласовский театр третьим в стране по зрительской посещаемости (на первом месте — Большой театр оперы и балета, на втором — Музыкальный театр).

У Валерия Анисенко еще много замыслов, идей и планов. Он ставит в год по два-три спектакля, издал четыре книги — «Конспекты по Шекспиру» (1997), «Записки начинающего» (2004), «Исповедь дилетанта» (2011), «Попытка осмысления» (2012), — ведет торжественные мероприятия, снимается в кино, ведет курс режиссуры в Белорусском университете культуры и искусств.

Его суждения о судьбе, творчестве, театре лаконичны по стилю, глубоки по сути, точны по наблюдениям. 70-летний юбилей Валерия Анисенко — повод, чтобы обратиться к ним.

Не мне судить о моих творческих способностях, если таковые имеются. Но все, кто сталкивался со мной в деле, отмечали наличие характера. А характер у меня от мамы — Антонины Егоровны Анисенко.

Благодаря ей я понял, что самая сильная и преданная любовь — это любовь матери к детям. Я даже не помню, говорила ли она когда-нибудь слово «люблю». Но каждой своей клеточкой я это всегда ощущал. Ради нас она рассталась с мужем, «глядевшим в рюмку». Ради нас не приняла его обратно, когда просился, — опасалась, чтобы дети не переняли его тягу к алкоголю. Ради нас не вступила в новый брак — боялась, что отчим станет обижать неродных ему детей.

Мама, как большинство ее сверстников, прожила каторжную жизнь. Тянула колхозную лямку с нами, четырьмя детьми. Гнула спину то на обработке льна, то на животноводческой ферме. Но характер у нее при этом оставался несгибаемым, гордым. В ней билось, наперекор тяжким обстоятельствам, созидательное начало. Всю жизнь мы с ней что-то строили: то пристройку к хате, то погреб, то сарай, то сажали сад...

Любила петь и плясать. И меня учила песням, танцам. Ее на все праздники звали.

В 1958 году городские власти взялись за электрификацию Толочина. Как назло, линия электропередачи закончилась на соседней улице. Наш дом остался без электричества, только с лампой-коптилкой. Рядом жили «заможныя», побогаче нас, соседи. Но только мама за свой счет (потом пришлось отрабатывать за столбы) провела электричество к нашей хате.

В нас, своих детях, души не чаяла. Мой старший брат Вова рано ушел на свои хлеба. В 15 лет уехал в Калининград и поступил в ФЗО. А я, младший брат Саша и сестра Эмма остались с мамой. Мама всегда хотела, чтобы мы выросли образованными людьми. Благодаря ее самоотверженности мы все трое закончили 10 классов, что в те времена случалось не в каждой благополучной семье. Эмма и я получили высшее образование.

Помню, учился на 3-м курсе Театрально-художественного института. Вдруг мне передают:

— Анисенко, спустись в вестибюль.

Спускаюсь. В вестибюле — мама. С клунком и... с букетом увядших полевых цветов. Это она приехала поздравить меня с Днем рождения. Оставив хозяйство, живность, хату...

На мою свадьбу вырезала из хаты пятую стену, чтобы как можно больше разместить гостей.

Сорин в спектакле «Чайка», 2009 год.

Приехав однажды в Толочин со спектаклем «Павлинка», артисты Купаловского театра были сражены приемом в нашей хате, который устроила им мама. Как я позже узнал, для этой обильной «вячэры» мама взяла в колхозе в долг кабанчика.

Возвращаясь как-то после выездного спектакля из Орши, а наша хата стояла у магистрали Минск—Москва, мы опять увидели из окон автобуса маму, стоящую с гостинцами на обочине и поджидающую нас.

Когда она состарилась, то переселилась ко мне. Каждое лето, с ранней весны и до поздней осени жила у меня на даче. Бывало, сядет (у нее болели ноги, поэтому я так строил дом, чтобы на полу не было ни одного порога), обопрется на костыль, и молчит... Долго... А мне все было недосуг поговорить — поднимал театр...

В последнее лето угасал ее интерес к жизни. 31 декабря 2004 года я вместе с дочерью и внучками заехал, чтобы поздравить с Новым годом маму. К ужасу своему обнаружил, что она не узнает нас... Мама забылась сном, а потом вдруг ее веки приоткрылись. Я увидел ее глаза. Они сияли каким-то тихим, глубинным блеском. Казалось, даже улыбались. Так мама простилась со мной.

Умерла она 5 января 2005-го. Ей шел 87-й год.

В первый прожитый без нее год я чувствовал бесконечную пустоту, острую жалость к себе, вселенское Одиночество. И все это при плотном режиме жизни театрального Дома. Первые полгода после ее смерти мне было тяжело играть спектакль о Марке Шагале «Полеты с Ангелом». Там мой герой часто вспоминал умершую маму. Произошло наложение. Мама и самой смертью работала на меня.

Так 2005-й стал первым годом моей самостоятельной жизни. Только теперь я понял, что был счастлив, пока мама оберегала меня. А сейчас — все... Виден конец пути... Какая жестокая мудрость жизни: как бы ни старался, невозможно до конца долюбить, дожалеть, допеть!.. Есть только мгновения счастья, все остальное — борьба, страдания, надежды...

Зачем вспоминаю я эти не нужные в общем-то никому детали? С одной мыслью: ничто не возникает ниоткуда. У всех есть свои корни. У меня они такие. Я — мамин. Характер и жажда жизни от нее, родимой.

Когда я требователен, настойчив и решителен, то характером в мать. Когда деликатен и обходителен, то в отца — Даниила Егоровича Анисенко. Эти черты мягкости, с поэтической жилкой, я усвоил у него.

В жизни он был незаурядным работягой. Сложенные им печи не дымили десятки лет, а топор в его руках звучал, как клавиши под пальцами виртуозного пианиста. В пристройке нашего дома он соорудил ветряную мельницу, которая молола зерно на зависть соседям. Ему заказывали и ткацкие станки для фабрики, и именные приклады к знаменитым тульским охотничьим ружьям. Все делал на совесть. Он мог сложить сруб дома без мха, так ювелирно выбирал пазы. Моя страсть к постоянному усовершенствованию собственной дачи — это тоже перешло ко мне от мастеровитого отца.

Однажды в молодости он решил, что скучно жить без велосипеда. Велосипед в те годы простому работяге приобрести было сложнее, чем сейчас вертолет. Так он своими руками смастерил велосипед. Из дерева. Приезжал на нем на свидания с моей мамой.

Потом обзавелся мотоциклом. И тут неуемная фантазия подсказала ему новые правила любовных свиданий. На небольшой ткацкой фабрике в Толочине трудилось много работниц из окрестных деревень, в том числе, и моя мама. После работы предстояло самостоятельно добираться домой. А это километров 5—7. Рейсовых автобусов в ту пору и в помине не было. Дело к вечеру. Идти далеко и страшно. А тут батька на своем мотоцикле подкатывает и обходительно предлагает:

— Мэмочка, садись, подвезу.

Она садится, он везет. По дороге мотоцикл глохнет. Как правило, в лесу. Заводился снова, как вы наверняка догадались, только после определенных событий.

Золотое у него было сердце. Но слабый характер. Перед выпивкой не мог устоять. Его «друзья» об этом знали и постоянно крутились рядом в день получки. Загулы у него случались продолжительные.

Мать долго терпела, но так и не смогла этого вынести. Разошлись.

Тосковал он без нас, детей... Виделись часто.

Когда он умер в 1969-м, мать провела у его гроба последнюю ночь. Не позволила похоронить отца, пока не приехали мы, его дети.

Через много лет я установил на его могиле памятник, на котором выбиты строки моего любимого поэта Рыгора Бородулина из стихотворения «Пакора», посвященного мне:

Тут не будзеш ты адзін ніколі,
Тут твая прытоміцца хада,
Тут твая і доля, і нядоля,
Тут твая віна, твая бяда.

Кстати, последнюю строфу стихотворения прошу оставить за мной:

Крыўды забярэ зямля старая,
Напамін прыцішыцца ў журбе.
Родны край ніхто не выбірае,
Выбірае родны край цябе.

Хочу, чтобы не забыли об этом, когда придет время...

Если в чем-то сомневаешься, прислушайся к внутреннему голосу. К этому едва уловимому, личностному мотиву. Расслышь его, поверь ему — и не ошибешься.

Помню, мне было лет семь, когда старшие приятели позвали меня в ночной поход. Я не сразу понял, что иду на кражу. Решили стянуть у соседки с подоконника банки с вареньем.

Ночью при свете луны отправились на дело. Зачем?! Ведь в каждой семье варили варенье... И вот ползем по бульбянику к хате. До сих пор помню эти

минуты. Тихо возникаем под окном, в открытую форточку лезет рука, открывает защелку. Я — на стреме. Распахнулась рама. Банки в руки — и мы растворились в темноте. Тут же открыли, съели. Мне это варенье показалось горьким.

60 лет прошло с той ночи. Мне до сих пор стыдно.

На этом эпизоде моя «воровская» жизнь и закончилась. А ведь могла иметь продолжение! Но внутренний голос меня остановил. И я его услышал, что самое важное! Не тогда ли начал взращивать характер?

Тот же внутренний голос позже, когда я после 8-го класса собрал документы для поступления в Кохановский техникум механизации, подсказал мне в последний момент — отказаться. Быть механизатором — это не мое. Рожден я для другого.

Потом еще неоднократно я прислушивался к этому еле слышному голосу. И надеюсь, с годами не утрачу способности его распознавать.

Режиссуре *специально* я нигде не учился. Хотя диплом Высших режиссерских театральных курсов при ГИТИСЕ имени Луначарского в Москве (с отличием!) у меня есть. Так что формально все в порядке. Но весь путь мой в режиссуру — это самообразование.

Этот путь начинался с конспектов студенческих лет во времена учебы в Белорусском государственном театрально-художественном институте на курсе Дмитрия Алексеевича Орлова. Затем первая режиссерская попытка — возобновление в 1965 году на сцене Театра имени Якуба Коласа нашего дипломного спектакля «Белоснежка и семь гномов». Потом актерская работа в Театре имени Янки Купалы, работа в качестве педагога по речи на курсе Владимира Маланкина в 1971—1975 годах — вот тот багаж, который давал пищу для анализа, размышлений, поисков.

И, конечно же, литература — специальная и художественная. Встречи с ведущими театральными режиссерами во время учебы в Москве, спектакли разных московских театров делали главное — я постепенно спускался с Небес на Землю, переходил от умозрительного ощущения таинственного мира театра к конкретному пониманию профессии.

Мой переход в Купаловский театр после двух блестящих (по отзывам критики) лет в Коласовском театре оказался никому не нужен, до «своих ролей» у купаловцев я не дожил. Пришлось играть роли второго плана. И здесь важно было не выбиться из ансамбля. И уж если удавалось взять одну-две-три ноты в общем ансамбле-спектакле, то и совсем хорошо. А хотелось же пропеть всю мелодию. Целиком, свою.

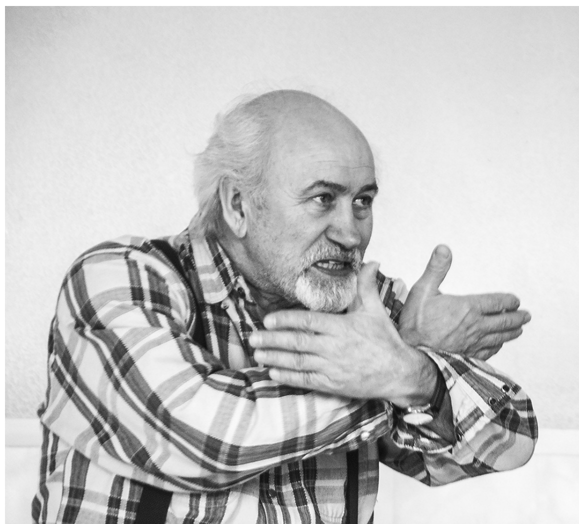
Одним словом, жизнь советского артиста на нищенскую зарплату, постижение глубин любимой профессии и туманные перспективы не давали покоя, заставляли думать и искать. И вот все, что годами вызревало, к концу 1970-х воплотилось в Дело. Нужно было начинать.

И я начал в 1978 году, в тридцать четыре года, путь в режиссуру. Начал с «Утиной охоты» Вампилова в Красном костеле (тогда — Дом кино). Этот путь продолжается по сей день. Каждый новый спектакль — еще одна веха на нем. Один Бог знает, сколько он еще продлится. Хотелось бы, подольше.

Белорусская театральная режиссура последних тридцати лет — это режиссура формы. В умении придумать спектакль, найти броскую форму и экстравагантное решение — в этом порой не откажешь.

Но ведь путь театра не только в форме. Режиссер этой волны не обладает, по-моему, главнейшим качеством: желанием и, естественно, умением заниматься педагогикой режиссуры, т. е. способностью, тщательно разрабатывая замысел, столь же глубоко вырабатывать свою методику достижения результата.

Убежден, режиссерский почерк в большей степени есть методология его работы. В этом смысле настоящий режиссер индивидуален. И строя спектакль по общепринятым законам театра, в способе достижения цели и, прежде

В работе, 2012 год.

всего, в работе с актером всякий раз является первопроходцем и многие «Америки» нашей профессии открывает заново.

Исходя из убеждений своей правоты, артисты отчаянно бросаются в бой с режиссером. Он может быть открытым, а значит — спор-доказательства с обеих сторон, и тебе, режиссеру, необходимо победить, и ты, как правило, побеждаешь, если есть замысел. Хуже, когда спора нет, но есть глухое сопротивление. В таком случае предстоит длительная борьба. Но необходимо идти к разрешению конфликта. Ибо только в полюбовном согласии возможен положительный результат.

Во всех случаях режиссер обязательно держит «внутри себя» весь спектакль. И частенько соглашаясь с артистом, давая ему большую свободу в рисунке роли, режиссер должен чувствовать предел, за которым — разрушение замысла!

Режиссер должен находиться как бы на постоянном боевом дежурстве. Ибо в новых предложениях не будет недостатка. Нужно уметь отобрать их. Не ранить артиста, не пригасить его инициативу. Более того, делать артиста как можно чаще автором идеи, находки. Пусть и подсказанной тобой, режиссером, еще три дня назад. А сегодня возвращенной тебе как «личное открытие». Пусть. Не надо жадничать. Лишь бы на пользу спектаклю.

Почти четверть века, с начала 1980-х, я мечтал поставить Чехова. И понимал, что психологически еще не готов к этому. Не готово к нему было и советское, а потом и постсоветское общество. Для нас же Чехов оставался автором завтрашнего дня. И вот этот «завтрашний день» для меня наступил. В 2007 году я представил на суд общественности одну из самых неоднозначных пьес классика — «Иванов». А в 2009-м — «Чайку». Причем риск заключался не только в том, что я предлагал очередную, может, тысячную, версию бессмертной комедии, но и в том, что отважился вслед за героем пьесы — Костей Треплевым — поставить ее в естественных декорациях, в природном ландшафте — на своей даче.

На премьеру пригласил театральных критиков, общественных деятелей, работников искусства. Перед спектаклем волновался чрезвычайно. К счастью, требовательные зрители оценили нашу работу высоко. Я даже обращался к Министерству культуры с предложением придать театру на моей даче статус постоянно действующего. Жаль, не нашел понимания...

Так вот в процессе работы над Чеховым я открывал для себя новые глубины его драматургии, в том числе, и пророческое предсказание многих экологических бед нашего времени. Не об этом ли известный монолог Нины Заречной? «Мировая душа» всего сущего раз в сто лет спускается на землю, чтобы предупредить нас о грядущих катаклизмах, а мы ее не слышим. В том, что нас сегодня то заливает, то засушивает, то колотит землетрясение, виновата не природа. Это результат нашего варварского отношения к природе. Возможен конец света, а мы возимся со своими комплексами и недостатками, мучаем один одного. Вот о чем чеховская «Чайка»! И мне показалось очень важным донести эти мысли-предупреждения до нынешнего зрителя.

Я в театре работаю уже почти пятьдесят лет. И все это время слышу, что наш театр переживает глубокий кризис.

По моим наблюдениям, театр всегда в кризисе. Зачастую этот кризис приобретает прагматичный оттенок. Не поставишь хороший спектакль — вот и кризис. Не ходит народ в театры — снова кризис. Глубинный же кризис происходит в душах и к театру имеет лишь косвенное отношение.

Приведу вот какой пример. Пару лет назад я вернулся из Варшавы, вышел из поезда. Недалеко от выхода меня перехватывает таксист почти моего возраста. Идем к его машине. Я корчусь от боли — спина дико разболелась. Волоку тяжелый чемодан. А он шествует рядом и поливает грязью власть. Дескать, и то у нас плохо, и это... Подошли к такси. Он не помог мне ни поднять чемодан, ни в багажник его положить. Я сам это сделал, потом боком, кое-как сел в салон. А когда приехали, показал этому водиле доллар и сказал: «Ты мог его заработать. Но вместо того, чтобы мне помочь, ты ругал власть. Так разве власть виновата, что ты сейчас лишился доллара? Это же твоя работа — помочь пассажиру, улыбнуться ему, приятное сказать. А ты?..»

Я это к чему? У нас всегда кто-то виноват в наших проблемах, только не мы сами. Это наш чудный Советский Союз так разбаловал — чувство хозяина своей судьбы вытравил, а чувство иждивенца — привил. И выкорчевывать эту инфантильность еще лет триста будем. В наших театральных грехах тоже принято перекладывать ответственность на кого-то другого, чаще всего — на чиновников. Но что мы, деятели сцены, делаем для того, чтобы залы были заполнены, чтобы чаще появлялись спектакли-потрясения?

В том-то все и дело. Ныть надо поменьше, а заниматься черновой работой побольше. Надо гордиться профессией и соответствовать ей.

Когда мне исполнилось 37 лет, мои перспективы в жизни и в режиссуре выглядели очень туманными. Ободрил меня... футбол. Точнее, телепросмотр международной встречи по футболу: ЧССР — сборная Европы. Это случилось 18 августа 1979 года. Очень я порадовался, когда сборная Европы одолела чехов. Тренером сборной Европы был наш соотечественник Константин Бесков. Я хорошо помнил, как в 1967 году его «попросили» с поста главного тренера сборной СССР за второе место в финале первенства Европы. И вот, спустя 12 лет, пришло его время — команда под его руководством стала лучшей на континенте.

Помню, тогда я подумал, что сейчас и у меня все складывается не лучшим образом, начальство душит творческие замыслы, некоторые актеры в труппе катят на меня «телеги» с жалобами в ЦК. Но в 50 лет я обязательно стану мэтром! Повторится история с Бесковым: как у него в футболе, так у меня — в театре. Надо только не менять стратегию, в суете и каждодневных делах не позабыть свою высшую цель.

Самонадеянность? Скорее, глубинная вера в себя. Ведь ничего не несли мне на блюдечке. И мое сегодняшнее положение — плод непрерывных усилий. И чтобы не отчаяться, всегда полезно вспоминать опыт людей, которых судьба не единожды награждала ударами, но которые находили в себе силы подняться и добиться успеха. Ведь подлинное величие заключается не в том, чтобы не знать неудач, но в том, чтобы сегодняшнюю неудачу превратить в будущую победу.

Когда в 1981 году возводился театр-студия киноактера (в тыльной части кинотеатра «Москва»), я часто наведывался на стройку, поражался ее размаху, думал о будущем театра — и ощущал гнетущий страх. Да, да, брал меня страх от мысли: «*Неужели это все, что развернуто, имеет отношение ко мне?*»

Все это напоминало мне случай из детства. Когда лез, не помню уже, в каком возрасте, в родном Толочине на высокое дерево. И страшно до жути, и хочется забраться на самую вершину. И знал ведь, что могу сорваться и разбиться насмерть. И дерево чем выше, тем раскачивается сильней, а все же лезу... Пока не добрался до макушки. Вниз аж глянуть страшно. И еще страшней спускаться. Но долез!

Так и в жизни. Все время карабкался вперед-вверх. И страшно иногда до дрожи, но лезу. Никогда не помню себя успокоенным на вершине. Вершина ведь всегда раскачивается.

Я часто думал — и тогда, в 1981-м, и теперь — о людях, которые достигали своей вершины, работали на высоте. Неужели они тоже страдали комплексом неуверенности? Терзались сомнениями, отчаянием... Этого по мне не увидишь. Я почти всегда произвожу впечатление уверенного человека, знающего цену себе и своим делам. А внутри!.. Ой-й...

С годами страх, схожий с пережитым в 1981-м, снова обнимал меня, но все реже. Чтобы избавиться от него, я часто приходил в пустой театр. Для меня это стало потребностью, своего рода бесплатными сеансами психотерапии. Я ходил по сцене, «обживал» ее, наполнял пространство фантазиями — и успокаивался. Все казалось уже не таким страшным и чужим. И вот изнутри меня согревала уверенность, что все смогу и выйду со спектаклем! Не боги ведь горшки обжигают...

Нас часто побуждают склоняться над корытом. Если невзначай поднимешь голову и увидишь над собой бескрайнее небо, звезды, то с непривычки можешь испугаться. Однако подлинная жизнь в том и заключается, чтобы почаще поднимать взгляд в небо и думать. И не только о себе. О жизни. О смысле. О времени. Ей-ей, помогает.

В детстве единственной связью с внешним миром была радиоточка — черная круглая тарелка, висевшая на стене над моей кроватью. Помню себя слушающим радио лет с пяти... Не давала покоя мысль: как же может уместиться в этой тарелке поезд? Все остальное — ладно, но поезд-то как... Как сейчас помню себя, тянущегося по стенке к приемнику, чтобы, упаси боже, не заскрипели пружины матраца и не проснулась мама, — посмотреть, разгадать... Что там?

Помню, с каким нетерпением ждал вечерних радиопередач, когда, наработавшись, набегавшись, с гудящими ногами забирался в постель и улетал в ту неведомую жизнь, что неслась из черной тарелки. Радио было самым желанным, самым таинственным и сокровенным другом.

Так продолжалось все мое детство и юность. Так вошел в мою жизнь радиотеатр. Голоса Леонида Рахленко, Бориса Платонова, Владимира Дедюшко, Веры Полло, Ильи Кургана, Лилии Стасевич, Лидии Ржецкой, Здислава Стоммы я хорошо различал и узнавал в радиоспектаклях. Вообразите мое состояние, когда в 1961 году к нам, первокурсникам Театрально-художественного института вошла Лилия Ефремовна Стасевич и представилась: «Я ваш педагог по сценической речи». Через год так же пришел Илья Львович Курган. Мне страстно хотелось быть хоть чуточку похожим на них, хотя бы когда-нибудь научиться *так* говорить, *так* читать. И спустя полвека я все еще учусь у моего дорогого Учителя Ильи Львовича, и все так же недосягаем он в своей духовности и мастерстве...

Вот с таким же восторгом вспоминаю свои первые пробы-испытания на радио. Попасть в круг радиоартистов считалось почетным. Я попал туда рано. И позднее, когда вошел в число ведущих актеров радио, я всегда среди прочих возникающих творческих предложений (ТВ, кино, эстрада и т. д.) предпочитал работу на радио, знал, что на меня здесь рассчитывают, меня ждут.

В 1976-м состоялся мой режиссерский дебют на радио. Я поставил получасовой радиоспектакль «Крик чайки» по одноименному рассказу Алеся Осипенко. На всесоюзном конкурсе радиоспектаклей моя постановка была отмечена как лучшая режиссерская работа не то в 4-х, не то в 6-ти номинациях.

Спектакль особенно запомнился работой с Леонидом Рахленко — выдающимся мастером сцены, многоопытным актером и режиссером. Даже теперь становится не по себе, как вспомню ту запись.

Леонид Григорьевич («папа», как мы звали его за глаза) читал текст ведущего. Простая, казалось бы, задача. И он, безусловно, делал это профессионально.

Но что-то меня не устраивало. Я добивался своего решения. Можно себе представить состояние Леонида Григорьевича: мальчишка, сопляк учит его, мастера... Запись, тем не менее, состоялась. Вместо получаса длилась час. Леонид Григорьевич выходит из студии, на лице красные пятна... Я бегу ему навстречу. Он спрашивает:

— Валерий, вы удовлетворены? Я выполнил все ваши указания?

— Да, да, Леонид Григорьевич, большое спасибо!

— Я свободен? Могу уйти?

Это был урок!

Теперь очевидно: я провел на радио свои лучшие годы.

Я активно постигал таинство эфира с 4-го курса театрального института. Помню, как взволнована была Ирина Борисовна Андреева (кстати, один из моих педагогов по мастерству актера), сообщая мне, что в музыкальную редакцию, где она работала главным режиссером, пришло письмо-отклик писателя и ученого Федора Янковского. Этот признанный авторитет в белорусской филологии поздравил редакцию с открытием интересного молодого голоса и предрекал ему счастливую судьбу.

— Это о тебе! — сияла Ирина Борисовна. — Ты представляешь, что это такое, получить благословение у самого Янковского!

Признаюсь без излишней скромности, что принадлежал к числу артистов-исполнителей, имевших, что называется, повышенный спрос у режиссеров радио (а именно режиссеры приглашали на передачу). Годами, как правило, 3—4 раза в неделю мой голос звучал в эфире и, конечно же, становился узнаваемым.

Помню, приехал в глухую деревню на Могилевщине, малую родину моего отца. Собственно, и деревни-то осталось три двора, где доживали одинокие старики. С Надей, двоюродной сестрой, мы подошли к одной из старушек, что копалась в огороде. Та вдруг направилась к хате.

— Можно попросить у вас кружку воды? — спросил я вдогонку.

Старушка остановилась, обернулась:

— Что, что ты сказал? Повтори!

— Водички бы попить, — ответил я.

Старая всплеснула руками:

— Ой, так я тебя знаю, знаю!

Телевизор в деревне почти не смотрели, а радио всегда включено...

Глубокая пауза хорошего актера порой требует многословного, а то и многостраничного рассказа, ее, паузу, толкующего**.**

Придя осенью 2000-го в Республиканский театр белорусской драматургии, я взял к постановке труднейшую пьесу молодого талантливого драматурга Николая Рудковского «Женщины Бергмана». Пьеса — парафраз фильма Ингмара Бергмана «Персона». Главная героиня — оперная певица, потерявшая голос, а молоденькая медсестра Лив пытается ее по-своему лечить, возвращать к жизни. Пьеса, собственно, и состояла из монологов Лив. Уже в процессе репетиций я узнал, что пьеса 7 лет пролежала непоставленной, хотя ее репетировали в двух академических театрах Минска. Более того, я приступил к репетициям на очень неблагоприятном эмоциональном фоне. Театр только что покинула основная часть труппы, на ходу латался репертуар. Думаю, до конца жизни не смогу забыть звонкий голос моей любимой актрисы Люси Сидоркевич: «Валерий Данилович, вы что, не видите, что мы не хотим вас?.. Вы же насилуете нас!» Она осталась в театре, ходила, как испуганный, раненый зверек. В ее огромных, распахнутых глазах стоял немой вопрос: что будет дальше? Обида, месть с моей стороны? Чего ждать? И рядом умудренная жизнью, талантливая и уникальная Татьяна Григорьевна Мархель. К тому же, единственная заслуженная артистка в труппе.

На одной из первых репетиций я сказал Мархель:

— Таня, ты опытнейшая актриса, и тебе ничего не стоит обмануть меня. Но ты сыграешь роль настолько, насколько будешь честна сама с собой. Я тебя не буду проверять. Все слова у героини Люси. Так вот, у тебя должна быть написана роль с не меньшим количеством монологов.

Постепенно на репетициях таял лед недоверия у Люси, все более разговорчивой становилась Таня. И если от Мархель я требовал как можно более мотиваций, слов на ее бесконечное молчание, то перед Люсей стояла другая задача. Я не разрешал ей пользоваться текстом роли. Буквально! Просил импровизировать, сочинять свой текст-подтекст на молчание партнерши... Можно сказать: предложил актрисам свой, неведомый им ранее метод репетиций.

Это был мучительный процесс. Постепенно, слово за словом, фраза за фразой, страница за страницей наполнялись смыслом, обретали связь и перспективу, появлялась свобода, импровизация. Уже целые монологи обретали жизнь вне текста. И, как следствие, вырастало личностное начало. Человеческие качества актрис стали неожиданно проявляться в роли. Помню ту звенящую тишину, когда Татьяна Григорьевна призналась Люсе в любви. Помню изумленное лицо, накрывшиеся слезой ее глаза. Наступило признание, открытие самих себя. Настал момент, когда мне необходимо было уходить в тень, не мешать... Незабываемые минуты... Их становилось все больше.

На премьере «Женщин Бергмана» наш ведущий критик Татьяна Орлова, сидя рядом со мной, шепнула:

— Что вы сделали с Мархель? Ее не узнать...

Этот шепот дорогого стоит.

Произошло главное: мы услышали друг друга, поверили друг в друга, приняли художественный метод и убедились в его правоте.

Татьяна Мархель написала-таки толстую тетрадь своих монологов. И перед спектаклем (я это видел) заглядывает в нее...

Мой театр — это все, что вокруг Человека, его души, его сердца, его сути. Идет тотальное наступление на психологический театр, формотворчество заполонило мир... Для меня же главным остается Человек и его вечная тема: кто я есть? В чем смысл жизни?!

Мода на все остальное приходит и уходит. Человек остается. И у нас есть великая школа исследования Человека, школа реалистического театра, школа Станиславского и Немировича-Данченко. И только на этой стезе нас ждет художественный успех. Нам ничего не остается, как быть талантливыми, а это значит, постигать систему, учиться.

Я знаю, что за рубежом несколько иной метод репетиций, чем у нас. Там актеры, приходя на репетицию, уже знают текст наизусть. У нас другая школа. У нас есть застольный период, когда читаем пьесу и разбираемся в ней. Сначала я читаю сам. Затем актеры читают по ролям, попутно я загружаю их событийным рядом. В итоге после прочтения пьесы актер должен абсолютно точно знать, что предшествует его сцене, чего он добивается в ней.

Недели через две я делаю первый прогон-читку. И тут выясняется парадокс: все, о чем договаривались, они забывают и... начинают играть! Решаются мизансцены. Я не придумываю их заранее, они рождаются из взаимоотношений. И это очень важный творческий акт! Не надо бояться ошибок, переиграть. Важно, чтобы артист был свободен. Но все время помнить: что ты хочешь в этой сцене?..

Режиссер обязан прочертить актерам все взаимоотношения по пьесе: кто, откуда, почему. Дальше возникают мотивировки, их может быть много, но все они должны, как мясо на шампур, нанизываться на сквозное действие. Спектакль строится на анализе, на точной действенной основе. Конечно, актеры будут

предлагать много своих подсказок и решений. И тут режиссер должен быть начеку. Случается, что режиссера по слабости его характера или отсутствия воли актеры часто подминают под себя и начинают существовать на сцене в удобном для себя режиме. И если режиссер поддается артистам, то он уже не отвечает за свой результат, это не его спектакль. Поэтому настоящему режиссеру должны быть присущи твердая воля и характер!

Вся придуманная конструкция роли не заканчивается в тот момент, когда артист выходит на сцену. Если к этому моменту актер усвоил подтекст своей роли, если он наполнен сверхзадачей, если знает, что хочет сказать и чего добиться, тогда он будет интересен публике. Зал мгновенно чувствует наличие такого знания в артисте. И тогда из теоретических разговоров-договоров должна начаться реальная сценическая жизнь, сочиняющаяся тут же, на сцене, сию секунду.

К сожалению, распространенная, банальная ошибка актеров заключается в том, что они начинают роль всякий раз сначала. Забывают биографию, убирают подтекст, а значит, глубину, и идет банальное озвучивание текста. Но ведь знание текста — это лишь одна из прерогатив профессии. Это далеко не вся профессия. Отсюда игра якобы в искусство, но это подделка. Роль начинается с утра, как ты встал, как проводишь свой день в подготовке спектакля.

Это очень хорошо разработано в русской педагогической театральной школе, основоположником которой является актер и режиссер Константин Сергеевич Станиславский. Его учение в начале XX века оплодотворило весь театральный мир. Школа Голливуда, как готовить себя к роли, — это школа Станиславского. Более того, ряд авторов невозможно сыграть, если ты не владеешь методом Станиславского. И сейчас, к сожалению, эта старая культура утеряна.

С актерами РТБД в Париже, 2004 год.

В 26 лет я чуть не стал писателем.

После развода я жил в Театре имени Янки Купалы в библиотеке на 7-м этаже.

Остро помню момент зарождения замысла рассказа. Помню себя сидящим на скамейке в сквере возле театра, записывающим на коробке спичек мелькнувший сюжет. Помню сильное желание добежать до стола, перенести все на бумагу. Помню, как складывались фразы, как искал точное слово... Помню зуд и нетерпение, охватившие меня.

Рассказ я написал по-белорусски. Назвал «Генкина обновка». В нем описал случай из детства. Мать подарила Генке — моему лирическому герою — новый костюм. В нем деревенский парнишка отправился пасти стадо телят. Он загнал их в болото, где, полагал, простоят часа полтора, как обычно, оставил свою обновку на высоких стеблях аира, а сам отправился на житнее поле, чтобы прокатиться на комбайне. Но когда вернулся, в ужасе обнаружил, что его новый костюм сжевал самый здоровый и самый вредный бык по прозвищу Свистун. Желая отомстить, мальчишка погнался за быком, начал нахлестывать его бичом и в яростном азарте не заметил, как бычий хвост обвил его запястье мертвой хваткой. Ревя от боли, Свистун рванул по дороге и поволок за собой потерявшего равновесие, кричащего от ужаса Генку...

Напротив театра, через сквер, стояло здание ЦК комсомола. В нем размещалась редакция журнала «Маладосць», главным редактором которого тогда был Геннадий Буравкин. Я отнес рассказ заведующему отделом прозы Владимиру Домашевичу. Он пообещал прочесть и попросил зайти «через неделю».

Зашел. Оказалось, Домашевич рассказ еще не прочитал, но попросил зайти «дня через три, предварительно позвонив».

Помню свою обиженную фразу: «А если бы вам материал принес Мележ, вы тоже тянули бы кота за хвост?»

Через пару дней Домашевич сам позвонил в театр, попросил зайти.

Прихожу в редакцию. Он вежливо усаживает меня в кресло напротив, начинает обстоятельный разговор: кто, откуда, чем занимаюсь, писал ли раньше... Рассказ похвалил. Помню, как я старался изо всех сил казаться серьезным и сжал челюсти, чтобы не разулыбаться...

Домашевич попросил, чтобы я добавил к рассказу еще один-два, и тогда меня напечатают под рубрикой «Дебют» с фотографией!

Вылетел из редакции, как на крыльях. Начал писать второй рассказ, грозивший перерасти в повесть. Назвал его «Осеннее воспоминание». Вновь окунулся в атмосферу поиска-рождения сюжета, подбора слов и т. д. И вдруг мелькнула мысль: «Что ты делаешь? Уже все написано. Есть Толстой, Горький, Шекспир, Тургенев. Куда ты-то?»

В редакции я больше не появился. Помню, вскорости встретился мне Буравкин. Он первый заговорил о «Генкиной обновке»:

— Ну, ты меня удивил, старик! Не ждал. Пиши...

Но запал уже прошел.

Рассказ так и пролежал 40 лет. Опубликовал его лишь в 2012-м в своей книге «Попытка осмысления».

Преподавание в Университете культуры было для меня счастьем, за что я бесконечно благодарен Ядвиге Доминиковне Григорович — бывшему ректору университета, личности выдающейся и уникальной... Работа с молодежью — это величайшая обратная связь и подпитка. Начиная занятия, я видел, что сегодня мои студенты желтороты и ничего не знают. Но я понимал, что завтра они будут знать больше, чем я. Поэтому говорил своим ученикам: «Я не все знаю. Но то, что знаю, знаю точно».

Я выходил на главную сцену страны в белом смокинге и вел концерт, и делал это профессионально. А через несколько дней ложился рядом со своими артистами на холодный стылый пол в спектакле «Чернобыльская молитва»,

несмотря на мой радикулит, а Таня Мархель посыпала нас зернышками. И поскольку не отстранялся от своих артистов, то имел право требовать от них того, что и сам делал.

Печально видеть, что многие нынешние молодые люди — душевные импотенты от рождения. Поэтому я занимался коллекционированием таких же, как я, живых. Планка, которую намечаю для себя, конечно, высока, но мне безумно интересно с молодыми. Мне есть что им сказать. Я искренен с ними. И они мне отвечают тем же.

Я побывал в Соединенных Штатах Америки, понаблюдал, как работают частные театры (других там просто нет) и должен признать, что рациональное зерно в их деятельности имеется. Работают они, конечно, на износ. Актеры могут днем трудиться, допустим, в конторе или в ресторане, а ночью репетируют. Играют они так, чтобы их спектакль покупали. Как только перестанут покупать, они ничего больше не заработают. Это резко контрастирует с иждивенческими настроениями, которые бытуют среди многих наших артистов. У них ведь по-прежнему «совковое» ожидание, будто кто-то что-то им должен. На самом же деле никто ничего не должен! Вот есть крыша — скажи «спасибо!», есть еще на сухари — дважды скажи «спасибо!» Остальное — зарабатывай выступлениями!

Моя бы воля — половину театров прикрыл бы. За непрофессионализм. Ходят по сцене, что-то бурчат, а после заявляют, что это искусство. Какое искусство?!. А здания, которые освобождались бы после разгона таких театров, сохранил бы как центры культуры... Почему какая-то талантливая студия должна ютиться в подвале? Вот, на, бери, создавай! Не получилось? Через полгода ты вылетишь! Вот так.

Полагаете, я замахнулся на святая святых? Так ведь мне зрителя жалко! Почему он вынужден смотреть какой-то бездарный коллектив, в котором артист уже 10 лет делает из спектакля в спектакль одно и то же? Можете назвать мне сегодняшнего лидера театрального? То-то и оно.

Меня так воспитали, что я — все время распахнутый навстречу жизни, знаниям... И чем больше живу, тем лучше понимаю, как мало знаю, и ощущаю ужас перед тем, что невежеству моему нет границ... Поэтому мое кредо — не останавливайся, учись, постигай!

Всегда найдутся люди умнее тебя, красивее, талантливее. Нужно не прятаться от этого, а просто это видеть. Тогда и чувство собственного достоинства будет распаляться на пользу делу.

«Горизонт уходит, я — за ним», — это, кажется, из Михаила Светлова. Умом понимаю, что так и должно быть. В том и состоит, наверное, мудрость жизни, что рождение и смерть — две субстанты, два главных момента — не зависят от тебя. И лишь в третьей составляющей, в самой жизни, ты можешь принять активное участие и хоть как-то выстроить свою судьбу.

Следы времени особенно отчетливо видны на близких людях, на друзьях... Но я-то, так мне самонадеянно кажется, не изменился.

Да, иногда что-то отказывает в теле, иногда забуду строку. Но Душа-то жива! Воля крепка и есть цель в творчестве!

Записал Егор КОНЕВ.

С точки зрения рецензента

Фальши — нет, искренности — да!

В современной белорусской детской литературе особое место принадлежит Нине Галиновской. Относясь к тем писателям, которые очень редко переходят в смежные жанры (Нина Васильевна иногда пишет и «взрослые» стихи), она — детский писатель по призванию. Неслучайно как-то призналась: «Пісаць для дзяцей — ні з чым непараўнальная асалода. Танюткія чалавечыя парасткі, і ў кожным — Сусвет, дзе жыве казка, трапяткая, нібы алянятка, гаючая, нібы трыпутнік. Калі пішаш вершы для дзяцей, здаецца, вяртаецца свет дзяцінства з росным лугам і шаўковай зверху, аксамітавай спадыспаду мацімачыхай. Васількі ў жыце, рамонкі на ўзмежках, карагоды кветак... Вось і малыя з васільковымі і вішнёвымі, шэрымі і зялёнымі, як мурава, вачамі глядзяць на цябе і просяць быць шчырай. Фальш яны ўспрымаюць адразу, гасне позірк і ты адчуваеш — недзе на фальшывай ноце недаравальна спатыкнуўся твой радок...» У Н. Галиновской около пятнадцати детских книг. Да каких! Которую из них ни возьмешь — открывается яркий, неповторимый мир детства, в котором все возможно, даже невозможное. Этот мир во всей своей многогранности и красоте раскрывается и в новой ее книге «Калі я шчаслівы», увидевшей свет в издательском учреждении «Выдавецкі дом «Звязда».

Но, насколько известно, всякого встречают по одежке. Издание для детей, думаю, — не исключение. Прежде чем знакомиться с произведениями Н. Галиновской, обращаешь внимание на художественное оформление книги. Оно, как говорится, на высоте. Отметим, что иллюстрации выполнены известной художницей Галиной Хинко-Янушкевич. Поэтому уже только из-за этого книгу хочется приобрести в качестве подарка детям или внукам. Однако известно также и то, что вначале все же было слово, в данном случае — поэтическое слово Н. Галиновской, а уже для того, что бы оно обрело свое изобразительное воплощение, и постаралась Г. Хинко-Янушкевич. В результате и появилась чудесная книга, которая, несомненно, будет востребована.

Этому, безусловно, немало посодействует и то, что Н. Галиновская очень часто встречается со своими маленькими читателями, легко находит с ними общий язык (отметим, что в свое время она работала воспитателем яслей-сада). Эти встречи, как правило, и заканчиваются приобретением ее книг. Конечно же, с последующим получением автографа. Поначалу же происходит живой, интересный, содержательный разговор с теми, для кого она пишет. Да и для кого, без преувеличения, живет, ибо видеть улыбающиеся лица детей — и есть истинное счастье для детского писателя. А возможность воочию убеждаться в том, что созданное тобой находит живой отзыв, разве это не удовольствие?

Мальчишки и девчонки же живо реагируют на произведения Н. Галиновской, ибо во многих из персонажей книг узнают самих себя. И не только среди любознательных, старательных, послушных, но иногда и среди озорников, непосед, а то и драчунов. Одним словом, такими, какими они и есть в повседневной жизни. А это так интересно — посмотреть на самих себя как бы со стороны. Немаловажно и то, что любимый художественный прием Н. Галиновской — говорить от имени самих маленьких героев, а это вызывает к тому, о чем рассказывается, еще больший интерес, доверие, а сами мальчишки и девчонки становятся и своего рода героями той или иной истории.

Как в стихотворении «Не магу зляпіць». Маленькая девочка, которая обо всем рассказывает, добрая и доверчивая. Она не принимает зла и по-своему с ним... борется. Как? Да так, как способен это сделать ребенок, у которого на все есть свой ответ, а, следовательно, и собственный выход из положения, когда нужно принять какое-то решение. Об этом и узнаешь из стихотворения:

Я зляпіла з пластыліну
Віні-Пуха, Бураціна,
Пуму, зебру і янота,
Чабурашку, бегемота,
А бабулю Шапакляк
Не магу зляпіць ніяк.
Не шкада, бяда малая —
Шапакляк такая злая!

Творческий успех сопутствует Н. Галиновской не в последнюю очередь потому, что она зримо представляет своего будущего читателя или слушателя, а это так же, как и во время встреч, помогает найти подход к мальчишкам и девчонкам. Первым это заметил замечательный детский поэт Станислав Шушкевич. Свою рецензию на ее дебютную книгу «Давайце пазнаёмімся» он не случайно назвал «Ключык да маленькіх сэрцаў». Станислав Петрович стал первым, кто не просто заметил молодую поэтессу, но и поверил в ее творческие возможности, понял, что перед нами талант и, как и к любому таланту, к нему нужно относиться бережно, создавая все условия для его становления и дальнейшего развития. Добрым словом Н. Галиновская вспоминает и Василя Витку, Евдокию Лось, Алеся Пальчевского, Сергея Граховского, которых также по праву считает своими литературными учителями. Что ж, сегодня, вне всякого сомнения, она их достойная ученица. Еще одно подтверждение чему — книга «Калі я шчаслівы», свидетельствующая о том, что ключик к детским сердцам у Н. Галиновской есть.

Она с одинаковым успехом выступает в разных художественных жанрах. В новом сборнике представлены стихотворения, сказки, шутки, небылицы и даже «Дзетсадаўскія прыпеўкі», а припевки в белорусской детской литературе на профессиональном уровне до Н. Галиновской, по-моему, никто не писал. Да и во «взрослой» они не в особом почете. В своих произведениях, насколько известно, припевки использовали Винцент Дунин-Марцинкевич, Янка Купала, Максим Богданович, Петрусь Бровка, Кондрат Крапива, Рыгор Бородулин...

Как оказывается, Н. Галиновской по силе и этот жанр. Причем, ее припевки настолько интересные, живые, что, несомненно, их смогут с успехом использовать воспитатели детских садов на утренниках. Придутся к месту эти произведения и во время проведения такого рода или близких к ним мероприятий в младших классах. Все написано просто, доходчиво, как того и требует этот жанр. Но просто, конечно же, не значит, что упрощенно. Важно и то, что припевки не лишены и юмористических элементов, адресованные детям — не исключение. Как и положено, особую роль выполняет зачин, который в «Дзетсадаўскіх прыпеўках» выглядит таким образом:

Весялей іграй, гармонік,
Ярка, сонейка, свяці.
Праспяваем мы сягоння
Аб дзетсадаўскім жыцці.

Содержание же этих припевок такое, что и у взрослого читателя вызывает улыбку, а что уже говорить о детях:

Паглядзіце на Ігнатку —
Стаў ніжэй і пахуднеў:
Ён спазніўся на зарадку,
Кашу манную не з’еў.

Скорее всего, можно найти среди городских детей таких, которые не знают, казалось бы, самого элементарного:

Запыталі ў Ягоркі,
Дзе расце цыбуля, морква.
— Ці ж не ведаеце самі:
Гэта ўсё расце — у краме.

Что и не удивительно, особенно если у кого-то из маленьких детей нет бабушек-дедушек в деревне, нет дачи.

Поэтическим «золотничком» воспринимается небольшое стихотворение «Флікер-ахоўнік»:

Мой вячэрні
спадарожнік,
Талісман
і мой ахоўнік.
Флікер быццам
светлячок:
Я відзён для ўсіх
здалёк.

Книга «Калі я шчаслівы» — многоплановая по своему содержанию, но если попытаться найти какой-то общий знаменатель, то им, по сути, является стихотворение, давшее ей название:

Клюшка са мной,
Мячык са мной —
Я рухавы.
Сонца са мной,
Кветкі са мной —
Я ласка́вы.
Мурка са мной,
Тузік са мной —
Я смяшлівы.
Мама са мной,
Тата са мной —
Я шчаслівы.

Если хорошо разобраться, «Калі я шчаслівы» — это даже не одна книга, а пять поэтических сборников, помещенных под одной обложкой: «Наша дружная сям’я. Запрашаю ў госці я», «Любім жарты, небыліцы. Будзем разам весяліцца». «Запрашаем у дзетсад. Павітайце дашкалят», «Так цікава з баем — казачкі ён бае» и «Любой парою года люблю цябе, прырода». Притом каждый из этих разделов, являющийся тематически самостоятельным, хорошо дополняет последующий, а вместе взятые они и создают книгу, которую в современной белорусской детской литературе вполне можно воспринимать как открытие.

Утверждая это, я нисколько не собираюсь умалять того, что написано, да и пишется для детей другими поэтами (как и прозаиками). Благо в детском литературном цехе сегодня уверенно работает немало талантливых авторов. Но Н. Галиновская — из

тех, кто относится к правофланговым. Работая в детской литературе по призванию, она держит художественную планку неизменно высоко. Так же постоянно придерживается того, что можно определить как ее творческое кредо: фальши — нет, искренности — да!

Это, при всем прочем, очень важно, если учесть то, что в последнее время наблюдается девальвация поэтического слова. Стихотворений, в общем-то, появляется много (хотя многие из этих «ребусов» не пригодны для детского восприятия), а настоящей поэзии — дефицит. Это чревато необратимыми процессами. И так с каждым днем становится все меньше почитателей поэзии. И не только в Беларуси. Если же не привить любовь к ней с детства, то в дальнейшем вряд ли удастся наверстать упущенное. Поэтому в приобщении к поэзии мальчишек и девчонок неоценимую роль выполняют такие книги, как «Калі я шчаслівы». Впрочем, как и все творчество замечательной детской писательницы Нины Галиновской, несомненно, делающей своих читателей более счастливыми.

Алесь МАРТИНОВИЧ

С точки зрения рецензента

О Браславщине, «Юшцы Вялеса» и основных отличиях документальной прозы от художественной

Только что перевернул последнюю страницу документальной повести Светланы Гук «Юшка Вялеса». Вернее, две последние страницы, что озаглавлены «Замест эпілогу», где один из главных героев повести, Стась, вновь обретает семью, вместо своих умерших матери и бабушки.

Перевернул и задумался.

Кроме Стася в повести «Юшка Вялеса» имеется и еще один главный герой, его приятель Михась. Впрочем, и Максима Павловича, учителя Опсовской школы-интерната, тоже можно отнести к главным героям повести, так как именно совместные путешествия всех троих по живописной Браславщине и можно назвать канвой документальной сей повести.

Документальной ли?

Опсовская школа-интернат (точнее, воспомогательная школа-интернат) существует в действительности, и, возможно, там и в самом деле преподает (вот только не знаю, какой именно предмет?) учитель Максим Павлович, а также работает воспитательницей Мария Ивановна. И даже дед Рыгор, сторож школы-интерната, может оказаться вполне реальным человеком...

Вот только директором этой школы никак не может быть ни упомянутая в повести Галина Васильевна, ни Вацлав Антонович (в повести именно он назван директором), потому как настоящим директором Опсовской воспомогательной школы-интерната является в настоящее время совершенно другой человек, а именно — Сажин Анатолий Эдуардович.

Так что, похоже, персонажи повести «Юшка Вялеса» вымышлены, а значит, документальной эта повесть никак быть не может?

Тогда, выходит, что это художественное произведение, тем более, что главные герои не только ведут между собой оживленные беседы, но и активно путешествуют по всей Браславщине. А Опсовский интернат просто взят автором как отправной пункт... тем более, что повесть эта совсем не о нем, а, скорее, о самой Браславщине, ее прошлом и настоящем, ее удивительной в своей первозданности красоте.

Впрочем, настоящим художественным произведением «Юшку Вялеса» я бы тоже вряд ли решился назвать.

Стась, Михась, Максим Павлович... они, вроде, и литературные герои... но я, увы, так и не смог увидеть в них настоящих, живых персонажей. Хотя, и действия какие-то происходят, и главные герои о чем-то между собой увлеченно беседуют...

Но все эти их беседы-разговоры какие-то на удивление однообразные. Максим Павлович постоянно повествует своим ученикам об истории и всевозможных достопримечательностях Браславщины, а Стась с Михасем внимательно слушают и лишь время от времени задают своему учителю наводящие вопросы. И так на протяжении, по сути, всей книги...

Впрочем, в «Юшке Вялеса» Стась с Михасем встречаются также с ксендзами Юрием и Андреем, с заведующим филиала музея Игорем Францевичем, с учителем Чеславом Яновичем. И все они тоже ребятам хоть что-то да рассказывают, что-то новенькое о Браславщине. Но одинаково как-то рассказывают... вот поменяй местами рассказчиков и абсолютно ничего не изменится...

Даже из уст дядьки Рыгора, сторожа интерната, можно услышать фразу, которую мог произнести и Максим Павлович, и ксенз Андрей... да и любой из вышеупомянутых персонажей:

«*Чайкі селяцца калоніямі, выводзяць птушанят. Арнітолагі налічылі, што тутэйшыя калоніі чаек найбуйнейшыя. У асобныя майскія дні, калі птушкі ўздымаліся над востравам, стваралі шчыльныя хмары крылатых шумлівых рагатуноў*».

Или вот еще:

«*У бліскучых каралях Браслаўскага краю Слабодка — самы бліскучы дыямент*».

Как-то слишком уж мудрено сказано, особенно для простого сторожа...

Сразу оговорюсь, что все это не в укор автору, ибо Светлана Гук и не стремилась написать настоящее художественное произведение. Главной ее задачей было как можно более полно познакомить читателей с Браславским краем, и с этой своей задачей Светлана Гук, на мой взгляд, справилась просто блестяще. Книга читается с интересом не потому, что читатели с замиранием сердца следят за приключениями юных героев (нет там никаких приключений, нет никакого развития событий и даже если переставить местами главы — абсолютно ничего не изменится в повествовании), а потому что, читая «Юшку Вялеса», словно сам посещаешь этот озерный край, знакомишься с его богатым и удивительным прошлым и не менее удивительным настоящим.

Взять, к примеру, главу «Відзы. Убачыць нябачнае». Небольшая глава, всего девять страниц, а сколько тут разнообразной интересной информации. К примеру, об известных исторических персонажах, уроженцах этих мест (один рассказ о непростом жизненном пути Томаша Ваужецкого чего стоит!).

И тут же легенда о происхождении самого названия Видзы, о том, как здесь излечилась от слепоты панночка, омыв лицо целебными водами...

А легенды о происхождении семи валунов возле деревни Луни, об озере Струста и острове Шова на нем, о святом образе Матери Божией Браславской... сколько в этих народных сказаниях самой настоящей поэзии!

Даже в небольшой главе, рассказывающей о прославленном докторе Станиславе Нарбуте, среди вполне достоверных сведений о его жизни и деятельности, нашлось место легенде. Будто пришло к нему, уже умирающему, озарение-рецепт микстуры долголетия, который он искал всю жизнь. Дрожащей рукой доктор успел записать этот рецепт, но, к сожалению, то, что он записал, никто так и не смог прочитать...

Такие вот легенды древнего Браславского края, органично разбросанные по всей, можно сказать, книге...

И такой же легендой, древней и поэтической, читается авторская «Прадмова» к «Юшке Вялеса»:

«*Галёкала Укля Поцеху на пацеху: не спіш, Неспіш?*»

Или вот еще:

«...узрадуецца Поцех. Употай і непрыкмет. Захіхікае, як стары злодзей.

Збярэ вакол сябе свежыя сілы з Дрывятаў і Снудаў, Войса і Балойса, Струста і Нядравы...»

И далее:

«…прачнецца Неспіш. Грымне посахам і пашле валачобнікаў у разведку: што ж гэта нарабілася ў царстве-гаспадарстве, пакуль ён спаў і сноў не бачыў. Лупане Неспіш кувалдай па хваіне, стукне ботам па купіне, здыме коўдру з вадзянога ложка і вып’е чарку медавухі».

Сочно, красиво... Хочется продолжения в этом же духе!

Но, увы, в главе «Начныя забавы лясных насельнікаў» никак не повторяется вся сочность и необычность «Прадмовы»... и как-то слишком уж обыденно ведут себя и Укля, и дзядуля Вялес. И даже, как все тот же Максим Павлович, друг другу многословно о Браславщине рассказывают.

Понимаешь, что это не они друг другу говорят, а автор — читателям книги... но все равно какое-то разочарование ощущаешь, что ли... Особенно после такой необычной и многообещающей «Прадмовы».

Хотелось бы еще упомянуть о прекрасных фотографиях Сергея Плыткевича и Светланы Дядинкиной, которые, в буквальном смысле этого слова, украшают книгу. И просто рассматривая их, понимаешь, насколько живописна и неповторима Браславщина... и хорошо, что здесь создан национальный парк, ибо где же еще, как не здесь, его создавать!

И вот что еще хотелось отметить напоследок.

Чем-то документально-художественная повесть «Юшка Вялеса» напомнила мне повесть Владимира Липского «Мілаграцкі конік» (напечатана в шестом номере журнала «Маладосць» за 2013 г.), хоть там события развиваются в противоположной стороне Беларуси, в полесской глубинке, точнее, в деревне Милоград.

Главные герои «Мілаграцкага коніка», Борис и Данаша, как и Стась с Михасём из «Юшкі Вялеса», тоже интересуются историей своей малой родины, а дед Явхим, как и учитель Максим Павлович, все им подробно рассказывает и объясняет. Точнее, не им, а читателям повести, ибо «Мілаграцкі конік» тоже, в первую очередь, краеведческая повесть, и только во-вторую — художественная. Впрочем, ее главные герои, Борис и Данаша, описаны все же более живо и интересно, нежели Стась с Михасем...

А начало такому вот «синтезу художественного и краеведческого» в белорусской литературе положено, на мой взгляд, еще Янкой Мавром, хоть, впрочем, его романы и повести никак не назовешь «документально-художественными». Художественные это произведения, причем, самой высокой литературной пробы.

***Геннадий* АВЛАСЕНКО**

Литературное содружество

Крылья поэзии

Будучи по натуре идеалистом, мечтая о совершенстве мирового обустройства, я очень трепетно отношусь к литературе. Считаю, что она, как яркая составляющая культуры вообще, все еще обладает способностью реализовывать на деле важный, очень важный, очень значимый лозунг: «Меньше агрессии там, где больше культуры». Особенно это касается поэзии. Можно даже подчеркнуть и написать с заглавной буквы — Поэзия...

Книга народного писателя Удмуртии Вячеслава Ар-Серги «Вслушаться в себя...» (Ижевск, 2012), в которой под одной обложкой собраны стихи, рассказы, киноповесть и даже интервью, все-таки начинается с поэзии. А начал свой творческий путь Вячеслав Ар-Серги с рассказов. Но вот сегодня активно работающий в разных жанрах, он, к чьему мнению, к чьим взглядам прислушивается, присматривается удмуртский (и не только удмуртский) читатель, все больше, все чаще обращается к поэтическим исканиям. Почему так происходит? Атнер П. Хузангай, чувашский литературный критик, культуролог, в послесловии к чебоксарской книге Вячеслава Ар-Серги «Засечки на тамге» так ответил на этот вопрос: «...Вячеслав начинал все же с прозы. Свой певрый рассказ он опубликовал в 15 лет. Назывался рассказ символически — «Которая дорога ведет к счастью?»

Потом было много книг. Самых разнообразных. Относительно жанров Вячеслав Ар-Серги универсален. Проза (рассказы, повести, романы), пьесы, сценарий первого удмуртского художественного фильма «Тень Алангасара», переводы (в том числе и «огненного ангела» чувашской поэзии Мишши Сеспеля), видеофильмы — и были стихи. Он упорно искал своего читателя-собеседника и, очевидно, находил его, предлагая ему самые разнообразные формы диалога, доверительного разговора...»

И еще — из послесловия Атнера П. Хузангая: «Они (стихотворения — А. К.) просты и порой даже обыденны. Обычная разговорная речь, задушевная интонация. Некоторые как бы содержат зерно сюжета для небольшого рассказа. Тексты о любви, признания в любви, объяснения в любви. Образ любимой может быть и вполне земным, а иногда лунным, солнечным...» Выходит: писатель выстраивает доверительный мост между своими открытиями, которые старается донести простым языком, и читателем.

И я бы еще вот что добавил, отвечая на вопрос о выборе... Вячеслав Ар-Серги, рассматривая весь мир с высоты своего личного опыта, с высоты своего образования, своего представления о мироздании, постоянно горит желанием соединить мировые высоты, мировые художественные открытия с опытом жизни удмуртского народа.

Притулилась деревня моя
К огромному шару земному.
Одиноко лежит колея,
Параллельно тракту большому.

Воробей перемерз до костей,
Но от страха чирикает в мат.
Не дождаться ему тут гостей —
Поле, лес да речной перекат.

Побреду под чирик воробья
По хрустящему белому снегу.
Ждет меня, как во льду полынья,
Колея моя к серому дому.

В полынье этой воду черпну,
В самоварчике чай сноровлю.
Самокрутку тугую сверну —
Родиною это — чохом обзову.

Пусть другим — другое,
Мне ж — оставь мое,
Не хочу чужое,
Лишь бы мне свое, —

утверждает, уточняет свой мир в стихотворении «Родина» Вячеслав Ар-Серги. И этим мне напоминает и наших белорусских поэтов начала XX века: Купалу, Коласа, Максима Богдановича, Алеся Гаруна, Владимира Дубовку. Не все из этой мощной «пятерки» сегодня известны в одинаковой степени. Но все они равны между собой в отстаивании родного, идущего из недр, национального жизненного опыта. Говорю о недавно написанных стихотворениях Вячеслава Ар-Серги, а перед глазами белорусский гимн Янки Купалы «А кто там идет?»

Созданное в 1905—1907 годах стихотворение сразу привлекло внимание писателей, поэтов разных народов. Не случайным кажется заявление Кайсына Кулиева: «Стихотворение «А кто там идет?» я знаю с юных лет. И переводил его с удовольствием. И потому, что оно чудесное, и потому, что я сын народа, который очень много испытал...» Наверное, слово в слово могли бы повторить сказанное балкарцем Кайсыном Кулиевым и удмуртские поэты, переводчики... Среди удмуртов впервые к переводу «А кто там идет?» обратился в 1915 году совсем юный Кузебай Герд — тогда он, еще будучи учащимся учительской семинарии, подписывался как Кузьма Чайников. В переводе К. Чайников несколько отошел от оригинала и по-удмуртски первая строфа звучит следующим образом: «А что там впереди виднеется// Кто там идет, кто идет? — // Удмурты...» Стихотворение народного певца Беларуси на удмуртский язык в последующие годы перевели еще Прокопий Чайников (в 1937 г.) и Гай Сабитов (в 1978 г.). В 1947 году Прокопий Макарович Чайников выступил и со статьей, посвященной Купале, в которой отметил актуальность, популярность произведений белорусского поэта, их большое значение для родной литературы. Отрадно, что стихотворение Купалы «А кто там идет?» переводилось на удмуртский на разных этапах развития удмуртской национальной поэзии. Возможно, к переводу белорусскго гимна обратится еще и Вячеслав Ар-Серги. Он — из числа тех мастеров слова, кто способен услышать голос гения, голос Купалы.

Из многих стихотворений автора книги «Вслушаться в себя...» мне очень нравится вот этот простой и легкий «ветер», вот этот монолог из трех строф:

Утренний ветер в окно —
То мои пальцы стучат,
Мотив, зарожденный давно...
Прогонишь — и ноты взмолчат.

Песни душевной мотив отыскал
Я на дорожках твоих,
Где без тебя я в печали шагал
И песню слагал для двоих.

Ты — без Тебя, ветер и я,
Трио стучится в стекло.
Ночь бессонная, как колея,
Паденье рядов домино.

Вячеслав Ар-Серги — из поэтов-искателей. Он прорывается в широкий мир образов, уподобляется утреннему ветру, привносящему радость ожидания и в жаркий летний день, и в холодный осенний туман, зимой и весной. Многие символы-образы привнесены в подарок читателю как яркие, оригинальные открытия самого В. Ар-Серги, никоим образом не из чужо-

го многотомья открытий и новшеств. Но в оригинальности удмуртского поэта — и школа миросозерцания другими культурами, другими литературами. Да, Удмуртия, удмуртский мир — это основа, это берег. Не случайно в книгу «Вслушаться в себя...» входит и замечательное эссе «Вы и не спрашивали: мои засечки удмуртским топором — как эскизы о национальном характере». Давайте обратимся хотя бы к одному его фрагменту: «Принципы жизни удмурта отлиты в формах его генетического мышления. Сообразность — как идеал. Впереди не мельтеши — затопчут, в середине не окалачивайся — задавят, сзади не отставай — отстанешь совсем и сгинешь... А будь где-то рядом с общей массой, сбоку. Там и увидится, что творится впереди, в середине, и в конце. Знай, что текущая по большаку масса — она не твоя, а тебе же — тропиночка, уже протоптана рядом. Мысль о том, что ты не лучше и не хуже других, а просто сам — *другой*, универсально вписывается в геометрию мозаичного панно удмуртского самосознания. Удмурту эта мысль очень импонирует. Она доходчиво объясняет всю суть его жизненных удач и неудач, определяя его сценическую роль. Там, где русский или татарин, или еще кто-то, будут заливаться радостным смехом или рвать на себе волосы от горя, удмурт сохранит свое невозмутимое лицо. Значит, так оно и должно быть...» И еще: «Изначальная удмуртская мысль о том, что ни роскошь, ни богатство не украшают человека, зиждется на простой рыболовно-охотничьей, промысловой памятной зарубке: он отождествляет самого себя не с венцом природы, а — с частью ее. А в Природе нет ни богатых, ни бедных...»

По характеру проникновения в национальный мир удмурта, живущего на планете Земля, Вячеслав Ар-Серги является прямым наследником Кузебая Герда (1898 — 1937). Читая в последние годы одну за другой книги нашего удмуртского современника — «Засечки на тамге», «Астры в снегу», «Дубрава на Луне», «Вслушаться в себя...», — не могу не провести такую историко-художественную, эстетическую параллель. Кузебай Герд и прожил по сегодняшним меркам всего ничего — 39 лет. А печатался всего-то 13—14 годков... Писать стихи, правда, начал в 12 лет, в 1915 г. создал в учительской семинарии рукописный журнал «Семинарское перо». Кстати, печатался под псевдонимами: «Такой-сякой», «Не кто иной», «Один из многих...». Первые книги: «Гусляр», «Цветущая земля», «Ступени»... Создал поэмы, пьесы-комедии. А еще — учебники для начальной школы: «Теплый дождь», «Новый путь», «Начальная геометрия», «Арифметика», «Окружающая нас природа», в которых все научные термины перевел на родной удмуртский язык. В мае 1932 года Кузебай Герд был арестован. Утеряны, исчезли рукописи двух диссертаций: по фольклору — «Удмуртская загадка»; по этнологии — «Родильные обряды и восточно-финская колыбель». Исчезли работы К. Герда «Удмуртский орнамент», «Удмуртские танцы», «Малмыжские песни», «Алнашские песни», роман «По жизни». Наш современник Вячеслав Ар-Серги — не только поэт, прозаик, но и автор драматических произведений, поставленных на сцене Удмуртского государственного национального театра. Немало сил вложил народный писатель Удмуртии в организацию такого творческого проекта, как «Библиотека «Ближние родники» газеты «Известия Удмуртской Республики». Писатель создал сценарий первого игрового удмуртского художественнгого фильма «Тень Алангасара». В. Ар-Серги активно работает как переводчик поэзии и прозы русских, татарских, марийских, венгерских, чувашских, белорусских, англоязычных авторов.

Есть у В. Ар-Серги небольшое стихотворение, скажем точнее — песенка, как подсказывает сам автор, — «Родник»:

Чуть засветло уходят рыбаки
На берега неведомой реки,
А я останусь с родником,
Что зажурчал сегодня под холмом.

Кораблик бумажный по волнам пущу
И об ушедших светло загрущу:
Им не прожить без великой реки,
А мне по душе мал-мала родники.

Чистой воды я в кувшин наберу,
Песню для милой нежней подберу:
Хватит воды для любви с родника,
Пусть уж не мне громыхает река.

Вот и поэзия Вячеслава Ар-Серги — чистый родник. И вовсе не беда, что ее ручеек тоньше реки, впадающей в море. Ведь и у самой большой реки есть начало, есть тоненький источник, бьющий из какого-то родника, из какой-то криницы.

В разговоре о поэзии автора книги «Вслушаться в себя...» иногда возникает и такая тема: «Известный ижевский писатель Вячеслав Витальевич Сергеев, взявший себе столь экзотически звучащий псевдоним, и стихи пишет тоже с известной долей вызова, грубовато-небрежные на взгляд читателей-пуритан, привыкших к более гармоничным творениям» (Виктор Широков). И еще: «К сожалению, восприятию ряда стихов мешает авторская неточность и грубоватость стихотворной тканки. Тот же Л. Аннинский, кстати, подвел даже теоретическую базу под различные неточности, окрестив их «шероховатостями» (из той же рецензии Виктора Широкова на сборник «Дубрава на Луне» в «Литературной газете»). Мне такие разговоры кажутся лишними. Вероятно, в случае с замечаниями, о «шероховатостях» следовало бы и говорить, а не возводить их в ранг некоей тенденции. И на так называемые «шероховатости» В. Ар-Серги заслужил и выстрадал право. Поэт говорит на своем языке, у него есть и эстетические убеждения. Читая его поэзию, я вспоминал дневниковые размышления народного поэта Беларуси Максима Танка: поэзия — это не только рифма и ритм, поэзия — это совершенство мысли и чувств, их единение...

Но книга «Вслушаться в себя...» — это еще и книга прозы, публицистических, гражданских откровений о литературе, о нашем непростом времени. Впечатляющим представляется уже упомянутое эссе «Вы и не спрашивали...», в котором Вячеслав Ар-Серги размышляет о судьбе удмуртского народа, о том, с какими убеждениями всматривается удмурт в окружающую жизнь, каково его мировоззрение. «Удмурт невероятно дорожит практическим мнением окружающих и буквально не может жить без него. Но эти мнения для него не более чем сырой материал, на основе которого он и строит свое, отдельное. Уже только лишь по своему проекту, уразумению и возможностям. В частности, обряд советования с супругой, домашними для него является важнейшим и непременным условием к включению его мозгового процессора. А решает он уже — сам...» Такой вот он, удмурт, такая у него жизнь, построенная на стыке рационального и эмоционального. На стыке прозы и поэзии. Такая и книга у народного писателя Удмуртии Вячеслава Ар-Серги — «Вслушаться в себя...», книга поэта, живущего в обычном и непростом мире тяжелой прозы.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Из почты журнала

Мой дед Петр

Рассказ-воспоминание

Когда смотришь на фотографии своих родных, в памяти, как водится, должны возникать отрывки каких-то давних воспоминаний, совместных разговоров, теплых встреч. Когда я смотрю на старую довоенную фотографию-сепию моих молодых деда Петра и бабушки Татьяны, у меня в подсознании возникают только неясные еле уловимые ассоциации, построенные на вкусовых ощущениях и на запахах влажного осеннего леса. Я чувствую на зубах горьковато-смоляной вкус мокрой еловой коры и хруст песка, а ноздри улавливают пьянящий запах багульника и болотной тины, стылой воды, наполненной торфяной черной крупой и еще сладковатый запах прелых осенних листьев и влажной хвои. А перед глазами возникает черно-черная чайная вода болот озера Палик и тонущая в этой таинственной страшной воде серая лошадь. Она бьется со смертью на последнем издыхании и огромные черные влажные глаза в кровавых прожилках смотрят на меня с последней надеждой. И к горлу подступает горький комок невыплаканных слез.

Я никогда не видел своего деда живым. Он навсегда остался в моей памяти молоденьким советским офицером с двумя кубиками в петлицах. Два кубика или как их называли в довоенное время, кубари, это воинское звание лейтенант. И память о молодом лейтенанте передается в нашей семье из поколения в поколение только по небольшой фотографии на стене и по рассказам его сестры Галины, которая ушла из жизни несколько лет назад. Жаль, конечно, что фотография на стене не оригинал, а копия, которую выполнили так называемые художники-самоучки, которые артелью после войны «ходили в заработки» по деревням и подновляли, ретушировали, а то и рисовали заново любые старые ветхие фотографии. С оригиналом этой старой фотографии и связаны те события, которые произошли в страшные годы войны. К счастью, у меня сохранился рассказ Галины Павловны Мядел, записанный на магнитофонную пленку и лучше я дам ей слово, чем пересказывать ее невероятную в своей горькой правде повесть о судьбе фотографии, на которой изображены мои молоденькие дедушка и бабушка.

Резко щелкнул тумблер цвета слоновой кости лампового магнитофона «Яуза 5», зашуршала коричневая магнитофонная лавсановая пленка по многочисленным резиновым валикам магнитофона и раздался тихий мягкий голос сестры Петра Мядела, Галины:

«Мяделы жили в Житьково под Борисовом с давних времен. Их дом в деревне стоял прямо за домом Адамейковой Анюты. Мой брат, Петр Мядел, был с 1913 года. А перед войной призывали с 20 лет, поэтому его забрали в Красную армию в 1933 году из Житьковского сельсовета. Петр вместе со своим другом Иваном пешком пришли на призывной пункт в Борисов. Петра записали в танковые войска, а Ивана в конницу. А Петр очень любил лошадей. На отцовском коне он летал по всему Житьково, ну как теперь хлопцы ездят по городу на машинах или на велосипедах. Ивану очень уж нрави-

лись танки и тракторы. Поэтому друзья попросились:

— А нельзя ли нам поменяться?

— Пожалуйста! — говорят в армии. Так и записали Ивана в танкисты, а нашего Петра в конницу. Петр окончил курсы офицеров и, получив звание лейтенант, служил в Печах под Борисовом. Очень любил молодцеватый офицер промчаться по деревне на боевом белом коне, покрасоваться перед хорошенькими деревенскими девушками. Посреди Житьково была высокая арка, так Петр на коне с ходу брал ее. Соседка Мяделов, Марфа Адамейко, ровесница Петра, сильно полюбила молодого офицера. И сама была красивая. Ее статная фигура останавливала многие взгляды воздыхающих по ней житьковских хлопцев. Она была первая швея на селе и очень хорошо пела. Неудивительно, что из семьи Адамейко вышла заслуженная артистка БССР Мария Адамейко. Но наш Петр говорил Марфе:

— Марфа, ты по фигуре и по всему мне нравишься, но в жены комсостава не подходишь!

Помню с детства, Петя любил порядок и чистоту. Но такой был шутник и такой весельчак. Никогда не был печален. Сядет, всматривается в мое лицо:

— Галя, а что это у тебя шевелится на бороде? — Смотрю, а он — цап за нос и так шутит всю свою недолгую побывку у родных. Привозил всегда мне подарки: новые башмачки и ткань. Просит маму:

— Мама, пошей нашей Галочке настоящую гимнастерку и юбочку солдатскую, чтобы были красивые кармашки и пуговицы блестящие!

Помню, пришла в школу, а учительница увидела меня и на весь класс объявляет:

— Ну, Галя Мядел, поздравляю тебя с обновкой!

А я еле-еле встаю из-за парты, голову опустила вниз, покраснела и заплакала. Мне стыдно, что все дети перед войной были бедно одеты, а я такая красивая. Пальтецо с цигейковым воротничком, шапочка-ушанка, ну вся я, как маленький офицер. Поэтому ничего военного потом не носила — все местные дети показывали на меня пальцем, что я одета лучше всех. Надо было быть равной со всеми. В 1939 году, когда Петр уже служил в Печах, то полюбил свою соседку по Житьково, молоденькую красавицу — Татьяну Балтинскую. Тане было всего 17 лет, такая была сильная любовь, что пришлось им ехать расписываться в Борисов, у нас в житьковском сельсовете таких ранних не расписывали.

В последнее увольнение Петя с Таней приехали в январе 1941 года. Утром они должны были уезжать в Печи, а я должна идти в школу. Мама говорит:

— Иди, доченька, попрощайся с братом.

А мы такие застенчивые и забитые дети были. Захожу в нашу светлицу, а Петр и Татьяна еще на кровати лежат, но уже не спят — улыбаются, смеются. Все вокруг белое, светлое, солнечные лучики играют в золотистых пылинках. Подхожу, робко прижимая книжечки:

— Ну, до свидания, я пошла в школу! — и все. Брат встал, решил обнять и ласково поцеловать меня на прощание, а я смутилась и быстро выбежала. А сейчас это прощание стоит перед моими глазами во всех подробностях каждый раз, когда я вспоминаю Петра. Это была наша последняя встреча в жизни. В скором времени их гарнизон перевели из Печей под Смоленск, где был военный городок Ярцево.

Началась страшная война. По Житьково пошел слух, что когда придут немцы, то будут раздавать паспорта и землю всем колхозникам. Колхозов больше не будет. А тут еще соседи говорят, что у озера Палик окружили нашу армию. Много солдат убили, одичавшие армейские кони бегают по лесам. Местные жители выловили тех лошадей и пристроили в своих хлевах — зачем пропадать добру, пригодятся в хозяйстве. Мой папа и говорит маме, а он всегда к ней обращался по имени отчеству:

— Наталья Михайловна, пойду-ка я на Палик. Может и нам в хозяйство

коня найду. Собрались еще соседские мужики и пошли к болотам, а это далеко, несколько десятков километров. Наконец приходят туда. А на тех болотах нет колхозных сел — вокруг чисто одни хутора. Устали мужики. Лето, жара. Увидели на одном хуторе колодец-журавль и зашли к старушке попить воды. Бабуля дает студеную воду и спрашивает:

— Откуда вы будете, хлопцы?

— С Житьково, бабушка. Нам сказали, что здесь военные бросили лошадей. Может и себе удачу здесь словим?

— С Житьково? Подождите, — говорит хозяйка. — Ко мне заходил один солдатик с Житьково.

— Офицер? — екнуло сердце у Павла.

— Не знаю. Они же все в одинаковых гимнастерках. Но солдатик оставил фотографию с наказом: если я останусь жив, то заберу карточку, а если что плохое случится, передайте карточку в Житьково — там сразу узнают, кому отдать.

И передает Павлу фотокарточку, где снят его сын Петр с молодой женой Татьяной. Павел обомлел от увиденного, даже ноги подкосились. Бросил все и бегом домой. Вбегает в дом и с порога, запыхавшись, восклицает:

— Наталья Михайловна, наш Петя здесь!

И показывает фотографию. Мама в слезы. Сидим всей семьей у окна, плачем, ждем всю ночь — может Петр вернется домой. А уже немцы сильно бомбить Борисов начали. Всю ночь зарево над городом. Такой ужас! На следующий день папа, мама и сватья Марья, мама Татьяны, собрали в узелок еду, гражданскую одежду и отправились на Палик:

— Пойдем, найдем Петю, уговорим, чтобы вернулся домой. И Таню нужно искать. Петя в письмах сообщал, что скоро у них будет прибавление в семье. Татьяна на сносях, наверняка, осталась под Смоленском.

Пошли все на озеро Палик к старушке, которая видела Петра. Снова неблизкий путь на болота. Нашли старушку, а та показывает на дорогу в лес и говорит:

— Только-только недавно пошел ваш солдатик от меня. Я его поила молоком. Вон туда идите в лес. Солдатики там прячутся. Его на серой кобылке отправили на разведку, как местного. Садитесь возле дороги, что идет в лес, и ждите. Он часто здесь проезжает.

— А что Петя знает о том Палике? Он же ни разу не был здесь, только знает, что было вокруг Житьково, — вздохнула мама и все пошли на дорогу ждать Петра. Сели и через какое время на самом деле едет серая лошадка и Петя на ней. В слезах рухнули родные ему в ноги. Он слез с кобылки. Похудевший страшно, небритый, немытый. Лицо красное, искусанное комарами.

— Мой сынок, поедем домой, — плакала мама навзрыд. — Мы тебе одежду принесли, еды. Пошли, сынок, вместе с нами. Отвоевался, будешь с нами жить.

— Мама! — говорит Петр и сам тоже в слезах. — Куда я пойду? Прямо к немцам в руки. Так тяжело началась война! Нас окружили — надо пробиваться к своим. Нет ни патронов, ни снарядов! С нами здесь еще несколько санитарных машин. Мама, я принял присягу, я должен воевать. Вот мы вчера вдвоем с бойцом сидим под мостом, а по мосту идут пять фрицев-разведчиков. Мы их всех убили, даже одного офицера. У офицера я забрал маленький пистолет — я его тебе отдаю. И еще вот — партийный билет и советские деньги. Документы и оружие хорошо спрячь! Таня осталась в Ярцево, может, немцы туда не дойдут!

— Сынок, пошли домой, — не унимается мама. — Таню нужно искать, дите у тебя будет, о нем надо подумать!

— Мама, я себе это не могу позволить. Домой? Сдаться немцам, чтобы они меня расстреляли? Стать предателем? Что будет, то и будет, или грудь в крестах, или голова в кустах.

И они со слезами расстались. И всю войну мы плакали, всю войну ждали Петра. Так и не дождались. Где-то погиб наш Петя на кровавом озере Палик. Глубокой осенью, а это был уже конец ноября 1941 года, подъезжает

к дому по снегу крытая серо-зеленая немецкая машина. Что случилось? Что понадобилось немцам в нашем доме? А из машины неуклюже вылезает измученная Таня с младенцем, завернутым в какое-то тряпье. Слезы. Радость и горе. У Петра родилась девочка. Чтобы доехать от Ярцева до Житьково, Тане пришлось отдать немцам все свое приданное — две золотые царские монеты. Где-то по дороге между Россией и Беларусью родила Таня девочку в деревенском доме. Слава богу, что есть на свете добрые люди, которые приютили беременную Таню. Посмотрели мы на девочку — ой, как она похожа на Петю! Назвали Ларисой, и остались они у нас жить, ведь у Балтинских стояли немцы. И еще одна страшная весть ждала Татьяну. Ее маму, Марью Балтинскую по доносу немцы арестовали через несколько дней после начала войны. А Марья перед войной вступила в партию и кто-то из местных на нее донес. Ее расстреляли в Борисове. Еще какой-то предатель рассказал немцам, что наш Петр Мядел — красный офицер, и где-то его рядом видели, и что мы его ждем по ночам. Поэтому иногда вокруг нашего дома немцы и полицаи устраивали засаду на ночь, чтобы поймать живьем красного командира.

Через два года после войны приснился мне Петя. Пришел к нам в военной форме, весь большой начальник в медалях. Какой-то очень высокий и постаревший, седой. Часто я его вспоминаю во сне.

Закончился ужасный 1941-й. Тянулись тяжелые годы войны: 1942, 1943-й. Вокруг Житьково по лесам стали собираться партизаны. Многие наши житьковские ушли в лес. Балтинские тоже ушли к партизанам, в том числе Таня с Ларисой в отряд «Дяди Коли» (отряд Героя Советского Союза П. Г. Лопатина). Иван Балтинский, брат Тани, был в отряде связным, и немцы знали об этом, поэтому Балтинские ушли из деревни первыми. Фашисты стали лютовать к концу войны, когда начали отступать, и партизаны им были как кость в горле. Немцы решили раз и навсегда уничтожить всех партизан в Борисовском районе. Осада озера Палик началась в апреле 1944 года. Было очень тяжело. Фашисты обстреливали лес из пушек, бомбили с самолетов, плавали на лодках с пулеметами по всему озеру. Все время над болотами висели самолеты-разведчики. Люди днями сидели по грудь в студеной болотной тине. Особенно трудно было с едой. Ели кору с деревьев, корни, мох. Хорошо, если найдут кожу от старой коровы или «заячью капусту». Невозможно было развести огонь и обогреться: дым костра сразу заметят немцы. Дети кричали день и ночь от страха, холода и голода. Животы у детей вздулись и ужасно болели. Тогда дали страшную команду: «Утопить детей! Или все погибнем здесь. Крик младенцев направляет на нас фрицев!» Такая участь ждала и маленькую Ларису. Стали готовить детей к смерти. Дед Павел сел в лодку. Не говорили же детям, куда их везут! Подвязали деду на плечи хрупкую исхудалую маленькую Ларису, ей было уже три годика. Отплыли дед и внучка по черной ледяной воде Палик, как в черный ад на лодке Харона. А Лариска намертво вцепилась маленькими исхудавшим ручками-косточками в деда. Обнимает за шею его крепко, наклонилась и дышит горячим дыханием деду на ухо:

— Дедя, мне страшно! Боюсь! — и плачет навзрыд. Наверняка что-то неладное предчувствовало детское сердечко. У деда вздрогнуло все внутри. Подступил комок к горлу, выступили слезы. Душу деда наполнило горячее чувство сожаления и сострадания: что же я делаю, старый! Как я потом жить буду, как смотреть людям в глаза? Если Бог решит, что нам умирать тут, то всем вместе.

— Не бойся, внученька! Мы просто погулять поплыли. Птичек посмотреть. Сиди, мое солнышко, тихонько на плечах деда, дед не отдаст тебя никому...

Повернул дед лодку назад. Приплыл снова на болотные кочки, на которых третий месяц сидели в осаде партизаны. Так внучка осталась жить. Но и это еще был не конец. Немцы гнали все дальше и дальше партизан в болота. В самую пучину, где

невозможно было спрятаться даже на кочках, а оставалось только утонуть в черно-рыжей тине. Закончилась поросшая мхом трясина, начались большие проталины ржавой воды. Измученные люди бежали как могли от смерти. Голодные, они едва передвигали ноги в вязкой топи. Проваливались по грудь в воду. Таня с Ларисой не могли дальше бежать. Воды было почти по плечи. Маленькую дочь Таня посадила себе на голову, чтобы та не замерзла и не утонула. Лариса уцепилась ручонками за волосы. А Таня держит еще в одной руке над собой узелок с последней сухой одеждой и документами. Из-за редких деревьев вдруг раздался плеск весел по воде — на их беду выплывает плоскодонная лодка с немцем. Он был так страшен, как призрак из болота. Весь в специальной зеленой одежде, на лице — зеленая сетка-чадра от комаров. Немец подплыл и резко показывает автоматом на узелок. Наверное, побаивался, что молодая партизанка спрятала в тряпье гранату или пистолет. Таня отдает узелок немцу. Не сводя автомата, тот развязывает узелок, поднял чадру, рассматривает содержимое, а там в одежде спрятано то многострадальное фото. И Петр в офицерской форме на нем. Немец криво улыбнулся, сразу все понял. Быстренько завязал узелок и автоматом показывает в лодку:

— Шнель, шнель! — мол, чтобы Таня лезла с дочерью к нему в плен. Хорошая добыча фашиста — жена красного командира с ребенком. Немец затащил в лодку Таню с Ларисой и плывут они через озеро Палик на другую сторону, где стояли фашисты в оцеплении. Таня сильно прижала Лариску на руках к себе и одна мысль крутится в ее голове: сейчас брошусь вместе с дочуркой в черную воду — утопну, чтобы не мучали нас дальше. Уже мысленно попрощалась Таня с этим светом, а в этот момент налетают наши самолеты и начинают бомбить озеро, и целятся прямо на видимые с воздуха немецкие лодки. Грохот, стрельба, столбы воды с водорослями и грязью поднимаются до самого неба. Таня съежилась над дочерью, чтобы осколком от нашей бомбы первой убило ее, а не Ларису. Немец бросил свою добычу, прыгнул с лодки в воду — и быстрее спасаться. Закончилась долгая бомбардировка. Немцы разбежались, но слышны далекие выстрелы и взрывы. Таня кое-как онемелыми от холода руками подгребает к берегу. Вдаль слышно наше: Ура! Показались наши наступающие солдаты. Подбегают к ним. Обнимают. Плач, слезы. Долго еще наши солдаты плавали на лодках. Звали, искали партизан с детьми по корягам и кочкам, которые не знали, что пришло долгожданное освобождение. Так летом 1944 года Балтинские вернулись с озера Палик в Житьково. Лучше сказать, их привезли на телеге, поскольку из-за голода двигаться у них не было сил. Настолько они были худые и изможденные, что ходили только держась за жерди забора. У Лариски постоянно болел живот — от голода развился асцит. Мы стали понемногу ее лечить и кормить: много сразу нельзя было есть и от еды можно было умереть. Парным молоком отпаивали. Продержи немцы еще месяц осаду на озере Палик — все партизаны погибли бы от голода. Перед отступлением фашисты сожгли Житьково. От нашего дома осталось только пепелище, по которому бегал и мяукал наш похудевший и одичавший кот. Добрые люди отдали нам клеть, где раньше держали кур. Мой папа был мастером на все руки: знал столярное и плотницкое дело, мог и печку сложить. Поставил он печь в той клети и все мы там жили несколько лет, пока после войны не построили хороший дом. Не дай бог кому такое пережить...»

Закончился рассказ Галины Мядел. Хвостик магнитофонной пленки, словно коричневая змейка спрятался в пластмассовой бобине. Наступила тишина, как торжественная минута молчания в память о моих родных.

Игорь СУРМАЧЕВСКИЙ

Авторы номера

СЕРДЮКОВ Николай Николаевич. Родился в 1948 г. в д. Хорошевка на Гомельщине. Окончил Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор многих книг прозы, среди которых сборник «Два бессмертия», двухтомник исторических повестей и миниатюр «Луна невенчальная», «На семи ветрах». Живет в Минске.

РЯЗАНОВ Алесь (Александр Степанович). Родился в 1947 г. в д. Селец Березовского района Брестской области. Учился на филологическом факультете Белорусского государственного университета, окончил Брестский педагогический институт. Поэт, прозаик, переводчик. Автор многих сборников поэзии. Лауреат Государственной премии Беларуси имени Янки Купалы. Живет в Минске.

ЛЕВАНОВИЧ (Леонов) Леонид Киреевич. Родился в 1938 г. в д. Клеевичи Костюковичского района Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат литературной премии Ивана Мележа и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живет в деревне Петрилово Вилейского района Минской области.

ГУРИНОВИЧ Федор Федорович. Родился в 1950 г. в д. Кривичи Солигорского района Минской области. Окончил Белорусский государственный университет. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Литературной премии имени Янки Мавра. Живет в Солигорске.

ЛУЧИЦКИЙ Михаил Александрович. Родился в 1972 г. в Минске. Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Печатался в республиканских периодических изданиях. Живет в Минске.

ШЕВЧЕНКО (Чеботько) Людмила Владимировна. Родилась в 1954 г. в д. Губинка Гродненского района Гродненской области. Автор сборников стихов «Состояние души», «В зеленом мае», «Я здесь своя...» и книги для детей «Праздничный пирог». Лауреат Республиканского литературного конкурса «Лепшы твор — 2010 года». Живет в Гродно.

МАЦЕВИЛО (Рудая) Нина Ивановна. Родилась в д. Лысица Брестской области. Окончила Минский государственный педагогический институт иностранных языков. Прозаик. Готовится к печати книга рассказов о природе и животных «Последняя гроза». Живет в Минске.

МУШИНСКАЯ Татьяна Михайловна. Родилась в 1958 г. в Минске. Окончила школу юных философов при Институте философии Академии наук БССР, факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэтесса, прозаик, театральный критик, журналист, либреттист, драматург, сценарист. Автор сборников рассказов и сказок для детей, повестей, сборников стихотворений и др. Живет в Минске.

ДЖО Алекс (Сломчинский Мацей). Родился в 1920 г. в Варшаве (Польша). Польский писатель, переводчик и драматург. Автор псевдоанглосаксонских детективов и милицейских повестей, среди которых «Я третий нанесла удар», «Лабиринты смерти», «Пусть найдут своих врагов», «Черные корабли», «Серая тень» и др. Кавалер Ордена Возрождения Польши. Умер в 1998 году в Кракове (Польша).

АЛИЕВА Лейла Ильхам гызы. Родилась в 1985 г. в Москве. Окончила Европейскую школу бизнеса (ESB), магистратуру МГИМО. Поэтесса, режиссер, художник, общественный деятель, главный редактор журнала «Баку». Ее стихотворение «Элегия» включено в школьную программу. Живет в Москве.

РОССЕТТИ Кристина Джорджина. Родилась в 1830 г. в Лондоне. Получила частное образование. Английская поэтесса викторианской эпохи. Автор шести поэтических сборников и двух книг прозы. Умерла в 1894 году в Лондоне.